

Анна Зиневская
Александра Гринберг

16+

ТЕМНОЕ ПЛАМЯ

АКАДЕМИЯ СУМЕРЕК

Annotation

Лишь самым достойным магам королевства Астрэ дозволяется из своей искры разжечь пламя. Мне, дочери светлых магов, эта честь была уготована с рождения. Но... моё пламя оказалось темнее безлунной ночи. Чернокнижница? Для меня это прозвучало как приговор. Дочь лорда, невеста стража? Теперь я – изгой, безродная чужачка. Защитить меня некому, спасти от тех, кто желает мне смерти, – тоже. Смогу ли я выжить на факультете тёмных магов? Вряд ли. Но выбора у меня нет.

- [Александра Гринберг, Анна Змеевская](#)

- [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
-

Александра Гринберг, Анна Змеевская
Академия сумерек. Темное пламя

Глава 1

Солнце плыло к горизонту – медленно, но неотвратно. Совсем скоро лето сменится осенью, день – ночью, а моя жизнь...

Ну, моя жизнь останется при мне. Однако прежней уже никогда не будет.

С нервным вздохом вернув на место тяжёлую портьеру, я отошла от окна и окинула взглядом уютную девичью спальню в нежно-голубых тонах. Наверняка я вернусь сюда ещё не раз, но... больше не смогу назвать поместье Сеймуров своим домом.

На ближайшие шесть лет моим домом станет Академия. Да и фамилию Сеймур мне осталось носить не так уж долго.

– Ох, великие звёзды! – всплеснула руками матушка, едва вошла и увидела меня. – Лили, почему ты до сих пор не одета? Роберт прибудет с минуты на минуту!

– Ничего, подождёт, ему полезно, – буркнула я, неохотно обуваясь в новые туфельки. – Мама, не суетись ты так! Я готова, всего-то осталось влезть в платье – слава всем небесным сферам, мы не в эпоху кринолинов живём!

Мама чуть нахмурилась, удивившись несвойственной мне резкости, но тут же улыбнулась и стиснула меня в объятьях. И я поневоле расслабилась. Как ни строй из себя почти-что-замужнюю леди, а материнская забота приятна в любом возрасте. Кто говорит иначе, тот просто лукавит. Ну или выпендривается перед друзьями.

– Отчего ты так волнуешься, милая? Тебя ведь приняли, осталась лишь формальность...

Прибыть на торжественную церемонию посвящения. Пройти через Горнило Небесного Огня... на глазах у всей Академии Сумерек.

Воображение – вот же зараза! – охотно нарисовало картину маслом: я иду к пылающим вратам и заваливаюсь бесформенной кучей, запнувшись о какой-нибудь камешек. Или, что ещё лучше, запутавшись в собственных ногах. Я становлюсь жутко неуклюжей, когда нервничаю.

– Я уверена, ты в своё время волновалась ничуть не меньше.

– Твоя правда, милая, – не стала спорить мама. – Но могу тебя заверить – бояться нечего! Ожидание – худшая часть.

Сделала пару глубоких вдохов, успокаиваясь, и не без помощи матушки облачилась в специально пошитое для этого вечера платье – чудесный летний наряд из переливчатого мелантского шёлка цвета лаванды, что придавал моим голубым глазам лиловый оттенок. И кольцо прекрасно смотрится.

Я взглянула на то самое кольцо – крупный розовый бриллиант, обрамлённый россыпью камней помельче, на свету переливался всеми цветами радуги. Роскошное украшение, но на моей маленькой руке выглядит нелепо. И будь выбор за мной, я бы предпочла что-то поскромнее, да только...

Ну да. Глупо ожидать, что наследник благороднейшего и древнейшего дома Лайтнинг будет скромненький хоть в чём-нибудь.

Ладно, и с этим тоже можно смириться. Если уж я научилась любить Роберта, то и это страшно красивое кольцо как-нибудь полюблю.

– Ты выглядишь чудесно, моя милая девочка, – поспешила уверить мама, по-своему истолковав мои гримасы. – Прекрасна, как упавшая с неба звезда! Роберт будет сражён наповал!

Окинула критическим взором своё отражение в ростовом зеркале, улыбнулась чуть надменно. Я не из тех девиц, что озабочены лишь своим внешним видом – по крайней мере, мне хочется так думать, – однако свою красоту принимаю как данность. К чему скромничать? Я и впрямь хорошенькая. Может, менее высокая и стройная, чем хотелось бы, но всё же вполне довольна тем, что есть.

– Надеюсь, что так.

Откровенно говоря, куда больше встречи с женихом меня волновала церемония посвящения. Роберт от меня уже точно никуда не денется, а вот пройти через Горнило можно лишь раз в жизни!

Стать посвящённым – заветная мечта любого астрийца. Любого из тех, в ком есть осколок павшей звезды. Небесная искра. Вот только не каждому изначальному магу позволено из своей искры разжечь пламя. Лишь самым достойным... ну, или самым обеспеченным.

Но порой и деньги ничего не решают – не всякая искра горит достаточно ярко. Я, дочь потомственных светлых магов, могла бы и не переживать на этот счёт, но...

Я набрала в грудь побольше воздуха и подарила своему отражению свирепый взгляд. Никаких «но», Лисандра Элайн Сеймур. Академия Сумерек – твоё право по рождению, и тебе абсолютно нечего бояться.

Мама церемонно взяла меня под руку и вывела в полутёмный коридор. Мы спустились вниз по широкой лестнице, миновали парадную залу и вышли в главный холл, где нас уже ожидал отец.

– Ваша дочь, милорд супруг, – произнесла мама торжественно. Правда, вышло так себе – её голос немилосердно дрожал от едва сдерживаемых слёз и явного избытка эмоций.

Конечно же, Аделаида Сеймур, в девичестве Мартин, – настоящая леди, как и подобает всякой дочери высокого дома. Однако никакие правила и титулы не могли по-настоящему совладать с её характером – живым, легкомысленным и подчас вздорным. Отца, впрочем, это лишь забавляло, и матушку он искренне любил – хотя, казалось бы, двух более непохожих друг на друга людей не сыщешь во всём Астрэ.

Это утешает. У нас с Робертом тоже не слишком много общего, но, глядя на родителей, я верила, что наш брак будет не менее счастливым. Почему бы и нет?

– Сферы небесные, Лита! Ты провожаешь дочь в Академию, а не в гроб, – проворчал отец. Однако сам оглядел меня с явным удовольствием и даже будто бы чуточку растроганно.

– Ты красавица, Лили. Совсем как твоя мама, когда я впервые её увидел.

Я улыбнулась и поблагодарила отца, хотя, похоже, в нём говорит сентиментальность. Между мной и матерью есть сходство, но лишь поверхностное – светлые волосы, светлая кожа, голубые глаза. А ещё миниатюрное сложение и весьма... женственные формы.

«Помяни моё слово, Роб – спустя два десятка лет и пару детишек твоя невеста жутко расплывётся!» – любила съязвить на этот счёт Ребекка, вредная младшая сестрица моего жениха.

Может, так оно и было бы – я отнюдь не худышка, обожаю сладкое и ничего не имею против пары-тройки детишек... ну, не сейчас, но когда-нибудь. Да только магия – штука хлопотная и энергии потребляет немерено, что с полнотой не очень сочетается. Вот и матушка выглядит прекрасно, несмотря на шестой десяток лет, троих

детей и любовь к сладостям, которую она разделяет со мной и моими младшими братьями.

С Карлосом и Кристофом мы ладим не в пример лучше, чем Роберт со своими сестрицами. Жаль, что они уже уехали, и вдвойне жаль, что увидимся мы нескоро. Если Академию разрешено покидать на выходные, то в Лирайском военном училище имени Бреннера Линча такой роскоши не дождёшься. Одни великие звёзды знают, когда я теперь увижу братьев.

И зачем только было отсылать их в такую даль? Мама тоже не в восторге, однако отец в своём стремлении сделать из мальчиков «настоящих мужчин и достойных сыновей рода Сеймур» был непреклонен. Спасибо, что я родилась девочкой и отучилась в обычной частной школе-полупансионе!

И минуты не прошло, как мажордом доложил о прибытии Роберта. Наконец-то мы с матушкой распрощались – ну в самом деле, будто я уезжаю не на пять дней, а на пять лет! – и отец повёл меня через холл к парадным дверям поместья.

– На полчаса раньше, а? – усмехнулся он. – Мелкому проходимцу прямо-таки не терпится наложить заgreбушие лапы на мою дочь.

– Папа, Роберт – порядочный человек!

– Роберт – несдержанный мальчишка, а ты куда красивее, чем он заслуживает. Невозможно тут быть порядочным, – снисходительно возразил отец, глянув на меня как на неразумное дитя. – Если тебе важно услышать это вслух, то я не против его... непорядочности.

Я едва не сбилась с шага. Не может же строгий и бескомпромиссный лорд Гаррет Сеймур в самом деле?..

– Что?

– Что? – он пожал плечами и снова посмотрел так, словно я... не блещу интеллектом, в общем. – Я знаю, каковы современные нравы, и знаю, каков твой Роберт. Он чуть душу из меня не вытряс, требуя назначить дату свадьбы и угрожая похитить тебя прямо из спальни. Думаешь, я поверю, что до дня середины зимы вы будете целомудренно держаться за руки? Дорогая, он тебе просто не позволит.

Он мне не позволит? А что насчёт моего позволения?!

Хотя... не уверена, что жажду знать ответ.

– Папа, ты же не серьёзно?

– Лили, он женится на тебе, хочет он того или нет. А он очень хочет. Я знаю, твоя мать – настоящая леди и тебя воспитала соответственно, но ваш с Робертом брак – вопрос решённый. Потому я лишь надеюсь, что вы будете осторожны. Понимаешь, о чём я? – Я машинально кивнула, всё ещё пытаюсь осмыслить тот факт, что мой отец спровадил меня в постель человека, которому лишь предстоит стать моим мужем. – Хорошо. Теперь идём, пока этот нахальный юнец не взял наш дом штурмом.

Как бы отец ни прохаживался насчёт Роберта, очевидно, что он в нём души не чаёт. И какой лорд откажется иметь такого сына – сильного и мужественного, посвящённого мага с хорошей репутацией и благородным нравом...

А то, что Роберт упрям как сотня боевых грифонов, бесцеремонен и самоуверен до безобразия – ну... Как говорит моя матушка: когда это было недостатком для мужчины? По крайней мере, сами мужчины именно так и считают. А я... что ж, я научилась любить Роберта с его недостатками. Это было не слишком трудно, когда он смотрел на меня так, словно я зажгла луну, солнце и все звёзды небесных сфер.

Прямо как сейчас, да.

Он едва ли не подбежал ко мне, стоило спуститься с каменных ступеней парадной лестницы. Замедлил шаг лишь в последний момент, чтобы чинно поклониться моему отцу, после чего столь же чинно, будто мы не подле моего дома, а на приёме у королевы, коснулся губами моей руки. По телу пробежала стайка мурашек, приятных и тёплых – Роберт, возможно, и не любовь всей моей жизни, но он мне приятен, симпатичен... нравится. Да и как может не нравиться кто-то вроде него?

Наследник почтенного и уважаемого лорда Ричарда, хозяина Блавенорских островов, красив ещё не мужской, но уже и не мальчишеской красотой, от которой впечатлительным девам впору падать в обморок и томно вздыхать в надушенные платочки. Высокий рост, каштановые кудри, пронзительно-синие глаза, черты лица столь идеальны, что впору выбить их в камне... Роберт безусловно красив, столь же безусловно богат, и из него наверняка выйдет идеальный муж, о котором просто обязана мечтать всякая девушка.

– Лили, ты выглядишь великолепно, – восхищённо проговорил он, так и не отпустив моей руки.

– Ты... тоже, – отозвалась я, улыбнулась ему. Возможно, менее радостно, чем стоило бы, но когда впереди самый важный день в твоей жизни, любовные интересы отходят на второй план.

– Ну же, Лили, разве так встречают своего жениха? – пожурил отец, отчего я изрядно смутилась.

Вот уж что-что, а прилюдные проявления чувств я считала чем-то неприличным. Всякие чувства любят тишину, будь то любовь или же злость. К чему демонстрировать то, что потом непременно будет обсуждаться во всяких гостиных? И отец об этом прекрасно знает. Что, впрочем, не помешало ему смотреть на меня эдак осуждающе.

Вздыхнув, я всё же коснулась губами щеки Роберта, на что тут же получила его сияющую улыбку. Будто последние недели, что мы не виделись, он только и ждал именно этого. Будто я сделала ему величайший подарок в мире.

Что ж, кажется, мужчинам для счастья не так уж и много нужно. Особенно если они влюблены и мысленно уже наверняка устроили ремонт в супружеских покоях.

– Роберт, – протянул мой отец, смерив будущего зятя нарочито грозным взором. – Добрался без происшествий?

– Да, сэр.

– Что ж, полагаю, я могу доверить тебе свою единственную дочь?

– Конечно, сэр!

Выдержав положенную пытку дежурной светской беседой и передав наилучшие пожелания от лорда и леди Лайтнинг, Роберт чинно распрощался с отцом и открыл передо мной дверь экипажа, запряжённого четвёркой белоснежных крылатых коней аркинарской породы. Одарив папеньку-сводника тяжёлым негодующим взглядом – тот лишь ухмыльнулся, наверняка вновь видя во мне образ своей вздорной супруги, – я забралась в карету.

Вскоре Роберт присоединился ко мне, и карета плавно поднялась в воздух. А я... я глазом не успела моргнуть, как очутилась на коленях у ретивого женишка!

– Роб, прекрати! Платье помнёшь!

– Да и Пекло с ним, цветочек мой, – хрипло рассмеялся Роберт, даже не думая выпускать меня из своей хватки. Я же жарко краснела, как и положено девице на выданье, и сама не знала, хочу прижаться к

нему крепче или же оттолкнуть подальше. – Тебя одевать – только портить. А теперь поцелуй меня как следует.

Я послушно выполнила наглое требование, однако у моего жениха имелось своё представление о «как следует». Он всегда был напорист, но на сей раз словно брал штурмом неприступную крепость. Хотя... как-то так оно и есть.

Может, и впрямь я должна ему уступить? На мою невинность явно наплевать всем, кроме меня. Должно быть, в глазах Роба и всех прочих я выгляжу старомодной дурочкой, но...

Но хотя бы этот выбор я бы предпочла оставить за собой. Не потому, что являюсь поборницей чистоты до брака – вовсе нет. Просто все прочие выборы у меня уже отняли.

Дочь высокого лорда может иметь едва ли не всё на свете. Однако свобода в этот длинный список не входит.

– Роб!

– Тихо, мисс Зануда, не верещи. Неужели ты совсем по мне не скучала?

– Скучала...

Да! Скучала. Наверное.

Я люблю Роберта, честно. Да вот никак не могу отделаться от мысли, что мне его навязали. Выбрала бы я его по своей воле?..

Не знаю. В одну минуту мне хочется прильнуть к нему тесно-тесно, а в другую – бежать сломя голову. Слишком уж часто Роберт смущал меня своим напором и вынуждал чувствовать себя добычей. Глупенькой мышкой в лапах голодного кота.

Но бежать некуда. Хотя бы потому, что прямо сейчас мы высоко над землёй.

О, точно.

– Боги, Роб, ну... мы же в карете!

– И могли бы славно провести время, не будь ты такой врединой, – похабно ухмыльнулся Роберт. – Поверь, это было бы незабываемо...

Он запнулся и зашипел, когда мои пальцы зарылись в его непослушные волосы и с силой потянули.

– Не понаслышке это знаешь, да, Роберт?

– Не только врединая, но и ревнивица, – посетовал он, старательно сдерживая смех. – Одарил же батюшка невестой!

– Ой, кто бы говорил!

Ну правда. Сам же норовит влезть в драку всякий раз, стоит какому-нибудь несчастному болвану чересчур заглядеться в вырез моего платья. А происходит это довольно часто – скромность, когда-то украшавшая девушку, нынче совсем не в моде; да и, признаться, посмотреть у меня есть на что. Очень даже.

Моего грозного взгляда Роберт ничуть не утратил – напротив, одарил меня очередной ухмылочкой из тех, с которыми отпускают дамам не самые приличные комплименты. Погладил моё плечо, медленно потянул вниз шифоновый рукав...

– Ну уж нет, – заявила я, соскакивая с его колен и спешно усаживаясь напротив. Демонстративно расправила подол платья, прижала к коленям ридикюль. – Не в карете, не в воздухе, не за полчаса до прибытия в Академию, мистер Лайтнинг!

– А, то есть варианты всё же рассматриваются? – тут же нашёлся с ответом Роберт.

Вот ведь пройдоха! Но я в долгу не осталась:

– Их буду рассматривать только я. И только после распределения, – и демонстративно уставилась в окно, из которого открывался захватывающий дух вид на Весперас, столицу королевства Астрэ.

Роберта, разумеется, хватило ненадолго – он пробурчал что-то себе под нос, тоже поглазел в окошко, а потом подсел ко мне, тесно прижавшись. На колени к себе больше не тащил, но за плечо приобнял и ладонь на моем колене устроил. Ну ладно, против этого я, пожалуй, ничего не имею. Когда Роберт взялся рассказывать об Академии, стало совсем хорошо – рассказчик он превосходный (ну и ещё то трепло, по мнению моих братьев), а мне очень интересно узнать, где и как я проведу следующие шесть лет своей жизни.

Разумеется, об Академии я знала и прежде. О её нравах и быте, о трёх факультетах, с которых выпускались лучшие маги нашего королевства. О предметах, сложных, если искры в тебе недостаточно, и более лёгких, если магии в тебе много. Во мне – много, по словам школьных учителей и матери, которая без устали твердила, что я непременно пойду в неё и отца. Что буду такой же сильной и, если повезет, знаменитой, что попаду ко двору королевы и буду блистать.

Такова судьба леди благородного дома, способной, усердной, светлой...

Всё это я знала, однако не смогла сдержать восхищенного вздоха, когда карета наконец опустилась на землю, а передо мной предстали ворота Академии Сумерек – внушительные, кованые, высокие настолько, что перелезть через них не взялись бы ни Карлос, ни Кристоф, те ещё бесстрашные школьники. Вместо опор у ворот две статуи. Царица Ночи – прекрасная женщина, что держит в руках луну и звезды; и Сына Зари – великий рыцарь, принёсший свет в королевство Астрэ и весь подлунный мир. На самих же воротах выкован герб Академии: перекрещенные посох и свиток, символы знаний и магии.

Возле ворот постепенно собирались люди – мы с Робертом не были ни первыми, ни последними прибывшими. Кто-то выходил из карет вроде нашей, и те тут же взмывали в воздух снова, чтобы не занимать подъездную дорожку; кто-то выходил из переливающегося белым и синим портала, расположившегося на небольшой площадке возле ворот. Кто-то же материализовался прямо из воздуха с небольшим хлопком. То были счастливые владельцы редчайших и очень дорогих артефактов – телепортов, стоящих так дорого, что даже в нашем доме, отнюдь не самом бедном, на всю семью имелся всего один и хранился в отцовском сейфе. На крайний случай.

Почти все из прибывших были знакомы друг с другом: здоровались и обменивались впечатлениями, или же ограничивались взглядами и кивками, если знакомство было поверхностным. А кое-кто и косился на других с нескрываемым недовольством.

– Эй, Лайтнинг! – послышался чей-то нахальный голос. – Кто это с тобой? Ещё не всех красоток перебрал, а?

– Шёл бы ты, Фарли, с демоном любиться! – огрызнулся Роберт вспыхнув в самом буквальном смысле этого слова – рой золотисто-оранжевых искр закружился возле нас. Огонь – ключевая стихия стражей, это всем известно. – Не слушай эту образину, тёмным лишь бы гадость какую ляпнуть...

– Сам брехло, – радостно парировал этот самый Фарли – добродушного вида громила. Никогда не подумаешь, что и впрямь тёмный. – Бросай этого светлого зануду, милашка! Я повеселей буду, и в постели тоже!..

Я в ужасе уставилась на жениха, который всё больше смахивал на тлеющую головёшку, и приготовилась разнимать драку, но тут громила испуганно втянул голову в плечи – к нему стремительной походкой подошёл другой парень. Высокий, стройный и очень красивый. Чёрные глаза смотрели грозно и цепко, а аккуратно причёсанные тёмные волосы отливали рубиново-красным.

Приметные волосы. Будь я проклята, если его фамилия не Сангстер.

– Ну-ка извинился! – рыкнул он, вlepив знатную затрещину ойкнувшему здоровяку. И тут же, ухмыльнувшись, прибавил: – Перед леди Лисандрой. Лайтнинг обойдётся.

– Мои извинения, леди Лисандра, – Фарли на удивление изящно раскланялся. Гипотетический Сангстер смерил Роберта надменным взглядом, кивнул мне и, цепко ухватив за локоть своего дружка, поволок того куда-то.

– Везёт же всяким светлым мудакам! – разорвался тот, не трудясь понизить голос. – А это точно Лисандра? Не похожа на Сеймуров-то...

– Значит, в мать пошла. Девуцы Мартинов недаром славятся как первые красавицы королевства.

– А...

– Дики, я не пойму, тебе жить надоело? Иди на ту сторону, братца встречай, раз делать нехрен!

– Ладно, ладно!

– Придурки, – сердито фыркнул Роберт и повёл меня дальше, кого-то высматривая в толпе. – Одним словом, тёмные!

– А по-моему, довольно милые джентльмены, – заметила я мстительно – пассаж про красоток не прошёл мимо моего внимания. – Особенно тот красненький.

– Тибериус Сангстер, потомственный некромант – милый?! Ох, девчонки...

Как по мне, так любой тёмный, некромант или нет, в разы милее Бекки и Роуз, сестёр Роберта, к которым он меня потащил. Нет, они очень... хорошие девушки. Наверное. Безусловно светлые, с безупречным воспитанием и вкусом. Однако задаваки жуткие и меня откровенно недолюбливают. Почему? Понятия не имею. Скорее всего, дело в обычной женской ревности: матери и сестры не слишком любят,

когда в семью попадает другая женщина и отбирает внимание одного из их мужчин.

По счастью, долго общаться с будущими родственницами мне не пришлось: я лишь поздоровалась с ними и, едва завидев свою лучшую подругу Элизу Холгер, поспешила к ней. Элиза в этом году тоже поступает на первый курс. Мы обе не знали, что будет дальше, обе до дрожи в коленках боялись Горнила и распределения: а ну как вредный артефакт отправит к практикам? Нет, к практикам у меня никаких претензий, они очень полезные маги, и когда-то я даже мечтала стать артефактором, но... С артефактами у меня вообще беда. Сколько прежние учителя ни бились надо мной, я так и не смогла добиться худо-бедно пристойных результатов.

Кроме того, все были уверены, что я пошла в Мартинов и стану целителем, как мама. И заодно твердили, что негоже дочери светлого рода мечтать о судьбе нейтрала. Находились и такие, что звали их серостью и обслугой. Никогда не понимала подобного лицемерия, ведь без «обслуги» не было бы ни современных лекарств, ни телепортов, ни элегантно плывущих по воздуху карет... Да много чего!

В целители меня определили... ну да, потому что якобы вся в матушку. Послушная и женственная, деликатная и миролюбивая. Всегда милая со всеми. Одним словом, мягкая и податливая, как вода.

Вот только я-то знаю, какова я на самом деле. Скрытная и скептическая, недоверчивая и ревнивая. Всегда себе на уме. Непокколебимая стихия земли, привечающая артефакторов, подошла бы мне куда больше. А Роб вечно хихикал, что с моим упрямством и педантизмом хорошо бы в клерики, святое слово зубрить...

Оттого я, должно быть, и волнуюсь. Горнило – не родители, не жених и не подружки. Его не обманешь. Оно всем расскажет, кто я есть.

Бекки вскоре к нам присоединилась, а вместе с ней и наша общая подруга – надменная рыжеволосая красавица Лорел. Ну, я и не надеялась надолго избавиться от этой парочки: мы все ровесницы, дочери порядочных светлых семей, знаем друг друга едва ли не с детства... Словом, деваться некуда. Ни мне, ни Бекки.

– Красивое платье, – заметила она чуть ворчливо. По-видимому, тоже поняла, что от меня уже не избавиться. – Цвет тебе очень к лицу.

– Спасибо...

– Точно! – поддакнула Элиза. – Говорила же тебе, фиолетовый – твой цвет! Смотри-ка, глаза сияют, как сумеречные алмазы... Или всему виной не платье, а лихой женишок?

Девчонки лукаво переглянулись и дружно захихикали, даже сестрица Роберта неохотно присоединилась.

– Тьфу на вас, трещотки! Одни женишки на уме, – упрекнула я шутливо. – Как вы можете думать о чём-то кроме распределения?

– С трудом, – посмурнела Элиза, а Бекки недовольно фыркнула.

– Ничего с нами не сделается, Лисандра. Не отправит же нас эта штука на тёмный факультет? Ну вот и ладно.

Оглядевшись, я поняла, что возле ворот остались одни лишь первокурсники. Старшие, за исключением старост, в числе которых я заметила Сангстера, уже успели пройти в замок. Точнее, в два замка – Академия Сумерек хоть и представляла собой цельное здание, однако же левое и правое крыло отличались друг от друга настолько разительно, насколько позволял хороший вкус древнего архитектора.

Крыло тёмных – сплошь устремлённые вверх башни и шпили, чьи своды поддерживали основательные, но изящные контрфорсы, на которых через одну красовались статуи грифонов и горгулий. Тёмные твари, прямо как те, кто учится на факультете черно книжников.

Крыло светлых – всё те же башни, только куда более приземистые и как будто бы... светлые, да. То есть нет, конечно, камень всюду был одинаков, просто... ощущение такое, что ли. И простора куда больше: всюду колоннады и галереи для прогулок, сами здания выглядят основательнее и больше. Оно и верно. Это тёмные издавна стремятся забиться в нору поглубже или в башню повыше, светлым же нужны простор и свобода.

Пока я пялилась на Академию (невесть зачем – учиться мне тут шесть лет, успею налюбоваться), нам навстречу вышла... отчего-то захотелось окрестить женщину ведьмой, однако это слово я даже про себя произнести побоялась. Да и на ведьму, по крайней мере ту, что из страшных детских сказочек, она вовсе не похожа – скорее уж на леди какого-нибудь знатного дома. Очень красивая, высокая, с великолепной осанкой и на таких безумных каблуках, что каждая из девчонок непременно пожелала бы узнать, кому тут можно продать душу, чтобы расхаживать на таких по местной брусчатке, не переломав при этом ноги. Леди, безусловная леди... Разумеется, если допустить, что леди

из знатного рода станет носить мужской брючный костюм (даже с галстуком!) и стричь светлые густые волосы куда выше плеч.

– Это Кейт Гримвард, – зашептала Ребекка. – Редкостная сука, как говорят...

– Для вас я – магистр Гримвард.

Я понадеялась, что она просто решила представиться, а не услышала Бекки – заранее портить отношения с преподавательницей мне уж точно не хотелось. Надеяться, впрочем, не приходилось – ледяной взгляд серых глаз скользнул по нам обеим, и я невольно поёжилась.

– Коль уж я вытащила короткую соломинку и мне выпала невероятная *честь*, – в этом слове я явственно услышала неприкрытый сарказм, – сопроводить вас на церемонию распределения, введу вас в курс дела. Подробности о жизни факультетов вам расскажут те, кому не будет лень, поэтому экскурс будет кратким. Итак, Академия Сумерек состоит из трёх факультетов. Факультет чернокнижников – для благородных тёмных магов, желающих посвятить свою жизнь некромантии, малефицизму, ментальной магии и демонологии. Факультет чародеев – для магов ещё более благородных и охочих до подвигов разного рода. На нём обучаются клерики, стражи, заклинатели и целители. И наконец, факультет практиков – для тех, кому суждено активно работать руками и головой. То есть зельеваров, алхимиков, монстрологов и артефакторов. Самые полезные люди, как по мне, незаслуженно недооцененные в нашем равноправном обществе. Каждый из присутствующих здесь, безусловно, обладает искрой. Иначе вы бы просто не получили приглашение в Академию Сумерек. Осталось только выяснить, какова именно ваша склонность.

Магистр Гримвард сделала короткую паузу, давая тем, кто не знал всего этого, уложить информацию в голове. Я вот знала, однако всё равно облегчённо выдохнула на словах об искре в каждом из нас. Значит, я останусь в Академии, меня не отправят с позором домой, как бесполезную дочь своего рода.

– Всем вам предстоит пройти через Горнило Небесного Огня. Не ждите экзаменов, испытаний или чего-то такого. Не думайте, что вам удастся его обмануть или уговорить отправить вас туда, где вы хотите учиться. Некоторые из вас, – взгляд магистра снова скользнул по Ребекке и почему-то по мне, – наверняка думают иначе, но я вас

уверяю – зря. Горнило видит не ваши прежние достижения в науках, не ваши оценки в школах и даже не ваши желания. Оно видит вашу суть. И никогда не ошибается. После распределения вы обзаведетесь своими первыми татуировками. У тёмных магов они будут чёрными, у светлых – белыми, у практиков – серыми. Со специализацией и профильными предметами вам помогут определиться чуть позже. Вопросы есть? Отлично. Следуйте за мной.

Она развернулась, махнула рукой – ворота Академии приглашающе распахнулись перед нами, – и с невиданной легкостью, уж как для обладательницы таких туфель, направилась в сторону замка.

Все важные события должны вершиться в сумерках.

Солнце уже почти село, однако во внутреннем дворе старинного замка было светло, почти как днём. Горнило Небесного Огня представляло собой высокую каменную арку, испещренную множеством рун, половину из которых я знать не знала. В школе мы изучали лишь один из четырех рунных алфавитов – Изначальный. Внутри же арки сияло серебристо-белое пламя.

Даже смотреть больно. Как прикажете нырять туда целиком?

Спокойно, Лили. Все посвящённые через это прошли, и пока ещё никто не умер. Ты вряд ли станешь первой.

Возле Горнила стоял симпатичный мужчина средних лет, в котором я признала архимагистра Уэйна Ливингстоуна. Видела его пару раз на одном из бесконечных званых вечеров, куда нас с братьями исправно таскали родители. И всякий раз удивлялась, до чего хорошо сохранился бессменный ректор Академии. Вон, некоторые девчонки уже восторженно охают и лихорадочно поправляют причёски...

На что они, интересно, надеются? Ректор давно вторую сотню разменял, что ему очередная пачка влюблённых студенток?

– Мои юные друзья! – разнёсся вокруг его звучный голос, явно усиленный чарами. – Рад приветствовать вас в Академии Сумерек. Каждый год здесь собираются достойнейшие изначальные маги королевства Астрэ, и в честь них – в честь вас, господа и дамы! – разжигается Горнило Небесного Огня. Один из величайших артефактов подлунного мира, оно обладает способностью в считанные секунды раскрыть дремлющий в вас потенциал. Вы пронесёте сквозь эти врата свою звёздную искру, а когда выйдете – будете пылать

подобно настоящей звезде... Сегодня, прямо сейчас! И вспыхнет пламя!

– И вспыхнет пламя! – отозвался нестройный хор студентов, столпившихся у края площадки.

Мы выстроились в очередь, кто с опаской, кто с нетерпением. Народу собралось немало – Роберт говорил как-то, ежегодно в Академию поступает до трёх сотен магов со всего королевства, – однако распределение для большинства проходило довольно быстро. Некоторые застревали в магическом пламени на добрую минуту, а то и две, но большинство проскакивало секунд за десять-двадцать. И всякий раз арка вспыхивала ярче прежнего: пронзительно-голубым пламенем для светлого мага, сумрачно-синим – для тёмного. Пламя нейтралов оставалось белым, но полыхало ничуть не хуже.

Всех прошедших испытание огнём встречал ректор самолично – благостным тоном озвучивал вердикт, пожимал руку новоиспеченной «звезде» и отправлял к одному из трёх магистров, стоящих чуть поодаль. Вокруг куратора нейтралов собралась небольшая толпа, у двух других магистров результаты были поскромнее, но примерно равные. Почему-то всегда думала, что тёмных поступает гораздо меньше, чем нас, светлых...

– Мисс Ребекка Лайтнинг, мои поздравления! Добро пожаловать к чародеям! – услышала я. И поняла, что настал мой черёд.

Набрав в грудь побольше воздуха, зажмурилась и едва не бегом двинулась навстречу ревущему пламени.

Я действительно горела, но странным образом это не было больно. Пламя сожгло меня дотла, переплавило во что-то новое. Я была ничем и всем сразу, нигде и везде. Крошечная песчинка. Сияющий небесный гигант.

Свет? Тьма? Выбор сделан давным-давно и сейчас до смешного очевиден...

Мир вокруг обрёл чёткость. Он был прежним, но другим; искристо-белое сияние сменилось сумрачной синевой, взволнованный гомон – ошеломлённым молчанием.

Да в чём дело?..

– Мисс Лисандра Сеймур, – раздался голос архимагистра. Звучал он по-прежнему бодро, однако с выражением обманчиво моложавого лица никак не вязался. – Чернокнижники рады приветствовать вас.

На какой-то миг мне показалось, будто я оглохла. Слепла, наверное, тоже, потому что не видела перед собой ничего. Только лицо архимагистра Ливингстоуна, собственное предплечье, по которому змеилась, пачкала, отравляла моё тело и душу, татуировка. Чёрная-чёрная. Она и похожа-то на змею, жуткую, непременно ядовитую – только отведи взгляд, тотчас же укусит. Если не меня, то кого-нибудь ещё.

– Да отомри уже, Сеймур! – чужой звонкий голос заставил меня очнуться, оторвать взгляд от своей руки. – На факультете тёмных никто уже лет сто не помирал, вряд ли ты снова откроешь счет. Хотя, с везением у тебя не очень...

Я подняла голову, тут же столкнулась со взглядом тёмно-серых, почти чёрных глаз, не слишком подходящих к белобрысой шевелюре. Лэндон Гилберт, наследник едва ли не самой паршивой тёмной семейки во всём Астрэ. И уж точно самой богатой.

– Мистер Гилберт, будьте так любезны, – шикнула на него магистр Гримвард, – закройте рот, пока вам его не закрыла я. Мисс Сеймур, пройдите к своим однокурсникам.

Я зачем-то кивнула в ответ и послушно побрела... к «своим». Ни разу нет, и ноги меня вовсе не держат, а всё моё существо тянется бежать отсюда прочь, не оборачиваясь, не... Со ступеньки, которую я не заметила, мне не дала свалиться очень смуглая, иноземной наружности девушка, не так давно распределённая к чернокнижникам. Имени её я не запомнила, и теперь с ужасом осознавала, что зря. Мне ведь учиться с ними. А также с Сангстером, Фарли, Гилбертом и боги знают с кем ещё...

С тёмными магами, которыми меня пугали с самого детства.

– Эй, всё хорошо, – прошептала девушка. – Так бывает, я читала...

– Вот *так* – вообще-то нет, не бывает, – вновь послышался голос Лэндона, и вполтину не такой громкий, как прежде, но всё равно будто оглушающий. – Семнадцать колен чистой светлой крови! Признавайся, Сеймур, тебя подкинули? Или мама с папой не дураки сходить налево?

– Оставь её в покое! – прошипела моя внезапная защитница. Стоило бы мне, но язык во рту даже и не думал ворочаться, а слова не шли на ум. Хотелось просто... исчезнуть.

– С чего вдруг? – едко возразил он. – Её-то светлые дружки нас которое столетие в покое оставить не могут.

– Шёл бы и огрызался на моих светлых дружков, гер-рой, – процедила я тихо, но неожиданно зло. Нутро точно кипятком ожгло, и руки зачесались треснуть разок по надменной физиономии зарвавшегося тёмного мажонка. – Для нападков на беззащитную девушку много смелости не нужно.

Оцепенение спало, сменившись бессильной яростью, а затем и паническим ужасом. Бежать, бежать отсюда со всех ног! Плевать, что до конца распределения ещё добрый час и сотня студентов. Плевать, что не знаю, куда идти. Куда, зачем?.. Плевать. Лишь бы подальше отсюда. Не то не сдержусь и либо разрыдаюсь у всех на виду, либо наброшусь на какого-нибудь не в меру остроумного однокурсника.

Вполне буквально наброшусь. Великие звёзды, я ведь в жизни ни на кого руку не поднимала! Неужели тьма и впрямь непоправимо уродует людей?

– Беззащитная, мать её, девушка, – донеслось уже в спину. – Амулет мне разрядила. Чуете? Аж до костей продрало...

Что имел в виду недоносок Гилберт, мне узнать не довелось. Да и не особо хотелось. На душе скреблись кошки и тянуло лишь забиться в уголок поукромнее, чтобы там же тихонько сдохнуть. Однако же я шла с высоко поднятой головой, выпрямившись так, что плечи заломило, а студенты расступались передо мной и тарасились так, словно у меня выросла вторая голова. Мерзавка Бекки явно в восторге от моего унижения, а Лорел и Элиза кривились, точно их обеих сунули в навозную кучу.

«Как мы могли не заметить это гнусное исчадие тьмы, затаившееся среди нас?» – наверняка думали они. А Бекки небось первым делом заявила: «Я всегда знала – с ней что-то не так!»

И затем вся троица, прежде так усердно осыпавшая льстивыми комплиментами единственную дочь лорда Сеймура, принялась ненавидеть меня ровно с тем же усердием.

Я же ненавидела их. И вообще всех. Весь проклятый подлунный мир.

Не плакать, Лили. Не здесь. Не имеешь права. Тебя и без того сожрут, дай только повод.

– Далеко собралась, красотуля? – послышался уже знакомый басок. На плечо легла тяжёлая рука. – Дороги ведь не знаешь.

– Найду как-нибудь, уж не в дремучем лесу потерялась, – бросила я. И снова обозлилась – теперь уже на собственный голос, жалкий и немилосердно дрожащий.

Ричард Фарли на мою непростительную грубость лишь ухмыльнулся и по-хозяйски поволок меня куда-то. Хочется верить, что в жилую часть замка.

– А я ж сразу понял, что ты ещё та штучка, – хмыкнул он, едва мы очутились в полутёмном холле. – Полегче, красотуля, не съем. Чай не дракон, юными девами не питаюсь, они для другого надобны...

– Зачем тебе это? – к счастью, на сей раз голос меня не подвёл.

– Что? – непонимающе переспросил Фарли. – А! Ну так это, следи за руками: ты первокурсница, а я нет. Ты девчонка, а я нет. Ты типа светлая... ну, была. А я нет. Квакнет чего какой-нибудь Гилберт, а я ему сразу в бубен. Уяснила, красотуля?

Я было кивнула, а потом спросила хмуро:

– Ты так и не ответил – зачем тебе это?

– Ну... это... блондинок люблю – просто пи... то есть, хм, сил нет, спать не могу! Видала Гримвард? Огонь баба... в смысле, роскошная женщина! Женюсь, видит Царица!

– А она пойдёт? – невольно улыбнулась я. Представить Фарли опускающимся на одно колено перед магистром было легко, а вот её согласие – как-то не очень.

Ричард расстроено помотал головой, взъерошил без того встрёпанную тёмно-русую шевелюру и махнул рукой куда-то в сторону.

– Не пойдёт, но помечтать-то можно, м? О, точно! На тебе женюсь. За меня пойдёшь, леди Лисандра?

Меня будто кипятком обожгло. Не от шутливого предложения, вовсе нет. От осознания, от воспоминания... У меня ведь есть жених. Благородный и знатный Роберт Лайтнинг, всего-то несколько часов назад фривольно тащивший меня к себе на колени. Теперь же... Не знаю, что теперь. Рода светлее, чем Лайтнинги, не сыскать во всём королевстве. Они ни за что не допустят, чтобы чернокнижница стала женой их сына.

Даже не будь они яркими противниками чёрной магии, ничего бы не изменилось – от такой невестки разве дождёшься правильных внуков? Только родовую магию угробит. Ведь тёмная кровь почти всегда перебивает светлую.

Я бросила взгляд на своё – или уже чужое? – кольцо. Такое красивое, хоть и немного вульгарное, как по мне. Ещё утром оно казалось мне всего лишь несколько неподходящим, сейчас же было ощущение, будто оно мне вовсе чуждо, словно с ним на пальце я как в чужой шкуре...

Я всё же умудрилась споткнуться – Ричарду пришлось крепче обхватить меня за плечи, не давая упасть. Мой взгляд он понял правильно и, внезапно прекратив строить из себя туповатого громилу, проговорил вполне серьёзно:

– Эй, извини, ладно? Я не подумал.

– Пустое, – отмахнулась я с напускным безразличием. – Всё нормально.

Нет. Не нормально. Вся моя жизнь разрушилась в один миг. И ничего тут не поделаешь.

Остальной путь мы прошли в молчании. Фарли только иногда махал кому-то рукой и коротко здоровался, не останавливаясь даже для короткой обмена свежей сплетней – как же, потомственная светлая вдруг очутилась на факультете тёмных! – и споро вёл меня по коридорам Академии. Не уверена, что запомнила дорогу и не заблужусь завтра.

Когда мы дошли до тяжёлой дубовой двери с железной оковкой – ну прямо вход в жуткое подземелье, не иначе, – Фарли снова придержал меня, не давая взяться за изогнутую кованую ручку. Сам открыл передо мной дверь и склонился в низком поклоне, приложив ладонь к груди.

– Прошу, леди Лисандра. Ваш новый дом, он же гадюшник!

Гадюшник или нет, но в большом холле было весьма чисто. Ну, насколько я могла судить в своём нынешнем состоянии – в голове вихрем кружились мысли, не желая складываться в хотя бы одну дельную. Тут уж не до разглядывания интерьеров. Я только и смогла отметить некоторую мрачность обстановки: светлые обои, но мебель, шторы и прочий декор – сплошь тёмные. Чёрный, синий и тёмно-фиолетовый – вот и всё разнообразие.

Большинство студентов наблюдали за распределением, однако народу в общем зале хватало... и все дружно уставились на меня. Не ожидали девицу Сеймур на своём факультете или просто жаждали сплетен?.. В любом случае, разговаривать я не сильно хотела и удивлённое «Дики, балбес, опять твои шуточки? Кого ты к нам притащил?!» напрочь проигнорировала. Даже не обратила внимания, кто это сказал, настолько мне хотелось оказаться подальше отсюда.

– Я не знаю, какая у меня комната...

Фарли красноречиво закатил глаза, ткнул пальцем в висящий прямо возле двери длинный список, на котором проявлялись всё новые имена. Будто кто-то невидимый выжигал их на чернёной табличке. Своё я обнаружила примерно в середине списка.

– Четвёртый этаж, правое крыло, комната четыреста двадцать.

– О, повезло! Аж два окна, и тол.. в смысле, туалет и душевые рядом.

– Ну хоть в чём-то мне сегодня повезло, – проворчала я.

Однако тут же устыдилась, ведь парень здорово меня выручил. Да и вбитые едва не с младенчества манеры одним Горнилом не угробить.

Спохватившись, я вежливо улыбнулась и склонила голову, на автомате изобразив идеальный книксен.

– Благодарю за помощь, мистер Фарли. Я этого не забуду.

– Ишь, какая краля, – фыркнул Ричард, вроде и насмешливо, но вместе с тем добродушно. – Ясен-красен, как меня такого прекрасного позабыть? Только я никакой не мистер, а просто Дик. Идёт? – Я чуть смутилась от таких вольностей, но послушно кивнула. – И благодарить особо не за что. Негоже это – первачков в беде бросать... Ну что, проводить тебя до комнаты?

– Не надо, спасибо. Я... пойду.

Как добиралась до своего нового жилища, толком и не запомнила. Но пока добралась, реветь перехотела. Вернее, просто не смогла проронить ни слезинки.

Иногда горе настолько велико, что слезам просто не остаётся места.

Я упрямая и целеустремлённая – отнюдь не тот нежный цветочек, каким меня видят окружающие. Уж наверняка пережила бы распределение на факультет тёмных; смирилась бы с косыми взглядами и недружелюбной атмосферой... Многое бы пережила. Но

не жуткое, невероятное, просто чудовищное подозрение, что моя семья мне вовсе не семья.

Даже если я и впрямь дочь своих родителей, для них это ничего не изменит.

Тёмное дитя не может быть ничем, кроме позора. Крах репутации, разрушенные брачные перспективы, загубленная родовая магия... Я не надеялась, что семья примет вердикт Горнила, однако сегодня, в этот ужасный вечер, позволила себе глупую, отчаянную веру в то, что родительская любовь окажется сильнее предрассудков. Ведь я, несмотря ни на что, осталась прежней!

Нет, Лили. Нет. Препней ты уже никогда не будешь. Вопрос лишь в том, кто ты теперь такая и что тебе с этим со всем делать.

Не знаю. И знать не хочу.

Глава 2

Полночи я паялилась в окно. В два окна. Потом усталость взяла верх, и я, неожиданно для себя самой, уснула крепко и безо всяких сновидений.

Пробуждение вышло не из приятных. Я никогда не была ранней пташкой, но сегодня вовсе едва заставила себя подняться с постели. И то лишь потому, что в дверь моей комнаты кто-то настойчиво тарабанил.

Кому я понадобилась с самого утра – тот ещё вопрос.

– Минуту...

Я набросила на плечи халат, чтобы не представлять перед гостем в ночной рубашке, и пошла открывать. За дверью оказалась уже знакомая девушка – смуглая, темноволосая, очень симпатичная и вроде бы вполне доброжелательная.

– Утра, – поздоровалась она, махнув рукой в знак приветствия. – Так и знала, что сама ты не встанешь. Собирайся быстрее и идём в душ, а то будем в очереди стоять. Я, кстати, Альмира, но ты можешь звать меня Мирой.

– Лисандра, – зачем-то представилась я и тут же смутилась. Для Миры моё имя явно не секрет – вчерашний день и моё распределение запомнили многие. А ещё на моей двери уже красуется табличка с именем. – Друзья зовут меня Лили...

Ладно, спишу свою внезапную глупость на недостаток сна и знатный нервоз.

– Ага, я запомнила, – улыбнулась Мира. – У тебя пять минут, иначе будем чистить зубы в общих туалетах.

Чистить зубы под прицелом множества косых взглядов – тоже сомнительное удовольствие, как выяснилось. А вот сама ванная комната приятно удивила – просторная и даже роскошная, чего обычно не ждёшь от всяких там общественных купален. Куда симпатичнее и приятнее, чем успело нарисовать моё избалованное личными апартаментами воображение.

Жилые комнаты тоже оказались довольно просторными и уютными, шкафы – вместительными, а кровати – удобными. Нашлось

место даже для письменного стола и книжной полки. Можно будет забрать из дома пяток-другой особо любимых книжек...

Если меня, конечно, пустят на порог.

Мысли о вчерашней катастрофе я старательно гнала прочь. Может, не слишком умное решение, ведь проблема не рассосётся сама собой, но нервный срыв в первый учебный день – последнее, что мне сейчас нужно.

Когда я пришла в комнату вчера вечером, мой чемодан уже стоял возле шкафа. В шкафу же обнаружилось аж пять комплектов школьной формы: два летних, два зимних и ещё нечто вроде спортивной одежды. Физподготовка в Академии не являлась обязательным предметом, но не будет лишним хоть изредка появляться в фехтовальном зале. С мечами, рапирами и прочей колюще-рубящей дребеденью я не слишком дружна, однако основы знаю. И даже вполне неплохо обращаюсь с ножом – Карлос научил, справедливо полагая, что в толпе магов надеяться на одну магию весьма опрометчиво.

Мысль о братьях отозвалась тупой ноющей болью в груди. Когда я увижу их снова? Увижу ли вообще?..

Помявшись между двумя комплектами формы, выбрала тот, что с юбкой – всё немного попривычнее. Юбка, правда, едва достаёт до колен. В жизни не носила настолько открытую одежду! Хотелось, врать не буду, но мама подобной фривольности не одобряла. А маму я старалась не расстраивать.

Ну, теперь-то я, похоже, могу носить что пожелаю.

Тряхнув головой, открыла дверцу шкафа и критически оглядела себя в зеркале. А, ладно, тут ведь все так ходят! Ноги у меня вроде ничего. И цвет у формы красивый – чернильно-синий. А ещё практичный! На сизую форму нейтралов и небесно-голубые одёжки светлых посадить пятно не в пример легче...

С ума сойти, Лисандра. Твоя жизнь покатила в Пекло, а ты думаешь о расцветке тряпок и глазеешь на свои ноги.

Закинув на плечо собранную с вечера сумку, вышла из комнаты и сразу увидела Миру – почему-то так и думала, что она предпочтёт брючный комплект. Есть в ней что-то мальчишеское, и я вовсе не о короткой стрижке. Дело вообще не во внешности: хоть тёмная кожа и чёрные до синевы волосы выглядят непривычно, Мира очень хорошенькая. Более стройная и жилистая, чем я, но тоже крошечная –

росту во мне всего пять футов два дюйма, и в ней, очевидно, тоже. Может, этим я ей и глянулась? Ха.

– Почему ты решила подружиться именно со мной? – задала я мучающий вопрос. – Не то чтобы я против, да только... я тут явно не ко двору.

– Я тоже, – демонстративно скривившись, заметила она. – Эти змеюки все друг друга знают, а я... Мало того, что черномазая, так ещё и безродная. Мои родные давно сгнули за Рассветным морем, а у приёмной семьи – ни магии, ни титулов, ни богатства... Хотя последнее не столь важно. Нищевродов и среди аристократии хватает.

Я нахмурилась. Неприязнь ко мне, дочери светлого рода, понять нетрудно, но чем провинилась Мира?

– Мы тут вроде собрались, чтобы магии учиться, а не колена чистой крови считать, – пробормотала я. – Чем они сами, интересно, лучше коварных светлых угнетателей?

Мира белозубо улыбнулась и, взяв меня под руку, повела в сторону лестницы.

– Видишь? Недаром ты мне сразу понравилась. Вот только не «они», а «мы». Привыкай, подруга, деваться всё равно некуда.

Мы. Ну да. То-то эти самые «мы» всю дорогу косились на нас с Мирой – кто подозрительно, а кто и с презрением. Разговоров не заводили, ни с нами, ни о нас, и я бы предпочла, чтобы так продолжалось и впредь. Уж лучше бойкот, чем оскорбления. Я не уверена, что смогу ответить достойно, а вежливостью эту публику точно не пронять.

Увы, с бойкотом я поторопилась – по крайней мере один из моих новоявленных собратьев-чернокнижников молчать в моём присутствии не собирался.

– Красотуля! – радостно заорал Ричард Фарли, всего мгновение назад скучающе подпиравший стену в конце длинного холла. – В юбочке! И коленки голые! Какая прелесть!

Здоровенная лапища рухнула мне на плечи, отчего я едва не присела прямо на пол. Мира изумлённо вытаращилась на нас обоих, не зная, то ли отбивать меня у разохотившегося чернокнижника, то ли выяснять, что, собственно, происходит.

Мне это интересно ничуть не меньше.

– Прошу прощения, – кашлянула я, ухватившись за чужое предплечье. Руку Ричард послушно убрал, но оставлять нас в покое явно не торопился. – Мистер Фарли, что происходит?

– А что происходит? Стою, смотрю, девочки красивые, – он подмигнул подозрительно хмурящейся Мире, – дай, думаю, провожу. И какой я тебе мистер, красотуля? Просто Дик!

– Дик, спасибо за помощь, но провожать нас не нужно. Я запомнила дорогу, да и день на дворе, вдвоём с Мирой мы вряд ли заблудимся...

– О, ты, значит, Мира? Приятно, приятно, – Фарли шутливо раскланялся и тут же ловко ухватил нас обеих под руки. – Короче так. Дорогу ты откуда запомнила? Из внутреннего двора. Я не верю, если что. Но мы-то куда идём? Правильно – пожрать, а это ж совсем в другом месте! Так, а где ещё один?

– Кто?..

– Экспонат, – хохотнул он. – О, нашёл. Моргран, дуй сюда!

Высокий светловолосый первокурсник подошёл к нам, во все глаза глядя то на меня, то на Миру. Затем он опомнился, смущённо зарумянился и кротко потупил взор.

– Доброе утро, дамы... мистер Фарли...

– Тьфу, и этот туда же. Ну-ка, Стеф, хорош девицу на выданье изображать! Нормальные девчонки, не сожрут, не бойся. Светленькая – Лили, тёмненькая – Мира. Не перепутай!

– Да ни в жизнь, – пробормотал он, снова уставившись на нас обеих. Вроде и неприлично так пялиться на людей, но взгляд парня был странным образом приятен – искреннее восхищение без капли пошлости. – Стефан Моргран, рад встрече.

– Очень приятно, – вежливо улыбнулась я. Мира ограничилась кивком, глядя на нового знакомого не то подозрительно, не то задумчиво.

– Ну ещё б ты был не рад, в такой-то цветничок загреметь, – довольно усмехнулся Ричард. – Ладно, детишки, познакомились – теперь можно и в столовку. Идёмте, а то опоздаем, и тогда Тай меня самого вместо завтрака приспособит. Он с похмелью ещё вреднее обычного!

Монструозные размеры обеденного зала уже особо не удивили – хотя по-свойски назвать его «столовкой» язык всё равно не

поворачивается. Огромные, от пола до потолка, витражные окна поражали воображение – даже в Закатном дворце я не видела ничего подобного! Сегодняшнее утро выдалось пасмурным, но в погожие дни, когда солнце светит сквозь яркий калейдоскоп витражей, здесь должно быть ещё красивее.

Длинные столы были расставлены вдоль зала дюжиной рядков и укрыты белоснежными скатертями, наверняка заляпанными от загрязнений – стирать всё это точно замучаешься. Ближе всех ко входу расселись светлые, середина зала пестрела серо-синим, а обладатели самых тёмных одежд притулились в конце и держались подчеркнуто особняком.

– Зацените-ка, – заговорщицки начал Дик, заметив наши взгляды в сторону светлых. – Эти голубые индюки думают, что заняли лучшие места, но ближе всех к еде сидим именно мы! Много они в жизни понимают, а?

Мимо «светлых» столов хотелось пронестись бегом, однако я шла неспешно, стараясь смотреть перед собой. Шепотки и неприязненные взгляды старательно игнорировала. Заметила невдалеке Роберта – тот сидел неподвижно, бледный и мрачный, и пялился в свою тарелку с таким видом, словно она его смертельно оскорбила. Неужто ещё не подыскивает новую невесту? Внутри болезненно кольнуло, и я спешно отвела глаза. К чему душу травить?

На линии раздачи, почти такой же, как была у нас в школе, обнаружился традиционный полный завтрак – омлет с грибами, бекон, помидоры и жареные колбаски, а также, к моей величайшей радости, вафли с сиропом. И ароматный чёрный чай в пузатой кружке на добрую пинту – не чета нелепым фарфоровым наперсточкам, что являются непременным атрибутом всякого пристойного чаепития.

Сытный завтрак пришёлся очень кстати: я не из тех девиц, что теряют аппетит от любого расстройства. Наоборот, на нервной почве готова сожрать целого грифона. Ну да, и сейчас тоже.

Дик усадил нас за один из пустующих столов в дальнем углу, велел не бродить поодиночке, не лезть к светлякам и сразу сказать, если те сами полезут. А затем ушёл к однокурсникам, среди которых был и стервозный красавчик Тибериус Сангстер. Это он, что ли, Тай-с-похмелюги? А так с виду и не скажешь.

– Слава Царице, от няньки избавились, – проворчала Мира, свирепо воткнув вилку в кусок бекона. – Я уж думала, он и в туалет с нами ходить будет.

– Зачем ты так? Ричард хороший, помог нам...

– Только потому, что вон тот красноголовый ему велел.

– Вовсе нет, – вмешался Стеф. – Ну, то есть да, но... у тёмных так принято, понимаешь? Держаться друг за друга.

– Это я поняла, – отозвалась Мира. – Но мы, если не заметил, в их тесный дружеский кружок не включены. Ты, кстати, чем провинился?

Стеф пожал плечами и тоже принялся ковырять еду.

– Я полукровка. Мать светлая, отец тёмный.

Мира изумлённо дёрнула бровью.

– А так можно было?

– Нет, – ответила я вместо Стефана. – Этот союз наверняка был заключён против воли обеих семей.

– Точно, – кивнул он, не особо задетый моим предположением. – Отца исключили из главной линии наследования, а от матери вовсе отrekliсь. Неприятно, но на конец света не тянет. Что это вообще за родня, которая чуть что от тебя отказывается? Им же и хуже. Человек и без громкого имени может многого достичь, если он упорно трудится.

Я поняла, что эти слова были сказаны неспроста, и преисполнилась симпатией к простовато-искреннему парню. Он постарался меня немного ободрить, но при этом оказался достаточно тактичен, чтобы не лезть в душу. Вот тебе и страшный чёрный маг.

Теперь-то я понимаю, что и среди тёмных люди водятся абсолютно разные. Сироты, полукровки, нищие... причём даже среди так называемых лордов. На факультете чернокнижников богачей вообще как-то не водилось: у кого туфли стоптанные, у кого форма видывала лучшие времена. А кто-то настолько устал чинить магией сумку для книг, что принялся зашивать на обычный манер, руками и иглой с ниткой. Неумело, косо, но деваться, видимо, некуда. Пожалуй, из всех чернокнижников похвастаться новенькими вещами могла только десятая часть. В том числе я и Сангстер. Ну и Лэндон Гилберт, конечно же – семейка потомственных малефиков издревле считалась богатейшими магами королевства. Их даже ни одна война между тёмными и светлыми (коих в прежние времена было множество) не разорила. Гилбертам из-за этого приписывали всякое –

от договоров с самой Царицей Ночи, до продажи душ демонам из Пекла... и тварям из Чащи... и много кому ещё. Отец же, хоть и терпеть не мог всех Гилбертов разом и отца Лэндона в частности, на эти сплетни только глаза закатывал. Мол, никому никакие души продавать не нужно, если знаешь, кого вовремя подкупить, и имеешь при себе смекалистого счетовода.

Вспомнив об отце, я загрустила, но Мира тут же толкнула меня в бок и выразительно глянула в сторону соседних столов.

– Не распускай сопли. Не при них.

Стеф кивнул, соглашаясь с ней. Я невольно улыбнулась – всего-то позавтракали вместе, а они уже спелись.

– Пойдёмте уже отсюда, – проговорил он, махом допив свой чай. Первым же взял поднос и направился к окошку, куда полагалось ставить грязную посуду – там она исчезала, будто в невидимом портале, чтобы чистая также из ниоткуда появилась перед линией раздачи.

– Что у нас сегодня? – поинтересовалась я, мысленно кляня себя полной душой – разнюнилась, даже про расписание забыла узнать. А ведь в школе была отличницей!

– Теория магии, Сангстер утром сказал. А потом пойдём в хранилище артефактов, первые камни получать.

Идя мимо чародейских столов, мы снова очутились под шквалом недобрых взглядов. Как ещё не надоело? Мира демонстративно игнорировала сам факт их существования, Стефу, кажется, вообще нет до них дела. Я же всем видом показывала, что подобная неприкрытая враждебность меня ни капли не трогает.

Никто не должен знать, что у тебя на душе. Иначе этим непременно воспользуются.

В поточной аудитории, просторной и очень светлой, с высокими стрельчатыми окнами во всю западную стену, мы появились в числе первых. Единогласным решением устроились на первом ряду, надеясь, что к нам не подсядут.

К моему удивлению, общую теорию магии у первого курса вела Кейт Гримвард. Если верить словам Стефа – магистр ментальных наук, чернокнижница невероятного ума и немалых способностей. Бекки окрестила её редкостной сукой, Стеф же считал строгой, но справедливой. По крайней мере, всех провинившихся студентов она

наказывала одинаково, независимо от цвета магии. Тёмные и нейтралы её за это уважали, светлые же, вечно считая себя лучше прочих, недолюбливали. Мол, негоже какой-то тёмной ведьме наказывать приличных чародеев.

Магистр Гримвард вошла в аудиторию, едва стихло эхо противно дребезжащего звонка. Каблуки очередных кошмарных туфель звонко стучали по каменному полу. Одета она снова в костюм, на сей раз глубокого изумрудного цвета, и этот наряд до того ей к лицу, что я мигом поняла Дика с его несбыточными мечтами о женитьбе. Хочу быть такой же, когда вырасту!

– Доброго дня, господа студенты, – поприветствовала нас магистр. Голос её звучал приятно и даже чуть приветливо. – Если кто запомнил, моё имя – Кейт Гримвард. Мой предмет называется «общая теория магии», он является основным для всех специальностей, так что лицезреть ваши полные энтузиазма лица я буду трижды в неделю. – Заслышав мученические стоны с задних рядов, она позволила себе небольшую усмешку. – Поверьте, я тоже в восторге. Цель данного курса – изучение различных видов, аспектов и базовых законов магии, а также освоение ряда заклинаний изначального, то есть общедоступного типа. Сегодняшнее занятие будет вводным; конечная его цель – определить вашу специализацию. Для этого нам стоит начать с основ.

Магистр Гримвард неспешно прошла за кафедру, пристально оглядела всех нас и чуть заметно кивнула, точно придя к каким-то выводам.

– Полагаю, раз уж вы умудрились поступить в самое престижное учебное заведение Астрэ, то знаете, что магия делится на три вида: светлая, нейтральная и тёмная. В школе многие из вас изучали магию изначальную. В чём отличие изначальной магии от нейтральной? Мистер Флинн?

– Ну... изначальная магия также является нейтральной, – ответил студент, чуть помявшись. – Только она общедоступная, тогда как высшая магия нейтральных классов доступна лишь специалистам.

– Верно. Магические классы – довольно непростая тема, которую мы обсудим позднее, а пока поговорим об их упрощённом виде – основных специальностях. Сколько их всего?

– Э-эм... Двенадцать?

– Вы спрашиваете или отвечаете? – едко уточнила Гримвард, но потом сжалилась: – Верно. Благодарю, мистер Флинн. Каждый факультет имеет четыре основных направления, но по какому принципу магов делят на специальности? Мисс Лайтнинг?

– По принципу ключевой стихии, – ответила Бекки чуть раздражённо – у неё, похоже, всегда такой тон, с кем бы она ни говорила. – Вода, огонь, земля, воздух. Четыре специальности – четыре стихии.

– Пять, – пробормотала я чуть слышно.

– Мисс Сеймур, желаете дополнить ответ?

С трудом подавила страдальческий вздох – вот только нежного внимания бывших подружек мне не хватало!

– Пятая стихия – эфир, изначальная основа любой энергии, магической или витальной. Она не является ключевой, однако используется как основной стихийный элемент заклинаний высшей магии.

– Совершенно верно. Уровень владения эфиром определяет ваш магический потенциал: если пятая стихия вам не подчиняется, то и дорога в высшую магию закрыта. Мисс Сеймур, как определяется ключевая стихия мага?

– У посвящённого мага стихийный элемент легко считывается по ауре... при помощи чар Истинного зрения. С изначальным магом сложнее, но... – я немного помялась, однако решила продолжить, раз уж заикнулась: – Есть теория, что стихия мага формирует его личность, оказывая влияние на темперамент и склад характера.

– Бабы сказки, – фыркнула Бекки. Так и знала, что эта мерзавка не утерпит.

– Не сомневаюсь, мисс Лайтнинг, что вы мните себя умнее почтенных магистров, исследующих данную предметную область, – желчно произнесла магистр Гримвард, – однако существует достаточно высокая корреляция между ключевой стихией и чертами характера. Мисс Сеймур, какой школьный предмет вам давался лучше всего?

– Энергофизика, – призналась я чуть смущённо. Сзади тут же послышались смешки и презрительное «зубрила» не то от Лорел, не то от вездесущей Бекки.

– Вы прилежная ученица, прогулкам предпочитаете книги и рукоделие; возможно, играете на музыкальном инструменте, и делаете

это очень хорошо. Во всём любите порядок, всегда стоите на своём и на дух не выносите сюрпризов. Я угадала?

Меня хватило только на кивок. Вроде ничего обидного, но не покидает гадкое ощущение, что меня заставили прилюдно обнажиться. Неужели она и впрямь просто угадала, а не прочла все мои мысли? А что, она менталист, ей это раз плюнуть.

– Мисс Лайтнинг, всё перечисленное в немалой степени подходит и вам, верно?

– Хм, ну... пожалуй, – буркнула та с явным недовольством. Как же, заставили признать, что между нами есть что-то общее!

Не то чтобы это стало для меня новостью. Мы с Бекки и впрямь могли бы стать хорошими подругами, не веди она себя так враждебно и неприятно.

– Ключевая стихия обеих девушек – земля, это очевидно для всякого опытного мага, – констатировала магистр Гримвард. – Во многих отношениях они совершенно не похожи друг на друга – ибо сколько людей, столько и характеров, – однако закономерность прослеживается довольно явно. Благодарю за любопытную дискуссию, студенты. Теперь перейдём к непосредственно методикам определения ключевой стихии...

Как нам объяснила Гримвард, чары Истинного зрения даже среди магистров даются отнюдь не каждому, поэтому был создан упрощённый аналог – Квинтэссенция, изначальное заклинание для кратковременного проявления магической ауры. Все студенты довольно быстро заучили связку жестов и магических плетений, занесли в тетради цепочку Изначальных рун и принялись накладывать заклинание то на себя, то друг на друга. Аудитория заполнилась восторженно-изумленными вздохами, а магистр Гримвард с довольной усмешкой обходила ряд за рядом, изредка давая комментарии тем, кто в них нуждался.

Зрелище и впрямь занятное. Воздух вокруг нас сиял, точно звездное небо – голубое, ультрамариновое, сумрачно-синее. Полыхающие на фоне синевы искры, похожие на россыпь звёздочек, были разных цветов – красные, голубые, зелёные, серебристые. Оттенки тоже различались: у Миры, например, «звёздочки» отличались куда более насыщенной голубизной, нежели у девушки-нейтрала в соседнем ряду. Мы со Стефаном могли похвастаться

богатой изумрудной россыпью, однако в его ауре встречались вкрапления серебра.

– Альмира Десмонд, верно? Предполагаю у вас явную склонность к эмпатии, но дальше будет видно. Добро пожаловать ко мне в группу. Так, а здесь у нас... Занятно, – хмыкнула магистр Гримвард, поравнявшись с нами. – Мать – целитель, отец – менталист, а вы, мистер Моргран, обещаете быть могущественным некромантом. У вас есть крошка ментального дара, но, увы, он пассивный. Полагаю, друзья и близкие считают вас человеком проницательным и чутким? Да, вот так оно и работает.

Она повернулась ко мне, недоверчиво сощурила свои дымчато-голубые глаза, небрежным взмахом руки обновила заклинание, что на меня наложила Мира. Результат был тем же – изумрудные искорки весело мерцали, то выцветая до голубовато-серебристых, то снова возвращаясь к насыщенному зелёному.

– На Лисандру краски, что ли, не хватило? Вот ведь недоделанная, – язвительно протянула Бекки.

Да чтоб тебя в Пекло, заткнись ты уже наконец! Достала!

– А я же го...

– Не трудитесь заканчивать, мисс Лайтнинг, – бросила магистр Гримвард, даже не отведя от меня взгляда. – Проклятье спадёт часа через три, а пока тренируйте выдержку и изъясняйтесь другими способами. Поздравляю, мисс Сеймур, – добавила она уже тише. – Очевидно, малефик из вас выйдет немногим хуже некроманта.

– Это что... это я?! – спросила почти шёпотом, затравленно оглянувшись на онемевшую и явно взбешённую Бекки. – Я же ничего... я не хотела!

– Вообще-то хотела, иначе бы не сработало, – пожала плечами Гримвард. – Но сделаем вид, что это я постаралась. Видит Царица, мне бы и следовало: у девчонки язык без костей.

– Я...

– Твоя стихия – земля, Лисандра, – отчеканила она. – А блики в твоей ауре... ну, пусть будет водный элемент и кровь Мартинов. Извини, другого объяснения нет. У меня – нет.

Не дожидаясь ответа – а вернее, нового вопроса! – магистр Гримвард пошла дальше, к другому концу ряда, где сидела группка

нейтралов. Я же так и сидела на месте, силясь понять, что именно так смутило магистра и...

– Что она тебе сказала? – полюбопытствовала Мира. – Я толком не расслышала. Заглушки старшекурсников могу снести и даже не заметить, а вот магистерские мне не по зубам.

Так была заглушка? Ещё веселее. Хотя, может, Гримвард просто не захотела афишировать мою выходку с невесть как сотворённым проклятьем немоты.

– Хм... что-то про Мартинов и водный элемент в моей ауре...

От дальнейших расспросов меня избавила магистр Гримвард, велевшая группе ТМ-1, то есть менталистам, следовать за ней, а всем остальным – ожидать своих наставников. Пообещав найти нас позже, Мира отправилась в хранилище артефактов вместе с одноклассниками. Жаль, что мы будем в разных группах... но зато у меня остался Стеф!

– Знаешь, а ведь моя бабушка по матери – тоже Мартин, – с улыбкой заметил он, подсев ко мне поближе. – Это вроде делает нас родственниками.

Я тоже улыбнулась – мысль была немного грустной, но приятной. Стефан мне нравится, и чем дальше, тем больше. Светловолосый и голубоглазый, он с лёгкостью сошёл бы за моего брата...

– Ну, я не прочь обзавестись кузенком, если это, конечно, не Гилберт.

– Упаси Царица от такого родича!

– Ну мало ли, он ведь тоже блондин...

Мы дружно посмеялись, представив физиономию Лэндона, услышь он столь крамольные заявления, и задумались каждый о своём. Я вот гадала, выйдет ли из меня некромант... Сама мысль об этом кажется дикой. С другой стороны, что я вообще знаю о некромантии? Да ровным счётом ничего. Слышала, конечно, всякие бредни о кровожадных зомби и злых духах, но полагаю, рассказы светлых магов о тёмных стоит делить как минимум надвое. Лучше уж дождаться наставника и послушать, что он нам скажет.

– Нашла себе компанию по душе, да, Лисандра? – протянула Лорел, поравнявшись с нашим рядом. Бекки, лишённая возможности ляпнуть какую-нибудь гадость, сверлила меня полным ненависти

взглядом, а Элиза уставилась себе под ноги. – Черномазая нищенка и смесок. Ниже падать некуда.

Изнутри снова поднялась злость, но на сей раз я смогла уловить всплеск собственной дурной силы и придержать её, точно рвущуюся с поводка гончую. Как ни приятно было бы заткнуть рот ещё одной задавке, а я понимала: безнаказанно проклинать студентов направо-налево мне не позволят.

– Ну почему же некуда? – произнесла нарочито нежным тоном. – Клянусь Царицей, даже самая жуткая нечисть из глубин Чащи будет лучшей компанией, чем вы – сборище узколобых приторных сучонок, лицемерных до мозга костей.

Матушка наверняка пришла бы в ужас от моего поведения. Однако наблюдая за тем, как рыжеволосая красотка Лорел багровеет от злости и судорожно хватается ртом воздух, я была довольна собой просто донельзя. Не позволю этим заносчивым стервам оскорблять себя, а уж тем более – тех немногих ребят, что отнеслись ко мне с добротой.

– А ты неплохо притворялась, – бросила Элиза, по-прежнему избегая смотреть мне в глаза. – Бекки абсолютно права – ты не та, за кого себя выдавала. С тобой всегда что-то было не так.

– Точно, – отмерев, охотно поддакнула Лорел. – Но теперь всем ясно, кто ты есть!

Гордо задрав носы, мои бывшие подруги удалились к подоспевшим наставникам. Я же бездумно уставилась перед собой, размышляя насчёт их слов.

Да, может, я и впрямь отличалась. Учёба всегда была гораздо интереснее мальчиков, выбор между новой книгой и новым платьем тоже казался очевидным, и я никогда не скрывала своей отнюдь не женской тяги к серьёзному чтению и сложным наукам... Не скрывала, но и не кичилась этим. Не воображала себя лучше других, не пыталась напоказ отстраниться от всего девчачьего. Как и многим девушкам, мне нравятся красивые наряды, украшения, сладости и милые безделушки. А ещё я обучена ведению хозяйства, люблю танцевать, играю на спинете и прекрасно вышиваю – всё как подобает настоящей леди.

Почему непременно надо делить всё на «мужское» и «женское»? Почему, например, нельзя любить и танцы, и энергофизику? Никогда

этого не понимала. Дурацкие стереотипы.

– Малефики, некроманты! ТП-1, ТН-1! – раздался приятный голос, усиленный магией. – Прошу за мной!

Явившийся по наши души преподаватель оказался приятным молодым мужчиной. Русоволосый и чуть смуглый, с добрыми карими глазами и милейшими ямочками на щеках, он ничуть не напоминал магистра тёмных искусств. Да что там – легко сошёл бы за старшекурсника!

– О, это все ко мне? Замечательно! Идёмте в аудиторию номер шесть, там и познакомимся.

Мы вышли в холл и послушно побрели вслед за магистром, энергично шагающим в сторону лестниц. Стеф вежливо предложил мне руку, и я в очередной раз порадовалась, что мне не придётся познавать некромантские премудрости в одиночку.

– И впрямь жалкое зрелище, – протянул Гилберт, поравнявшись с нами. На его форменной нашивке рядом с именем предсказуемо красовалась надпись ТП-1. – Да не вы, придурки! Мэддокс. Отец говорит, маг он выдающийся, препод неплохой, но как декан факультета – пустое место. Повезло ж с наставничком!

– Он, может, от тебя и твоего отца тоже не в восторге.

Лэндон, как ни странно, на мою шпильку ответил довольной ухмылкой.

– Несомненно!

Аудитория номер шесть находилась в полуподвале, и окна здесь были крошечные, под самым потолком. Однако повсюду горели магические лампы, и в целом создавалась до странного уютная атмосфера. Мы со Стефаном снова устроились на первом ряду, но на сей раз рядом с нами уселся Лэндон. Я невольно напряглась – не скажу, что злоязыкий поганец меня так уж пугает, но его пристальное внимание не сулит ничего хорошего. Звёздами клянусь, ему что-то от меня нужно!

– Итак, будем знакомы – Лестер Мэддокс, декан факультета чернокнижников, магистр тёмных искусств. Вы можете обращаться ко мне «лорд Лестер» или же «магистр Мэддокс», как вам больше нравится, – он улыбнулся, снова демонстрируя нам ямочки, и развёл руки в стороны, точно мечтал обнять нас всех и сразу. (Лэндон немедля скроил такую физиономию, будто его сейчас стошнит.) – Я

надеюсь, мы с вами поладим, потому как в обществе друг друга нам предстоит провести немало времени. Полагаю, у вас есть вопросы? Мистер Гилберт?

– Я правильно понял, – начал Лэндон чуть надменно, – вы будете куратором и у малефиков, и у некромантов? А так можно вообще?

И почему мне кажется, что ответ ему без того известен?

– Можно? Нужно, молодой человек, – заверил магистр самым благостным тоном. – Я бы сказал, что малефицизм и некромантия – две стороны одной медали, два аспекта Тьмы. Малефик разрушает, некромант созидает, но оба воздействуют на материю. Кто может сказать, в чём принципиальное отличие в их воздействии?

– Малефик использует внешнюю энергию, некромант воздействует напрямую на объект, – слышался ответ с задних рядов.

– Верно, мисс Ривар! Вот вам пример: малефик, ослепляя человека, использует проклятье – то есть магию, некромант же может ослепить на физическом уровне... Да, мисс Сеймур?

– Извините, магистр, – начала я чуть смущённо, – мне просто интересно... если некромант может ослепить человека физически, то у целителя тоже выйдет?

– Замечательный вопрос! – восхитился магистр Мэддокс. – Ответ – нет, мисс. Целитель – это малефик наоборот: оба используют различные виды энергии для опосредованного взаимодействия с объектом. Кстати говоря, очень редкий целитель сможет отменить проклятие некроманта – как думаете, почему?

Ответ, как ни странно, пришёл на ум сразу же:

– Несовпадение ключевой стихии?

– Разумеется!

– У меня тоже вопрос, сэр, – робко подал голос Стеф. – Выходит, вы и некромант, и малефик?

– Выходит, что так, – ответил магистр, чему-то забавляясь. Интересно, он всё время такой?.. Весёлый, хм. – Правильнее, конечно, сказать, что я некромант с немалым талантом к малефицизму. Такое порой случается при смешении фракций. Мой род насчитывает всего шесть колен чистой крови и не следует старому пути, однако издревле принято заключать союзы в пределах своей фракции, чтобы сохранить узкопрофильный родовой дар. Но в наши дни эта традиция изживает себя. Неизбежный переход к более выгодной универсальности. Даже

отец мистера Гилберта – потомственный малефик – взял в жёны некромантку из дома Найтстар. С вас, Лэндон, некроманта не выйдет, но определённые задатки в этой области у вас есть. Будем развивать!

– Безмерно рад слышать, – проворчал Лэндон, скроив кислую мину. – Сэр.

Магистр Мэддокс достал из кармана часы, мимоходом глянул на циферблат.

– Ну что ж, у нас есть ещё минут сорок, прежде чем толпа ваших однокурсников в хранилище немного поредеет. Как насчёт парочки свежих заклинаний? – Студенты загомонили, явно одобряя. – Так и знал! Хорошо, используем объекты стихий для наиболее лёгкого усвоения...

Он взмахнул руками, и вскоре перед каждым из нас плавно опустились два предмета – сосуд с водой и щербатый камешек, похожий на кусок гранита. На доске же вспыхнуло две цепочки рун.

– Проклятье Спящей Принцессы, наверное, каждому из вас знакомо по детским сказкам. Суть проста: нужно проклясть воду, чтобы та обернулась эдаким сонным зельем.

– А испытывать на ком будем? – влез какой-то остряк. Надо же, не вездесущий Гилберт. – Я вот щас не прочь лет сто проспять!

Магистр засмеялся и погрозил остряку пальцем, будто непослушному ребёнку.

– Мы же маги, мистер Ламберт! Изменение фона отследить нетрудно. Кроме того, уж простите, чар первокурсников на сто лет зачарованного сна явно не хватит – максимум на сутки.

– Я б побился об заклад, – пробурчал Лэндон себе под нос, шустро шевеля пальцами. Кажется, это проклятье он уже знает. – А с каменюкой что делать? Не в золото превращать, надеюсь?

– Трансмутация – не раньше третьего курса, молодой человек! – невозмутимости и доброжелательности Мэддокса можно лишь позавидовать. Я бы давно прокляла белёсого хама. – Заклинание «Дисторсия» позволяет вам изменить форму объекта, не меняя его сути. Не пугайтесь, это гораздо проще, чем кажется! Пусть каждый из вас заучит и попробует применить оба заклинания – так мы выясним, есть ли у вас склонность к дисциплине, смежной с вашим основным направлением. Приступаем!

Заучить заклинания было нетрудно – по структуре они и впрямь простенькие, но дальше дела у всех пошли с переменным успехом. Стеф, например, едва-едва справился с водой, зато из камня попытки с третьей вылепил весьма милую птичку. По другую сторону от меня тихонько ругался неприличными словами Лэндон: с водой он предсказуемо оказался на «ты», а вот камешек никак не желал подчиниться наследнику двух темнейших родов – и он, похоже, это воспринял как оскорбление.

Самое странное, что у меня результат был точно такой же. Проклятье вышло с первого раза, а вот Дисторсия... Если земля и впрямь моя ключевая стихия, то моему несчастному булыжнику об этом почему-то неизвестно.

– Да что не так-то? – вспыхнула я, уже готовая воспроизвести все подслушанные у Гилберта словечки. – Хотя о чём я? Всё не так...

– В смысле? – любопытствовал он, отвлекшись от своей каменюки.

– Я просто не понимаю, что и как делать. Нет визуального ряда. Ну как камень может быть мягким?!

– Это магия, Сеймур! За наукой – к нейтралам.

– Да я бы и рада! Там-то всё кристально ясно: связи между частицами вещества ослабевают, и вещество меняет своё состояние на... хм... а ведь точно!

– Сферы небесные, Лисандра, ты же не...

Я не слушала – споро принялась плести заклинание, вдохновившись внезапным озарением и найдя в происходящем хоть какую-то логику. Теперь-то всё ясно! Должно сработать, просто обязано!

Не сработало.

Камень не изменил форму. Он исчез в водовороте ревущего изумрудного пламени.

Глава 3

Пятый курс с самых первых дней – грёбаная головная боль. Гора домашних заданий, одно другого страшнее, и статус старосты факультета, который вроде как обязывает. Нет, Тай не против. И даже учится хорошо, как положено наследнику рода и со всех сторон приличному парню. Даже если он немного (ладно, до мозга костей) некромант.

Учиться ему в самом деле нравилось. Природный дар, усиленный многими поколениями чистой крови, хорошая школа за плечами... И многолетняя зубрёжка, куда без неё? Это только наглый белобрысый сучонок Гилберт мог позволить себе маникюр в лучших столичных салонах и праздное безделье. Таю же на пару с Фарли и прочими ребятами из приличных, но небогатых тёмных семей приходилось осваивать тонкости родовой магии ещё до поступления в Академию Сумерек. Благо родители учили своих детей едва не с пеленок. Это только наивные светлые выкормыши могут удивиться распределению и внезапно открывшейся специализации. У тёмных же на такую роскошь, как праздность и счастливое детство, нет ни денег, ни времени.

В последние годы дела шли получше, спасибо вменяемой – наконец-то! – королеве, расширенному списку разрешённых занятий и политике всеобщего равенства, пусть не слишком активной проводимой, но все же имеющей место. С одной стороны, смех да и только: никогда в жизни светлые и тёмные не будут считать себя равными. Однако и польза есть. Многие вчерашние «убийцы, маньяки и психопаты», как любили костерить чернокнижников белоручки-чародеи, пооткрывали лавки и даже небольшие предприятия в городах. Вылезали из небытия Ковены, промышленяющие убийством всякой пакости. Даже некроманты, жуть жуткая, приспособлены к делам королевства на вполне законных основаниях. Уж больно хорошо умерщвляют тех, кто умирать не хочет, а должен бы. В борьбе с тварями из Чащи один толковый некрот легко мог дать прикурить штурмовой четвёрке светлых магов в полном боевом облачении, и проигнорировать это ой как трудно.

Статус старосты тоже давал замечательные преимущества. Большая комната на первом этаже с собственной ванной, полный доступ к зельеварням, алхимическим комнатам, хранилищу артефактов без многочасового вынимания мозга через нос, чем славен весь факультет практиков. Раз старосте надо, значит надо, какие уж тут споры? Нейтралы за своим выводком тоже присматривали и прекрасно осознавали всю хлопотность этой работенки. Видит Царица, проще в одно рыло упокоить кладбище мертвяков, чем удержать в узде вчерашних маминых деток.

Особенно если среди них водится белобрысая головная боль по имени Лэндон Гилберт. Точнее, головных болей имеется целых две (и обе белобрысые, что ты будешь делать!). Но прямо сейчас защитный купол, которым Тай обнёс своё кресло, чтобы оградиться от шума и незваных гостей, снёс именно папин сын Гилберт. И глазом не моргнул, скотина белёсая.

– Сидишь? Уроки учишь? – манерно протянул Лэндон, отчего без всяких вопросов захотелось проклясть его на месте. – Зря.

– Жить устал? – не остался в долгу Тай. – Могу поправить.

– Без тебя найдутся поправляльщики, – возразил он и нагло уселся прямиком на небольшой стол.

Тай красноречиво дёрнул бровью – ещё миллиметр, и зад наглого первака оказался бы на его домашней работе. После чего тело наследника гадючьего семейства искали бы годами. Не нашли бы, или он не Тибериус Сангстер.

– Время не тьяни, не в своём замке кур считаешь.

– Лгун и клеветник! У нас нет кур!

– Сбежали, бедные? Понимаю, – сочувственно протянул Тай. – Я вот как тебя вижу, тоже сбежать хочу. Не от страха, просто говорят, в магических тюрьмах кормят плохо.

Лэндон фыркнул и малость нервно притопнул ногой, а Тая вдруг озарило – да белобрысого пройдоху же распирает! И лорд из него примерно такой же, как из Дика – то есть никакой, а в метриках просто слово лишнее вписали. Выходит, не зря болтают, что Найтстары кому угодно поправят как морду, так и характер. Вот Лэндон, например, от матери получил блондинистую масть, непристойно смазливую физиономию и прорву неуёмной энергии, которую ему явно некуда потратить. От папеньки он унаследовал другое: поганый язык и тягу к

выпендрежу. В общем, очередной Гилберт вышел паскуднее своих предков раза в два и ничуть этого не стеснялся. Счастье, что его братец и сёстры поступят в Академию лишь после того, как Тай отсюда выпустится.

– Потом меня грохнешь, – отмахнулся Лэндон. – Кто такая Лисандра Сеймур?

Тай нахмурился. Лисандра Сеймур вовсе не Сеймур – это понятно всякому, чей род насчитывает хотя бы семь колен чистой крови.

Как Мартины были известны своим талантом к целительству, так и за Сеймурами прочно закрепилась слава грубоватых вояк: все поголовно, включая девиц, оказывались в стражах. Или, на худой конец, в клериках. Так или иначе, от брака двух чародеев может родиться только чародейка. Вероятность рождения тёмного ребёнка в таком браке существует, но она смехотворно мала.

А вот если один из родителей тёмный, тогда да, тогда пожалуйста – в смешанных браках шансы, что ребёнок будет светлым, весьма невелики. Бедняга Стефан Моргран тому яркий пример.

В общем, по всему выходило, что леди Лисандру подкинули на порог, подменили при родах... Ну или её мать, в высшем свете имеющая славу миленькой дурочки, ловко нагуляла дочурку на стороне и столь же ловко навешала мужу лапши на уши. Такое случалось – браки между тёмными и светлыми всё равно что под запретом, как раз таки из-за невозможности родить светлое дитя. Любовь, правда, запретить невозможно, но кто бы из поборников чистой крови об этом думал?..

– Девушка. Красивая, – констатировал Тай. – Понравилась? Закатай губу, у леди Лисандры женишок был из Лайтнинггов...

– Был – хорошее слово. Дурак дураком. А для его сестрицы к концу обучения я точно сооружу могилку поукромнее.

– Дурак дураком, – покладисто согласился Тай – клятый Роберт Лайтнинг учился на его курсе, – а ещё горлопан и потаскун. Зато порядочный светлый маг при деньгах и без славы заправского ухаля, как у твоего папеньки.

– Вряд ли порядочному магу нужна девица, которой под силу поджечь камень, – гордый собой, сообщил Лэндон. Ну прямо-таки ждал подходящего момента, а не бил копытом об пол с той минуты, как пришёл...

Найтстары точно попортили кровь Гилбертам. О чём Тай непременно подумал бы ещё, не потеряйся у него дар речи.

– Что, прости?

– Камень. Сгорел. Вместе с партой, – охотно выдал Гилберт. – Девушка наша стоит, глазками хлопает. Этот олень Мэддокс чуть в обморок не отъехал, потом давай руками махать – а не отменяется та хрень ни в какую! Слава звёздам, я додумался воду зачаровать на нейтрализацию, и поджигательницу нашу кое-как в чувство привёл. Может, меня вместо оленя в кураторы возьмут? Я всяко получше буду!

– Камень. Сгорел, – повторил за ним Тай, испытывая непреодолимое желание побиться головой о стол. Не по-лордски, да, но настоящим лордом он (к счастью) станет лет через пятьдесят как минимум, так что пока можно позабыть о воспитании и манерах. – В Чашу оленя. Что он ей велел наколдовать?

– То же, что и всем. Заклясть на сон воду и изменить форму объекта. Ну, изменили, – Гилберт нервно хмыкнул – видимо, воспоминания о горящем камне ещё свежи. – Стихия Сеймур – земля, если верить Гримвард. Да что там, сам поди такой же ерундой в перваках страдал.

Тай покачал головой. Нет, он такой ерундой не страдал. Никто в здравом уме не заставит первокурсников, среди которых водятся маги самого разного уровня одарённости, проклинать воду или зачаровывать камни. Только на специальных полигонах с кучей щитов и парочкой ликвидаторов в ассистентах. Иначе чревато.

Один такой талантливый умник пару десятков лет назад едва не сравнял всю Академию с землёй – тоже камешек зачаровывал. Зачаровал, не отнять. А вместе с ним и все камни, из которых была сложена Академия. Пострадавших, к счастью, не было, но крыло чернокнижников лишилось прогулочных галерей. И обзавелось тренировочным кругом с трибунами позади основных корпусов, где с тех пор студенты Академии устраивали дуэли.

Фамилия умника была, кстати, Найтстар.

А круг хороший вышел. Щиты держатся до сих пор, несмотря на все гулявшие по площадке заклятия. Ливингстоун несколько раз пытался покончить с кругом, трибунами и всем, что в нём происходило, приглашал строителей и ликвидаторов заклятий, но тот продолжал стоять и привечал внутри себя охочую до драк молодежь.

С тех пор перваки узнавали о своей специализации путём нехитрого кровного ритуала. Из закровов Академии достали Небесную чашу, положили рядом ритуальный нож и велели капать пару капель крови на россыпь сумеречных кристаллов, которые меняли свой цвет в зависимости от специализации. После Сангстера камни стали тёмно-зелёными – его путь лежал напрямиком в группу некромантов, чему никто, в общем-то, не удивился. Способ был не стопроцентным: тонкая настройка артефакта была невозможна, изредка среди некромантов оказывались малефики и наоборот. Но к началу второго курса все определялись с набором изучаемых дисциплин.

Небесную чашу снова припрятали года три назад, когда на место лорда Стэдвила, преподававшего некромантию и к своим почтенным ста десяти годам вконец задолбавшегося возиться с бешеной студентотой, пришёл Мэддокс. С Ливингстоуном они, несмотря на разницу в цвете магии, подозрительно быстро спелись, пришли к выводу, что негоже в стенах учебного заведения заниматься кровной магией, и вернули, так сказать, опытный путь уточнения специализации.

Магистр Мэддокс не слишком нравился Таю, да и большинству его сокурсников тоже. Нет, он был неплохим преподавателем, доступно объяснял материал и в целом не зря получил должность при Академии Сумерек. Однако, в нём нет и половины той харизмы, коей обладал Стэвилл. Студенты слушали его неохотно; Таю и прочим старостам приходилось чуть не наизнанку выворачиваться, чтобы заставить мудаков вроде Гилберта прилично вести себя на его занятиях и не портить репутацию факультета неуспеваемостью, ленью и спорами с преподавателем.

Что ж, очевидно, зря старались – если недотёпа Мэдди не смог погасить пожар, устроенный первокурсницей, цена ему как преподавателю тёмных деток невысока.

– Раз стихия Лисандры – земля, то с камнями у неё проблем точно быть не должно, – протянул Тай, задумавшись.

– Однако, как видишь, они есть. Гримвард ошиблась?

– Почётная выпускница Академии, леди-рыцарь королевского легиона, обладательница Ордена Небесного престола? Нет, Гримвард

не ошиблась. Это Лисандра выкинула что-то эдакое. Давай всё в подробностях, Гилберт.

– Начнём с самого начала, – предложил тот, чинно сложив руки на коленках. – Вчера вечером эта светлая клуша, едва выпорхнув из Горнила в своём красивом платье, залепила мне в лоб стихийным проклятьем. Угробила амулет маминой работы.

– Клуша? – издевательски переспросил Тай, поборов желание некультурно отвесить челюсть.

Уж было с чего обалдеть! Леди Лианна Найтстар Гилберт, как и почти все её предки, была некроманткой, но преуспела и в артефакторике. Некрос-артефактник – редкость, а уж изготовленные ими вещицы всякий сведущий маг ценит на вес золота...

И вот пожалуйста – мощный защитный амулет угробила первокурсница. Как это вообще понимать?

– Да, я понял, что поторопился с выводами. Решил к ней приглядеться.

– И как она?

– Тихоня, – ответил Лэндон, поморщившись. – Но из той паршивой породы тихонь, что ни фига не тихие, а прикидываются ради удобства. Вроде не дура, не зазнайка, вежливая до тошноты даже с оборванцами вроде Морграна и Десмонд. Начитанная, на теормагии усадила долбанутую сестричку Лайтнинга в здоровенную лужу. Весело было, Гримвард небось до сих пор злорадствует.

– Умница, значит? С характером? А с виду и не скажешь...

– Так и я о чём!

Дик, впрочем, это всё просёк после одного-единственного разговора с малахольной первокурсницей. Вроде не ментал, а малефик, но поди же ты – чуйка у него просто звериная. Лисандрой он был совершенно очарован, и Тай поначалу списал его восторженную болтовню на вполне банальные причины. Сеймур или нет, а девчонка очень красивая. Он сам нет-нет, да и заглядывался.

А теперь вот Лэндон Гилберт... сидит. Соловьём заливаётся. Да только не о хорошеньком личике.

– В общем, дальше долбанутая Бекки довыдывалась и тоже огребла по лбу. Поди до сих пор ходит мычит. Гримвард сделала вид, что это от неё подарочек, только я-то знал, куда смотреть. Царицей клянусь, Тай, у девки *дурной глаз*! Мой отец тоже так умеет, но он же

магистр, потомственный малефик и... Где, скажи на милость, Сеймуры откопали это чудище?

– Поди разберись теперь, – буркнул Тай, сложив руки на груди. – А водичку-то заклала?

– Влёт. И фонило так, что я со своего места почуял, – поделился Лэндон чуть ли не восхищённо. – А вот с камушками мы на пару бились. Я-то понятно почему, но у неё аура зеленущая – некрос, чистый и мощный! Переливалась как-то странно, да кто их разберёт, этих полукровок? Может, так и надо. Короче, она возмутилась, что всё ей не то и камень мягким быть не может...

– Зато горит шикарно, – невесело усмехнулся Тай, хотя внутри похолодел. Загадка горящего камня вдруг перестала быть такой уж загадкой. – Некромантия, *дурной глаз* и... Уверен, что это не твоя сестричка? Девчонка подозрительно похожа на леди Лианну...

– Маму мою не тронь, красноголовый! Сам давно в зеркало гляделся? Зовёшься Сангстером, а на морду Блэквуд из Блэквудов!

– Уел, сопляк! Я в матушку удался, как и ты, – мрачно рассмеялся Тай. – А вот девица наша в кого? У вас общая кровь, это точно. День-два погоди, родовая магия вам, первачкам, окончательно физиономии выправит – и тогда вы с Лисандрой легко сойдёте за двойняшек.

– Сеймур – Найтстар? – Лэндон совершенно не паристократически вытаращил глаза. – Да ты гонишь!

И припечатать бы паршивца каким-нибудь проклятьем за подобный лексикончик, да ведь Тай только и смог, что криво усмехнуться.

Не гонит. Хотя и рад бы.

Найтстары – головная боль всего магического мира. Древний род, куда старше королевского, все сплошь сильные и талантливые маги, в чьих потомках водилось такое, что вспомнить страшно. До сих пор в ходу сказочка, что почти все малефики и некросы пошли именно от них – сразу после того, как благообразное семейство тогда ещё светлых магов спуталось с феями, вампирами и прочей нечистью из Чащи. На кой ляд, никто сейчас и не вспомнит: уже далеко не благообразные предки отоврались как могли, а потом уничтожили все следы подобного nepотpeбствa.

И, казалось бы, стоило перебить всех Найтстаров ещё на заре их существования, чтобы не портили кровь честным магам...

Да только один нюанс – женщин сильнее в королевстве попросту не бывало. Издревле невесты по фамилии Найтстар ценились пуще любых сокровищ. Если твой род вырождается, от проклятия ли, от дурного ли кровосмешения, – бери в жёны девицу из знаменитой семейки, не прогадаешь. Почти выродившиеся по собственной глупости Гилберты, чтобы заполучить единственную дочь Найтстаров, отвалили такой выкуп, что глаз задёргался бы даже у богатея Лайтнинга. Отвалили не зря – ушлый род обзавёлся аж четырьмя детишками, из которых только самый младший имел тёмную масть и грозил вырасти копией папаша. Остальные же, начиная с Лэндона, все получились светловолосые и смазливые, как фарфоровые куклы.

Чародеи от такой плодовитости – и нешуточной возможности получить совсем уж непобедимое тёмное чудище – приходили в ужас и старались перебить Найтстаров ещё до вхождения в силу. Получалось так себе – род возрождался буквально из трёх капель крови, а в родне у Найтстаров так или иначе ходило полкоролевства.

– Если бы. Пиши матери, пусть в родовые книги заглянет.

– А ты?

– А я напишу отцу и дяде. Они у лорда Александра в друзьях ходили. И вот что, – он нахмурился, выразительно чиркнул большим пальцем по горлу, – языком не трепли. Найтстаров за последние годы неплохо проредили – остались только леди Лианна да её грозная матушка. Не подставляй девчонку.

– Да понял уж, не дурак, – буркнул Лэндон, не то пришибленный новостями, не то обдумывающий в уме подлую многоходовку из тех, на какие горазд его проклятый папенька. – Ты лучше до моей будущей двойняшки донеси, что надо сидеть тихо и не отсвечивать.

– Думаешь, выйдет?

– Вряд ли. Скандал обещает быть знатным.

Едва на пороге гостиной замаячила внушительная фигура Дика Фарли, белобрысый поганец тут же унёсся прочь – не к Дику, но к парочке перваков, которых сам же недавно приласкал оборванцами. Полукровка Моргран и чернявая Десмонд.

«Ну точно, многоходовка! Дружков будущей родни окучивает, – понял Тай с невольным восхищением. – Гилберт есть Гилберт, даже если выглядит как Найтстар».

– А где свою красотулю потерял? – с усмешкой спросил он, едва непривычно понурый Дик оказался рядом. – Вроде на тебе три первачка было.

– Тай, не ломай комедию, а? – ворчливо попросил Дик, плюхнувшись в наспех призванное из соседнего угла кресло. – Наверняка этот ухарь белёсый уже весь расклад слил. Красотулю сдал в лазарет, сказали, до утра подержат под целебным пологом.

– Истощение?

– Да если б! Нервный срыв. Лили отлично держалась, но, похоже, клятая каменюка клятого долбака Мэдди её добила.

Он сокрушённо помотал вихрастой головой. И тут же, навесив пару заглушек для верности, сдавленным шёпотом заорал:

– Тай, это ж полный... полный... трындец! Девчонке ещё двадцати нет, какая, к херам, трансмутация?! И это без единого заклятия! Я-то думал, папашам с их сказочками об истинной некромантии Найтстаров просто бухать надо меньше...

Тай с Диком дружил уже не первый десяток лет, но до сих пор иногда изумлялся тому, как быстро мог соображать развесёлый и дурковатый верзила, если только задавался такой целью. Суть «трындеца» он вычленил сам, без болтовни Гилберта над ухом, и куда быстрее самого Тая.

Вопрос в том, кто ещё догадался. Тай не тешил себя мыслью, будто они с Диком одни такие умные.

– Вот она, сказочка твоя. Живее всех живых. Страшно, Дики? – поддел он, стараясь сохранить хорошую мину при плохой игре.

– Страшно, – без улыбки отозвался Дик. – За девочку страшно, прибьют же ни за что. Замечательная ведь девочка. Добрая, умная, красивая...

– Втюрился, что ли?

– Да ну, скажешь тоже! Я парень простой, мне такая девушка не по зубам, – ухмыльнулся он. – Предпочитаю завидовать её будущему мужу с почтительного расстояния. Просто *огонь* же, а не девица! Даже камень раззадорила!

– Ха-ха, – кисло протянул Тай. – Впрочем, идея неплохая. Выдать её замуж, под защиту влиятельного рода...

– Эту кралю? – развеселился Дик невесть чему. – Попомни мои слова, Тай: замуж она себя выдаст сама. Да много ли наших по расчёту

женится?

Немного, это точно. Помолвки договорные заключают, да, и на ком попало жениться глава рода не дозволит, но...

Но. Если между женихом и невестой нет ни малейшей искорки симпатии – настаивать на таком союзе не станут. Недальновидно, глупо и даже опасно.

Два ненавидящих друг друга тёмных мага под одной крышей не уживутся. Никак. Дело вполне может кончиться трупом, а то и двумя. Любовный или хотя бы дружеский союз куда предпочтительнее, ведь любят тёмные точно так же, как ненавидят – пылко, яростно и бесконечно.

Тай это не понаслышке знал, между прочим! Да вот беда – его избранница отличалась ослиным упрямством и замуж идти ни в какую не желала.

«Ничего, не отшла же до сих пор, – деловито утешил он сам себя. – Ещё два года впереди, уломаешь как-нибудь. А теперь жопу в руки, женишок, и вперёд, строчить письма счастья».

Если уж твой дом находится подле Чащи, неженки с тебя не выйдет. Из некромантов их вообще получается маловато – а ну попробуй с малых лет пялиться на трупы, ходячую мертвечину и прочую жуть. Батистовые платочки и чистые сапоги будешь видеть только в своих мечтах.

А уж если твой дом находится всего-то в нескольких милях от заселённых нечистью болот и лесов, то и вовсе пиши пропало – титулы титулами, а запоминать, с какой стороны класть вилку, будешь долго. Особенно если твоя фамилия Блэквуд и твой род берёт начало примерно в те времена, когда нечисть гоняла нас, а не мы её.

Хорошие были времена. Достойные. Выживали только те, у кого имелись мозги, инстинкт самосохранения и неплохая соображалка.

У навязанных мне стажеров из последнего выпуска Академии Сумерек нет ни одного, ни другого, ни третьего.

– Мёртв, – постановил я, глянув на рухнувшего ничком стажера, которому прилетело атакующим заклинанием. – И даже съеден. Приятного аппетита, лорд Сангстер.

– Благодарю, лорд Блэквуд, – раскланялся передо мной Гидеон.

Он сунул камень, чёрный с красными прожилками, обратно под рубашку. Покосился на валяющегося на траве парня, который явно испытывал трудности с тем, чтобы встать. И сплюнул на траву. Обиженно даже как-то вышло – будто это мы с ним выучили криворуких идиотов, а не полудурок Мэддокс.

– Что-то я не пойму, – протянул устроившийся на небольшом складном стульчике Антониус Гилберт.левой рукой он лениво поглаживал своего фамильяра – огромного чёрного пса, в правой покачивал стакан с виски. – Ливингстоуну не даёт спать слава святого рыцаря Олмса? Надо написать ему, что он не настолько красив.

– А вот возьми и напиши, – посоветовал Гидеон. Плеснул виски себе и уселся прямо на траву. – Не уклониться от стриги, мать моя ведьма! Кого бородатый хмырь нанял в преподаватели? Ещё немного, и начну верить в заговоры в Академии, прямо как Тони.

– Давно пора, – хмуро сообщил я. – Третий год, милорды, меня выгоняют на полигоны, натаскивать мелкоту на полевую работу. Вам хорошо, один виски в замке распивает, – Гилберт возмущенно вскинулся, но промолчал – прямо диво какое-то, – второй рубит золото с идиотов, которым, видите ли, побольше земельки перед родовым гнездом оттяпать захотелось... А у меня уже третий год что ни выпуск, то безрукие коряги вместо некромантов.

– И поэтому ты решил припречь нас, – издевательски отметил Гилберт. – Умно. А ещё говорят, я ушлый.

– А ты и ушлый, – не остался я в долгу. – Но я хуже.

Раза так в три. Официальное место при дворе даже из деревенщины запросто сделает подлого беспринципного ухаля, втайне мечтающего перебить половину астрийской аристократии. Я деревенщиной не являюсь, а если верить метрикам и древней дарственной на десять акров земли, так и вовсе целый лендлорд... Но за интригами – это к Тони Гилберту, я же предпочитаю работёнку хоть и более грязную, но напрочь избавляющую меня от общения с тупицами из высшего света. Вымерли лорды, как есть вымерли. Остались одни пройдохи, торгаши, да мы – осколки старой крови, мечтающие обустроить хозяйство покрепче, пока позволено. Пока власть не гонит всех чернокнижников подальше от городов и «порядочных людей».

Было бы кого гнать.

Найтстары всё равно что вымерли. Светлые своего добились – за несколько десятков лет от могущественного рода остались лишь Лианна да Ленора. Если Тони не позволит кому-то из детей наследовать матери, то можно считать, что семьи с такой фамилией больше нет.

От Сангстеров остались Гидеон, Тибериус и совсем мелкий Аврелиус. От Блэквудов – только я и отец. Ну и ещё Фиона, но та носит фамилию Сангстер уже почти тридцать лет как.

Вымерли, выродились, разорились.

Не отнять, времена сейчас получше, чем в правление его величества Бенедикта Кровавого. Десяток лет, и последствия кровавого террора светлых сойдут на нет – благо её величество молода, умна, здорова и охраняется лучшими магами королевства. Появятся дети, да не по одному на семью, как в нашем поколении, а по трое и больше. Возродятся дома. Кто-нибудь обязательно спутается с нечистью из Чащи, как это уже бывало, принесёт на людскую землю новую кровь и, возможно, новую магию...

Это если нас всех не сгубят идиоты вроде нынешних выпускников Академии.

– Как думаете, сколько дадут за убийство тихони Мэдди? – поинтересовался я у своих со... ладно, пусть будут соратники. Хотя в данный момент оба сиятельных лорда тянут скорее на собутыльников.

– Монет или лет? – заржал Гидеон, третий стакан отдавая мне.

– Нисколько, – скривился Тони, тоже глянув на пытающихся показать хоть что-то дельное стажеров. Получалось плохо – в теории они хороши, спору нет, а вот на практике... Ну, на практике, видимо, предполагалось заговаривать мертвякам зубы, а не загонять их под землю на десяток футов. – Я придумаю тебе алиби. Скажу, что похитил Рэя Блэквуда прямиком из дворца – для охраны моих несметных богатств, – запер в подвале и кормил по расписанию. Грохнешь Ливингстоуна, отдам в жёны любую из своих дочек. А то больно он задержался на этом свете, старый пень.

– С чего вдруг такая сердобольности, лорд Гилберт? – Гидеон всплеснул руками, только чудом не пролил при этом виски. – Прежде за вами такого недостатка не замечалось.

– Какая сердобольность, помилуйте, лорд Сангстер! Наследнички наши в этой школе благодравия учатся. Боюсь, сгинут, с такими-то

учителями.

– Сами научим, не привыкать, – отозвался я. Но мыслишка о скоропостижной кончине Мэддокса и архимагистра Академии как-то так приятно засела в голову. – Вот отмажусь от придворных обязанностей, восстановлю уже свою развалюху – видит Царица, давно пора была это сделать, – и возьмёмся натаскивать жертв современного образования. А дочек своих оставь себе, Тони, я для них староват. Сколько им, кстати?..

– Арианне в этом году шестнадцать, Валери через месяц будет четырнадцать. Пора сговариваться о помолвках, да только пристойных женихов пока не наблюдается. Эх, милорды, знали бы вы, как хлопотно иметь дочерей!

О, ничуть не сомневаюсь. Особенно хлопотно их пристраивать в жёны – мне только за последний год поступило около десятка писем с предложениями. Даже среди светлых чародеев нашлась пара любителей экзотики: жажда одарить дочурку пристойной фамилией и местом при дворе оказалась сильнее ненависти к чернокнижнику. Жениться я не так чтоб планировал, но к невестам всё же присматривался – дом без хозяйки развалится, не успеешь и глазом моргнуть, а продолжить род я не просто должен – обязан, если не хочу, чтобы дом Блэквуд сгинул в песках времени.

Хотелось ли мне жениться? Не слишком, но какой мужчина вообще об этом помышляет? Гидеон обожает мою сестру, Тони, хоть и та ещё мороженая вобла, души не чаёт в Лианне, но они оба женились потому, что сперва влюбились в своих наречённых, а не потому, что того требовал долг. Не прогадали. Даже Гилберт, который расплатился с леди Ленорой Найтстар чуть ли не всем состоянием.

От необходимости придумывать худо-бедно пристойный ответ для папаши двух дочерей меня избавило мелькнувшее в пасмурном небе пятнышко. С такого расстояния толком не разглядишь, но я уже знал – это летит один из калонгов, принадлежащих Сангстерам. Огромные летучие лисицы в фамильярах были визитной карточкой некромантского семейства, точно так же, как гром-птицы у Лайтнингов.

– Твой?

– Нет, мой при мне, – тут же ответил Гидеон, рассеянно запустив пятерню в свои длинные космы цвета венозной крови. – Это

Джинджер. Джинни. Тыфу на тебя, Тай, не мог фамильяру приличное имя подобрать?

– Она же девочка. И рыжая. Нормальное имя, – с усмешкой возразил я, позволив любимой питомице племянника устроиться у меня на плечах. Таскать на себе гигантское рукокрылое – то ещё сомнительное удовольствие, но после стольких лет якшания с Сангстерами и не к такому привыкнешь. – Привет, Джинни. Что у вас там стряслось?

Джинни, само собой, не ответила, однако в моей протянутой ладони материализовалась пара конвертов. Один для меня, другой для Гидеона.

– Ох, великие звёзды, – простонал тот, скривившись точно от боли, – ну что там такого могло случиться в первый же день?

Письма Тибериус писать умел. Ещё с первого курса слал домой короткие, но ёмкие сообщения обо всем мало-мальски подозрительном, что творилось в Академии. Мог бы и не слать, но то был наказ едва ли не всей родни, включая меня: отчитываться за каждую ерунду, чтобы ерунда не превратилась в нескончаемый... хм, бардак. Да и почтенный архимагистр Ливингстоун пребывал в тонусе и зазря не лез к чернокнижникам – пока у тёмных учился (и чуть что, мог пожаловаться родне) Тибериус Сангстер, портить жизнь ему и его однокурсникам он опасался.

Это письмо ни коротким, ни емким не было. Тай был взволнован, понаставил клякс и явно торопился.

Было с чего – я вот с добрую минуту пялился на желтоватый лист бумаги в своей руке и никак не мог вернуть себе дар речи. Воистину, письмо, начавшееся с *«Рэйнхарту Блэвуду, лорду Приозерья»* вместо привычного *«Привет, дядюшка!»*, не могло содержать ничего хорошего.

Ну да вопрос в точке зрения, как любит говаривать Руфус Фарли, сегодня не сумевший почтить нас своим присутствием из-за подвернувшегося дельца.

Лисандра Сеймур, дочка чересчур громкого и туповатого вояки от чародеев, поступила в Академию Сумерек. Ничего особенного, в год туда поступает около трёхсот человек.

Лисандра Сеймур прошла через Горнило Небесного Огня и оказалась на факультете чернокнижников. Уже интересно – девица из

чистокровной светлой семьи может оказаться тёмной, только если она бастард или подкидыш. Гаррет Сеймур туповат, но прямолинеен: он и ценой жизни не смог бы скрыть происхождения старшей дочери. А Аделаида Мартин, светская красавица с куриными мозгами, нипочём не могла провернуть такую аферу под носом у муженька. Или всё же могла? Поди разберись.

Лисандра Сеймур прокляла мелкого Гилберта, едва глянув на него; разрядила амулет, заговорённый Лианной; подожгла и расплавила камень – очевидно, в ходе неудачной попытки его трансмутировать.

Лисандра Сеймур – совершенно точно Найтстар, о чём нетрудно догадаться любому чернокнижнику из тех, чьи семьи достаточно стары.

– Александр имел интрижку с Литой Мартин?! – подняв глаза от письма, шокировано поинтересовался Гидеон.

– Что, простите? – переспросил Тони, как-то резко выпрямившись на своём стульчике. Ему-то письма счастья не досталось.

– Поздравляю, лорд Гилберт, – скривился я в нервной усмешке, – теперь вы тоже дядюшка.

Тони задумался. Подергал себя за прядь тяжёлых тёмных волос – плохой жест, выдающий удивление и крайнюю нервозность. Насколько мне помнилось, Антониус Гилберт ни первым, ни другим не страдал. Удивлять он и сам умеет, напропалую обстрипывая такие делишки, за которые его на правах приятеля вечно костерит Руфус, мужик прямой и обстоятельный. Нервничать Тони не умеет вовсе. Эта участь достаётся тем, кто решает посоперничать в интригах с нынешним главой ушедшей семейки.

Однако же теперь он нервничает. Прямо как мы с Гидеоном, мигом просекшие, что ситуация принимает уж совсем интересный оборот.

– Рад безмерно, – протянул Тони с кривой ухмылочкой, едва дочитав сунутое мной письмо. – Башни посреди леса, катакомбы, схоронки у кого остались?

– У всех, – мрачно отозвался Гидеон. – Думаешь, придется прятать?

– Без сомнений, – кивнул я. – Александр, мир его праху, чудом дожил до тридцати. Бесхозную девчонку Найтстар, молодую,

здоровую и плодовитую, грохнут ещё до окончания Академии.

Тони снова дёрнул себя за волосы, покусал губу. Думает. Ну или скорее прикидывает, как бы утихомирить жену – леди Лианна наверняка получила похожее письмо от своего драгоценного первенца и уже готовится разносить Академию по камешку, чтобы выцарапать оттуда племянницу.

Я содрогнулся и даже почувствовал Ливингстоуну – вбившие себе что-то в голову Найтстары воистину страшны и опасны. Даже если они уже давно Гилберты.

– Ну и кто из нас троих будет похищать принцессу? – поинтересовался Гидеон.

– Я, – отозвался я решительно. – Вам двоим ещё детей на ноги поднимать. Я тут единственный сыч, да и её величество давно порывается вернуть мне должок. Только нужно придумать, под каким предлогом я попаду в Академию.

– Придумаем, – пообещал Тони. – Но втроём не управимся.

– Леди Ленора, Лианна, Руфус...

– И наши дети, – вздохнул Гидеон, почти наверняка не желающий впутывать в авантюру своего наследника. – Видит Царица, наследнички у нас всех удались. Пиши Леноре и зови жену, Гилберт.

– А ты?

– А я, пожалуй, подыщу леди Лисандре башенку. Было у меня местечко подходящее. Сам Рыцарь не отыщет, Царицей клянусь.

Я скептически хмыкнул. Идея, конечно, здравая, да только как в ту башенку загнать девицу по фамилии Найтстар? Уговорами, обещаниями, угрозами? Не пойдёт, руку даю на отсечение. Силком? Так от той несчастной ухоронки камня на камне не останется...

Ладно, по ходу дела разберусь – и с девицей, и с башней, и с бардаком в Академии. Или я не Рэйнхарт Блэквуд.

Глава 4

Утреннее пробуждение было на редкость приятным... по крайней мере, первые секунд десять. Потом я распахнула глаза, в замешательстве уставилась на незнакомый потолок и... вспомнила.

Распределение. Шквал недобрых взглядов. Первый день занятий. Знакомство с наставником.

Горящий, мать его, камень.

Ругаться леди не пристало, но на ум упорно лезли слова – одно другого неприличнее. Великие звёзды, да как вообще можно было поджечь то, что не горит?!

Не горит. Но плавится. Правда, пламя должно быть настолько горячим, что мне даже вообразить трудно.

Вот только оно даже тёплым не было. И, сдаётся мне, к живому огню также не имело никакого отношения, но как эту штуку ещё назвать? Перекошенное в ужасе лицо преподавателя до сих пор стоит перед глазами. Может, он знает, что я натворила?

И... кто я такая? *Что* я такое?

– Проснулась? – послышался приветливый голос дежурного целителя – не запомнила её полного имени, но, похоже, все зовут её мисс Эбби. Милая девушка. И ни разу не выказала неприязни, чего я немного опасалась. – Не придуривайся, и так знаю, что да. Как самочувствие?

Улыбнувшись чуть кисло, села на постели. Самочувствие прекрасное, если говорить о физическом состоянии. На душе же... холодно, пусто и пыльно, как в заброшенной лачуге.

– Всё в полном порядке, мисс, спасибо вам.

Эбби нахмурилась и поджала губы, что на её округлом глазастом личике смотрелось странно.

– Смотри-ка, каменная что те горгульи, – пробурчала она. И, вздохнув, уже ласковее прибавила: – Лисандра, я, возможно, лезу не в своё дело, но мне было бы куда спокойнее, если бы ты закатила безобразную истерику и, не знаю... расколошматила что-нибудь? Тёмному магу вредно всё держать в себе, вы ж темпераментные – жуть. Поплачь хотя бы, пока никто не видит!

– Не могу, – пожав плечами, ответила я.

Действительно не могу. Даже вчера не вышло – руки-ноги ходили ходуном от очередного потрясения, но я просто сидела и пялилась в одну точку, пока вокруг суетились Стеф и почему-то задавака Лэндон. А затем, так и не сказав ни слова, позволила встревоженному Дику отволочь меня сюда, в лазарет.

– Потом как-нибудь. Спасибо ещё раз, мисс Эбби, можно я пойду?

– Иди-ка ты, – вздохнула та, – в ванную. Хоть помоешься нормально, раз уж всё равно здесь.

Помыться без толпы недоброжелательниц за спиной? Звучит и впрямь соблазнительно.

Неспешно приняв душ в тесной, но чистенькой кабинке, укуталась в пушистое полотенце и взялась за щётку для волос, что мне любезно одолжила целительница. Глянула на себя в простеньком зеркале, что висело над раковиной. Да так и застыла, не донеся расчёску до головы.

Это я?..

Девушка в отражении и впрямь выглядела знакомой. Лицо сердечком – широкий лоб с чуть заметным, но всё равно нелепым вдовым мыском, тонкие скулы, острый подбородок. Пухлые капризные губы, аккуратный прямой нос, большие глаза с приподнятыми уголками...

Глаза, прежде голубые, стали невероятного сине-фиолетового оттенка. Живые и выразительные, но какие-то потусторонние, они ярко выделялись на фоне непривычно бледного лица и белокурых волос.

Красиво. И жутко. Как будто тьма, поселившаяся внутри, выпила из меня все краски. Всю жизнь. Всё счастье.

Ужас сковал меня по рукам и ногам, горло стиснуло болезненным спазмом и...

И снова пустота. Слез как не было, так и нет. Хорошо это или плохо, ума не приложу.

Высушила волосы привычным заклинанием, расчесала, вяло удивляясь их странному золотисто-серебряному отливу, и собрала в толстую косу. Снова взглянула на снежную королеву в зеркале, поморщилась, но тут же выразительно завела глаза к потолку. Подумаешь, выцвела немного! В остальном-то прежняя. Отнюдь не

аристократические формы, старательно наетые на шоколаде и пирожных, никуда не делись, дурацкий мысок надо лбом – тоже. Возле левого глаза всё так же красуется небольшая родинка. Правая бровь по-прежнему чуть выше левой.

Ещё раз поблагодарив мисс Эбби, частично вернувшую мне веру в хороших светлых магов, я поспешила попрощаться. Хорошо, сумка и форма были при мне, не придётся бежать в комнату за вещами...

– Далеко собралась, красатуля? – послышался откуда-то сбоку вкрадчивый мягкий голос. Почему-то женский.

У стены, привалившись к одной из колонн, стояла девица. Темноволосая и темноглазая, с той самой фигурой, какой я обзаведусь, только если стану есть одно лишь мясо и не буду вылезать с занятий по физподготовке. Красивая. Не той красотой, что делает из юной девушки мечту каждого первого мужчины, но всё равно приметной и какой-то хищной: острые скулы, густые тёмные ресницы, тонкие губы, чуть длинноватый нос. Мужчины любят блондинок, факт... Зато от таких брюнеток не гуляют налево, справедливо опасаясь если не яда в бокале, то знатной оплеухи.

Девица выглядела знакомо – ну ещё, бы в тёмно-синей-то форме! – и я с трудом, но всё же припомнила, где её видела. В компании Тибериуса Сангстера и Ричарда Фарли, с которыми она вчера сидела за завтраком. И нет-нет, а косилась на меня, как косятся обычно на коварных соперниц или будущих кровных врагов.

– На завтрак, – отозвалась я, надеясь, что голос мой звучит достаточно спокойно. Не хватало ещё впасть в истерику и уж тем более продемонстрировать девице свою... своё...

– А лучше бы сначала надеть портки, – хмыкнула она, на моё явное недружелюбие никак не отреагировав. – Но завтрак так завтрак. Пошли.

– Зачем это? – удивленно поинтересовалась я, не понимая, с чего вдруг чернокнижнице беспокоиться о моём наряде. – И почему я должна куда-то с вами идти?

– В обморок падать удобнее, панталонами не светишь. А идти – потому что так приказал наш лорд. Ты идёшь, я играю в твою охрану. Всё ясно?

Нет. Не ясно. Я даже головой мотнула, откровенно не понимая, что несёт эта полоумная. Какой лорд, какая охрана? Я схожу с ума и у

меня начались галлюцинации?..

– Лорд?

Вот так, Лисандра, правильно. Всегда начинай с самых тупых вопросов, чтобы твою протекающую крышу не сразу заметили и не определили к целителям. Впрочем, в медотсеке было не так уж плохо – тихо, светло, никаких девиц, и даже о собственных бедах удалось подзабыть. Или тому виной прорва успокаивающих зелий?

Точно. Иначе никак не объяснить, отчего я так туплю и не понимаю, что происходит.

– Лорд, – отозвалась девица как ни в чём не бывало. – В данном, случае – Сангстер. Пока Найтстары и Блэквуды прохлаждаются без детишек, он у нас сейчас самый умный, благородный и взрослый. Тебя что, Дики не просветил?

Я вновь коротко мотнула головой. Дики молчуном не назвать, однако сейчас я вдруг поняла, что весь его трёп был абсолютно бессодержательным. Природа, погода, сомнительные комплименты и ещё более сомнительные матримониальные планы. И ничего, абсолютно ничего важного.

Нет, сообразить-то я сообразила – чернокнижники действительно присматривают за первачками, не верить Стефу мне резона не было. Однако и не подозревала, что то было распоряжение Тибериуса, которое мои соратники по факультету отчего-то охотно исполняют. Если участие Дика ещё можно понять – Фарли и Сангстеры дружат уж несколько веков, – то вот добровольное согласие на службу сторожа от этой девицы представить трудно.

Свой страх. Вот что я не могу объяснить себе при взгляде на знакомую незнакомку. Она опасна, я чувствую это. Ощущаю кожей и прямо-таки непреодолимо хочу либо сбежать от неё подальше, либо поджечь, как тот камень...

Либо сдружиться. Потому как иметь во врагах потомственного демонолога поостереглись бы Сангстеры и Блэквуды вместе взятые.

Тёмные глаза, тёмные волосы, грозная стать... и татуировка в виде змеи, выглядывающая из-под рукава жакета. Татуировка двигалась, скалила пасть и даже шипела, словно норовя соскользнуть с чужого предплечья и впиться мне в шею.

– Насмотрелась? – вновь хмыкнула девушка, очевидно, приметив мое замешательство. – Узнала?

– Прочитала вообще-то, – отозвалась я не без сарказма. – Ты Октавия Кейн. У тебя на бирке написано.

В незапамятные времена Кейны были вполне себе Блэквудами – до сих пор сохранили ту же масть, характерную внешность и паршивый характер. Нет, сговорчивых ребят среди тёмных вообще не водится, уж это я успела уяснить, в том числе на своём примере, хотя тёмной-то была всего два дня. Но Блэквуды, а впоследствии и Кейны, которых из тех самых Блэквудов выгнали за «связь мерзейшую и всем богам противную со всякой нелюдью», по паскудству превосходили всех. Под «нелюдью» в данном случае понимались не абы кто, а самые настоящие демоны Пекла. И даже по меркам тёмных, известных своей неприязнительностью в постельных делах, это было нечто из ряда вон выходящее. Все знают, что Найтстары путались с фейри; Сангстерам приписывали связи с вампирами; Блэквудам... да тоже что только не приписывали. Однако же у большинства «наичистокровнейших» хватило ума пресечь все сплетни, сжечь пергаменты и гобелены, а особо болтливых извести под корень. Болтать-то болтают до сих пор, но доказательств нет, а по бальным залам да гостиным чего только не треплют.

Кейнам ума не хватило. Свое происхождение они не просто не скрывали – гордились. Да и скрыть такое, честно сказать, трудновато. Если простому демонологу, чтобы призвать какую-нибудь жуть, требуются пентаграммы, гексаграммы и прочие выкидыши прикладной геометрии, куча свечей, да не каких-нибудь, а специально зачатых, и хитрымудренный ритуал, Кейнам достаточно просто позвать. Щелкнуть пальцами, окликнуть... в общем, прилагать особые усилия для своей магии им ни к чему. Что уж там, поговаривают, их фамильяры – те же демоны из Пекла. И глядя на нарисованную змею, ползущую по руке Октавии, я в это охотно верю.

– Ну вот и познакомились, – с кривой усмешкой отозвалась она и снова зашагала по коридору. – Шевели туфельками, принцесса. Если мы с Крайтом останемся без завтрака, разрешу ему сожрать тебя.

Ну просто замечательно. Татуировка ещё и не татуировка вовсе, а самая настоящая змеюка. Прелестная компания, чудесные сокурники.

Одна мысль не давала покоя. Октавия Кейн не просто дочь своего проклятого рода. Последняя дочь, единственный ребёнок. Отец, помнится, напился на радостях, когда узнал, что все проклятые твари

убиты каким-то смельчаком, и сильно сокрушался, что Кейны не сгинули окончательно. Теперь эта мысль осела горечью на языке – я тогда была маленькой, очень боялась «проклятых тварей» и расстраивалась вместе с папой.

– Как тебя выпустили из дома? – ляпнула я первое, что пришло на ум. – Ты же...

– За дом испугались, вот и выпустили, – хмыкнула Октавия. Неохотно, но всё же повернула голову ко мне. – И охраняли потом три года, пока не поняли, что я и сама могу охранять кого угодно. Хоть её величество. Ещё вопросы?

Я мотнула головой, а затем, не удержавшись, всё же спросила:

– А меня тоже будут... ну... три года охранять?

– Тебя, красотуля, если понадобится, и все шесть охранять будут.

– Почему?

– Потому что, – отрезала Октавия. Как будто это всё объясняло! Но, видя моё явно недовольно лицо, она сжалилась. – Меньше знаешь – крепче спишь, слышала такую фразочку? Обратись к Таю. Захочет – расскажет.

– А если не захочет?

– Пригрози поджечь – чай не камень, не сдюжит, – пожалала плечами она. Но на мгновение всё же улыбнулась. – Пошли уже, а то впрямь всё сожрут, оглоеды.

И мы пошли. По коридорам, светлым и пустым – очевидно, все и впрямь уже в столовой, всю уничтожают завтрак. Ну или хотя бы прогуливаются по территории Академии – погода сегодня солнечная.

Далеко, правда, не ушли. В тот момент, когда я уже ощутила запахи столовой, даже уловила тонкий аромат любимых шоколадных пирожных, дорогу нам вдруг перерезал Роберт. Надо же, а я ведь о нём даже не вспоминала до этой минуты...

Удивительные вещи с мозгами творит тёмная магия.

– Лисандра! – окликнул он меня, поспешил к нам.

Куда там. Октавия ловким движением задвинула меня себе за спину, вытащила из кармана брюк руку. А змея уже и не нарисованная вовсе а самая настоящая – шипит, переливается чешуёй, скалит клыки, с которых капает яд...

– Шел бы ты отсюда, Лайтнинг, – проговорила Октавия. – Видит Царица, я нынче не в духе.

– Если кому и стоит отсюда... – он покосился на меня и бранное слово всё же проглотил, – идти, то тебе, Кейн.

– Серьёзно?

– Вполне.

Вокруг Роберта угрожающе заплясал вихрь огоньков, отчего я вздрогнула – драки не хотелось, а как встрять в стычку между стражем и демонологом, я представления не имею.

Змея соскользнула с руки Кейн, подозрительно увеличилась в размерах, отчего стала напоминать не гадюку, а чуть ли не василиска. Раскрыла вовсе не гадючий капюшон...

«Ему конец», – подумалось мне. Странно так подумалось. Отстраненно.

– Убери, – велела Октавия.

От её тона и мне тут же захотелось убрать что-нибудь. Себя, например, и как можно дальше.

– Леди Кейн, прошу, не нужно, он просто хочет поговорить, – с трудом заставив себя отмереть, проговорила я.

– Леди? – удивлённо уставился на меня Роберт, скривившись при этом так, будто перед ним сейчас не две девушки, а какие-нибудь саламандры. – Помилуй, Лили, ты слишком добра. Вот это чудище – леди? Да как бы не так!

– За языком следи, Лайтнинг, – огрызнулась Октавия, а её змея зашипела. – Я тебе не неженка Фарли и не чистоплюй Сангстер. С дороги.

– Ты – Кейн, – выплюнул Роберт. – Тронешь меня, и даже на тюрьму можешь не рассчитывать.

– Это если твой труп найдут.

– Достаточно! – выкрикнула я с неожиданным металлом в голосе – на секунду показалось, даже стёкла в окнах задребезжали. Или не показалось? Оба спорщика вздрогнули и вытаращились на меня, отчего я смутилась и робко прибавила: – Леди Кейн, прошу, позвольте нам поговорить. Я не задержу вас надолго, обещаю.

Октавия странно прищурилась, задумалась, а потом всё же убрала свою змею. Я даже выдохнула – змей я не боюсь, но обычных, а не тех, которыми повелевают демонологи.

– Пять минут, – наконец отозвалась она. Махнула рукой в сторону укромного местечка между колоннами, которое успела приметить и

я. – Время пошло.

– Ну и стерва, – возмутился Роберт, едва мы отошли подальше. – Чего ты с ней любезничаешь? Она же Кейн!

– Я стараюсь быть любезной со всеми, Роберт, – вне зависимости от фамилии собеседника, – сказала как отрезала. Может, я ему больше и не невеста, но осадить одной фразой по-прежнему могу. – Лэндон Гилберт и твоя сестричка не в счёт, они и святого рыцаря из себя выведут.

– Фарли, Гилберт, теперь вот Кейн. Хорошенькие знакомства, – пробормотал Роберт, но уже без прежнего запала. – Ладно, хоть Моргран туда-сюда... Где твоё кольцо?

А, вот он зачем явился. Как я раньше не сообразила?

Сунула руку в карман форменного жакета и достала оттуда кольцо, которое больше не желала носить – просто потому, что оно мне не принадлежит. А я больше не принадлежу Роберту. И почему-то эта мысль вызывает больше облегчения, чем печали.

Роберт взял кольцо и, к моему изумлению, решительно нацепил его обратно мне на палец.

– Чтоб больше не снимала, ясно? – стиснув мои руки в своих, заявил он горячо и как-то даже зло. – Оно твоё, и я тоже твой. Мои чувства к тебе не изменились, Лили.

Впервые за минувшие сутки я почувствовала что-то... нет, много всего и сразу. Нежность и щемящую тоску, радость и изумление. Неужели он по-прежнему хочет быть со мной? Неужели готов любить меня и такой?

Пару секунд я себе, конечно, помечтать позволила. А потом безжалостно выкинула прочь из головы все фантазии о нас с Робертом, стоящих против всего мира.

– Я изменилась, Роб, – выдохнула с сожалением. – Всего два дня прошло, а я уже себя не узнаю. Ни изнутри, ни снаружи.

– Ты стала ещё красивее, если это только возможно.

Он склонился ко мне, явно намереваясь поцеловать – и на сей раз я по-настоящему хотела, чтобы меня поцеловали, приласкали, обняли... отогрели. Хотела. Но не позволила.

– Какая разница, что ты чувствуешь, Роб? – гневно бросила я, упёршись ладонями в его широкую грудь. – Твой отец никогда не

позволит нам пожениться. Уверена, он уже нашёл тебе новую невесту без сомнительных сюрпризов в виде некромантского дара...

– Да пусть катится в Пекло вместе с ней!

– Смелые слова, но вряд ли ты рискнёшь сказать это ему в лицо.

– Чтоб меня, Лили, именно это я и сделал! Не веришь, да?..

О, в это как раз верю. Мой неудавшийся женишок, как и всякий огненный маг, обладает норовом кипящего чайника.

– Не надо, Роб, – попросила я ласково, смягчённая его решимостью, и на сей раз сама взяла его за руку. – Ты можешь говорить что угодно, да только это ничего не изменит. Найди себе порядочную светлую девушку, которая будет тебя достойна, а меня оставь в покое, ясно? Я не для тебя.

Попыталась было откланяться и уйти, сочтя разговор оконченным. Но мне не дали.

– Я уже нашёл себе девушку, другой мне не надо, – выдохнул Роберт, до боли стиснув мои плечи. Воздух вокруг него опасно раскалился, а в синих глазах заплясали искры пламени. Признаться честно, я боялась шевельнуться. – Ты моя, Лили, моя и ничья больше. Я не отпущу тебя. Не уйдёшь. Не позволю...

Да что он о себе воображает?! Неожиданно взъярившись, я сделала то, о чём раньше и помыслить не могла – вlepила Роберту такую пощёчину, что он пошатнулся. И руки убрал, слава звёздам.

– Ты сделал мне больно, – холодно отчеканила я, глядя в его до смешного ошеломлённое лицо. – Приди в себя, Роберт. Продолжать разговор в таком тоне мы не будем – ни сейчас, ни когда-либо ещё.

И, смерив его крайне возмущённым взглядом – на плечах синяки ведь останутся, как пить дать! – решительной походкой направилась к откровенно веселящейся Октавии. Сильно наивно будет надеяться, что она нас не слышала? Ну да.

– Прошу меня простить, леди Кейн, – произнесла ровно, хотя внутри по-прежнему всё бурлило от злости. – Я не хотела устраивать сцену.

– Хотела, – возразила она и кривовато улыбнулась. – И устроила. Молодец, принцесса. Пошли уже, пока твой женишок обтекает.

И мы пошли. Снова. Роберт остался где-то позади и не спешил меня догонять, я же вяло теребила в кармане пиджака кольцо, которое вновь сняла. Красивое, роскошное, должно быть, реликвия дома

Лайтнинг... Интересно, наймёт ли лорд Ричард заклинателя, чтобы проверить колечко на проклятия? Наймёт, скорее всего. Каждому светлому известно, что принимать подарочки от некромантов – затея гиблая.

– Сеймур, – окликнула вдруг Октавия, остановившись прямо у дверей столовой. Повела пальцами, и я ощутила, как над нами повисла заглушка.

– Да?

– Обидит кто по зиме, вздумаешь проклясть в отместку – сначала зови меня, поняла?

– Зачем? – непонимающе уставилась на неё.

– Земля мёрзлая, могилку копать трудно, – с легким и совершенно неискренним смешком отозвалась она. – А я про трупы не шутила.

– Но я не понимаю...

– Поймёшь. Всё, теперь жрать, – она первой толкнула дверь, быстро огляделась и, уцепив меня за локоть, втощила внутрь уже знакомого зала. – Вон твоя свита, принцесска. Иди, одаривай королевским благоволением!

Старательно игнорируя хмуро-пристальный взгляд Тибериуса Сангстера – денег я ему должна, что ли? – отправилась на линию раздачи и, нагрузив поднос, села за полупустой стол рядом с новыми знакомыми. Которых сегодня было трое.

– Чем обязаны такой чести, Лэндон? – вздёрнув бровь, изумилась я. – Вчера ты не особо рвался потусоваться с неудачниками.

– Решил заняться благотворительностью, – протянул Гилберт и отсалютовал мне пузатой кружкой, словно держал в руках как минимум фужер с мелантским золотым вином. – Ладно тебе, Лили, не дуйся. Прости, был неправ, для светлой клуши ты очень даже ничего...

– Гилберт, ты же не подкатываешь ко мне, правда? – искренне ужаснулась я. – Если да, то у тебя это выходит ещё хуже, чем извиняться.

– Да упаси Царица! – столь же искренне вознегодовал Лэндон. – Это как с родной сестрой лизаться! Ты себя в зеркале видела?

– Видела, – я нахмурилась, вертя в руке вилку. – Хочешь мне ещё что-то сказать?

– Хочу, – ответил он неожиданно серьёзно. – Но не здесь. Позже.

– Ты как, в порядке? – спросила Мира, обеспокоенно разглядывая меня. – Мы вчера ходили тебя навестить, – Стеф кивнул в подтверждение её слов, – но нас не пустили. Сказали, ты спишь.

– Да, я проспала большую часть времени, – с улыбкой кивнула я. – Но всё равно спасибо. О, и я опять не знаю расписания.

– Сегодня, мисс зубрила, твоя любимая энергофизика, – фыркнул Гилберт, кромсая ножом стопку блинчиков, щедро сдобренных маслом и клубничным сиропом. – А потом начерталка. После обеда – профильные, но мы трое гуляем, пока Десмонд сидит чахнет у Гримвард на кафедре.

– Ты всегда такой засранец? – нежно осведомилась Мира, смерив его далёким от восторга взглядом. – Вопрос риторический, если что. Ответ у тебя на лбу написан.

– Как же, на лбу. Нечего мне в голову лазить!

– Ой, да там небось смотреть не на что.

– Я бы не рискнула проверять, – усмехнулась я. – Уймись, Лэндон, сам же первый начал. Почему гуляем-то?

– У этого оленя Мэддокса какие-то срочные дела. Поди боится, что ты ему круп подпалишь. Я бы на его месте бежал за Рассветное море, скучать никто не будет.

Я покачала головой и отправила в рот ломтик сочной ветчины. Обижаться на Лэндона глупо – он и впрямь засранец, характер у него такой. Но вроде бы не сволочь – помог же вчера? Пусть даже и имея на это свои причины. В бескорыстие тёмного мага по фамилии Гилберт как-то не особо верится.

Сегодня мы снова очутились в поточной аудитории под номером четыре, уже привычно сели на ближайšie к входу места. Краем глаза заметила, что другие тёмные следуют нашему примеру. «Смотрите-ка, мы ввели новую моду!» – тут же протянул ехидный Лэндон.

Энергофизика и начерталка в расписании почти всегда стоят рядом, к этому мы все ещё со школы привыкли. Первый предмет нужен для расчёта выходных мощностей заклинаний с учётом всевозможных констант и переменных величин. Второй – для графической записи заклинаний при помощи основных рунических алфавитов. Звучит проще, чем первое, но на деле почти то же самое: здесь также есть множество правил, свойств и теорем, которые всегда

необходимо держать в голове. Кроме того, каждой руне соответствует свой жест и своё магическое плетение.

Мне оба предмета очень нравились ещё со времён средней школы: всё логично, разложено по полочкам, подчиняется определённым правилам. Много чего надо держать в уме, но мне было несложно – я прилежная, быстро схватываю, да и на память никогда не жаловалась.

Энергофизику вела магистр-нейтрал, на удивление молодая девушка, рыжеволосая и смешливая. Из магистра Трюдо она довольно скоро и охотно превратилась в мисс Селин, а явная любовь к своему предмету в ней сочеталась с удивительным талантом подать и разъяснить материал так, что усвоит даже самый нерадивый студент. Объясняла она доходчиво, с примерами, при этом не нагружая нудной теорией – формула, краткое пояснение, пример вычисления и бонусом какой-нибудь весёлый случай из практики. Однокурсники явно прониклись, я же и вовсе была на седьмом небе от счастья, даром что ничего нового пока не узнала – сегодняшней день мисс Селин отвела под повторение пройденного.

В общем, час пролетел незаметно, а получасовой перерыв – без происшествий. Бекки с её подпевалами злобно косились на нас, но не подходили. Уж не знаю, то ли им надоело меня задирать, то ли какую гадость задумали. Или же просто Лэндона испугались. По крайней мере, сам Лэндон был железно убеждён в последнем.

– Дранные кошки, – припечатал он, смешно скосившись одним глазом на Бекки и её подружек.

– Не обижай кошек, – фыркнула Мира. – Они красивые, умные и изящные. А тут... Ни ума, ни красоты, только спесь.

– Одним словом, светлые, – Лэндон скривился, а затем вдруг в манерном жесте сложил руки на груди и заверещал тонким противным голосом: – Ах, леди Лори, как вам моё платье! Ах, леди Бяка, этот зеленый так вам к лицу, и даже цвет один в один!

– Он вчера в столовке с ними сцепился, – пояснил Стеф, когда мы кое-как отсмеялись. – Светлым дурочкам пришлось несладко, а прозвище «долбанутая Бекки» ушло в массы... Под конец их старосты разнимали. Жаль, ты не застала эпохальное сражение.

Я невольно прониклась к Лэндону симпатией. Видят звёзды, он мне гораздо больше нравится, когда задирает не меня, а моих бывших

подружек! Жалко последних не было ничуть: их сложно назвать беспомощными и невинными овечками.

Едва перерыв подошёл к концу, в аудиторию стремительным шагом вошла женщина средних лет. Куратор заклинателей, если не ошибаюсь. Как и магистр Гримвард, она предпочитала брючные костюмы, но, в отличие от куратора менталистов, даже в таком эпатажном наряде выглядела скучно и непривлекательно. Хотя костюм явно недешёвый, пошитый на заказ, и сама женщина довольно симпатичная – высокая, стройная, хороша с лица. Густые каштановые волосы стянуты в такой тугий узел, что и смотреть больно; тонкие, слегка тронутые помадой губы неодобрительно поджаты, а светлые глаза смотрят пронзительно и сурово.

– Доброго дня, господа студенты, – говорила она тоже не слишком приятно, как-то резковато и... напыщенно, что ли. – Даниэлла Чейз, магистр кафедры заклинательства. Вы обращаетесь ко мне «магистр Чейз» и никак иначе: я, в отличие от своих коллег, не поощряю панибратства.

Да можно подумать, кому-то придёт в голову назвать её «мисс Даниэлла». И дело тут не в панибратстве, просто эта тётка, по-другому не скажешь, явно не любимица студентов. Сложно снискать чьи-либо симпатии, когда всё время так и норовишь напомнить окружающим, что ты целый магистр и кучке вчерашних школьников совсем не ровня. Высокомерие ещё никого не украсило.

Ладно, я же не дружить с ней пришла, а учиться рунологии. Может, она преподаватель хороший?

Ну, по крайней мере неплохой, если судить вводной лекции, также посвящённой повторению школьной программы. Сухо, в сравнении с мисс Селин – скучновато, но всё-таки не слишком нудно и строго по делу.

Затем на нас свалилась «небольшая контрольная работа», и я окончательно убедилась – мисс Чейз среди учащихся не в почёте. (Лэндон явно уже раздумывает, как бы половчее подбросить пару фунтов грифоньего дерьма ей в кабинет.) Хотя проверка без малого трёх сотен работ за двадцать минут – это, конечно, впечатляет.

– Я крайне разочарована, господа, – заявила она, едва листки с контрольными разлетелись по адресатам. И физиономию состроила такую, словно мы на тех листках костерили её родню до седьмого

колена. – Судя по всему, нам предстоит очень много работы. Столь вопиющего пренебрежения к своему предмету я терпеть не намерена.

Поправочка – учащиеся её наверняка просто ненавидят. И я охотно примкнула к их рядам, едва увидела свою контрольную, исчерканную алыми чернилами. Судя по злобному бубнежу со всех сторон, досталось не только мне, но... но...

У всех людей есть недостатки. И, наверное, тёмная магия вытаскивает их наружу. Я и в прежние времена была упрямой, настойчивой и несколько тщеславной, однако сейчас и мысли не возникло промолчать, смириться с несправедливой оценкой.

– Что это значит? – выпалила я, не особо трудясь понизить голос. – Я всё сделала правильно!

– В самом деле, мисс Сеймур? – ледяным тоном осведомилась Чейз, стянув губы в нитку. – Вы меня не слышали, когда я говорила о важности соблюдения порядка во всём, включая даже простейшие рунные цепочки? Очевидно, ваш предыдущий учитель дал вам излишне завышенное представление о ваших способностях, однако спешу огорчить – вы не магистр, чтобы переиначивать и сокращать классическую запись.

– Мне и не нужно быть магистром! Константы на своих местах, заклинание стабильное, полностью рабочее, а остальное, согласно шести принципам Хэнлона, остаётся на...

– Принципы Хэнлона мы обсудим в конце второго курса, мисс Сеймур, – отрезала Чейз, уперев руки в бока. – А пока найдите своё место. Вы первокурсница, извольте подчиняться общим требованиям.

– Но это же абсурдные требования! – воскликнула я. И, к немалому удовлетворению, услышала согласное бормотание со всех сторон.

И тут Бекки, разумеется, стерпеть не смогла.

– Наша мисс Зубрила села в лужу, какая жалость...

– Смотри, как бы самой лужу не наделать, грёбаная ты сука! – рывкнула я, вскочив со стула и не помня себя от бешенства. Перед глазами аж цветные пятна засверкали, а руки затряслись. – Немоты тебе, значит, было мало?! Да гори ты!..

Лэндон, довольно присвистнувший на первой части фразы, резко подорвался и зажал мне рот ладонью.

– Тихо, тихо, Лили, не надо «гори», прошу, – забормотал он, точно сиюсь успокоить взбешённую кошку, – она ж не камень, за неё нам так влетит! Свидетелей, опять же, куча...

– Достаточно, мистер Гилберт, – произнесла магистр Чейз дрожащим от ярости голосом. – А вы, мисс, идите и обсудите ваше отвратительное поведение с архимагистром...

– Непременно обсужу, – уверила я, отпихнув Лэндона и закинув сумку на плечо, – чем преподаватель отличен от бешеной тётки с комплексом богини.

– Да как вы смеее?! Думаете, подобное хамство вам сойдёт с рук?

– Нет, но что ещё мне терять? – огрызнулась я, чуть не бегом идя к выходу. – А вам желаю провалиться на этом самом месте!

За спиной раздался страшный грохот, и кто-то – кажется, Лэндон – меня окликнул, но я не остановилась. Наоборот, помчалась прочь, глотая злые слёзы и совершенно не желая никого видеть. Ради их же блага – ведь сейчас я чувствую себя способной не на пощёчину, не на оскорбление, но... на убийство.

Будь оно всё проклято! Ненавижу эту дурацкую академию, это треклятое Горнило, эту мерзкую заклинательницу и ещё всю семейку Лайтнингов до кучи!

Кое-как придя в себя, огляделась по сторонам. Куда это меня занесло? Коридор с множеством дверей, тёмный и смутно знакомый. Кажется, это...

Додумать мысль я не успела: чудовищная усталость вдруг обрушилась на меня, заставляя прислониться к стене и сползти на холодный каменный пол.

«Похоже, сегодня я на обед снова не попаду...» – промелькнула в голове дурацкая мысль.

А затем я прикрыла глаза и...

...и снова уставилась на незнакомый потолок – белоснежный, со старомодной массивной люстрой. Неужели потеряла сознание? Кто-то меня нашёл и переместил... куда, кстати?

Осторожно села на мягкой кушетке и в недоумении огляделась по сторонам. Вроде кабинет. Небольшой, уютный, хоть и погружен в полумрак. На противоположной стене висит картина с пасторальным

пейзажем, по левую сторону от меня – ряд книжных полок. По правую же стоит стол, а за столом...

– Лорд Лестер?

Магистр тёмных искусств оторвался от письма, которое хмуро читал, и одарил меня чуть натянутой улыбкой.

– Рад видеть вас в добром здравии, Лисандра. Вы сегодня натворили дел.

Я в ужасе прижала ладонь ко рту. Великие звёзды, неужели я и впрямь нахамила преподавательнице?! Выпендрилась, идиотка? Теперь позабудь о той контрольной и вспомни, что тебе у этой светлой злыдни учиться ещё не один год! Магистр не долбанутая Бекки, её стоит побояться.

– Что же я... Простите, пожалуйста, лорд Лестер! Я не знаю, что на меня нашло...

– Не за что извиняться, Лисандра, – вздохнул он. – Ваш дар, очевидно, слишком силён и приходит к вам тяжело. Неудивительно, учитывая, что вы всю жизнь провели среди светлых магов и в мир тёмных вошли абсолютно неподготовленной. Хотя с магистром Чейз всё же придётся помириться.

– Разумеется, – пробормотала я, смущённо потупившись. – Я раньше никогда себя так не вела, но мисс Чейз... она была неправа!

– Я ведь тоже у неё учился, – поведал магистр Мэддокс, поднявшись из-за стола и сев на кушетку рядом со мной. – Потому прекрасно знаю, что Даниэлла может быть... тяжёлой в общении. Очень тяжёлой. Но поймите, она действовала из лучших побуждений! Правила важны, и их нужно соблюдать.

Кому сдались правила, которые давно опровергнуты на сто рядов и едва ли не упразднены за ненадобностью? Да никому! Но это неважно, для Мэддокса я всего лишь первокурсница и неправа по умолчанию. Само собой, он на стороне своей коллеги, пусть она хоть трижды несправедлива.

– Конечно, магистр, сэр, – выдала я как могла почтительно. – Простите, но... почему я здесь?

– Я счёл необходимым убедиться, что вы в порядке. Видите ли, мисс Сеймур, вы сотворили стихийное проклятье пятого уровня, едва не обрушив пол в четвёртой аудитории. Нет-нет, я вас не виню, – заверил он прямо-таки отеческим тоном, – вы не отдавали себе отчёт в

том, что делаете. Вина скорее лежит на мне: после вчерашнего происшествия я допустил вас к занятиям без артефакта силы.

Ох, и правда... мы ведь вчера должны были получить первые камни. Всем известно, что артефакты силы помогают магу лучше контролировать выходную мощностъ заклинаний, колдуя более точно и правильно. А уж мне-то, учитывая поджог камня и...

...и что?!

– Я ведь... никто же не пострадал, верно?.. – уточнила слабым голосом. – Я не...

Не хотела? Враньё. Хотела же, и действовала почти осознанно. Если все тёмные маги такие чокнутые, то неудивительно, что их не любят.

Что *нас* не любят.

– Ну что вы! Нет конечно. Хотя магистр Чейз явно нескоро забудет вашу... размолвку, – Мэддокс даже позволил себе усмехнуться. – Может, теперь трижды подумает, прежде чем валить моих студентов почём зря.

Я потёрла переносицу, нервно закусилa нижнюю губу.

– Лорд Лестер, почему я не могу сладить с собственной силой? Мне... мне страшно. Что я натворю в следующий раз?

– Надеюсь, что ничего... В смысле, я подобрал вам артефакт силы, который должен сгодиться на первое время.

Артефакт оказался простым ученическим кольцом с семью мелкими камешками: один голубой, два зелёных, четыре прозрачных. На пальце он ощущался как-то странно, и вроде бы мне полагалось выбрать первые камни самой, но... преподавателю же виднее, правда? Ни к чему устраивать ещё один скандал, тем более что магистр Мэддокс – он ведь, в отличие от Чейз, хороший.

Может, даже слишком хороший. С чего такая забота?

Решительно осадилa себя. Брось, Лили, что за глупые мысли? Он твой наставник, это его работа – заботиться о тебе. Вспомни, этот святой человек даже Лэндона ни разу не осадил, хоть и следовало!

Магистр встал и протянул мне руку.

– Идёмте, Лисандра. Нужно проверить, угадал ли я... с набором камней.

Мир перед глазами дрогнул и на миг исчез. Я поняла, что мы переместились при помощи телепорта. И очутились, судя по всему, в

лаборатории.

Мы подошли к заставленному алхимическими принадлежностями столу, и Мэддокс жестом фокусника поместил передо мной камешек, вид которого заставил меня страдальчески скривиться. Опять огненное шоу устраивать, что ли?

– Не волнуйтесь, – произнёс он с нарочитым весельем, – на сей раз я готов ко всему. Это гранит, и он состоит...

– Кварц, слюда, полевой шпат, – выпалила я, грубо перебив его. – Ой, простите...

– Ну что вы, начитанная студентка – радость для наставника, – добродушно заметил магистр Мэддокс. – Рабочий коэффициент для вас – шестёрка, верно? Для такого уровня силы, как ваш, это слишком много. Сократите до четырёх и попробуйте разложить наш гранит на составляющие.

Я кивнула, недоумённо хмурясь.

– А заклинание?

– Попробуйте, – настойчиво повторил он. – Просто представьте... как вчера. Должно получиться.

Невольно зажмурившись, стандартной цепочкой жестов высвободила немного силы. А открыв глаза, со смесью восторга и испуга уставилась на пёструю россыпь разновеликих камешков. Ничего себе! Я и вправду могу делать вот такое, и даже без заклинаний?

– Ох, блин... – прокомментировала некультурно. И почему-то шёпотом.

– Не ошибся, – как-то сокрушённо выдохнул Мэддокс. И, бесцеремонно ухватив меня за руку, снова активировал телепорт.

Ни где мы, ни что тут забыли, я спросить не успела – меня прижали к стене, ухватив рукой за горло. Сердце болезненно заныло, забилось тяжело и гулко, то пропуская удар, то мечась испуганной птичкой в тесной клетке рёбер. Воздуха отчаянно не хватало, и дело тут не в грубой хватке чужих пальцев на шее.

Чужая сила – тёмная, холодная, жуткая – юркой ледяной змеей скользит по венам, студит кровь, пожирает изнутри. Некромантия. Уничтожает всё живое, властвует над всем неживым.

– Я не горжусь тем, что делаю, Лисандра, – мрачно произнёс Мэддокс. Всё тепло покинуло его карие глаза, а с лица исчезла

юношеская мягкость. – Истинные некроманты не должны существовать. Старой крови не место в новом мире. Мне жаль. Прости, если сможешь.

Дрожащие пальцы будто сами собой уцепились за край юбки, скользнули выше по бедру в поисках... в поисках...

...в толпе магов надеяться на одну магию весьма опрометчиво. Верно. Потому-то подарок любимого брата постоянно при мне. Скрыт заклинанием, почти неощутим, но при мне. Всегда.

Не прощу, двуличный ты мерзавец! Не прощу, не сдамся, не...

...умру.

Я умру? Пусть так. Но сделай милость, лорд Мэддокс... сдохни следом.

Из последних сил я стиснула ладонь на рукояти ножа. И ударила.

Глава 5

С письмами от племянничка покончено – так думал я до сегодняшнего утра.

Все планы, основные и запасные, полетели в Пекло – это я понял, когда рыжий калонг влетел напрямик в королевский кабинет и уселся мне на плечо под заинтересованным взглядом её величества.

– Прошу прощения, – извинился я, почтительно склонившись перед королевой. Не то чтобы кому-то из нас это было нужно, но приличия требовали. А я, хоть и не был их поборником, пообвыкся достаточно, чтобы кланяться бездумно.

– Ничего, лорд Блэквуд, – отмахнулась её величество, быстро поставила подпись на бумагах и протянула их мне. – Ваше прошение удовлетворено, можете быть свободны. И... удачи.

Совсем еще молодая для самодержицы великого королевства Астрэ, она мягко улыбнулась и махнула рукой на резную дверь.

– Благодарю, ваше величество.

Я вновь поклонился и поспешил покинуть так опостылевший мне кабинет.

Встречи с королевой, несмотря на её явную нелюбовь к церемониям, в ином месте попросту не проводились. Того требовали многочисленные правила, этикет и прочая лабуда. Понятия не имею, как совсем ещё молодой Марии – а королеве в этом году исполнилось всего-то тридцать два, удаётся терпеть всю эту занудную чушь. Не иначе как то было в крови.

А я вот себя, сколько ни пытался, так и не смог приучить к пяти вилкам за обеденным столом и салфеточкам на коленях. Не та натура. Да и воспитание, прямо скажем, далековато от идеального. Спасибо леди Леноре Найтстар, которой удалось вбить в меня хоть каплю манер! Иначе быть мне лордом наподобие Руфуса Фарли – громкоголосой боёвкой, простодушным и грубоватым.

– Ну, что ты мне принесла? – поинтересовался я у Джинни. Она, разумеется, не ответила, но крохотную записку мне на ладонь уронила.

Что ж, с воспитанием я явно перегнул, а с благодарностями леди Найтстар стоит потерпеть. Потому как выругался я совершенно

неприлично – даже гвардеец, статуей замерший возле дверей в кабинет, дёрнулся и удивлённо вытаращил глаза.

А всего-то стоило ту самую записочку прочитать.

Найтстары определённо самая большая головная боль королевства, и я, честно сказать, уже сильно сомневаюсь, что бедовую девицу, за два дня поднявшую на уши Академию Сумерек, стоит спасать. Это уж скорее Академии понадобится спаситель, смелый, решительный и бесстрашный. Потому как Найтстаров бояться нужно – не зря с теми даже фейри из Чащи зарекаются связываться. Ну или дело в крови. С Блэквудами, ой как недаром поместившими себе на герб чёрную гадюку, тоже связываться дураков нет: мы давно вошли в историю как самые скандальные и злобные чернокнижники по обе стороны Рассветного моря. Боевые некроманты, вот так-то.

Самая любимая отцова (да и моя тоже) сплетня – та, где фейри из чащи как-то раз (с бодуна, не иначе) взяли гадюку и превратили её в человека. А обратно не смогли – гадюка оказалась на редкость паскудная, извела своих создателей под корень да пошла плодиться. И не абы с кем, а с целой светлой принцессой, коварно совращённой вкрадчивыми змеиными речами.

Нет такого Блэквуда, который не вляпался бы в скандал из-за бабы. Воистину так. Что далеко за примерами ходить? Мой папаша похитил мою мать из родового поместья, женился на ней в тот же день, а спустя всего шесть месяцев родилась моя сестра Фиона. Довольно милая история, если подумать. Никто даже не умер! Есть чему удивиться: зачастую боевые некро-гадюки вили себе любовное гнёздышко среди трупов и руин.

Сам я, правда, всегда больше интересовался книгами, чем женщинами. Предпочитаю считать себя исключением, лишь подтверждающим правило.

Ладно, речь не о Блэквудах, а о Найтстарах. Много слухов ходит по королевству, слишком много...

Слухи о происхождении Лисандры Сеймур очень быстро дойдут до Ливингстоуна – и тогда за жизнь девчонки, что так запала в душу Лэндону Гилберту, я не дам и медяка. Если уже не дошли, и исчезновение – вовсе не свидетельство сдавших девчоночьих нервов.

– А, да чтоб тебя...

Рекомендации королевы я сжал в ладони крепко, испепелил записку и вцепился в камень-телепорт, что так удобно лежал у меня в кармане. Академия представилась такой, какой я её помню – величественной, внушительной, абсолютно волшебной...

...а оказалась самым обычным замком, едва ли не меньше королевского дворца, который изрядно опостылел мне за прошедшие годы.

Когда-то это место было мне почти домом, потому как настоящего дома у меня все равно что не было. Отец, враз постаревший после смерти матери, едва тянул когда-то внушительное хозяйство; святой орден короля Бенедикта безнаказанно грабил оставшееся. Обыски в домах тёмных проходили едва ли не через день, из хранилищ выносилось всё мало-мальски ценное. Тёмные времена. Смутные, опасные, кровавые... а всё потому, что единственная дочь его королевского величества уродилась чернокнижницей, в чём виноваты почему-то оказались тёмные маги. Прокляли, сглазили, наложили заклятие на юную принцессу, свет от света Сына Зари...

То, что королевский род давно уже вырождался, и родить его величеству светлого ребёнка не могла ни одна из пяти его жен, во внимание совершенно не бралось. А вот тихая, скромная и очень красивая иноземная принцесса Айрен смогла. Дочь, не сына, но у стареющего короля Бенедикта к тому времени уже не было особого выбора. Таковую же красивую, таковую же скромную, любимицу всего двора, обещавшую вырасти в совершенно чудесную девушку...

Она и выросла. Вот только света в юной наследнице не было и капли – даже леди Ленора Найтстар восхищённо всплеснула руками, когда её высочество походя прокляла весь светлый двор за то, что сулили ей свадьбу с некрасивым, старым, но неприлично богатым принцем Бенаата. Весьма ожидаемо: тёмные не светлые, женить их только лишь из чувства долга никому ещё не удавалось. По договоренности, из выгоды для семьи – да, бывало, но обручаться без минимальной симпатии вся чернокнижья братия зареклась уже очень давно.

Ладно, о сложных перипетиях королевских и иных взаимоотношений лучше подумать как-нибудь в другой раз – сейчас меня ждут дела куда более реальные, чем философские размышления о благе Астрэ и его подданных.

Перенёсся я прямо к воротам Академии, где меня уже ожидал Тай. Непривычно нервный, взволнованный, с трудом держащий лицо – а ведь пробить на эмоции хоть кого-то из Сангстеров ой как трудно. Не зря в их родне числились вампиры, существа опасные, хладнокровные и более чем жуткие.

– Ты быстро, – проговорил он вместо приветствия и почти тут же направился в сторону замка.

– Я был у её величества, – отозвался я, камень телепорта на ходу повесил на шею – не гоже артефактам такого уровня болтаться в кармане. – Везде искали?

– Джинни облетела всю территорию, Тави отправила на поиски двух демонов.

– Не надорвалась? – мигом нахмурился я.

Октавия – сильная, непозволительно сильная, однако же призывать и удерживать сразу двух демонов для студентки четвёртого курса слишком круто. Рисковать одной девчонкой ради другой я не собираюсь.

– Нет, – с гордостью ответил Тай, хоть и был явно недоволен таким безрассудством. – Но до завтрашнего утра она нам не помощница. Всё, что могли, мы обыскали, но сам понимаешь, кое-куда нам хода нет.

Кое-куда – это в преподавательское и директорское крыло Академии. Частично доступ закрыт в хранилище артефактов и особый отдел библиотеки, но демоны Кейн вряд ли даже внимание обратили на хлипенькие защитные чары. Впрочем, потайных мест в Академии предостаточно – замок древний, неоднократно перестраивался, имеет множество секретных ходов, комнат и прочих отнорков, о которых приличным деткам знать не стоит. Я вот знаю о нескольких, но меня приличным назвать ой как трудно.

– Что произошло? – следом за Таем я свернул на боковую дорожку, ведущую прямиком к крылу темных.

Мысленно порадовался, что уже вечерет и преждевременной свиданки с корпусом чародеев не состоится. Уж больно быстро сплетни дойдут до сиятельных лордов, а это в мои планы – сейчас, когда пропала девчонка Найтстар – не входит. Мало ли кого придется упокоить... В том, что вообще придётся, я ничуть не сомневаюсь;

интуиция некроманта – дама капризная, но умная и ошибается крайне редко.

– Злыдня Чейз произошла. Как по мне, эту дуру из академии давно пора гнать взащей, но девочка наша тоже отличилась: закатила скандал из-за несправедливой оценки, потом прилюдно угрожала долбанутой Бекки Лайтнинг, а на десерт вмазала по Чейз проклятьем пятого уровня, – Тай усмехнулся, и на его лице проступило нечто, подозрительно похожее на восхищение. – Чтоб вам, говорит, провалиться... Я потом в аудиторию заходил посмотреть: на полу трещина огромная от стены до стены, Ливингстоун мямлит какую-то благодстную чушь в стиле «она же девочка, ей же нелегко», а злыдня орёт как резаная.

Я даже пожалел, что меня здесь не было. Во-первых, зрелище наверняка вышло шикарное, а во-вторых, девчонку бы я не потерял. Определённо нет.

– Что орала-то?

– Ну как что? Наглая дрянь и подлая гадина, покусилась на жизнь, честь и достоинство преподавательницы – святой женщины, непотребно пообжималась с Гилбертом и свалила в закат, злодейски хохоча.

– И как, проканалло?

– Не-а. За Лисандру вступились и наши, и нейтралы, и даже кое-кто из светлых, – злорадно поделился Тай. – Зря святая женщина решила в первую же встречу закидать неудами весь поток.

– Годы идут, а злыдня не меняется, – констатировал я. – Мне одно непонятно: а где всё это время прохлаждался полудурок Мэдди?

– Вопрос и впрямь славный, лорд Рэйнхарт, – нам навстречу стремительной походкой вышел стройный блондин, в котором я легко опознал старшего сынка Тони и Лианны. – Только ответа никто не знает. Говорю тебе, Тай, этот олень замешан в исчезновении Лили! Надо было его вчера проклясть под шумок, чтоб до самой Чащи на жопе прыгал!

Я с любопытством принялся рассматривать наследничка Гилбертов. Не удержался и хмыкнул: не зря Тони ныл полдня, сокрушаясь, что надежда умной, талантливой и самой честной семьи в Астрэ пошла в родню любимой жены. Ещё как пошла – от папеньки в Лэндоне разве что тёмные глаза, но и те в неверном сумеречном свете

упорно отдавали в пурпурный. Да и лицом мальчишка удался скорее в Лианну – неприлично смазливый, чуть курносый, без малейшего намека на лощёную мужскую красоту Антониуса, от которой падали в обморок особо впечатлительные придворные дамы и даже некоторые мужчины.

– Просто для сведения, Лэндон, – протянул я, – семье Гилберт стоит забыть о близкородственных браках минимум на три поколения. Разумеется, если вы не планируете ваших детей обручать с кем-то из чародеев или с какой-нибудь зубастой хреновиной из Чащи.

– Близкородственных?... – симпатичное лицо удивленно вытянулось, а потом губы растянулись в ликующей (и таки да, очень даже гилбертовской) ухмылке. – Так значит, я был прав, Лисандра...

– Все мы были правы, – оборвал его Тай и постучал пальцем по лбу. По своему, но хотелось явно по лэндонову. – Что там с оленем, Гилберт?

– Чуйка с оленем, – скривился он – Зуб даю, это он нашёл Лили и утащил куда-то. Почему – не знаю.

Да потому что в твоей родне сами мойры ходили.

Мойры, дочери самой ночи, согласно легендам Чащи, были прядильщицами судеб и древними пророчицами. Дар предсказаний Гилберты давно утратили, а вот так называемая «чуйка» осталась. Иначе как ещё объяснить редкостную живучесть ушлой семейки и поразительную удачу в обстрипывании всяких делишек? Впору завидовать... Впрочем, я и завидовал, что уж. Все завидовали.

– Ну раз чуйка, то пошли, – бросил я, толкая знакомую дверь общежития чернокнижников. Ну прямо как тут был, даже ностальгия нахлынула... Совсем немного, потому что предаваться воспоминаниям совсем некогда.

– Куда? – удивленно поинтересовался Лэндон.

– Чуйку твою проверять. На правах родственника.

Холл чернокнижников был непривычно безлюден. Не иначе как племянничек озаботился, настойчиво убедив своих подопечных разойтись по комнатам. Умница, а не племянник – эффектное появление я запланировал на завтрашнее утро и не хотел загодя портить сюрприз. Краем глаза заметил, как попыталась подняться с кресла бледная Октавия, как дёрнулся навстречу сидевший возле неё Ричард Фарли. Жестом велел оставаться на месте – помощи от них

сейчас никакой, а вот отдохнуть девчонке Кейнов нужно. Она умница, без шуток, но с семейным безрассудством надо что-то делать. Два демона сразу, мать моя Царица!..

– Садись, – велел я Лэндону, едва мы очутились в комнате Тая, и взмахом руки придвинул к себе небольшой чайный столик. Повернулся к Таю. – Мне нужны чаша, обсидиановый кинжал, рунные камни и аконит. Быстрее!

Тай коротко кивнул и бросился к шкафу. У него ушло меньше тридцати секунд на то, чтобы найти всё нужно и даже разложить все в нужном порядке. Три камня с выбитыми на них рунами, керамическая чаша внутри получившегося треугольника, толчёный аконит в самой чаше. Нож – по левую руку от меня.

Я сел напротив недоверчиво глядящего на нас Лэндона.

– Рукав выше. Левый – поиск всегда идет от сердца. Тай, наложи щиты вокруг нас – защита Академии на магию крови сработает только так. Ты, – я снова вернул свое внимание младшему Гилберту, едва вокруг нас повисла слабо мерцающая пурпурно-красным сфера – фамильная защита Сангстеров, – представь леди Лисандру, какой ты её видел в последний раз. Её лицо, эмоции. Прикинь, о чём она могла бы думать в тот момент. Живо!

Лэндон кивнул и даже зажмурился. Я споро резанул ножом по своей руке – кровь некроманта отлично замещает жертву, искать по замку какую-нибудь живность мне недосуг. Надеюсь, щиты Тая выдержат – не хочу объясняться с Ливингстоуном и злыдней Чейз.

Кровь капнула в чашу. Аконит задымился, потемнел, а потом и вовсе осыпался на дно чаши темным пеплом.

– Продолжай думать о Лисандре, – велел я, когда Лэндон любопытно приоткрыл один глаз. Дёрнул его руку на себя, полоснул наспех очищенным ножом вдоль предплечья – крови на поиск нужно прилично, а цедить по капле из пальца было некогда.

Лэндон зашипел от боли, но руку не отнял. Кровь закапала поверх остатков аконита, снова задымилась, только уже не едко-серым дымом, а ярко-изумрудным. Кровь от крови Найтстаров. Щиты Тая застонали, затрещали, один из слоев всё же не выдержал, растворился, когда дым поднялся вверх.

Я выматерился, мысленно отметив, что племянничка надо бы научить чему поприличнее, а его папаше ввалить как следует – мало

таскал сына в поле, растит белоручку...

Изумрудный дым обратился картой. Точнее, схемой Академии со всеми возможными её ходами и лазейками. Лэндон, вмиг забыв о боли, приоткрыл оба глаза и изумленно вытаращился на эту инсталляцию. И впрямь красиво, цвет интересный... Самая яркая точка вдруг отделилась от остального рисунка – судя по очертаниям, от того места, где находились общежития тёмных. Облетела всё изображение, зависла возле часовой башни и решительно направилась внутрь. После чего вдруг замерла.

– Тай, часовую башню не перестраивали? – Он задумался ненадолго, после чего решительно мотнул головой. – Вылечи пацана, очисти чашу, потом сними щиты и приведи тут всё в порядок. Всех отправь по комнатам – никто ничего не видел, меня тут не было. Ясно?

Не дожидаясь ответа, я решительно сжал телепорт снова, представляя часовую башню изнутри – механизм часов со всеми его шестерёнками, серо-бежевый камень стен, мерное тиканье гигантских стрелок...

Вихрь телепорта перенес меня куда нужно – открыв глаза, я заметил знакомую с юности обстановку... в которую совершенно не вписывалась лежащая на полу девчонка с зажатым в руке ножом. И нависший над ней Лестер Мэддокс в окровавленной рубашке.

– Вот ведь упёртая сучка, – хрипло пробормотал он, зажимая ладонью рану на шее. Сквозь пальцы ручейками струилась тёмная густая кровь – нормального человека, не некроманта-магистра, после такой раны уже можно было бы хоронить. – Кто бы мог по... Ты?!

Побелевшим пуце прежнего лицом Мэддокса я наслаждался искренне, но, увы, не в полной мере. Все мысли занимала пугающе неподвижная девушка и до странного чёткое осознание: я не могу допустить, чтобы она умерла. Не могу.

Хотя бы из принципа. Проиграть недоумку Лестеру – что может быть унизительнее?

– Я. Скучал, Мэдди?

Гадко ухмыльнулся и, не тратя времени, одним прицельным некромагическим ударом перебил ему позвоночник – чтобы не мог и пальцем шевельнуть, но оставался в сознании. А потом, ухватив его за грудки, отправил полетать вниз с башни. Точно так же, как он

наверняка собирался поступить с Лисандрой, топорно сымитировав самоубийство.

Удар тела о камни – просто музыка для ушей. Жаль только, мудака легко отделался. Что за скотиной вообще надо быть, чтобы напасть на маленькую, хрупкую, беззащитную женщину? Надо было помучить подольше...

С другой стороны, это только в книгах злодеи непременно треплются по полчаса, делясь со всем миром своими коварными планами. Меня добряком тоже не назвать, но чесать языком попусту я никогда не любил. Опыт не пропить даже за самым лучшим виски, а в Чаше болтать некогда.

– Он... он... – еле слышно прошелестела девчонка, стоило мне склониться над ней. Пульс я проверял скорее инстинктивно, просто чтобы убедиться.

Упёртая девчонка. И очень, очень сильная.

– Он мёртв, леди Лисандра, – отозвался я. – Всё хорошо.

С трудом – пальцы мёртвой хваткой сжимали рукоять – я забрал у девчонки нож и сунул себе за пояс. На всякий случай, чтобы было чем отовратиться перед Ливингстоуном. Не то чтобы это обязательно, но на Лисандру Найтстар не должна пасть и тень подозрений в убийстве. Мне не привыкать. А звание первого некроманта Астрэ и репутация любимца королевы многое прощает.

– Всё хорошо, – повторил я, наскоро накинул диагностические чары.

Облегчённо выдохнул – серьёзно ей навредить Мэддокс не успел, девчонка была скорее напугана, плюс сказывалась временная нехватка кислорода.

– Сейчас мы вернёмся в общежитие. Вы знаете, как работает телепорт?

Кажется, она не поняла вопроса, но зачем-то кивнула. Я подsunул руку ей под плечи, чуть приподнял, дал опереться о себя. Светлая макушка скользнула по плечу, замерла, а я испытал прилив необъяснимой нежности, о которой пообещал себе подумать позже. Вероятно, всё дело в сильной крови Найтстаров – недаром их дочери считались первыми красотками королевства. И первыми же чернокнижницами. Какой маг не любит силы? Я вот люблю, и очень. А трепетные принцесски вызовут во мне скорее жалость, чем симпатию.

Я потянул на себя руку Лисандры, вложил телепорт в узкую ладонь, накрыл своей ладонью поверх и крепко сжал – не хотелось бы, спасая девушку от смерти, потерять её в пространственном разрыве. Закрыв глаза...

Комната Тая, куда я вернулся с Лисандрой на руках, пустой не была. Более того, помимо знакомых мне Дика, Октавии и паршивца Лэндона, тут обнаружилось ещё двое студентов, мне незнакомых.

– Что с ней? – тут же подскочил ко мне Тай, остальные тоже повскакивали со своих мест – кто с кровати, кто с одинокого кресла, а кто и вовсе с пола.

– Это так ты избавляешься от лишних свидетелей? – отчитал его я, шагнул к кровати, чтобы уложить Лисандру. – Всё в порядке. Напугана. Мэддокс, похоже, пытался остановить её сердце.

– Откуда тогда столько крови?

Я невольно усмехнулся.

– Она отбивалась.

– Охренеть! – выдала Октавия, коротко и ёмко выразив общую мысль. – Принцесска-то у нас не промах.

– А вы... – открыла было рот смуглая девчонка.

– А я герой и спаситель, – отрезал я.

– Я пытался их спровадить, дядя. Но тут помогло бы только убийство, клянусь.

Я хмыкнул – убийство вообще всегда помогает, проверено неоднократно. В последний раз – вот прямо пару минут назад. Выпрямился, оглядел всю компанию потенциальных свидетелей, которые будут давать показания в суде, если я не проверну всё грамотно. Нет, я-то проверну, но варианты всегда возможны.

– Придёт в себя, переместите в её комнату. Одну не оставлять. Дик, достань укрепляющие зелья, – я глянул на бледную Октавию, – для Кейн тоже.

– А ты? – поинтересовался Тай.

– А я пойду признаюсь в убийстве.

На меня вытаращилось шесть пар удивлённых глаз. Ну а вы как хотели, детки? Геройство всегда сопровождается жертвами. Особенно у тёмных магов.

– Вы грохнули Мэддокса? – первым подал голос Лэндон. – Или...

– Я и только я. В позорно коротком бою и с превеликим удовольствием. Всё, закончили с вопросами. Тело скоро найдут, я должен добраться до господина архимагистра раньше. Что встали? – я хлопнул в ладони. – За дело, быстро!

Все дружно засуетились, и только мелкий Гилберт, тихонько фыркнув, сел на постель рядом с Лисандрой.

– Ох и заставила ты нас побегать, Лили.

– Прости, – она не без усилия приоткрыла глаза и слабо улыбнулась. – Как думаешь, с какого раза я сдам Чейз начерталку?

– Ну конечно, с первого, – хохотнул Лэндон. – А не то проклянём эту злыдню ещё разок, поприцельнее...

Я покачал головой – сходство между этими двумя уже стало очевидным. Мальчишка весь в мать, а девушка... ну да, её происхождение тоже яснее некуда. Не девушка – фея из Чащи. Лицо Найтстаров – тонкое, чуть заострённое, скуластое. Волосы точно лунное золото, глаза цвета сумеречных алмазов. А в остальном, наверное, в мать пошла – крошечная, хрупкая, нежная... С виду.

Честно сказать, вовсе не красота меня сразила – красоток я за свои сорок лет перевидал немало. Но далеко не всякая красотка, очутившись в беде, схватится за нож и попытается утащить врага с собой в Пекло.

Напоследок снова взглянув на Лисандру – прекрасная и упрямая, и так похожа на покойного Алекса, что оторопь берёт, – я выпустил своего фамильяра. Бойкие тёмные детки для охраны последней Найтстар – это, конечно, хорошо, однако же у сумеречной пантеры, помимо прочих достоинств, имеются неплохие когти и зубы.

– Охраняй, – велел я, и Шеан послушно улёгся подле Лисандры.

Охраняй, друг. Потому что ничего ценнее в подлунном мире сейчас просто нет.

И демоны знают, откуда в моей голове взялась именно эта мысль.

Уэйну Ливингстоуну нравился его кабинет. Светлый, с большими стрельчатыми окнами, выходящими во внутренний двор Академии. Разве что слегка портили вид замершие вдалеке колонны дуэльного круга – его самой главной ошибки за всю историю руководства Академии.

Его позор. Свидетельство того, что Ливингстоуны – почтенные светлые маги, гордость королевства! – никогда не будут столь же сильны, как те, кто создал это место. Те, чьи потомки до сих пор живы и могут повелевать этими древними стенами.

Уэйн не ненавидел их. Ненависть – слишком сильное чувство, зачастую отбивающее всякий разум. Но завидовал, не находя в этом ничего плохого. Завидовать могуществу не зазорно. Немного унизительно, если подумать, но к почтенной сотне лет начинаешь несколько иначе относиться к общепринятым суждениям.

– Тьфу, думаю как придворный служка, – отругал он сам себя и чуть более сердито, чем стоило бы, схватил из вазы конфету в бумажной обертке. Он не слишком любил сладкое, считая слабостью всякие привычки и зависимости. А заполучить зависимость от сладостей ой как легко...

Шоколад охотно растаял на языке – дорогой, чуть горьковатый, подарок одного из выпускников прошлого года. Светлого, разумеется. Даже Уэйн Ливингстоун, давно понявший, что не все темные маги в подлунном мире есть невыносимые... создания, от чернокнижника не принял бы и чернильницу.

Создания... На язык просилось слово поглубже, но Уэйн старательно запрещал себе именовать цвет темномагического общества непристойными словами. Это было бы совсем неправильно, тем более что среди чернокнижников действительно попадаются неплохие люди. Тот же Лестер Мэддокс, совершенно милый юноша, искренне считающий, что избыток магической мощи вполне может принести всему королевству немало проблем. Хорошая ведь идея, правильная.

Или Кейт Гримвард, умнейшая из выпускниц последних лет. Несколько... своенравная и очень сильная, она, в сущности, тоже не была плохой. Пожалуй, она даже нравилась ему настолько, насколько чернокнижница вообще может нравиться чародею. Исполнительная, талантливая. С её подопечными почти никогда не возникало проблем.

Да что там, от Даниэллы порой проблем куда больше, а ведь её он полагает своей верной сторонницей и даже подругой. Ещё бы отчеты она научилась писать так же хорошо, как Кейт, и вовремя подавать документы об успеваемости... И отучилась бы злить тёмных

первокурсников, среди которых имелись детки совершенно иного толка, нежели Лестер Мэддокс и Кейт Гримвард.

Уэйн тяжело вздохнул, отошёл к окну, за которым уже заходило за горизонт непривычно яркое для осени солнце. Денек выдался хлопотный и нервный, а всё из-за неправильной девчонки Сеймура. Хотя какая ж она Сеймур... Гаррет в жизни не смог бы обзавестись дочкой такой силы и с таким дурным глазом, что не выдержал пол в Академии сумерек. Мыслишка относительно её происхождения закрадывалась дурная, однако же Уэйн старался гнать её от себя.

Дурная, настойчивая, и вызывающая знатную мигрень, из-за которой вмиг захотелось потереть виски и пойти уже выпросить у Эбби зелье от головной боли. Он даже уже направился было к выходу из своего уютного, светлого и такого любимого кабинета, как вдруг дверь распахнулась сама собой...

И почтенный архимагистр Ливингстоун, почетный рыцарь и кавалер ордена Святого Олмса, едва не рухнул в ближайшее кресло, стоило только узнать визитера.

– Соскучились по мне, господин архимагистр?

И за одну только эту фразочку нежданного посетителя стоило бы проклясть на месте... Если бы Уэйн был способен к проклятьям и имел хотя бы крохотный шанс наслать таковое на... вот это.

Рэйнхарт Блэквуд. Редкостный красавец, в свое время вскруживший головы немалому количеству трепетных девиц со всех трёх факультетов. И самый наитемнейший маг из всех, кого когда-либо приходилось учить в стенах Академии.

– Ну разумеется, мой мальчик, – как мог радушно улыбнулся ему Уэйн, приглашающим жестом указал на то самое кресло, в которое сам чуть позорно не рухнул. – Эти стены и я всегда рады своим бывшим ученикам. Какими судьбами в такое, – он как бы невзначай кивнул на настенные часы, показывающие восемь вечера, – позднее время?

– Время детское, – отмахнулся Блэквуд и даже попытался изобразить на лице нечто, напоминающее улыбку. Хотя больше это выражение напоминало оскал, от вида которого только чудом удалось не передернуть плечами. Впрочем, и оно исчезло довольно быстро, уступив место той... тому... созданию, которое было уж слишком хорошо знакомо Уэйну. – И оставьте уже свои наклонности при себе,

архимагистр, я не в настроении. Я давно не мальчик, а уж вашим не был никогда

Лицо удалось удержать с трудом – вот ещё не хватало, чтобы этот подарочек Царицы возомнил о себе невесть что. В конце концов, Уэйн старше нахала больше чем на полвека, негоже терять самообладание перед всякими щенками.

– Я не совсем... хм. И что же испортило ваше настроение, мистер Блэквуд?

Лорд. Лорд Блэквуд – так полагалось обращаться к этому мальчишке. А у самого Ливингстоуна, несмотря на все его заслуги перед королевством, такого титула не имелось. Однако же нарочитое обращение вернуло самообладание – стоило только заметить, как недовольно некромантский выскочка скрипит зубами и едва ли не метает молнии чёрными, точно уголь, глазами.

Редкостный красавец. И мерзавец тоже редкостный.

– Вы, – безо всякого стыда отозвался Блэквуд. – Понабрали в преподавателей всяких идиотов, а мне теперь приходится расхлёбывать весь тот бардак, что вы учинили в Академии. В Королевской Академии, господин архимагистр.

– Я не совсем...

– Вы – совсем, – перебил его наглый щенок. – Опустим абсолютную профнепригодность дуры Чейз...

– Мистер Блэквуд, вы не будете оскорблять магистра, женщину, опытного преподавателя в моём присутствии!

– Еще как буду, – холодно возразил Блэквуд. – Охотно, много и с удовольствием, после чего столь же охотно повторю ей это в лицо. Злить первокурсницу-чернокнижницу, не вошедшую в силу, едва оправившуюся от множества потрясений – да вы тут все в своем уме?

Едва подавив желание некультурно раскрыть рот, Уэйн выругался про себя. Примерный мальчик Тибериус Сангстер, тихоня-отличник и образцовый староста, на деле был прохвостом почище своего паскудного дядюшки. Не лез в свары, чуть что не так, не плевался ядом и не хамил преподавателям, как паршивец Блэквуд... Нет. Тихоня Сангстер гадил светлым исподтишка, педантично и с умом – за четыре года не попался ни разу, зато, если верить слухам, компромат имел чуть ли не на половину факультета. И исправно писал доносы что Блэквуду, что своему жуткому папаше.

Пресечь безобразие не было ни средств, ни возможностей – попробуй запрети детишкам слать домой письма с фамильярами, и родители тут же взбеленятся. Причём все родители, а не только папаши тёмных недобитков. Проще было оставить славный факультет гадюк вариться в собственном яде, периодически осаживая Даниэллу и прочих особо ретивых блюстителей порядка – тех искренне возмущало «особое отношение» к чернокнижникам.

Уэйн же полагал себя человеком разумным и признавал, пусть и не мог испытать на себе, тяжесть тёмных даров для их носителей. И особенно тяжким это испытание должно было оказаться для девочки, которую воспитывали как примерную светлую леди.

Признаться честно, Уэйну даже нравился покойный Александр Найтстар: тот был славным парнишкой, по крайней мере для тёмного. Почти не доставлял проблем, выпускался с кафедры артефакторов, как и его младшая сестрица. Поклонниц у него было куда больше, чем у зловязкого мерзавца Рэя Блэквуда, но Найтстар их исправно игнорировал в угоду своим обожаемым артефактам. Многие думали, что он вообще не интересуется ни женщинами, ни мужчинами, ни людьми в целом... Так и сам Ливингстоун, заслышав слухи о романе Александра с какой-то светлой девицей, что ходили незадолго до его смерти, лишь посмеялся – право, ну что за нелепые фантазии?

Теперь стало совсем не смешно. Эфирная красота Лисандры Сеймур привлекла всеобщее внимание, едва Роберт Лайтнинг заявился с ней к воротам Академии, раздувшись от гордости, словно жирный индюк. Но мало ли в Весперасе юных красавиц? Уж точно больше одной. Однако Горнило точно выжгло из девицы Сеймур всю светлую кровь, откровенно выставив напоказ пугающе-потустороннюю красу Найтстаров.

И проклятые чернокнижники тут же слетелись на девчонку подобно тому, как жуткие крылатые твари Сангстеров слетаются на аромат перебродивших фруктов. Это сказало Уэйну даже больше, чем внешность. Лисандра – Найтстар, и нагло вломившийся в его кабинет Рэйнхарт Блэквуд – лучшее тому доказательство.

– Даниэлла перегнула палку, – наконец выдал он как мог миролюбиво, – но девушке с таким уровнем дара стоит поучиться терпению и скромности. Попытки проклясть однокурсницу...

– Вот так вот взять и проклясть? – желчно изумился Блэквуд. – На ровном месте? Судя по тому, что слышал я, та однокурсница в первый же день заработала кличку «долбанутая» и отличилась неуёмным желанием устроить травлю чернокнижнице. Что, кстати, говорит о долбанутости даже вернее, чем фамилия Лайтнинг. Ей вы тоже посоветовали поучиться терпению и скромности?

– Ребекка Лайтнинг заслужила выговор... как и магистр Чейз. Мисс Сеймур стоило бы...

– ...проклясть набитых идиотов, да так, чтоб замолчали навечно. Но обе отделались испугом. Как по мне, мисс Сеймур незаслуженно добра.

Уэйн уставился на обозлённого некроманта с невольным любопытством – откуда такое неудержимое желание защищать незнакомую девицу? Неужто лорд-гадюка решил затащить юную леди Найтстар к себе на болота? Любой чернокнижник дорого заплатит за такую невесту...

Блэквуд и Найтстар. Стоило представить плоды такого союза, и стало по-настоящему дурно. А потому Ливингстоун искренне понадеялся, что ошибся. В конце концов, тёмные не женятся по расчёту, а на любовь Рэйнхарт, этот бессердечный гремучий змеёныш, просто не способен...

Вот только история не знает такого Блэквуда, который не вляпался бы в скандал из-за женщины. Как известно, гадюки в брачный период становятся крайне агрессивными.

Боевые некроманты, чтоб их к фейри в Чашу.

– И что же вы предлагаете, мистер Блэквуд? – поинтересовался Уэйн. – При всём уважении, я не стану поощрять особое отношение к мисс Сеймур, это было бы...

– Идеально, – вновь прервал его Блэквуд, – но учитывая, что исключительной чернокнижницей на факультете является не только она, и лорд Гилберт, знаете ли, очень обеспокоен безопасностью своего старшего сына...

Лорд Гилберт. Ещё одна головная боль, которую Ливингстоун не принял в расчёт. Попросту позабыл, что сыночек подлеца Антониуса и красавицы Лианны в этом году тоже поступает на первый курс. Впору подозревать себя в потере хватки и в позорном потакании своему немалому возрасту... Однако же дело обстояло не совсем так – как раз

поступления Лэндона Гилберта он ждал и был к нему готов... То, что головной болью на протяжении последующих шести станет не он один, ломало все планы и выбивало из колеи.

Счастье, что мелкий паршивец уродился мальчишкой. Горе, что у этого паршивца, кажется, обнаружилась сестрица. Двух Найтстаров Академия и нервная система архимагистра Ливингстоуна могли не пережить.

– ...её величество прониклась бедами факультета чернокнижников и направила меня сюда в качестве своего личного инспектора. А учитывая плачевное состояние образования в Академии, крайне рекомендовала вам найти для меня подходящее место в преподавательском составе. Вот бумаги.

Блэквуд потянулся себе за пазуху, отчего Уэйн невольно дёрнулся и сжал камень на своём кольце – щит он выставить успеет, затем сработает защита Академии...

На стол упал внушительных размеров конверт с королевской печатью.

Уэйн выдохнул, повёл пальцами, подзывая конверт ближе к себе. В руки брать поостерегся, силясь не обращать внимания на жутковатую кривую ухмылку лорда-гадюки, не обещающую ничего хорошего лично ему и всей Академии, взмахом руки удержал документы в воздухе и принялся читать прямо так.

Её величество желала, чтобы новым преподавателем некромантии и сопутствующих дисциплин стал «многоуважаемый, достойнейший и имеющий репутацию выдающегося специалиста в области тёмных искусств, его светлость лорд Приозерья Рэйнхарт Джулиус Стэдвилл Блэквуд».

– При всём уважении, – как можно более вежливо улыбнулся Уэйн, – боюсь, я не могу сиюминутно предоставить вам соответствующую должность. Профессор некромантии, Лестер Мэддокс...

– Мёртв. Вот уже, – Блэквуд демонстративно покосился на настенные часы, – десять минут как. Ещё через пять минут спадут мои щиты и заклинание невидимости, и труп увидят студенты Академии сумерек. Я не менталист, подобные чары – не мой конёк.

На этот раз Уэйн в своё кресло всё же сел. Нет, рухнул, не промахнувшись только чудом, и потёр пальцами переносицу. Мысль о

том, чтобы наложить на мерзавца Блэквуда хотя бы связывающее заклинание, в голову даже не пришла. Как и мысль о вызове служащих следственного корпуса городской стражи.

Права Даниэлла: сто десять лет – слишком почтенный возраст, чтобы поспевать за интригами, которые плетут молодые резвые студенты и их папаша. И дядюшки.

– Вы... убили магистра Мэддокса? – выдохнул он. – За место? Я должен...

Блэквуд глянул на него снисходительно и как-то весело.

– Вы должны попросить в медблоке подходящих зелий, архимагистр! Потому что с мозгами у вас явные проблемы. В нашем распоряжении лишь пять минут, так что советую соображать крайне быстро – иначе история эта, вместе с трупом старины Мэди, начнёт дурно пахнуть.

– Вы убили человека! В Академии!

– О нет, господин ректор. Дело обстоит вот как, – Блэквуд наклонился к столу, сцепил руки перед собой и опасно прищурился. – Магистр, мать его в Чашу, Мэддокс похитил Лисандру Сеймур и удерживал её в своих покоях, куда нет доступа моему племяннику, который тут же принялся её искать... В отличие от вас. Вы же знали, что мисс Сеймур пропала сразу после урока Чейз? Нет? Что ж, вопрос вашего профессионализма я ещё подниму, не волнуйтесь...

– Помилуйте, мистер Блэквуд! Наш замок – самое безопасное место в столице, а то и во всём королевстве! Что тут могло угрожать девочке? Я полагал, после всего случившегося она просто хочет побыть одна... уединиться...

– Ну так ваш драгоценный Мэддокс решил уединиться вместе с ней, – отрезал Блэквуд. Воздух вокруг него чуть слышно потрескивал, пестря зелёными искрами, что говорило о крайней степени бешенства. – Боюсь даже представить, зачем. Насилие, принуждение, мерзкие некромантские опыты... Одна Царица знает, что он мог с ней сотворить.

– Лорд Лестер...

– ...затащил бедную девчонку на вершину часовой башни и попытался убить. Вы наверняка знаете, как это работает, – он гадко ухмыльнулся, – умертвить человека магией, спихнуть вниз, а потом

сделать вид, что пытался реанимировать. Отличный план! Шибко умный, правда, для такого кретина, как Мэдди.

– На что это вы намекаете? – изумился Уэйн, гневно сощурившись.

– Я не намекаю, я прямо говорю – клятый магистр Мэддокс, нанятый *вами*, похитил и едва не прикончил студентку. Да не где-нибудь, а в академии, вверенной *вам*! И не вышло это у него лишь по причине моего крайне своевременного появления. Интересно получается, а?

– Безмерно, – проворчал он, потеряв висок – голова теперь не просто болела, а почти разрывалась. – Чего конкретно вы от меня хотите, лорд Блэквуд?

Об этом догадаться нетрудно. Что на самом деле волновало архимагистра Ливингстоуна, так это в какую цену ему встанет молчание, содействие и худо-бедно приличное поведение мерзкой болотной гадюки, по недоразумению обернувшейся смазливый юнцом.

– Вашу голову на воротах Академии! – рявкнул Блэквуд так, что Уэйн вновь схватился за кольцо. – В назидание потомкам, так сказать! Но так и быть, я пойду вам навстречу... тем более что у нас осталась всего пара минут... и позволю вам разобраться с телом по вашему усмотрению. Можете вызвать стражу, я охотно предоставлю им свои воспоминания и оружие убийства.

– Оружие убийства? – глупо переспросил Уэйн, ощущая, что он – он! – и впрямь не поспевает за происходящим. – Я думал, вы...

– Убил его своей магией? Помилуйте, ректор, я что, похож на идиота? Тюрьмы для магов на курорт совсем не похожи. К тому же, – Блэквуд вновь откинулся на спинку кресла и красноречиво глянул на часы, – у меня не было на это времени. Пришлось использовать старую добрую сталь. Хотите взглянуть?

Уэйн кашлянул, сиюсь прочистить горло, и на этот раз желание потереть переносицу всё же подавил.

– Позже.

– Чудесно. И раз уж мы, как я вижу, медленно, но верно приходим к согласию – а я даже склонен дать вам клятву, что стану помалкивать о произошедшем, – обговорим условия. Хотите сделать это прямо сейчас, сэр?

– Нет, – мотнул головой Уэйн и с трудом поднялся с кресла – навестить Эбби всё же придётся, иначе его голова просто разорвётся на тысячу маленьких кусочков безо всякой магии. – Сначала я хотел бы взглянуть на тело. Проводите меня?

– Я вас даже туда перенесу! – охотно отозвался Блэквуд, вновь сверкая мерзкой кривой ухмылочкой.

Берясь за руку своего бывшего ученика, этого... этой... болотной гадюки, Уэйн мог думать только о том, что паршивец достоин восхищения. Возможно даже аплодисментов – потому как Блэквуд, эта высокородная сволочь, у которой прежде на уме были лишь книги и потасовки, вдруг оказался пройдохой почище всех Гилбертов вместе взятых. И развёл Уэйна Ливингстоуна, как какого-то щенка, всего-то за десять минут разжившись компроматом и общей тайной.

Гадюка, как есть гадюка. Не зря предки Блэквудов выбрали своим гербом именно это животное. Чёрный змей на лазурном поле, будь он трижды неладен.

Вопли Даниэллы Чейз, когда она узнает, за сколько Уэйн Ливингстоун продал Академию черноглазой сволочи, обещают быть громкими и затянутся на пару месяцев.

Пожалуй, стоит заранее выпросить у Эбби пару-тройку пинт успокоительного зелья – год выдастся очень хлопотным.

Глава 6

На сей раз я проснулась в своей комнате – надо же, какое приятное разнообразие! Порадовалась было, но тут же в недоумении нахмурилась. Потому как у меня на груди что-то лежит. Что-то тёплое и увесистое.

Кто-то.

С опаской приподняла голову и испуганно вздохнула: «кем-то» оказался котёнок сумеречной пантеры. Должно быть, ощутив, как я трепыхаюсь, котёнок распахнул лиловые глаза, поднялся, потянулся всеми лапками и басовито мяукнул.

– Привет, – прошептала я, невольно потянувшись гладить шелковистую шёрстку – тёмную, с насыщенным пурпурным отливом. – А ты откуда взялся такой красивый? Сам пришёл? Вот как-то так кошек и заводят, да?..

Котёнок снова мяукнул и принялся лизать мою ладонь шершавым языком, а я рассмеялась. Ну до чего же забавный! Я бы впрямь не отказалась его присвоить, но это, очевидно, чей-то фамильяр. Чей-то... Наверное, того мужчины?

Мужчина, что меня спас. Высокий, тёмный, опасный и... это, увы, всё, что могу сказать.

Вчерашний жуткий день, и в особенности его завершение, я помню как сквозь толщу тумана. Но и таких смутных воспоминаний достаточно, чтобы отбить всякую охоту выползть из постели. Великие звёзды, неужели каждый новый день в этой дурацкой академии будет ещё хуже предыдущего?! Ибо даже горящий камень как-то меркнет по сравнению с преподавателем, пытающимся меня убить. За что, почему? Я так и не поняла. Хотелось, конечно, верить, что Мэддокс просто съехал с катушек, но...

Но он не выглядел безумным. Совсем напротив – хладнокровным и сосредоточенным, не слишком довольным ситуацией, но твёрдо уверенным в правильности своего поступка.

«Старой крови не место в новом мире».

Я мало что поняла из его слов, но одно ясно – есть причина, по которой Лестер Мэддокс хотел меня убить. Важная причина. И сдаётся

мне, что найдётся ещё немало желающих избавить мир от моего существования.

Мысль была откровенно жуткой, однако развивать её я не стала. Выбралась из постели, глянула на циферблат настольных часов – половина десятого! Надо поторапливаться, может, успею-таки позавтракать...

Споро умылась и почистила зубы в почти пустой ванной, вырядилась в форму, заботливо очищенную от крови кем-то из ребят. Глянулась в зеркало, невольно наморщила нос – серебристо-светлые кудри и сине-фиолетовые глаза никуда не делись, – но с некоторым тщеславием отметила, что эта странная расцветка мне идёт. Лицо уже не казалось чужим – может быть, чуть более взрослым и угловатым, чем прежде, но и только.

Собрала волосы в высокий пышный хвост, искала глазами сумку... да где же? А, вот она, возле кровати. Интересно, мы вообще получим учебники? Или остальные уже получили, а я всё на свете проспала?

Перекинув через плечо сумку с тетрадями, взяла котёнка на руки – оставлять его тут одного почему-то не хотелось. А вдруг он тоже голодный? Фамильярам вроде бы не особо нужна пища – они сливаются с магией владельца, но что отцовский феникс, что громптенец Роберта вечно лопали как не в себя.

– Далеко собрались, леди Лисандра? – послышался за спиной знакомый голос.

Не красотуля, не Лили и даже не принцесса. Я обернулась – в паре шагов от двери моей комнаты лениво подпирал стену не кто иной как Тибериус Сангстер. Мигом захотелось съязвить – ну надо же, сегодня меня охраняет сам лорд! – но в последний момент я прикусила язык и легко склонила голову в знак приветствия.

– Не смотришь по сторонам, не носишь щиты, даже не озаботилась приличным камнем, – отчитал он меня строго. – С такими повадками, миледи, вы даже с круглосуточной охраной до конца учебного года не доживёте.

– Угрожаете, лорд Тибериус? – в тон ему отозвалась я.

– Описываю перспективы, – Сангстер усмехнулся, отчего его лицо вмиг стало ещё красивее, и покосился на котёнка в моих руках. –

Шеан, прекращай забавляться, охрана нашей беззаботной подопечной нужна сильнее домашнего питомца.

Котёнок в ответ на прозвучавшее имя вздорно мявкнул и с моих рук словно стек, вмиг обратившись все той же сумеречной пантерой. Только взрослой, крупной и очень опасной. Да уж, охранничек на славу. Даже я вздрогнула, хотя не столько от испуга, сколько от неожиданности.

– Он твой? – поинтересовалась я чуть разочарованно. Котёнок – то есть вполне себе взрослый кот с красивой кличкой – совершенно не вязался с Тибериусом Сангстером.

Тай в ответ коротко мотнул головой.

– Нет, у меня калонг.

Я мигом припомнила семейный герб Сангстеров – жутковатое существо, похожее на летучую мышь. Что ж, видимо не зря все темнейшее семейство упорно ассоциируют с вампирами.

– Так далеко собралась?

– На завтрак, – ответила я, машинально потянулась к макушке замершего подле меня кота. Красивый, и шерстка такая мягкая, что из рук выпускать не хочется. И неважно, что взрослая пантера – совсем не котенок, и руку мне может отхватить запросто.

– Забей, всё равно опаздываешь.

Он потянулся за своей сумкой, достал оттуда бумажный сверток, перевязанный конопляной нитью, и протянул мне. Пахло от свертка одуряюще вкусно, и руку я протянула, прежде чем подумала. Отдёрнула почти сразу, но Тай всё равно осуждающе покачал головой.

– Безнадёжная цивилка... Бери уже, и пошли на круг. Там обсудим твои реакции.

– Что за круг? – непонимающе уставилась на него. – И почему туда?

– Дуэльный. За общежитиями колонны видела? – Я с сомнением кивнула. Вроде видела, но за всем творящимся вокруг кошмаром вполне могла проигнорировать прелестные виды из окон. – Там посидим. Погода хорошая, птички поют... Магистр Гримвард поймёт, а у меня по расписанию некромантия, которую, как ты понимаешь, отменили.

– Почему? – спросила я. И тут же поняла, насколько глупо прозвучал мой вопрос.

Понятно почему – мертвяки в преподавателях не особо задерживаются.

– Не здесь, – коротко ответил Тай и поманил меня за собой.

Улица и впрямь встретила ясной солнечной погодой, теплом, пожалуй, даже излишним для обычной астрийской осени, щебетом птичек и гомоном студентов. Кто-то пропускал занятия, кто-то завтракал прямо на траве... И все без исключения пялились на меня и моих спутников. Я мотнула головой, пожалела, что не распустила волосы – так можно было хоть немного спрятаться от чужих взглядов, и постаралась идти совсем рядом с Таем. Вряд ли кто-то осмелится что-то ляпнуть в его присутствии.

Интересно, сколько народу уже знает, что я...

– Пришли, – Тай махнул рукой на каменный амфитеатр, по кругу опоясывающий арену. Народ тут, кстати, тоже был, но немного. Большинство бросали друг в друга заклинания, накладывали отражающие щиты...

Тренировались. Чтобы не быть такими же безнадёжными цивилистами, как окрестил меня Тибериус Сангстер.

– А где Октавия? – поинтересовалась я. Почему-то казалось, что в подобном месте она должна быть просто обязательно.

– Надорвалась вчера немного, пока тебя искала. – Я испуганно уставилась на него – не хотелось бы, чтобы из-за меня кто-то пострадал. – Всё нормально, отсыпается и ест в постели, потратилась сильно. Рвалась тебя поопекать, но я запретил.

– Почему меня вообще нужно опекать? – осведомилась я хмуро – непонимание происходящего уже нешуточно злит. – Было как-то проще и понятнее, когда вы все дружно презирали меня за фамилию, происхождение и прочие вещи, которых я не выбирала и не могу изменить.

Тай поморщился, мои слова его определённо задели.

– Мотай на ус, цветочек Лили: есть тёмные, а есть все остальные, – заметил он чуть сварливо. – Мы все – одна большая семья и не можем позволить себе роскошь доверять незнакомцам. Естественно, к тебе приглядываются, чтобы понять, достойна ли ты зваться одной из нас...

– Смотрите, как бы я вас не сочла недостойными, – отрезала я. – Не нравлюсь? Можете всей большой семьёй катиться в Пекло. Скучать

не буду, переубеждать – тоже.

Тай усмехнулся и покачал головой чуть укоризненно.

– Найтстар.

– Что?

– Найтстар, – повторил он уже серьезно. – Во плоти. Мне жаль тебя расстраивать, Лисандра, но твой отец тебе не отец. Внешность, характер, даже имя... Ты Найтстар от макушки и до кончиков ногтей.

Какое-то время я сидела, оглушённая внезапным откровением. А затем молча развернула вручённый Таем свёрток и не слишком аристократично вгрызлась в кусок мясного пирога.

– Правда, что ли? – изумился Тай с мрачным весельем. – Я не Сеймур, какая жалость, пойду поем?

– Да я в любой ситуации иду и ем, – сообщила я хмуро. – Спасибо магии, без неё бы уже в дверь не пролезала. А попить есть? – Уже откровенно смеясь, он протянул мне небольшой термос. – Спасибо. Ты думаешь, у меня ни разу не мелькнуло мысли, что я не дочь своих родителей? Бывало. Даже до распределения на ваш дурацкий факультет. Я и раньше не была похожа ни на кого из семьи, хотя мать всё время повторяла, что я пошла в какую-то там бабушку из Голденхартов.

– Неплохо придумано. Похоже, она прекрасно знала, что ты не от Сеймура.

Я нахмурилась и отхлебнула чаю из крышки термоса.

– Тай, она бы никогда... Мои родители любят друг друга, понимаешь? Мне проще поверить в то, что я приёмная.

Тай пожал плечами, не желая спорить.

– Одно ясно – ты Найтстар. А значит, завидная невеста для одного из нас. Сокровище, которое надо стеречь, и...

– Трофей, словом.

– Сферы небесные, ты просто несносна! – вспыхнул Тай, но я видела, что он старательно прячет улыбку. – Не криви нос, красотуля, выбор за тобой будет. Меня можешь не опасаться, я крепко занят. А остальные...

– А остальным такое сокровище не по карману, – заявил Лэндон, плюхнувшись рядом со мной. – Кроме меня, конечно. Любовь моя! Не соблаговолишь ли ты одарить благосклонностью своего верного...

– Да жри уже, возлюбленный мой! – фыркнула я, сунув ему второй кусок пирога. А сама ухватила третий, благоухающий яблоками и корицей. – Хоть помолчишь.

– Недолго, – сокрушённо вздохнул Тай. – Губу не раскатывай, Гилли. Слышал, что вчера Рэй сказал?..

– Пф! Конкурента устранял.

Он открыл было рот, чтобы возмутиться. Но затем закрыл и в задумчивости пригладил тёмно-рубиновые волосы, так красиво сияющие на солнце.

– Думаешь?

– Чуйка, Сангстер. Хочешь, поспорим?

– Спорить с Гилбертом? Ну на фиг, ты ж без последних трусов оставишь.

– Вы о чём вообще? – произнесла я чуть растерянно.

Парни осеклись и дружно смерили меня задумчивыми взглядами.

– Скоро узнаешь, – изрёк Лэндон загадочно. – Или не скоро. Но ошибаюсь я редко.

Любопытство одолело меня с новой силой. Что я знаю обо всех них? О Лэндоне Гилберте, гордом наследнике пропавшего рода, который оказался не таким уж пропавшим. Пройдоха редкий даже с виду, но вместе с тем в нём явно чувствуется надёжная опора. За всей этой внешней манерностью, небрежностью скрывается тот ещё характер и готовность нырнуть с головой в любое пекло. О чуточку чопорном, кажущемся старше своих лет Тае Сангстере, который из всей моей новой компании кажется единственным настоящим аристократом. Который, правда, вовсе не аристократически развалился сейчас прямо на камнях, что служили трибунами, и внимательно следил за происходящим внизу. Об Октавии, которая потратилась – кстати, надо бы принести ей что-нибудь вкусное, – пытаюсь отыскать меня в огромной Академии. О Дике Фарли, о Мире, о Стефе...

Великие звёзды, да я даже о себе ничего не знаю!

Я – Найтстар. Отчего-то эта мысль, абсурдная и неуместная, прочно засела в мою голову. Будто я откуда-то уже знала, и слова моих новоявленных приятелей только подтвердили эту мысль. Это вот так приходит наследие, да? Или у меня от всех этих потрясений знатно повредился рассудок?

– Да расслабь уже булки, двойняшка, и не с таким справлялись.

– Ты, Гилли, пока даже со своей прической не справился, – вредно хмыкнул Тай. Махнул рукой – длинные светлые волосы, кое-как зачесанные назад, на мгновение взвились в воздух, заплелись в нехитрую косу. – Ну вот, теперь почти Найтстар. Хм...

– Что? – ворчливо выдала я, уже ожидая какой-нибудь гадости – их обычно как раз с такими излишне задумчивыми лицами и говорят.

Но Тай только отмахнулся, с каким-то мрачным весельем:

– Да так. Подумал, что мы с Дики задолбаемся за эти два года от вас двоих женихов с невестами гонять. Ну этот, – он ткнул Лэндону в плечо, – ладно, отбрехается, у Гилбертов язык без костей испокон веков. А вот тебе, принцесса, лучше бы побыстрее найти себе кого-нибудь. Целее будешь.

– Я тоже отбрехаюсь, – возразила я, вмиг обидевшись на такой совет.

– Не сомневаюсь. Только как бы от этого охотников больше не стало – мужчины, знаешь ли, любят дерзких девчонок...

– Это ты по своему опыту? – хмыкнул Лэндон.

– В том числе. – Тай глянул на меня с интересом, природа которого вскоре стала ясна. – Правда, что ли, Лайтнингу вчера по морде врезала?

Я кивнула, невольно потеряв плечо – синяки и впрямь остались. Тай этот жест заметил и, похоже, верно истолковав, отчётливо скрипнул зубами.

– Не бойся, отвадим придурка. Пусть за своими светлыми клушками волочится.

– Бедные клушки, – охотно съехидничал Лэндон. – Идёмте, что ли? Твой ползучий дядюшка Блэквуд обещал представление с утра.

– И впрямь пора. С пирогом расправились, оглоеды? Идёмте.

Мы и пошли. Запоздало я обратила внимание, что Шеан куда-то пропал, и меня это немного расстроило – я уже успела привыкнуть к очаровательной пантере и даже обиделась, что такой чудесный фамильяр принадлежит кому-то еще. Ладно, надеюсь, мой будет ничуть не хуже – я бы хотела себе котика, или щенка, или хотя бы лисичку...

За мечтами о будущем фамильяре я даже не успела заметить, как мы вернулись в гостиную. В которой, кстати, непривычно шумно и тесно – похоже, сюда набился весь факультет. Почти следом за нами

явился архимагистр Ливингстоун, а вместе с ним – мужчина, который... который...

Ну да. Высокий, тёмный и опасный. И на Тая так похож, что даже жутко. Тот же рост и стать, то же бледное красивое лицо. Пронзительный взгляд бездонных чёрных глаз – и тот один в один. Только волосы другие, чёрные настолько, что отдают в синеву.

Рэйнхарт Блэквуд.

Я помню его.

Его появление там, в башне, его магию, ломающую Мэддокса, его руки, держащие меня, не дающие свалиться в спасительное забытие. И телепорт, который он содрал со своей шеи, прежде чем зажать между нашими ладонями. Он. Это он меня спас, а я едва об этом не забыла.

Едва не забыла, как мы с ним на пару убили человека. Я – ножом, который невесть как умудрилась вонзить в шею своего убийцы. Он – магией, тёмной, густой, насыщенной. Некромантией.

Я невольно потянулась к поясу и вздрогнула, вдруг обнаружив ножа на привычном месте.

– Что такое? – еле слышно поинтересовался Лэндон, на мгновение сжав мою ладонь. – Тихо ты. Он свой.

Нет у меня своих. Родителей – и тех нет, судя по тому, что они не удосужились даже прислать мне письмо.

– Успокойся, Лили, – услышала я рядом голос Миры, тоже искаженный шепотом. Я ощутила мягкое касание чужих пальцев, а затем – странное спокойствие, волной прокатившееся по телу. – Так легче?

Я кивнула ей в знак благодарности, – в самом деле, не время и не место снова поджигать или громить что-нибудь. Здорово иметь в друзьях менталиста... Нервозность не исчезла полностью, но дышать стало чуточку легче.

Успокоилась я весьма вовремя – Ливингстоун наконец отмер и завёл речь этим своим благостным тоном доброго дедушки, что не слишком вяжется с наружностью эдакой влажной мечты старшекурсниц.

– Приветствую, дорогие студенты! – Тай и Лэндон единодушно закатили глаза. – Я собрал вас сегодня здесь...

– Ты собрал, как же, – хмыкнули рядом, и я, повернувшись, с удивлением заметила Октавию. Она была бледна и опиралась на плечо

Дика, а змея на её руке совсем не шевелилась.

Тай нахмурился, явно недовольный присутствием Кейн.

– Что ты тут делаешь?

Она невозмутимо пожала плечами.

– Не могла пропустить этот цирк с кентаврами.

– ...чтобы с прискорбием сообщить, что магистр Мэддокс был вынужден скоропостижно покинуть стены нашей Академии в связи со сложными семейными обстоятельствами. – Мы с Лэндоном дружно фыркнули, а Дик и Октавия, похоже, с трудом удержались от злорадного хохота. – Многие из вас наверняка будут расстроены этим фактом, ведь наш магистр был выдающимся преподавателем, вы наверняка успели привыкнуть к нему и полюбить всем сердцем...

– Да он издевается, что ли? – озвучил Тай общую мысль большинства из нас.

– Однако Академия Сумерек – это прежде всего учебное заведение, выпускающее из своих стен выдающихся магов. О чём известно всему королевству Астрэ, включая самых высокопоставленных и благородных особ. Благодаря всестороннему и внимательному участию её величества, сиятельной королевы Марии, ценнейший факультет чернокнижников не останется без надёжного присмотра и получит необходимые знания в полной мере. С гордостью и огромной благодарностью я хочу представить вам мистера Рэйнхарта Блэквуда...

Тай рядом шумно выдохнул сквозь зубы. И не он один, к слову – по всей толпе студентов пронеслись вздохи, шепотки, кое-кто из девчонок даже испуганно приложил руку ко рту.

– Благодарю, архимагистр, за вашу речь. Её величество и впрямь очень внимательно следит за Академией Сумерек, для меня будет честью передать ей, насколько неопределимыми были признаны её усилия, – прервал словоблудие Ливингстоуна знакомый-незнакомый мужчина.

Клянусь Царицей, этим голосом можно резать сталь. Со мной он говорил совсем по-другому.

– Думаю, представиться я в состоянии сам.

Даже если подобное... хамство ему не понравилось, Ливингстоун виду не подал. Улыбнулся участливо, отошёл в сторону и даже приглашающе протянул руки, позволяя мужчине выйти вперёд.

– Разумеется, мистер Блэквуд, – он демонстративно глянул на часы, висевшие у него на цепочке. – Тем более мне все равно нужно отлучиться – дела. Жду вас в моём кабинете после окончания собрания.

В ответ Блэквуд только коротко кивнул. А едва за архимагистром закрылась дверь, взмахом руки накинул на холл несколько заклятий.

– Два заглушающих, два запирающих, три счита... – медленно произнес Лэндон. – Сэр, мы готовим заговор?

– Тёмные всегда их готовят, – отозвался Блэквуд. – Вы этого не знали, мистер Гилберт?

Ответа он, впрочем, ждать не стал, хотя Лэндон наверняка порывался ляпнуть что-нибудь ещё. Помилуй, Царица, еще немного, и я решу, что этот парень – двойняшка, мать его так и эдак! – бессмертный. Я бы с мужчиной по фамилии Блэквуд остереглась разговаривать вообще, не то что вступать с ним в спор или что-нибудь подобное.

– Итак, приступим к сердечному знакомству, – он подозвал к себе одно из кресел и уселся на него с таким видом, словно то был самый настоящий трон. – Как вы уже поняли, меня зовут Рэйнхарт Блэквуд. Лорд Рэйнхарт Блэквуд – простим дорогому архимагистру его пробелы в образовании. Некоторые из вас знают меня как первого некроманта Астрэ, рыцаря королевского легиона, магистра тёмных искусств и прочая. Кем будете считать и называть меня вы – мне не интересно. Зовите как хотите.

– Даже Рэем? – весело поинтересовался Дик.

По холлу тут же прокатились редкие смешки. Из тех, что возникают, когда кто-то ляпает самоубийственную глупость. Иначе как лордом Блэквудом «Рэй» не воспринимался.

– Да хоть Его темнейшеством, – хмыкнул в ответ Блэквуд, губы его едва-едва изогнулись в ухмылке. – Мне нет дела до титулов, чистоты крови и величины семейного древа. Если кому-то есть, и он захочет это всем продемонстрировать, – я превращу их жизнь в непрекращающиеся страдания. Второе. Как вы уже поняли, Мэддокс спешно нас покинул. Преподавателем он был никудышным, так что дружно пожелаем ему успехов в его... дальнейшем пути. Его теоретические наработки можете оставить, всё, чему вас учили на практике, лучше забыть и никогда не использовать – похороны

стажеров, как выяснилось, не самое весёлое мероприятие. Третье. Развлекать вас игрой в камушки, как малахольный полудурок Мэдди, я не собираюсь, и мои уроки наверняка окажутся поистине незабываемы. Преподавать я буду некромантию и сопутствующие профильные дисциплины, в том числе наложение проклятий. За малефиками, исключая первый курс, по-прежнему закреплён магистр Колдуэлл. Кафедру некромантии вскоре будет тошнить от одного моего вида, но всем прочим тоже не советую расслабляться.

Блэквуд обвёл присутствующих на редкость недобрый взглядом.

– Повторяю – я не Мэддокс. За откровенные косяки, неуспеваемость и свары внутри факультета буду драть три шкуры, на всё прочее готов закрыть глаза, пока вы не попадаетесь и не сильно наглеете.

Как-то не очень педагогично, но студенты вроде прониклись. Ладно, мне-то что за дело? Я буду рада вернуться к привычному ампула примерной зануды-отличницы... Если мне, конечно, позволят. А то горящие камни и покушения на жизнь – они как-то не способствуют.

– Последнее: с любыми проблемами вы идёте ко мне. С любыми. Даже если они кажутся вам идиотскими и не стоящими моего времени. Светлые дебилы вздумали поиграть в иерархию – ко мне, злыдня Чейз опять слетела с нарезки – ко мне, сам Ливингстоун заявился и тоном престарелого дедули позвал на чаёк с конфеткой – да, тоже ко мне. Это понятно? Замечательно. Вопросы, жалобы, предложения? Нет? Тогда свободны. Мисс Сеймур, вы идёте со мной.

– О-о-о! – протянул Дик, ухмыльнувшись во весь рот. – Тай, дружище, у твоего дядюшки отменный вкус!

И с этим я бы ещё смирилась. Дики такой Дики. Но добрая дюжина сомнительных комментариев от парней, с которыми я до сего дня и словом не обмолвилась, смутили донельзя и откровенно разозлили.

– А у мужика губа не дура!

– Эх, темнейшество! Такая блондиночка пропала...

– Была Лили – и нету Лили...

– Очень смешно, – буркнула я, чувствуя, как запыльхали щёки. И, сложив руки на груди, уже громче прибавила: – Верх остроумия,

джентльмены, но Лили здесь и всё слышит! Что-нибудь ещё желаете сказать?

Излишне болтливые чернокнижники опешили, явно не ожидая получить отпор от крошечной первокурсницы. Смерив их надменным взглядом, я в лучшем духе Лэндона задрала нос, прошествовала к лорду Блэквуду и вежливо поклонилась.

– Милорд.

Блэквуд улыбнулся мне – едва заметно, но я отчего-то была железно уверена, что он забавляется.

– Миледи, – выдохнул он, склонив голову в ответ, и галантным жестом предложил взять его под руку. Что я и поспешила сделать, подавив невесть откуда взявшуюся робость.

В моём же спутнике её словно не было вовсе – он ни на миг не изменился в лице, пока мы шли прочь от общежитий тёмного факультета. Словно так и надо, словно он каждый день сопровождает своих студенток в... куда, кстати?

Спросить я не успела – перед одной из дверей мы вдруг остановились, и Блэквуд, на пробу дёрнув изогнутую ручку, пригласил меня внутрь.

– Где мы? – спросила я, с удивлением осмотрев пыльные шторы на окнах, беспорядочно сложенную мебель и даже притулившуюся в уголке метлу.

– Понятия не имею, – отозвался Блэквуд. – Архимагистр Ливингстоун уже наверняка знает, что я закончил свою речь, так что у нас очень мало времени. Для начала, – он потянулся к своему поясу, отстегнул от него ножны и вручил их мне, – кажется, это ваше.

Я взяла ножны, машинально проверила, как в них ходит нож. Сумеречная сталь, рукоять из рога василиска – дорогой презент от любимого брата, который хотел меня защитить, даже не будучи рядом.

– Благодарю, лорд Блэквуд, – растянула губы в вежливой улыбке, хотя горе и предчувствие потери осели внутри грудой тяжёлых камней. – Это подарок моего брата Карлоса. Самый важный и, вероятно, самый последний... Но, полагаю, мы здесь не ради этого?

– Держите при себе – он сослужил вам хорошую службу. Вполне вероятно, сослужит ещё не раз. Но вы правы, – он обошёл одинокий стол, небрежно махнул рукой, убирая с него всю скопившуюся пыль. – В данный момент вас ожидает в своём кабинете господин

архимагистр. Как вы уже поняли, я не питаю к нему тёплых чувств. И вам не советую. Ливингстоун любит строить из себя доброго понимающего дедушку, но медяк цена его доброте. У старины Уэйна фора перед нами больше чем в полвека, так что играть с ним в игры не стоит.

Блэквуд оперся спиной о стол, всё так же небрежно призвал из кучи мебели колченогий стул и жестом предложил мне сесть.

– Слушайте и запоминайте, леди Лисандра – вчера вы потеряли сознание после урока магистра Чейз. Сваливайте на истощение. Ливингстоун не поверит, но вы – первокурсница, нервная и впечатлительная, знать природу своего обморока не обязаны. Очнулись в часовой башне, но не надолго, запомнили только, как Мэддокс пытался вас задушить, после чего снова потеряли сознание. А когда пришли в себя, были уже в своей комнате. Что случилось с Мэддоксом, вы не знаете, меня до сегодняшнего утра не видели и крайне удивлены столь поспешным переназначением любимого профессора. Вам всё ясно?

– Вы предлагаете соврать? – хмуро уточнила я, сев на стул и сцепив руки в замок. – Я защищалась. Но вряд ли кто-то поверит этому, если мой обман вскроется.

– Вот как? – переспросил Блэквуд с каким-то нездоровым весельем. – Это всё, что вас беспокоит?

– Меня бы должно беспокоить, что мы вместе убили человека, не так ли? Но мне всё равно. По правде говоря, это было весьма... волнующе.

Сферы небесные, я и правда это вслух ляпнула?! Даже в мыслях звучало жутко нездорово.

Проклятый тёмный лорд не ужаснулся моей кровожадности, но ухмыльнулся ещё шире – так, что меня невольно в жар бросило.

– Ах, леди Лисандра, ни от одной женщины я ещё не получал таких непристойных признаний.

– Издеваетесь?

– Ничуть, – заверил лорд Блэквуд серьёзно, хотя в глухо-тёмных глазах по-прежнему поблёскивало что-то такое... подначивающее. – Полно, миледи, скомпрометируете меня чуть позже. Сейчас мне нужно, чтобы вы рассказали о вчерашнем.

– Как пожелаете, – пожала плечами, удержав при себе возмущённые отповеди – больно он мне нужен, нечисть болотная! – и начала не шибко длинный рассказ: – Я очнулась, меня слегка пожурили за устроенный переполох, вручили колечко, – помахала рукой, демонстрируя артефакт силы. – Потом лорд Лестер переместил меня в какую-то лабораторию и предложил поджечь ещё один камушек. Вернее, не поджечь, а...

– Трансмутировать, – задумчиво выдал Блэквуд, смерив кольцо на моей руке недобрым взглядом. – Получилось?

– Получилось, – эхом откликнулась я. – Кварц, слюда, полевой шпат... И никаких заклинаний. Почему старой крови не место в новом мире?

– Потому что дивный новый мир создан для ханжей вроде Мэддокса. Не для чудовищ, порождённых нечистой кровью, – он выразительно скривился. – Что ещё этот кретин вам наговорил?

– Не слишком много. Кто такие истинные некроманты?

– Долго объяснять. Позже. Ещё?

– Просил простить. – Я повертела в руках нож и одним резким движением загнала обратно в ножны. А затем приладила их обратно на пояс. – Ну что ж, я покрепче взяла своё *прощение* и вогнала ему в шею. Это всё, милорд. Дальше вы знаете.

Блэквуд задумчиво прошёлся по запылённому кабинету, после чего вернулся обратно к столу и сложил руки на груди. Я невольно залюбовалась им, поражаясь, насколько сильно ему не подходит и одновременно подходит это место. Сиятельный – или правильно называть его темнейшим?.. – лорд уместнее смотрелся бы на приёме в королевском дворце. Впрочем, на них-то он наверняка бывал неоднократно. Но и здесь, среди сваленных в кучу старых парт, метел и пыли, лорд Блэквуд, в туфлях из мягкой кожи, в простых черных брюках и чёрном же сюртуке, застегнутым под самое горло, без вычурной вышивки и дорогих украшений-амулетов, выглядел так, будто его совершенно ничто в этой жизни не способно смутить. Ни обстановка, ни компания.

Я чуть нахмурилась, припоминая – Блэквуды никогда не были слишком богаты. Сильный тёмный дар при полноправной и неоспоримой власти светлых магов никогда не пользовался спросом. Годы же правления Бенедикта Кровавого и вовсе разорили гадючье

семейство, а вместе с ним и большинство тёмных семей. Земли Блэквудов – Приозерье – располагались в опасной близости от Чащи. Арендаторов на такое добро наверняка находилось мало, а без них, не имея достаточно связей и большой семьи, способной прокормить саму себя, шансы на сытую жизнь были весьма малы. С детьми же наверняка имелись проблемы – тёмные маги, да и все прочие тоже, не слишком плодовиты. Исключения, конечно, есть – например, Найтстары...

– Сэр, – позвала я, зачем-то облизывая вмиг пересохшие губы, – а правда, что я...

– Правда, – коротко отозвался Блэквуд, будто заранее знал, о чем я хочу спросить. – Но, боюсь, я не тот человек, который должен вам рассказывать об этом. Да и тема заслуживает обстановки поуютнее. И пары бутылок вина, пожалуй. Одно скажу – если ваш отец тот, на кого мы думаем, поверьте – он был хорошим человеком.

– Потому, наверное, и «был», – пробурчала я, на что Блэквуд ответил очередной кривой усмешкой.

– Да, – согласился он и протянул мне руку, предлагая встать, – пожалуй, что так. Идёмте, миледи, нас заждались на чай. С конфеткой, чтоб его. Надеюсь, вы не любите сладкое.

– Обожаю, – возразила я печально, вложив свою ладонь в его, – но на сей раз, пожалуй, перебыюсь.

– Мудрое решение.

Как ни хотелось отсрочить неизбежное, вскоре мы подошли к дверям ректорского логова... хм, кабинета. Лорд Блэквуд галантно распахнул передо мной дверь (как по мне, так в Пекло манеры, шёл бы в эту западню первый); я с обречённым вздохом вошла и...

И замерла, не дыша. Напротив архимагистра Ливингстоуна сидел не кто иной, как...

– Отец? – выдохнула я.

Лорд Гаррет Сеймур внимательно оглядел меня с ног до головы, после чего трусливо отвёл взгляд. Лицо у него сделалось такое, словно я его ударила.

– Здравствуй, Лисандра.

Я стояла и не знала, что сказать. Больше всего хотелось броситься ему на шею и зарыдать, уткнувшись в широкое плечо. Но страх быть

отвергнутой оказалась сильнее глупого детского порыва. Посему я вежливо поклонилась.

– Доброе утро.

– Прекрасное утро, моя дорогая леди Лисандра, – радушно ответил архимагистр, поднявшись с кресла. Отец остался сидеть, старательно глядя себе под ноги. – Иначе и быть не может, коль скоро ваша красота озаряет мою скромную обитель! Благодарю, лорд Блэквуд, вы можете...

– Не могу и не собираюсь, – отчеканил Блэквуд. Его бархатный баритон вновь зазвучал острее сумеречной стали. – Мне тоже охота такую красоту лицезреть, знаете ли.

– Что он здесь делает? – зло поинтересовался отец, в упор уставившись на Ливингстоуна. – Этой ядовитой твари не место рядом с... юной девушкой, кем бы она ни была.

Кем бы она ни была... Каждое слово хлестало больно-пребольно, будто пощёчина. Хотя откуда мне знать? Меня ни разу никто не бил. Я росла в приличной семье, любящей и дружной, и мой отец никому бы не позволил даже пальцем меня тронуть.

Всего три дня назад я была его любимой и единственной дочерью. Теперь он даже смотреть на меня не желает.

– Ядовитая тварь является куратором факультета, куда волей Царицы и Горнила была направлена леди Лисандра Сеймур. Так что да, мне здесь самое место. – Блэквуд демонстративно отступил обратно к двери, плечом оперся о массивный деревянный косяк. – Вы же не хотите лишиться кабинета, архимагистр?

Ливингстоун едва заметно скрипнул зубами, но доброжелательную улыбочку с лица не стёр. Я же, едва глянув на выражение его лица, вдруг испытала небывалое чувство благодарности к лорду Блэквуду за то, что он не ушёл, не бросил меня одну разбираться... со всем этим.

Повинуясь взмаху руки Ливингстоуна, ко мне подвинулось второе из свободных кресел для посетителей, и я послушно уселась на его краешек. Смотреть на отца мне тоже не хотелось, однако я пересилила себя и подняла голову.

Надо же, а я словно успела забыть как он выглядит. И как он нервничает перед серьёзными разговорами, забыла тоже.

– Не желаете ли чаю, леди Лисандра?..

– Вы издеваетесь? – произнесла я подчёркнуто тихим голосом.

Сахарная улыбочка Ливингстоуна подувяла, и он решил напустить на себя сочувственный вид.

– Что ж, разговор нам предстоит не самый приятный. Гаррет, мальчик мой, ты уверен в своём решении? Я полагаю, ты реагируешь несколько чрезмерно, ведь времена нынче совсем иные...

– Всё уже решено и официально оформлено, – ответил отец, глядя, впрочем, не на Ливингстоуна – на меня. – Лисандра, я смирился бы с тем, что ты не от меня – в конце концов, где-то в глубине души я всегда это подозревал. Но называть своей дочерью тёмную ведьму я просто не вправе. Мои предки перевернутся в гробах; мою семью не примут ни в одном приличном доме; мои сыновья останутся без невест...

Всё это я прекрасно понимала – как не понимать? Но предательство всегда остаётся предательством, в какую обёртку ты его ни упакуй. Каждое слово отца... лорда Сеймура больно ранило.

Нормальные девушки, когда им больно и страшно, обычно плачут и умоляют. Вот только я нормальной никогда не была.

Когда мне больно и страшно, я прихожу в ярость.

– Никогда бы не подумала, что Гаррет Сеймур, верховный страж столичного региона, – трусливое ничтожество, – бросила презрительно и зло. – Хотя бы наберись смелости сказать мне в лицо – я отрёкся от тебя, Лили! Я никчёмный трус, Лили! Я двадцать лет звал тебя своей дочерью, Лили, только чтобы вышвырнуть из дома, как надоевшего щенка!

– Замолчи, Лили! Заткнись сию же секунду, иначе видят звёзды, я всыплю-таки тебе ремня! – рявкнул он, стиснув кулаки до побелевших костяшек. – Ты понятия не имеешь, какой ценой мне далось это решение. Я сделал то, что должен, и не собираюсь оправдываться.

– Ну конечно. Ты никогда не оправдываешься.

Он взглянул на меня так беспомощно и несчастно, что на какой-то миг мне стало ужасно его жаль. Но только на миг. Ярость моя куда сильнее жалости.

В последние дни ярость со мной повсюду. Я даже начала привыкать... и получать какое-то извращённое удовольствие.

– Скажи спасибо, что не вышвырнул тебя на улицу в одном платье, – процедил лорд Сеймур, снова уставившись себе под ноги. –

Ты получишь свои вещи, и я положил на твой счёт достаточно золота. Хватит на шесть лет обучения и ещё останется на приданое...

– Да не нужны мне твои подачки! – огрызнулась я. – Я выживу и без тебя, ясно? Любой ценой выживу. Пойду работать. Не возьмут в трактир, так в борделе точно не откажут, я ведь смазливая, да?.. Но твоё предательство никогда не забуду, чем бы ты от меня ни откупился. Слышишь? Никогда.

– Лили, прошу, не надо... – выдавил он откровенно жалким тоном. В жизни не подумала бы, что мой отец так может. – Ты не останешься без имени – старая ведьма Найтстар этого не допустит. Я запретил твоей матери видаться с тобой, но это только на первое время... максимум на год...

Лучше бы он и дальше глотку драл. Потому как, слушая эти ничемные попытки оправдаться, сорвалась уже я.

– Будь ты проклят, Гаррет Сеймур! – закричала, подлетев с кресла и до боли впившись ногтями в свои ладони – сила рвалась с поводка, требуя слова подкрепить действием. – Неужели я не была идеальной сестрой и дочерью?! Я делала всё, что бы вы с матерью ни просили! Была лучшей всегда и во всём! Общалась с подружками, которых вы выбрали, носила одежду на ваш вкус, стала невестой мужчины, который нравился вам – не мне. За что ты меня наказываешь?! Я ничего не сделала! Я не виновата, что твоя драгоценная Лита оказалась немногим лучше дешёвой потаскухи!

– Не смей так говорить о матери! Ты ничего не знаешь!..

Не знаю. И знать не хочу. Потом, конечно, об этом пожалею, но...

– Нет у меня матери, – глухо произнесла я. По левой руке лениво скатилась капелька крови – надо же, распорола ногтями ладонь и даже не почувствовала. – И к чему было годами ради вас из кожи лезть? Нет у меня ни матери, ни отца, ни братьев. Только я сама.

– Леди Лисандра, – промямлил Ливингстоун, точно опасаясь, что я прокляну-таки отставного родителя чем-то забористым, – давайте успокоимся и обсудим ситуацию как взрослые люди. По всему выходит, что я теперь ваш временный опекун...

– Гражданский кодекс говорит иначе. Двадцать мне исполнится менее, чем через полгода, что делает меня полностью дееспособной. Вы, конечно, всегда можете оспорить это в суде, но до тех пор могу я идти? Сэр.

Ответа я уже не слышала. Не хотела слышать. Руки ходили ходуном, воздуха отчаянно не хватало, а сердце билось, как у загнанного зверя. Больно. Так больно! В какой-то миг показалось, что я просто рухну замертво; что стресс и сжигающая нутро обида доделают то, что не удалось Мэддоксу.

Но всё же я кое-как подцепила края куцей юбочки, изображая поклон.

– Лорд Сеймур, счастливо оставаться.

Меня остановил Блэквуд, у самой двери внезапно вцепившийся мне в плечо. Окинул оценивающим взглядом, прищурился мрачно и вдруг вытянул руку ладонью вверх.

– Кольцо, леди Лисандра. – Я непонимающе уставилась на него, на какой-то миг и впрямь забыв о раздирающих душу и сердце переживаниях. Глянула на артефакт силы, красующийся на моём пальце. – Кольцо Лайтнинггов у вас при себе, верно? Полагаю, помолвку можно считать расторгнутой.

Я заторможенно кивнула и полезла в карман. Дурацкий бриллиант, царапнувший ладонь, был всё таким же красивым, но теперь казался мне ещё более неуместным и пошлым. Выразительно скривившись, вложила постылое украшение в руку Блэквуда, а тот щелчком пальцем отлевитировал его на стол Ливингстоуна.

– Советую проверить на проклятья, – едко отметил он. И, не дожидаясь прощальных фраз, толкнул плечом дверь. – Пойдёмте, леди Лисандра. Я провожу вас в вашу комнату.

Ни в какую комнату мы не пошли – стоило только выйти в коридор, как Блэквуд вдруг притянул меня к себе, обнял одной рукой. Я успела заметить мелькнувший в его пальцах тёмный камень на цепочке, а в следующий миг меня утянуло в вихрь телепорта. Невольно вспомнилось, как в прошлый раз меня таким способом перемещал Мэддокс...

– Как вы себя чувствуете? – поинтересовался Блэквуд, отстранившись от меня.

Я огляделась – мы и впрямь оказались в комнате. Не в моей, конечно – в моей бы в жизни не поместились сразу и диван, и пара кресел, и журнальный стол, и притулившийся в углу у окна стол-бюро. Здесь темно и как-то... пусто. Только стоящий возле двери саквояж и

графин с парой стаканов выдавали, что это место кому-то принадлежит.

– Ещё не успел обжиться, – в ответ на мой взгляд пояснил Блэквуд. – Хотите воды?

– Скорее уж вина, – попыталась улыбнуться я. Вышло, видимо, совсем жалко: Блэквуд остался так же мрачен, как и когда мы выходили из кабинета архимагистра.

– Есть только виски. Будете?

Я, подумав, кивнула – в самом деле, когда ещё доведётся выпросить спиртного у преподавателя в его же комнатах?

Лорд Блэквуд споро достал из саквояжа бутылку с янтарной жидкостью, разлил по бокалам, подал один мне. Я невольно усмехнулась. Надо же, всего три дня назад подобное поведение – я, в покоях постороннего мужчины, принимаю из его рук крепкий алкоголь, который прежде даже не пила! – показалось бы мне несмываемым позором и бесчестьем. Сейчас же... всё равно. Пусто. Точно вместе со светлой кровью из меня выжгли и совесть, и порядочность, и даже манеры.

Виски огненным комом прокатился по горлу, обжигая внутренности и моментально давая в голову. Не настолько, чтобы почувствовать опьянение, но достаточно, чтобы нервная дрожь чуть отпустила.

– Хотите чего-нибудь ещё, миледи?

– Нет, – я мотнула головой. – Нет, спасибо, вы и так...

– Плохо, – оборвал Блэквуд, чуть повысив голос. Я непонимающе уставилась на него. Он махом опустошил свой бокал, подтолкнул мой мне, веля делать то же самое. – Потому что вы должны хотеть, Лисандра. Разбить этот графин о мою голову, сжечь здесь всю проклятую мебель, выбить стекла, кричать, плакать... Вы должны этого хотеть, иначе, видит Царица, рано или поздно ваша сдержанность обернётся для вас очень скверно.

– А безобразной истерики в кабинете у любителя чая и конфеток вам было недостаточно? – изумилась я, не скрывая раздражения. – Предлагаете себе в качестве десерта?

– Юная леди, я выдаю желаемое за действительное или вы впрямь меня домогаетесь? – протянул Блэквуд нарочито похабным тоном. А мне в самом деле захотелось огреть его графином по башке – за

паскудство и дурацкие шуточки. – Хватит притворяться, Лили. Даже если вы разворотите мой кабинет и половину академии до кучи, я не стану думать о вас хуже.

– Я стану.

– Зря, – пожал он плечами. – Если вам это интересно, я думаю, вы прекрасно держались. И знаю, каких трудов вам стоило не проклясть своего так называемого папашу.

– Не знаете, – возразила я. Мой голос опасно задрожал. – Несмотря ни на что, он был моим отцом... а теперь я только и думаю о том, как легко было бы его убить. Закупорка артерий, тромбоз, мерцающая аритмия... уверена, вы прекрасно знаете, что это такое и как реализуется при помощи некромантии.

– О, разумеется. Но откуда такие бесспорно полезные знания у вас?

Надо же, он будто заинтригован. Ну да, магистр тёмных искусств наверняка слышал вещи и похуже.

– Я люблю читать. И думала, что стану целителем... – осеклась, в отвращении помотала головой. – Нет, не думала. Это тоже решили за меня. Все и всё решают за меня, даже дурацкое Горнило! Да лучше бы оно сожгло меня дотла – я и так всё равно что мёртвая!

По щеке скатилась одинокая слезинка, но я тут же утёрла её тыльной стороной ладони.

Без толку. Вскоре я ничего не могла разглядеть из-за пелены слёз. Сдержанность никак не получалось – точно моё горе заполнило меня снизу доверху. И полилось через край.

– Я умерла и переродилась в... чудовище. Злобное, мстительное и нестабильное. Раньше мне бы в голову не пришло скандалить с преподавателем, или бить Роберта по лицу, или проклинать кого-то... и уж тем более убивать! Я даже от лорда Лестера не защищалась – я его пыталась утащить следом! Взясась за нож, а в мыслях только одно – сдохни, сдохни, сдохни! Он и сдох. А мне... мне понравилось. Мне в жизни никогда не было так приятно, как убивать его... с вами. Никогда.

И, выдав это ужасное откровение, я позорно разрыдалась, уткнув лицо в ладони. Пусть думает что хочет, пусть все думают что хотят – мне уже наплевать.

– Что ж, полагаю, у нас нет ни одной причины отказывать себе в подобных удовольствиях, – голос Блэквуда вновь стал тише и заметно потеплел. – Я о совместных убийствах, разумеется. Список ограничен некоторыми рамками, но на наш с вами век хватит.

Его рука, внезапно тёплая, хотя я ожидала змеиной холодности, легла поверх моего запястья, потянула на себя. Миг, и я оказалась в объятиях лорда Блэквуда, которого, кажется, не смущали ни мои вздрагивающие плечи, ни хныканье, ни слёзы, которые вмиг намочили ткань его сюртука.

– Вот так, Лили, – тяжёлая ладонь легла на мой затылок, погладила по волосам. Объятия стали ещё крепче, и я невольно обняла лорда Блэквуда в ответ. – Плачьте. Злитесь, ненавидьте, выходите из себя, бейте посуду... Видит Царица, нет ни одного тёмного, который не обошёлся бы без разрушений. Когда я злился, умерщвлял и поднимал мышей. Дивная выходила картина.

– Не-ет, мышей жалко, – невольно усмехнулась сквозь слёзы. – А вот Ливингстоуна и Чейз – как-то не особо.

Он негромко рассмеялся куда-то мне в макушку.

– Вы удивительная девушка, Лисандра Найтстар.

Комплимент явно с подвохом, но мне всё равно сделалось очень приятно. Очень-очень. Хоть и странно.

Лисандра Найтстар...

– Полагаю, мне следует к этому привыкнуть.

– Полагаю, мне следует хватать вас и прятать в башню поукромнее, – отозвался Блэквуд со вздохом. – Но вы же не согласитесь.

– Вы же не серьёзно, лорд Рэйнхарт? – отстранилась и смерила его негодующим взглядом. О том, как выгляжу сейчас, постаралась не задумываться. – А, похоже, что серьёзно. Мало мне было Тая с его советами о скоропалительном замужестве!

– Хороший, между прочим, совет. Чудо, а не племянник! – заявил он. И с этой своей несносной усмешкой осведомился: – Выйдете за меня, Лили?

– И слушать эти ваши шуточки всю оставшуюся жизнь? Да упаси Царица!

– Ах вы, жестокая!

Теперь уж настал мой черёд смеяться сквозь слёзы. Которые, слава звёздам, пошли на убыль. Где-то на задворках сознания маячила укоризненная мыслишка о том, что непозволительно так фамильярничать с едва знакомым мужчиной – преподавателем, в конце концов! Но было странное ощущение, словно я знаю Рэйнхарта Блэквуда гораздо дольше, чем один день.

Немудрено, впрочем. После всего, что между нами было...

Да чтоб его, мне тоже теперь везде будут двусмысленности мерещиться?

– Простите, пожалуйста, – покаялась я, виновато взглянув на него. Всё ещё немного неловко, но... но он смотрит так, что о собственном зарёванном лице как-то быстро забывается. – Я доставила вам столько проблем и... даже не поблагодарила вас. Спасибо. За всё.

– Вам не за что меня благодарить, Лили, – заверил Блэквуд и протянул невесть откуда взявшийся платок. – Я бы сделал то же самое для любого чернокнижника... Хотя не скрою, помогать прекрасной юной леди не в пример приятнее, нежели всем прочим.

– Вы такой несносный, – пожурила я, скрестив руки на груди. – Ведите себя прилично!

– Увы, моя дорогая, есть вещи, на которые не способен даже я. Мы, Блэквуды, какие угодно, только не приличные.

Он улыбнулся с какой-то ласковой насмешкой, бережно отвёл прядь волос с моего зарёванного лица – заколка потерялась в ходе горестных рыданий, и непокорные локоны тяжёлой волной упали на плечи.

– Учитесь, Лили. Входите в силу и держитесь Тая – он мой племянник, умница и на редкость порядочный парень. Если получится, постарайтесь не выделяться – тихие зануды светлым дедушкой Ливингстоуном давно сочтены безобидными и не представляющими угрозы.

– А я представляю для него угрозу? – хмуро поинтересовалась я.

Слёзы высохли моментально – когда в голову возвращаются дурные мыслишки об угрозе жизни, мигом становится не до соплей. В том, что светлый дедушка Ливингстоун прибьёт и не поморщится, я почему-то не усомнилась ни на миг.

– Сейчас для него угрозу представляю я, – заверил Блэквуд, и сомнений в его словах у меня не возникло. – Осторожность ещё

никому не помешала, но бояться не стоит. Я здесь, чтобы защитить вас, – и я буду защищать. От чего угодно.

И таким тоном это было сказано, что я почему-то сразу поверила.

Стоит ли доверять едва знакомому мужчине, тёмному до кончиков ногтей и обладающему на редкость дурной славой? Нет... наверное, нет. Но...

Но я доверяю. Полностью и безоговорочно. В конце концов, какой у меня выбор? Защитниками не разбрасываются, даже если это жуткое болотное чудище, от одного вида которого у архимагистра зубы сводит.

Я доверяю свою жизнь Рэйнхарту Блэквуду. А насколько это глупо, недалновидно и опасно, подумаю как-нибудь потом.

Глава 7

Скандал вышел грандиозным – шутка ли, тёмного ребёнка выдать за дитя Сеймуров. Позор вероломной леди, опростоволосившемуся лорду, не заметившему обмана, его детям и вообще всему роду...

Наверное, примерно такие слухи и бродили по королевству, да и по светлой части Академии. Мне до них не было особого дела. Меньше знаешь – крепче спишь, ну и всё такое. А крепкий сон в моём случае – насущная необходимость.

Дар приходил трудно. Я спала на ходу, избегала людных мест и едва сдерживалась, чтобы не вспылить, не нагрубить, не проклясть кого-нибудь... Спасибо Мире, которая неизменно вовремя оказывалась рядом и вправляла мне мозги своей магией. И Лэндону, который без всякой магии уболтает кого угодно.

Крыша, правда, всё равно ехала. Порой мне казалось, что стены движутся, стекла дребезжат, а горгульи, химеры и прочие каменные страхолюдины вообще чуть ли не подмигивают. Жуть как она есть.

На третью неделю моего пребывания в академии я наконец-то отоспалась и к тому же устала отсиживаться в комнате да в библиотеке. (Хотя надо заметить, библиотека Академии – нечто потрясающее.) Что интересно, мои новые друзья – друзья же?.. – не преминули это заметить. Особенно вездесущий Лэндон, тут же деловито заметивший: «Что, двойняшка, мозги на место встали? Идём с нами в фехтовальный зал!»

В фехтовальном зале я была лишь раз и мимоходом, но уже знала: это одно из любимых мест у студентов всех трёх факультетов. Большинство из нас обучалось ближнему бою в школе, и многие, особенно парни, были не прочь спустить пар в шуточной (или не очень) потасовке. Девчонки тоже не брезговали тренировками, хотя некоторые приходили скорее поглазеть на симпатичных старшекурсников в непринужденной обстановке.

А ещё, кстати, это единственное место, где тёмные, нейтралы и даже светлые – все вперемешку.

– Красотуля! Живая! – радостно завопил Дик, притулившийся в углу возле высокого окна. – Дай обниму!

Сидящие вокруг него тёмные все разом заулыбались мне – кто мило, кто жеманно, кто похотливо – и тут же принялись возмущаться:

– Чего это ты удумал, Дики? Не твоё, не лапай!

– Раскатал губу, тролля морда!

– Леди Лисандра, бросай эту образину! Тут без тролльего сына Фарли женихов целый взвод...

– Я, например!..

Ну надо же, женишки выискались. И где ж вы все были, когда на моей именной бирке ещё не красовалась фамилия «Найтстар»? Я надменно задрала нос и, усевшись рядом с негодующим Диком, чмокнула того в щёку.

– Не обращай внимания, Дики. Это они от зависти!

Фарли глуповато ухмыльнулся, женишки радостно заржали, а по другую сторону от меня уселся однокурсник Октавии – нахальный зеленоглазый красавчик Рафаэль Макнайт.

– Хамы и мужланы, вы смущаете леди! – припечатал он. И, нагло приобняв меня за плечи, эдаким коварно-соблазнительным тоном промурлыкал: – Милая Лисандра, эта сомнительная компания вас недостойна. Как насчёт...

Договорить Макнайт не успел: всё та же Октавия подошла и согнала его с лавки. Пинком.

– Ишь, распетушился, павлин драный! – фыркнула она, плюхнувшись на освободившееся место. – Ты не языком молоти, а покажи товар лицом. Ну или другими местами. Эй, Сангстер, наваляй ему сам, а то мне лень!

Тай, одетый в одни лишь тёмные брюки и наполовину расстегнутую рубашку, с сияющими в лучах солнца волосами цвета тёмных рубинов, выглядел просто-таки непристойно красиво, и все девчонки вокруг буквально ели его глазами. Да, даже светлые.

Он ловко перебросил шпагу из правой руки в левую, ухмыльнулся краешком рта и чуть издевательски поманил пальцем Макнайта. Тот явственно скис, но поднял ушибленный зад с каменного пола и потащился к стойке с оружием.

– Удружила ты ему, Тави, – хохотнул Дик, поудобнее устраиваясь на деревянной лавке. – И правильно, нечего всяким волокитам дышать на нашу красотулю. Мы первые нашли – нам и жениться!

– Что, всем сразу? – пробурчала я, откинувшись на жёсткую спинку скамьи и скрестив ноги. Всё-таки в штанах и впрямь удобнее, пусть они и облегают до неприличия мой отнюдь не маленький зад. – Боюсь, не выдержу такого счастья. Физически.

– Ах ты, охальница! – весело пожурила Октавия, дёрнув меня за волосы – я сегодня заплела их в две косички, попутно размышляя, не пора ли состричь всё это безобразие под ноль. Ну или хотя бы под каре. – Не бойсь, красотуля, распугаем женихов – у меня в этом солидный опыт, знаешь ли. На крайняк лорду-гадюке пожалуемся, он им быстро женилки укоротит.

– Какие женихи, Кейн? – слышался знакомый до отвращения голос Бекки Лайтнинг. – Нет такого идиота, который добровольно женихался бы с таким чудищем, как ты! Скажи честно – будущего мужа придётся воровать в Чаще!

Я подозрительно уставилась на Октавию – за то время, что мы знакомы, я успела узнать, что нравом леди Кейн запросто обойдет любого стража. Несдержанная на язык, скорая на расправу – за Бекки на минуточку стало страшно. За Октавию тоже: от трупов она, может, и умеет избавляться мастерски (и я, кажется, даже представляю как), но уж больно много свидетелей вокруг.

Однако она лишь ухмыльнулась, деловито выставила средний палец в ответ и, закинув локти на спинку скамьи, спокойным голосом заявила:

– Что, братец всё ещё расстраивается, что я ему не дала?.. – Я удивлённо глянула на неё. Роберт подкатывал к злоке Тави?.. – Уймись, долбанутая, и иди куда шла, пока я добрая.

Бекки стиснула кулаки, глянула с ненавистью – почему-то на меня, не на Кейн – и, развернувшись, пошла к собравшейся невдалеке компании светлых. Там же я увидела Роберта, с кислой физиономией подпирающего стену. На его руке висела Лорел и что-то щебетала, приторно улыбаясь, но он будто даже и не слушал. Взгляд его был прикован ко мне. И я такого внимания не оценила.

– Не слушай эту придурочную, – решительно произнесла я, отвернувшись обратно к Октавии, – у неё у самой жениха что-то не наблюдается. И поклонников тоже.

– Ну ещё б, с таким-то характером, – хмыкнул Дик, покачав головой. – Чего эта дурища к тебе вечно цепляется? Была б она

парнем, решил бы, что ревнует тебя к братцу.

– А не наоборот?

– Не-а.

– Почему обязательно парнем? Эх ты, неженка Дики. Спорим, долбанутая не по мальчикам? – усмехнулась Октавия. – Она, конечно, никогда не признает это вслух, но...

– Фу-у! – выразительно скривилась я. Не имею привычки кого-то осуждать за предпочтения, традиционные и не очень, но со мной и Бекки в главной роли это... это... В общем, не предел мечтаний. – Я и долбанутая? Спасибо, мне Роберта за глаза хватило. Он так и пялится, да?

Ответ был ни к чему: пристальный взгляд бывшего жениха я буквально кожей чувствовала.

Я передёрнула плечами, решительно повисла на Дике, поцеловала его в щеку ещё раз и устроила голову на широком плече под похабное улюлюканье прочих тёмных. Дик в ответ тоже разулыбался, но потом понятливо приобнял меня, теснее прижимая к себе.

– Никак не проспишься, да? – сочувственно поинтересовался он. – Ничего, скоро пройдёт. Хотя наша злюка до дня Середины Зимы ушибленная ходила.

– Тоже спала на ходу?

– Нет, – хмыкнула повернувшаяся к нам Октавия. – Разворотила столовую, случайно открыв врата в Пекло. Чейз визжала так, будто ей отдавили хвост, Ливингстоун причитал и скорбно складывал руки на груди, а впечатлительный Сангстер позвал замуж. Чудо, а не денёк!

– Ага, не считая того, что ты оставила всех без жратвы, – припомнил ей Дики. – А Тай и сейчас готов тебя охомутать, только ты же не идёшь! Чтоб ты знала, мне эта ваша драма, – он демонстративно постучал ребром ладони по горлу, – вот тут!

Октавия бросила короткий взгляд в сторону Тая и ухмыльнулась пуще прежнего.

– Я не готова к знакомству с родителями.

– Ой, а то ты тех родителей ни разу не видела, – едко добавил вдруг возникший подле нас Лэндон. Уселся у меня в ногах, прямо на пол, устроил голову на моих коленях. – Соглашайся, Кейн. Будешь леди Сангстер, родишь нашему чистоплюю красноволосых детишек.

– Да размечтались, – Октавия усмехнулась и легонько отвесила Лэндону подзатыльник, – это мой муженек будет лордом Кейном, леди Ленора тому свидетель.

При упоминании леди Леноры я невольно нахмурилась. В голове никак не укладывалось, что теперь моя фамилия – Найтстар, а та самая леди – моя бабушка, по всей видимости, ожидающая встречи со мной. Как выяснилось, последняя из Кейнов воспитывалась не где-нибудь, а в доме моих предков – и каждый раз приглашения составить ей компанию становились всё более настойчивыми и безапелляционными.

– Она всё время о тебе спрашивает, – заметила Октавия, будто прочитав мои мысли. – И на твоём месте я бы всё же поехала со мной в Старфолл на эти выходные – иначе, видит Царица, никакой трёханный лорд Блэквуд не удержит леди Найтстар вдали от тебя. Академию-то пожалей, мне в ней ещё почти три года учиться...

– Тави, ты не помогаешь, – сварливо заметил Лэндон. – Не слушай её, Лили! Бабушка подождёт столько, сколько потребуется.

– Ты, Гилли, свою бабушку знаешь не хуже меня – ждать она не любит, – ухмыльнулась Октавия, но тут же сжалилась: – Ладно, красотуля, не кисни. Двадцать лет она тебя ждала, подождёт ещё недельку. Пошли-ка развлечёмся, не всё ж Сангстеру из неудачников дерьмо выбивать...

– Побойся богов, Тави, из меня ты даже дерьмо выбить не успеешь, – усмехнулась я, уже почти и не замечая, что выругалась. Но с места поднялась, неохотно отлепившись от Дики и потрепав по волосам Лэндона, непонятно чему ухмыляющегося. – Я продую тебе секунд через тридцать!

– Тридцать – уже неплохо, – снисходительно заметила Октавия, вместе со мной подходя к стойке. – Мне казалось, ты умеешь обращаться с оружием.

Понять, на что она намекает, было нетрудно. Мне даже удалось не вздрогнуть при воспоминании о Лестере Мэддоксе и тёмно-багряной крови, льющейся сквозь его пальцы.

– Брат учил всякому, но какой с меня боец? Ты-то вон какая – высокая и статная, а я – совсем крошечная и слабая, – пожалала плечами, оглядывая стойку. – Меч мне вообще не удержать, с рапирой не блещу

– банально длины рук не хватает, и скорости тоже. Да и скучно. С ножами оно как-то интереснее.

Сняв со стены парочку ножей потяжелее, взвесила в руке один, определяя центр тяжести. Прикинув расстояние до деревянного манекена, взялась за рукоять, отвела руку назад и вверх. И гордо улыbnулась, когда нож со стуком вонзился почти в самый центр нарисованной мишени.

– А ты не промах, красотуля! – искренне восхитилась Октавия. Довольная собой, я метнула второй нож и на сей раз поморщилась – опять не по центру. Дома мы с Карлосом частенько так забавлялись, а тут я обленилась. – У меня вечно летит рукоятью вперёд.

– Это потому что ты неправильно держишь! Если цель близко – держат за лезвие, далеко – за рукоятку. Давай покажу...

По ходу объяснений к нам подтянулись Мира, Стеф и ещё несколько девчонок с нашего курса – новая забава пришлась им по вкусу. И мы вполне себе весело проводили время, швыряя всё подряд и беззаботно болтая, но поди ж ты – светлым непременно надо было всё испортить.

Ну как «светлым». Долбанутая Бекки со своей свитой снова пришла меня домогаться. Может, и вправду влюбилась? Тьфу ты, лучше о таком даже в шутку не думать. Приснится ж ещё!

– Что я вижу, Лили? – протянула она этим своим елейным тоном, от которого аж зубы сводит. – Гляжу, ты у нас просто кладёшь талантов. Постельных тоже, да? А так старательно корчила из себя милую скромницу! Но теперь-то все знают, что ты за... существо.

Существо? И это всё, на что она способна? Я лишь смерила её нарочито скучающим взглядом, после чего коротко бросила:

– Уйди. Мешаешь.

Помогло? Да если бы – похоже, моё равнодушие её только сильнее взбесило. Бекки в ярости раздула тонкие ноздри, отчётливо скрипнула зубами.

– Не многовато ли гонору для нищей бастардки? Ты говоришь с дочерью лорда Лайтнинга! – прошипела она, стиснув кулаки. – Или на защитничков своих надеешься? А даёшь ты им всем сразу или хотя бы по очереди?

– Всем сразу, – ответила невозмутимо, хотя к щекам и прилила кровь. Но я понимала: это ещё не самое худшее, что они про меня

скажут. – Вы разве не слышали про ежевечерние оргии в гостиной чернокнижников? Тебе, кстати, ничего не светит – я предпочитаю парней.

Бекки побагровела от злости, а собравшиеся вокруг студенты глумливо заржали. Не все, конечно. Роберт, похоже, примеривался надрать сестрице зад, а мои друзья явно готовы затеять драку.

– Стоило ли так старательно изображать недотрогу? Ну ты и шлюха, – припечатала Лорел.

– Ещё разок откройте свои поганые рты – и я не посмотрю, кто чья дочь, – процедил Лэндон, обняв меня собственническим жестом, – и что девчонки – тоже не посмотрю.

– Мы вас, погань тёмную, не боимся! – рявкнула Бекки. И тут же с визгом отпрыгнула в сторону, когда совсем рядом с её лицом пролетел нож.

– Сказано же – мешаешь, вали из-под прицела, – я мило улыбнулась ей и перевела взгляд на мишень – наконец-то угодила в яблочко. Что, впрочем, не помешало мне удручённо посетовать: – Жаль, промазала!

– Ах ты, сучка белобрысая! Да я тебя!..

Верещание Бекки оборвалось – братец подошёл-таки к ней и довольно грубо тряхнул за плечи.

– Достаточно, Ребекка! Хватит меня позорить! – рявкнул он. – Ты леди или уличная торговка? Назвалась дочерью лорда Лайтнинга, так и веди себя соответствующе!

– Кто нас позорит, так это ты! Где твоя хвалёная гордость?..

– Заткнёшься ты, нет?!

– Не с нашим счастьем, – пробурчала я, обогнув их по кривой дуге и направившись к утыканному ножами манекену.

Роберт подошёл ко мне, когда я тщетно пыталась выдернуть последний нож, слишком глубоко увязший в дереве. Нож он, разумеется, вытащил с лёгкостью, протянул рукоятью вперёд, держа за лезвие. И, склонившись ко мне, негромко произнёс:

– Осторожнее с острыми железками, цветочек. Долбанутая или нет, но всё-таки это моя сестра.

– Ну так вправь ей мозги, пока я не размазала их по стенке, – так же тихо огрызнулась я. – Это всё?

Разумеется, нет. В обычной своей развязной манере Роберт обнял меня за талию, не давая отстраниться.

– Почему ты вернула кольцо? Меня это очень расстроило, знаешь ли.

– Ты серьёзно? – я упёрлась ладонями ему в грудь, не желая дальнейшего сближения. – Я больше не твоя невеста, Роб. Я теперь даже не Сеймур, а Найтстар, и жених мне положен соответствующий. Смекаешь?

– Мне плевать, кто ты, – выдохнул он сердито. – Ты – моя, Лили. У тебя нет права отказаться от меня. Я прилюдно брошу вызов всякой тёмной твари, что попробует наложить на тебя лапы.

Я знала, что не стоит делать это на глазах у такой толпы. Знала, но не смогла сдержаться – перехватила нож покрепче и прижала к горлу ретивого женишка.

– А ты не слишком много на себя взял? Я не твоя собственность, чтобы так нагло мной распоряжаться. Руки убрал!

Роберт, упорно не желающий видеть во мне угрозу, лишь со смехом покачал головой и подался вперед. По загорелой шее скатилась капелька крови, но он будто и не заметил.

– Такая неистовая! Всегда знал, что в постели ты будешь просто огонь.

Ну всё, пора как следует проклясть похотливую сволочь – да так, что лорд Лайтнинг вовек внуков не дождёт. И в Пекло последствия!

Однако я мигом позабыла про все проклятья, когда возле шеи Роберта мелькнуло лезвие меча.

– Ещё слово, Лайтнинг, и в постели окажешься ты, – услышала я ледяной, по первости показавшийся каким-то незнакомым голос Стефа. – Не в её. В больничной. Отошёл!

– С чего бы это? – Роберт, казалось, совершенно не проникся угрозой. Оно и верно – стражей вообще трудно пронять.

Однако же заплясавший на кончиках его пальцев огонь я заметила и едва не застонала – угрозы угрозами, но настоящей драки я не хотела бы. Не Роберта со Стефом уж точно. И отнюдь не из-за бывшего женишка, даже не из-за того, что в эту драку ввяжется весь мой факультет... А он ввяжется – тёмные всегда защищают своих, даже если те не правы, а уж вступить за девушку у мужской

половины чернокнижников считалось не делом чести, но чем-то само собой разумеющимся...

Просто Стефана с приходом дара кроет ничуть не меньше, чем меня. Ходит бледный, невыспавшийся и злой. Настолько злой, что иногда проявляется его аура, изумрудная с серебром. Даже злыдня Чейз не решалась его трогать, только шипела вполголоса про выпадающих в безумие чернокнижников... Как будто она что-то понимает в нашем безумии, в нашей силе, в том, насколько тяжело это – когда светлая кровь горит в жилах, исчезая без остатка.

Хотя дело тут не только в нашей смешанной крови – Тай рассказывал, что его тоже неслабо прикладывало поначалу, да и Октавия Кейн, походя открывшая врата в Пекло, это подтвердила.

В общем, Стефана жаль – он в себя прийти ещё не успел, судя по вспыхивающим тут и там зелёным искрам. Он снова в ярости, обычно не свойственной ему. И это очень, очень плохо.

– С того, что я так сказал, – отозвался Стеф, даже не собираясь убирать меч.

Одно движение, всего одно – и кровищи будет не меньше, чем тогда с Мэддоксом. Даром что меч наверняка затуплен... Не то чтобы Роберт не заслужил, однако же стоит держать в уме главное правило Рэйнхарта Блэквуда – не попадаться. А не попасться при трёх десятках свидетелей, что сейчас пялятся на безобразную сцену, ой как непросто.

– Успокойтесь оба, – велела я, убрав нож и вцепившись в плечо бывшего жениха. – Роберт, пожалуйста. Стеф...

– Нет, – мотнул тот в ответ головой. – Ты отказала ему. И он должен оставить тебя в покое.

– Не припоминаю, чтобы занимал у всяких беспородных щенков.

– Щенку ничего не стоит тебя упокоить, клянусь Царицей.

– Стефан!

Куда там – мальчишки, даже если они давно уже взрослые мужчины, просто не способны войти в разум вовремя. Уж это я успела уяснить, всю жизнь прожив бок о бок с братьями, дурной боевкой, пошедшими в моего... в Гаррета Сеймура.

– Уймись, Лили, я не боюсь малолетних выродков, – хмыкнул Роберт. На его ладони ярко вспыхнул огненный шар, и на миг я зажмурилась. – Видит Рыцарь, чернокнижники забыли своё место...

– Выродков? – еле слышно повторил Стеф.

В фехтовальном зале словно стало темнее, по позвоночнику будто ножом полоснули – настолько неприятен был чужой выброс. Интересно, как чувствовали себя Бекки и Чейз, когда психовала я? И это я, чернокнижница с похожим даром, а они ведь ещё и светлые. Глянув на Роберта, я заметила как его перекосило. Нет, не так – теперь по его виду стало ясно, что сильнее всего он хочет отсюда сбежать. Непривычно бледный, вмиг растерявший всю свою удачу, он не производил впечатления великого воителя, которому под силу одолеть забывшего свое место чернокнижника.

Что там, я и сама сбежала бы с радостью.

Чужая аура меж тем всё густела и густела вокруг нас. На мгновение показалось, будто я сейчас и впрямь умру, рассыплюсь пеплом на полу фехтовального зала, а потом обращусь простой паркетной пылью.

– Стефан, – еле слышно позвала я, голос совершенно не слушался. Будто я не говорить пыталась, а вытолкнуть из глотки ком песка. – Стеф, пожалуйста...

Кажется, говорила я настолько тихо, что меня не услышали. Что там, даже не глянули в мою сторону. Хотя давление чужой силы чуть ослабло.

– Стеф, пожалуйста, – вдруг услышала я ласковый голос Дика. – Девушка же просит...

На руку Стефа с мечом опустилась широкая ладонь Фарли, чуть отвела в сторону. Но отпускать меч мой приятель явно не хотел.

– Он...

– Придурок, я знаю, – все тем же мягким тоном отозвался Дик. – Отпусти, Стеф, всё хорошо.

Стеф мотнул головой, отчего светлые волосы упали ему на глаза. Отступил на полшага назад. Заметно вздрогнул, когда врезался спиной в широкую грудь Дика.

– Я не... не могу, – прошептал он, с видимым трудом разжимая пальцы. Меч коротко звякнул об пол.

– Можешь. Всё хорошо, Стеф, мы потом его убьём. По-тихому. Отпусти. – На глаза Стефа легла вторая ладонь, и он вдруг шумно выдохнул, будто до этого не дышал вовсе. – Вот так.

Вокруг засверкала сфера щита – их я уже научилась отличать от прочих заклятий. Заглушающие, отводящие глаза, просто защитные –

они всегда ложились куполом, словно отрезали от мира небольшой кусочек. Тишины ли, безопасности ли, не столь важно. Этот щит был красным, и его я тоже успела хорошо узнать – фамильное заклинание Сангстеров, имеющих явную слабость к этому цвету. Щит Тая отделил нас с Робертом от Стефа. Изумрудная аура вспыхнула напоследок и растворилась в красных всполохах.

Дышать вмиг стало легче. Говорить, судя по всему, тоже – оцепеневший было Роберт вдруг отмер и зло зашипел:

– Ты меня убьешь? Да как ты...

– Заткнулся, – коротко бросил Тай. Холодно так, меня даже снова передёрнуло. – И пошёл вон отсюда.

– Совсем тёмные оборзели! – выдал один из приятелей Роберта – высокий плечистый чародей, имени которого я никак не могла вспомнить. – Мы ведь вам навалаем – мало не покажется! Вы...

– Уймись, Йен, – проворчал Роберт, – здесь дамы всё-таки. Идёмте отсюда, пока Фарли не залился с Морграном – такого мои глаза точно не переживут.

– Ты весь целиком можешь не пережить ещё одной идиотской ремарки, Роберт, – прошипела я, подтолкнув его в спину. – Проваливай!

– Как прикажет моя леди, – ухмыльнулся тот. И тоном, не предвещающим ничего доброго, прибавил: – Разговор не окончен, Лили.

У меня имелось принципиально иное мнение на сей счёт, но озвучивать я его не стала – просто фыркнула и демонстративно отвернулась.

Дик тем временем уже успел усадить Стефа на ближайшую скамью и несколько сочувственно похлопал его по плечу.

– Полегчало?

Стеф мотнул головой и уткнулся лицом в свои ладони. Я села рядом – хотелось как-то утешить, подбодрить, пообещать, что всё будет нормально и обязательно пройдёт. У меня вот прошло. По крайней мере, убить я хотела только Роберта за его чересчур длинный язык, а не всех присутствующих. Прогресс.

Слов, правда, так и не смогла подобрать – страх перед чужой магией всё ещё жил внутри. Иррациональный какой-то. Уж мне ли не знать, что добрее Стефа в нашей развесёлой компании никого нет?

– Ничего, пройдёт, – вместо меня проговорил Тай, по-прежнему держа щит с еще с каким-то заклятием.

Заглушающим, скорее всего, чтобы не подслушивали все подряд. Светлые, хоть и из нормальных, в зале всё же остались, как и несколько нейтралов, сочувственно глазающих в нашу сторону – им среди всех магов проще всего. Практическая магия далеко не самая простая и требует изрядной доли мозгов, однако же не награждает своих владельцев дурными чертами характера.

– Когда? – кое-как выдавил Стеф и всё же убрал руки от лица. Выглядел он неважно – мне вот захотелось немедленно отправить его в лазарет, а не толкать речи. – Я же Моргран. Блин, думал, меня не догонит...

– Семейная придурь? – хмыкнула Октавия и сунула ему в руки невесть откуда взявшийся шоколад. Впрочем, я давно заметила, что старшекурсники таскают с собой еду почти постоянно – мол, сил на занятиях много уходит, в общежития своим ходом охота идти, а не ползти на ком-нибудь верхом. – Догнала, смирись. Мать твою Царицу, ну и весёлый же у нас в этом году первый курс...

– Не то слово, – Тай красноречиво покосился на меня, потом на замершего рядом Лэндона, усмехнулся то ли весело, то ли разочарованно – по его лицу эмоции всегда трудно прочесть.

– А что не так с Моргранами? – поинтересовалась я.

Морграны и Морграны, старая семья потомственных менталистов. Лендлорды, как Блэквуды и Сангстеры. Разве что не настолько на слуху.

– Всё с ними не так, – насмешливо отозвался Лэндон. – Психи все поголовно, немалой силищи к тому же – после случек с фейри основная ветвь, считай, не разбавляла дар. И слишком уж часто женились между собой. В итоге выродились в жутких тварей, с которыми в приличном обществе и поздороваться-то не каждый захочет. Я вот не захочу. Но, – продолжил он, прежде чем я успела отвесить ему подзатыльник, – папенька нашего Стефа оказался умнее пращуров и решил ослабить кровь. Женился на светлой девочке... Кстати, признавайся, Моргран, твою мать украли или купили?

– Влюбили, – хмыкнул Стеф мрачно. Удивительно, но на чересчур длинный язык «двойняшки» он совсем не злился. – Отец думал, я буду слабым менталистом. А вышел некромант.

– Ругали? – сочувственно поинтересовалась я, припоминая свою незабвенную встречу с... лордом Сеймуром.

Стеф мотнул головой.

– Отец был рад. Думал, хоть у меня крыша ехать не будет... А меня... догнало. Едва себя контролирую, мозги в кучу, – он потер глаза ладонями, то ли сонно, то ли просто силясь прийти в себя. – Ещё и чужой менталкой меня толком не поправить – уникам, чтоб меня в Пекло. А от зелий только в сон клонит.

– Так пей и спи, – почти приказал Дик. Тай кивнул, соглашаясь с ним. – Чего вас, перваков, всё на подвиги тянет? Что сказано было? Первые полгода – херня, а не учёба. Ешь, спи, на солнышке загорай. Преподы поорут и перестанут. А грохнешь кого – куда тебя прятать? У нас полторы башни в лесу от замка осталось, самому нужны.

– У меня тоже, – со смешком отозвался Тай. – Можем Гилли отдать, он у нас тут самый богатей.

– Не-не, – замахал руками Лэндон, – у меня ещё три нахлебника в доме, разоримся, пока растут!

– Вот! – Дик картинно погрозил пальцем, дёрнул Стефа, поднимая его на ноги и закидывая его руку себе на плечи. – Так что давай, шевелим окороками прямиком в медпункт. Эбби, ласточка моя, я иду!

– Спать потом уложить не забудь, – заржал кто-то из чернокнижников.

Ответом языкастому однокурсничку стали отставленный средний палец и кривоватая, смутно знакомая ухмылка.

– Куда без этого!

Перебросившись парой слов с Беллой Хоторн, старостой-пятикурсницей, Тай самолично отправился провожать нас на практикум по боевой и защитной магии – «чтобы по пути наши бедовые детки, мать их в Чашу, не встряли куда-нибудь ещё». И невзначай придержал меня так, что мы чуть отстали от остальных.

– Полагаю, этот кретин Лайтнинг от тебя не отцепится, – не столько спросил, сколько констатировал он. – Не обижайся, но я буду вынужден обсудить этот вопрос с... лордом Рэйнхартом.

Я сердито насупилась – почему-то меня эти слова не просто не обрадовали, но возмутили. Зачем, скажите на милость, лорда Рэйнхарта посвящать в неприглядные детали моей личной жизни?

– Да что ему за дело до моих отношений с Робертом?

– О, что-то мне подсказывает, дело ему есть, – невесть с чего развеселился Тай, но тут же посерьёзшел. – Лили, эти назойливые попытки поцеловаться и помириться добром не кончатся – либо ты Лайтнинга ненароком покалечишь или вовсе приберёшь, либо он тебя... обидит, и тогда его уже вполне осознанно приберёт кто-то из нас. Понимаешь?

Я недовольно вздохнула, но кивнула, принимая к сведению. Хотя услышать такое даже немного приятно. Казалось бы, что им за забота, обидят меня или нет?

– Вот и славно. Значит, натравим на Лайтнинга самую злобную гадюку Приозерья и насладимся незабываемым зрелищем, – деловито постановил Тай. – По-другому, видно, не поймёт. И чего этот светлый недоумок никак от тебя не отстанет?

– Не дала, вот он и бесится, – фыркнула Тави, идущая по другую сторону от меня. А мои мигом вспыхнувшие щёки только сильнее развеселили эту... негодницу. – Что, угадала? Эх, красотуля, учить тебя не переучить! Переспи с ним пару раз, он и отвалит. Верняк!

– Ну, я-то не отвалил, – с бесстрастным лицом заметил Тай. – Видать, не такой уж надёжный способ.

– Ну так ты и не Лайтнинг, слава небесам!

– О, я гораздо хуже! Если уж даже пара *десятков* раз не сработала. Или мы уже на сотню замахнулись?..

– Гадёныш красноголовый.

– Я тоже тебя люблю, злобная ты ведьма.

Я рассмеялась и покачала головой. Видят звёзды, эти двое созданы друг для друга, как бы независимая вредина Тави это ни отрицала.

Спустя несколько минут мы вышли на тренировочную площадку, что раскинулась в стороне от замка. Сейчас она залита солнцем, но под ногами немного хлюпало – весь вечер и ночь лил дождь, нагоняя тоску и сон на половину студентов Академии. Щиты, не наброшенные походя, а полноценные, стационарные, едва переливались на солнце мягким бирюзовым цветом и едва-едва искажали перспективу за их пределами. Проходила через них я впервые, а потому вздрогнула от неожиданности, когда на кожу будто прохладной водой плеснули. Судя по коротким выдохам однокурсников, они тоже удивились. Ну, кроме

Лэндона, но по нему, если он не хочет, ничего не поймешь – рожи эдакого принца при жалких подданных он корчит мастерски.

Основы боевой магии нам преподавал чародей-заклинатель, островитянин с коротким, но запоминающимся именем – Лейф Винтер. Обладал он типичной для северо-восточных регионов внешностью – высокий, статный, суровый. Глаза как льдинки – светлые, колючие; длинные белокурые волосы, каким и иная девица позавидует, собраны в небрежный хвост на затылке. Мне грозная фигура Винтера – а магистр в ультимативной форме велел на его уроках «оставить всю эту хрень для цивиллов где-нибудь в коридорчике» и обращаться к нему без всякого уважения – внушала эдакую почтительную робость, но я такая оказалась в меньшинстве. Многие же девчонки восторженно пялились на него, вздыхали хором и мололи всякую чушь невпопад, а свирепый здоровяк Винтер корчил страдальческие рожи, но стоически терпел.

«Бабы – это стихийное бедствие, – заявил он как-то раз. – Либо ты его переживёшь, либо нет, но бороться бесполезно. Вот почему я не женюсь – и вам, парни, не советую!»

Стоило бы обидеться на такие заявления, но в том, что касается его предмета, магистр боевых искусств не делал скидок на пол студентов. И на окрас магии тоже. Влетало всем одинаково. Правда, до сего дня порка была исключительно словесная: мы зубрили технику безопасности, а также свод базовых заклинаний боевой и защитной направленности. Сейчас же нас ожидал практикум – а мы, в свою очередь, с нетерпением ожидали его. Интересно же! В школе боевой магии не учат, просто смысла нет – чары такого уровня доступны лишь посвящённым магам, на изначальной искре их не потянешь.

– Явились, мои ж вы цыплятки, – обведя взглядом весь первый курс, пробасил Винтер с каким-то злорадным весельем. И, отвернувшись, всё с тем же нездоровым энтузиазмом гаркнул: – Милорд, мать твою гремучую, ты где там ползаешь? Пошли перваков шугать!

Вместо ответа разохотившемуся Винтеру прилетело короткой вспышкой. Он тут же скорчился, затем замер, будто парализованный, и... замолчал. Точнее, сказать он что-то пытался, но получалось только открывать рот без единого звука.

Зато заговорил кое-кто другой – слышав знакомый вкрадчивый баритон, я машинально повернулась и тут же столкнулась с тёмным взглядом лорда Блэквуда.

– Первое правило, детки – никакой болтовни в бою, – проговорил он наставительно. Поравнялся с Винтером, покосился на него, не скрывая злорадной усмешки. – Впрочем, у светлых с этим всегда были проблемы.

Невесть каким чудом умудрившись сбросить заклинание, Винтер молча приложил его в ответ – вспыхнула яркая желто-белая вспышка. Блэквуд успел выставить щит. И тут же, молниеносно перестроившись, выдал полновесное боевое заклятье – что-то водное, если я правильно разобрала. Ледяное...

– «Ледяное копьё», – пробормотал Лэндон, довольно хмыкнув. – И «Ледяной щит». Оно и понятно, Винтер-то через воздух и огонь пробивается.

– Разве это не базовые заклинания? Мы с тобой позавчера их отработали.

– Ну они ж не убивать друг друга пришли, а нас поучать. Базовые, да. Просто на их рабочий коэффициент даже такая ерунда выходит просто... Смотри, смотри, чего творит! Боевой некромант, мать его!

Не один Лэндон проникся: вскоре студенты уже орали во всю глотку, поддерживая каждый своего фаворита. «Давай, лорд-декан, наваяй светляку!», «Ну же, ну же, Винтер, завяжи змеюке хвост узлом!» – и прочие возгласы, далёкие от приличных, летели со всех сторон. Девчонки тоже не отставали, хотя добрую половину больше волновал не боевой потенциал преподавателей, а кто из них самый обаятельный и привлекательный. Нет, я тоже не чужда прекрасному! Но, во-первых, давно определилась, что брюнеты краше блондинов, во-вторых же – пуще всяких красавчиков люблю магию. А Блэквуд и Винтер устроили настоящее шоу. Заклинания летели одно за другим, щиты бешено пузырились, точно кипящее зелье, с громким треском лопались и тут же сменялись новыми. Я восхищённо глазела на то, как лорд Блэквуд отбивается от полноценного боевого мага – остервенело, чудовищно быстро и без всякой некромантии, на одних лишь базовых плетениях. И, к своему разочарованию, понимала, что он вот-вот проиграет. Почему он распыляется на атаку, когда для любого некроманта щиты – половина успеха?

Винтер, раззадоренный таким агрессивным напором, стал бить на полную мощь. Кинул все силы в атаку, вовсе забыв о защите. И...

И я, кажется, раскусила подлый гадючий план. Неужели сработает?..

– Ну же, давай... вот сейчас, – пробормотала, в волнении заламывая руки. Счёт шёл на секунды. – Давай же!

Винтера, так опрометчиво открывшегося для удара, буквально снесло с места и грохнуло об землю. А я захопала вместе с остальными девчонками, едва не прыгая от радости, и заулыбалась так восторженно, будто это моё заклинание уложило на лопатки целого магистра боевых искусств.

– Сука ты чешуйчатая, – прохрипел Винтер на удивление весело. – Уступаю, уступаю!

– Само собой, уступаешь. Упал – считай, мёртв, – невозмутимо заметил Блэквуд, помогая ему подняться. – Кто я ещё, расскажешь как-нибудь потом – а то здесь всё-таки дамы.

А затем, безошибочно отыскав меня в шумной толпе первокурсников, он улыбнулся уголками губ и галантно поклонился, приложив руку к груди. Я же, вмиг смутившись, отвела взгляд и уставилась себе под ноги. Мало мне его повышенного внимания на профильных занятиях, он теперь и тут меня донимать будет?

А внимание он мне уделяет, и ещё как. Самые сложные и каверзные вопросы непременно достаются мне! И я ведь не возражала, напротив – охотно вступала в спор с преподавателем, въедливо уточняла мелкие детали и часами копалась в библиотеке, если тема меня заинтересовала. И затем уже сама приставала с вопросами к лорду Блэквуду, которого явно забавляло моё упрямое любопытство...

Да только наши, как ехидно выразилась Мира, «особые отношения» вызвали нездоровый энтузиазм у всего факультета. А уж какие слухи могли пойти (или уже пошли) по всей Академии, я даже думать боялась. Ну их в Пекло, нервы целее будут.

– Ну что ж, – тем временем заговорил Винтер, – как вы заметили, совести у нашего милорда нет никакой, но...

– ...самые совестливые умирают первыми, – закончил за него Блэквуд. Чинно поклонился своему сопернику, как будто перед

нашими глазами разворачивалась выпендрёжная дуэлька, а не самый настоящий бой двух могущественных магов.

Впрочем, для них и эта драка наверняка была лёгким развлечением, в то время как мы полегли бы после первой пары таких заклятий. От усталости тоже – до взрослых магов нам всё ещё расти и расти, и не важно, что разница в возрасте между нами не так уж велика.

– Но бой был нечестным. – Я обернулась и увидела, как Лорел недовольно морщит свой курносый нос – очевидно, в этом спарринге она болела за Винтера. – Вы должны учить нас нападать и защищаться, а не... вот этому вот.

– Вот это вот, мисс будущая еда для саламандр, – ядовитый ответ, к моему удивлению, пришёл от Винтера, – и есть защита и нападение. А не взаимные поклоны и картинные разбрасывания эффектными искорками. Наш лорд-гадюка выпендривается исключительно от природной подлости...

– Оставь, Лейф, – отмахнулся Блэквуд, – мисс будущий обед собирает всю оставшуюся жизнь просидеть за вышивкой в родовом поместье будущего супруга. Правда, ходят слухи, на Блавенорских островах завелась какая-то нежить...

– Гонишь! – удивленно уставился на него Винтер. Но потом я уловила его усмешку и поняла – искренности в этом удивлении нет вовсе.

– Истинная правда, друг мой. Лично от контракта отказался. Чуть не плакал при виде суммы.

– А что же отказался?

– Я же совестливый, – криво ухмыльнулся Блэквуд. – Не решился осквернить священные земли.

– Надеюсь, всех Лайтнингов сожрут умертвия, – фыркнул неугомонный Лэндон. – Хотя нет, не всех. На долбанутую даже нежить не польстится.

– Кто бы пасть раскрывал, моль ты бледная! – огрызнулась Бекки. – Гаже Гилберта твари на всём континенте не сыскать.

– И не поспоришь, да, папин сын? – ухмыльнулся Винтер. – На позицию, моль. Пару себе в боевую двойку выбрал, надеюсь?

Лэндон надменно задрал подбородок и, взяв меня за руку, вышел вперёд.

Винтер смерил нас далёким от восторга взглядом.

– Издеваешься, что ли? Она ж крошечная! Верни где взял, у нас тут не дамский будуар!

Мне Тай с Дики заранее объяснили: Винтера проклинать не надо, он перваков нарочно бесит, чтобы лучше видеть их потенциал. Но я всё равно в гневе стиснула кулаки и грозно двинулась на преподавателя.

– Что конкретно вам не нравится, магистр?!

– Ох, малышка, мне всё-всё нравится, – промурлыкал Винтер нарочито нежным тоном, – просто пир для глаз! Но шла б ты платочек вышивать. Зачем такой крошке боевая магия? Клянусь Зарёй, ты окажешься замужем к концу семестра...

– Уверен? – меланхолично переспросил Блэквуд, хотя я готова поклясться в чём угодно – про себя он... нет, не смеётся. Некультурно ржёт. – Я звал – не пошла.

Этот... это бессовестный человек впрямь заявил такое при всех моих однокурсниках?! И попробуй теперь объясни, что это у ползучего гада такие шуточки идиотские!

– Плохо звали, милорд! – едва ли не прорычала я. И повернулась к откровенно веселящемуся Винтеру. – Раскладка, указания, ограничения?

– Не-а, прекрасная моя, мне лень. Сами разберитесь.

– Непременно разберёмся, магистр! – отрезала я.

И, ухватив за руку Лэндона – тот не стеснялся, ржал вполне себе вслух, – поволокла его на позицию.

– Я на пробивке, ты на защите, – тут же деловито выдал он.

– Потому что крошечная? – сварливо уточнила я.

– Потому что кого-нибудь прибить со злости. А, нет, не кого-нибудь. Смотри, к нам долбанутая чешет! Да не одна, а с будущей уродственницей.

– Зря веселишься, – негромко заметила я, вполне реально смотря на вещи. – Они не такие дуры, как может показаться. И сильные, очень. Сам посуди, Лайтнинг и Саммерс...

– А мы – Найтстары, и у нас хотя бы не один мозг на двоих, – фыркнул Лэндон и дёрнул меня за косу. – Уймись, двойняшка, мы их сделаем.

Хотелось бы. Вот ещё не хватало продуть долбанутой Бекки! Но за защиту лучше и впрямь отвечать мне: наша связка вода-земля более гармонична, но у Бекки и Лорел в связке огонь-земля большой боевой потенциал. А это значит, упор они сделают на пробивку. И пробивать наверняка будут агрессивно. К тому же огонь против земли эффективнее, чем вода.

– Не разгоняйся, – в итоге велела я. – Дай им выдохнуться.

Лэндон прищурился и одобрительно кивнул.

– Правила помним? – осведомился Винтер, поочередно оглядев нас четверых. – Кто первый пропустил удар, тот и помер. Проклятья и святое слово оставьте для своих кураторов, у нас тут пока чисто боёвка. Ну, готовы? Раз, два...

Мой напарник, разумеется, вдарил через лёд, не дожидаясь отмашки. Подлюга. Увы, Бекки вовремя сотворила щит, и прореху в нём тоже споро залатала. И неприличный жест не забыла показать.

Огненный шар. Ещё один. Я выдержала – и легко. Мы с Лэндоном так и не смогли определить мою склонность, но щиты у магов земли не бывают хлипкими. Вот и я свой усилила как могла...

Правда, кольцо вдруг раскалилось. Оно и раньше грелось, когда я сильно усердствовала. Но чтобы до боли...

Поняв, что я успела нарастить мощный щит, Лорел зло стиснула зубы. И тут же, гадко улыбнувшись, сотворила «Адский Смерч». Комплексное, зараза... С воздушным элементом.

Споро выставила заслон из зеленоватого пламени. Слабенький, чтобы хватило лишь на один удар – стабильный огненный элемент в щите помешает Лэндону. Тот тоже перешёл на комплексные заклинания, но, в отличие от Лорел, не усердствовал с воздухом. Щиты наши берёг. И бил едва ли вполсилы, помня мой наказ.

Да что не так с этим кольцом? Жжётся... Эдак я без пальца останусь.

– Схлопнем? – тихонько предложила я. Лэндон задумался лишь на миг, оценивая риск проигрыша. А потом азартно рубанул кулаком воздух.

– Делай!

Делать я не спешила – ждала, пока Лорел обозлится и выйдет на третий уровень.

Рыжая злока не подвела. В нас полетел ещё один смерч. Усиленный.

Подгадать момент сложно, но мы с моим личным подлюгой тренировали этот приём буквально вчера. Я дестабилизировала щит за миг до удара смерчем. И... ну да, он схлопнулся. А свободная энергия резонировала с вражеским заклинанием.

Ревущая трёхцветная волна ударила по нашим соперницам, вчистую снося щит – а следом прилетел «Водный хлыст» Лэндона, сбивая их с ног. Шикарное зрелище! Но я, кажется, заработала ожог. Что за ерунду мне всучил Мэддокс?..

Лорел, мокрая и грязная, поднялась и вся заискрилась от злости.

– Это нечестно!

– Это энергофизика, идиотка! – огрызнулась я. И, ухмыльнувшись точь в точь как Лэндон, прибавила: – За честностью – к мамочке на ручки.

Тёмные радостно завопили, приветствуя нас. Лорд Блэквуд выглядел так, словно вот-вот лопнет от гордости и самодовольства; Винтер же картинно приложил ладонь ко лбу, всем видом демонстрируя позор на свою патлатую голову.

– Вот это – боевая двойка, слаженная и абсолютно гармоничная, – наконец заявил он, ткнув пальцем в нашу сторону. – А это – комплексный обед. Лорел, ты на кой хрен из щитов напарницы решето сделала? Почему не страховала?

– Мне вообще-то некогда было!

– Теорию тебе учить некогда было! Хреначишь сдвоенными, так учитывай порог сопротивления щита! Что глазками лупишь, рыжуля? Мозги включай, это тебе не перед Лайтнингом жопой крутить!..

– Сэр, вы перегибаете, – не выдержала я, невольно пожалев бывшую подругу. – Зачем переходить на...

– Пошла ты со своей заботой, потаскушка! – рывкнула Лорел, едва не плача от злости и унижения. – Да я ж тебя... Тоже мне, заступница выискалась!

– Полностью поддерживаю, мисс Саммерс, – послышался поблизости вкрадчивый голос, и я удивлённо уставилась на Блэквуда. – Мисс Найтстар впредь стоит уяснить, что не нужно тратить время на помощь неудачникам, старательно пытающимся сервировать себя к

столу для чудищ. Спасибо, даже я не смог бы донести эту мысль лучше.

– Мне не нужна помощь от этой... тёмной твари, – выплюнула Лорел. – Некромантия – самая мерзкая из всех магических наук. И как вас только терпят...

Наверное, воображала в своей рыжей голове, будто сможет задеть новоявленного декана чернокнижников. Ага, как же. Задеть лорда-гадюку можно разве что мечом, и то если он вдруг раздумает уворачиваться. Он только и сделал, что насмешливо дёрнул бровью и сложил руки на груди.

Зато вступился Винтер – и нет, не за Лорел.

– Вот этого гада ползучего терпят, обожают и принимают на работу в Академию за то, что он может выжить где угодно. А я терплю вас всех, потому что мне за это платят. Впрочем, – он скептически глянул на неё, – вы тоже выживете, я вам обещаю. У вас просто нет выбора, со мной и Блэквудом в преподавателях. На позицию! – рявкнул он. – И ты, Лайтнинг, живо! К вам, белобрысая напасть, это тоже относится. Попробуем обратную раскладку. Выполнять!

– Казарма! – скривилась Бекки, но на место пошла, не решаясь спорить.

– Курятник! – парировал Винтер. – Вас, клуш, ощипала налысо некроманточка смешных размеров. Помолчи уж, не позорься.

Нет, всё ему мои размеры покоя не дают! Пусть маленькая, зато злобная, вот так-то.

Отойти я не успела: на плечо легла чужая ладонь. Лорд Блэквуд склонился ко мне близко-близко – и это прямо на глазах у моих однокурсников! – и негромко произнёс:

– Неплохо бы показать порядочным светлым магам, где их место, да, Лили? В Пекло щит, бейте в обход. Вы умеете, я видел.

И почему-то непрозрачный намёк на то, что Блэквуд наблюдал за нашими с Лэндоном тренировками, смутил даже больше, чем этот его интимный полущёпот. Тоже, кстати, совершенно непотребный.

Великие звёзды, да на нас же весь поток пялится, жадно открыв рты!

– Милорд, ведите себя прилично, – отчитала его тихо, но сердито. – Чего доброго, ваши поклонницы решат, будто у нас роман. Мне ещё жить охота!

– А ваши поклонники, значит, позавидуют мне чёрной завистью? Ничего не имею против. – Я обернулась к нему, возмущённая столь провокационными заявлениями, но лорд Блэквуд уже состроил обычную свою бесстрастную физиономию. – Так вы меня услышали?

– Заземлить? – уточнила я, невольно скривив губы в самой что ни на есть лэндоновской усмешке.

– Умница. И добить, чтоб не мучились. План ясен?

– Да, сэр.

Едва не потирая руки от предвкушения, быстро прошла к Лэндону, шепнула ему буквально два слова – мой понятливый напарник ухмыльнулся и кивнул.

План прост как дважды два. Вот только я прежде не колдовала «Ужас подземья» на полную мощность. Получится ли?..

Получилось. Даже слишком! Вихрь зелёной магии с рёвом понёсся к нашим соперницам, вспарывая землю, точно гигантский плуг. Бравые светлые воительницы громко завизжали; огненный щит Лорел замерцал и посыпался искрами; я же безжалостно вдарила по нему усиленным «Ледяным копьём» – сквозь водный щит Лэндона оно прошло почти незаметно.

Не то чтобы нам вообще нужен щит. Первую атаку Бекки он выдержал, а второй уже не последовало. Вот и славно. Сил мне и на третью дуэль хватит, но кольцо жжёт просто нещадно.

Похоже, стоит озадачиться поиском нового артефакта. Вот ещё забота...

– В следующий раз визжите погромче – авось срикошетит, – посоветовал Винтер, на сей раз даже как-то весело. – Лорел, ты хорошо атакуешь, но твои щиты – полное дерьмо, и в одиночном бою тебе ничего не светит. Поэтому засунь свою гордость в свою же худосочную задницу и учись работать в паре! Ребекка, у тебя хорошие щиты, но щитовик в боевой двойке – не столько щит, сколько мозги и стратегия. Лисандра это понимает, а вот ты – нет.

– Конечно, куда мне до идеальной Лисандры, – процедила Бекки.

Невольно поёжилась. Будь они с Лорел чернокнижницами – я бы уже грохнулась замертво под их ненавидящими взглядами.

– Да уж далековато, – фыркнул Винтер. – Лэндон, не скалься, ты в одиночном бою тоже долго не протянешь.

– Чего это?

– Да всё того же – щиты дерьмовые. Вот переведу твою воинственную мелочь в универсалы, что тогда делать будешь?

– Сражаться до последней капли крови! – возмутился Лэндон. – Это моя мелочь, я её первый нашёл!

– Ишь, ухарь какой! Ладно уж, не буду вашу двойку разбивать. Пока что. Уж больно вы хороши в комплекте, гады белобрысые... Слушай, Блэквуд, а отдай их ко мне на кафедру?

– Лисандру не отдам, – отрезал наш наставник, сложив руки на груди, – а Гилберта бери, не жалко.

– Милорд, вы разбили мне сердечко! – картинно вознегодовал Лэндон, а я невольно рассмеялась. Вот ведь кривляка.

– Папаше твоему я сердечко разбил...

– Точняк! – хохотнул Винтер. – Гилберт-боёвка, вот ведь дожились, а? Бедный Тони! Но я б от всего комплекта не отказался...

– Нет.

– Не жадничай, твоя милость! Малышка-то перспективный универсал, на одиночный бой натаскаем – будет малышка-убийца!

– Не будет, потому что не отдам, – повторил Блэквуд с каким-то садистским удовольствием, – самому нужна.

Нет, я вроде бы и не рвусь в боевые маги. Но обязательно, что ли, из этого делать такое представление? Я сердито фыркнула и, демонстративно повернувшись спиной к разохотившимся преподам, тихонько пробурчала:

– Вот чего он ко мне пристал, а?

Лэндон улыбнулся весело и как-то... снисходительно, что ли.

– Ну, я, например, мог бы и по-простому, – он намотал на руку одну из моих длинных кос, чтобы шутливо дёрнуть. – А этот слишком взрослый, ему девиц за косички дёргать неуместно.

– Что?

– Что? Выкручивается, говорю, как может!

Он что, пытается меня убедить, будто допросы с пристрастием на каждом уроке некромантии, сомнительные остроты и прочие эксцентричные выходки Блэквуда – это такой особый вид ухаживания? Даже в мыслях звучит нелепо донельзя.

Не то чтобы я хоть что-то понимаю в ухаживаниях. Приставания Роберта не в счёт: иной горный тролль наверняка более нежен и предупредителен со своей избранницей.

Отлично, только мыслей о Роберте мне сейчас и не хватало. Передёрнув плечами, я плюхнулась под иву рядом с Лэндоном и, уложив голову ему на плечо, с любопытством принялась наблюдать за сражением двоек-нейтралов. Надо изучить, кто на что способен. Я, в отличие от мисс Долбанутой, серьёзно отношусь к своей роли мозга и стратега.

Да и... интересно же! Даже интереснее, чем энергофизика!

Даже интереснее, чем двусмысленные выходки лорда Блэквуда...

Ладно, вру. Не интереснее. Но об этом тоже можно подумать как-нибудь потом.

А пока – за дело, Лили, стратегия сама себя не изучит!

Глава 8

Видит Царица, быть преподавателем Академии мне никогда шибко не хотелось. Не та натура, не тот титул, и даже фамилия не та. С первого дня обучения и до самого выпуска я был уверен, что в эти стены вернусь разве что в качестве приглашённого гостя... Хотя нет, кто бы меня пригласил? Ливингстоун? Даже в голове звучит смешно, учитывая нашу с ним давнюю нелюбовь друг к другу.

Не то чтобы на это не было причин – во времена своей учебы я потрепал дорогому ректору немало нервов. Чем, признаться, исключительно горжусь. Да и как не гордиться? Студентом я был ещё тем, морды светлым бил охотно, проклинал и устраивал им весёлую жизнь ещё охотнее. И почти никогда не попадался. Вроде как все всё знали, однако же доказательств не было. А учился я хорошо и на уроках строил из себя всезнайку, отчего у Ливингстоуна, как он ни старался, за все шесть лет так и не нашлось повода вышвырнуть меня из Академии.

А он хотел, и очень. Отчего моё возвращение в качестве преподавателя имеет особую ценность.

Молодец я, ничего не скажешь. И вернулся так, что выкинуть меня отсюда не выйдет: её величество будет очень расстроена, а злить Марию не стоит. Она хоть и трижды мудрая, справедливая и даже добрая королева, однако же тёмный маг немалой силищи и к светлым у неё достаточно счетов. А ещё она в курсе покушения на убийство в стенах Академии при попустительстве ректора... и его фокуса с сокрытием смерти Мэддокса. Интересно, архмагистр хоть на мгновение поверил, что я исполню обещание и замолчу сей чудный факт?

Если поверил, то, возможно, я ошибся насчёт старого интригана – вполне может быть так, что он просто старый, а интриги уже давно превратились в самый обычный маразм.

В пользу этого говорит тот факт, что старина Уэйн так и не попытался угостить конфеткой Лисандру Найтстар. Хотя собирался – после памятного собрания я должен был привести Лисандру в его кабинет именно для этого, а в итоге...

А в итоге мы все стали участниками семейной драмы, без чего я бы прекрасно обошёлся. Терпеть не могу такие разборки, после них надолго не покидает ощущение, что тебя макнули в вонючее болото. Зачем это было нужно вообще, почему Ливингстоун решил провести незабываемую встречу Лили с рогоносцем Сеймуром аж в своём кабинете? Поди разберись. Я, как ни силился, понять мотивов Уэйна так и не смог, а потому попросту списал этот финт ушами на очередную старикову интригу. Ко двору он вхож в последние годы не был, а потому свои прежние навыки по сеянию крепкой вражды между всеми использовал на студентах.

Что ж, надо отдать должное бородатому козлу – ситуацией он воспользовался на все сто. Хотя если он задался целью подобраться к новоиспечённой наследнице Старфолла, тут его ждал грандиозный облом – девица оказалась не робкого десятка и очень, очень себе на уме. И дала решительный отпор, какого даже я не ожидал.

Я вообще много чего не ожидал... Но, очевидно, всё же кровь не водица. Чем ещё, как не кровью Найтстаров, объяснить тот факт, что у малахольной дуры Литы Мартин и её дубоголового муженька выросла совершенно непохожая на них дочь? Расчётливая и опасливая, сообразительная, на удивление сдержанная – особенно с учётом всех выпавших на её долю неприятностей. Жуткий темперамент и огромная сила тоже при ней, однако с ними Лисандра пусть и с трудом, но справляется. Иначе я бы давно плюнул на все попытки защитить её в стенах Академии и утащил бы к леди Леноре. Домашнее образование, конечно, было бы похуже, зато в подвалах Старфолла тепло и сухо, а первый же визит Ливингстоуна станет последним, или фамилия леди Леноры не Найтстар.

Но Лисандра справлялась. И защитить сама себя кое-как могла – это я выяснил, когда следил за её тренировками в круге. Девчонка имела очень неплохое образование, была на редкость педантичной, дотошной и жадной до новых знаний и соображала очень быстро. Хуже неё только Лэндон, но он наполовину Гилберт, а у этих пройдох котелок варит с ужасающей скоростью.

Урок же по боевой магии и вовсе расставил всё по своим местам – Лисандра Найтстар унаследовала не только прагматичный ум тихони Александра, но и крутой нрав леди Леноры. Гремучая смесь. Я с интересом наблюдал за её боем, с трудом подавляя желание пойти и

надавать советов. Мог бы, конечно, да и собственный интерес стоит продемонстрировать почаще... особенно на широкую публику. Слухи о нашем романчике остудят пыл всяких престарелых интриганов и туповатых женишков с одной извилиной в чародейской черепашке. Дураков тягаться с Блэквудами вряд ли найдётся много.

Но пока что я сдерживался, внимательно следя за тем, как работает со студентами старина Лейф. Хорошо работает, кстати, мне нравится – уж к концу второго часа падать с первой тычки перестали даже самые бестолковые.

– Не такое уж и конченное поколение, а? – подходя ко мне, со смешком поинтересовался Лейф.

– Конченное, – хмыкнул я. – Мы были лучше.

– Ну это неоспоримо! Но эти перваки, из них дурь выбьется уже на подлете, я гарантирую. А что твои старшаки, не сильно безнадёжны после дурака Мэдди?

– Сильно, – не стал врать я. – Очевидно, в том был замысел – соображать на ходу и решать сложные задачи могут только те, у кого приличная родословная. Безродные, первые некроманты в роду – ужас, а не детки. Выдают только зазубренные комбинации, никакого творчества.

– Так ты, творческий мой, сюда всерьёз припёрся деток уму-разуму учить? – как будто удивленно спросил Лейф. – А я думал, только ради неё.

Он кивнул на Лисандру, старательно лупящую боевыми связками по защите белобрысого пройдохы Лэндона. Боевой потенциал у него мощнейший, а вот щиты и впрямь дерьмо. Да и из девчонки универсала было бы трудно сделать, приврал старина Лейф для красного словца. Очевидно ведь, что, несмотря на немалый боевой потенциал и отнюдь не кроткий нрав, Лисандра – абсолютная защитница. И по натуре, и по манерам, и по складу ума.

– Не только, – хмыкнул я. – Не забывай, у меня тут племянник учится. А ещё папенька вон того белобрысого того и гляди сожрал бы мне мозг.

– Врёшь ведь.

Ну разве что немного. Да, суетиться пришлось быстро, ровно в тот момент, как Тай прислал первое письмо с подозрениями относительно Лисандры. За девчонкой и впрямь нужно присмотреть,

возня вокруг неё нездоровая... И есть из-за чего, откровенно говоря – помимо своей силы, своей пользы для всего тёмного мира, она ещё и красоткой оказалась редкостной. Охотников на такое добро найдётся немало, Лианна не даст соврать – я, уж на что никогда не был особо романтичной натурой, и то по молодости поглядывал в сторону серебряной красотки... Ровно до того момента, как вспомнил, что девица мне не по карману. И вообще я сперва рассчитывал отремонтировать крышу в нашем проклятом замке, а потом уж думать о девицах.

Что ж, отремонтировал. Теперь имею полное право пялиться на юную и очаровательную Лисандру Найтстар, у которой помимо красоты имеется немало других плюсов. Вроде острого ума и на редкость свирепого нрава. Это только светлые любят милых кротких девочек, у тёмных же в чести девицы совсем иного толка.

Что до Академии... Ну ладно, на самом деле мне тут даже нравится. Бесить своим присутствием Ливингстоуна и Чейз (как она не заработала сердечный приступ от одного моего вида в учительской, до сих пор не пойму), воспитывать перваков, гонять на тренировках старшекурсников...

Весело, короче. Я бы даже сказал, миленько. Ну, насколько может быть миленько с добрым дедушкой Ливингстоуном в начальниках. Почти как в пещере со змеями, и не важно, что лордом-гадюкой тут подвизаюсь именно я.

– Не вру, – вздохнул я. – Стажеры нынче пошли – обнять и плакать. Задолбался быть самым умным и красивым при дворе.

– Да что там при дворе, – заржал Лейф. – Во всём королевстве!

Я царственно кивнул. Ответить тоже собирался, но с мысли сбила подозрительно знакомая птичка, появившаяся будто из воздуха. Острый клюв, длинный хвост, меченые иссиня-чёрным крылья... ну точно, фамилляр Ливингстоуна, чтоб его в Пекло. Я нахмурился, подставил руку, чтобы поймать вздорную пичужку – не иначе как дражайший ректор ждёт в своём кабинете, но снизойти лично к такой темной твари как я доброму светлому дедушке неуместно.

Ошибся – птичка смерила меня равнодушным взглядом и направилась напрямиком к Лисандре.

Не к добру.

Я было дернулся, чтобы подойти к девчонке, но в последний момент передумал – стало интересно, последует ли Лисандра моему совету двухнедельной давности или решит, что она уже взрослая и самостоятельная?

Не решила. Ну или решила и, взвесив все за и против, споро направилась ко мне. Почему-то вместе с Лэндоном.

– Поможете спрятать труп? – осведомилась она весьма угрожающим тоном.

Я, признаться, выпал в осадок. Зато Лейф радостно заржал и пихнул меня локтем – мол, соглашайся, дурень, такую леди ждать не заставляют.

– Леди Лисандра, столь непристойные предложения полагается делать в интимном уединении, – укоризненно произнёс я. – Чем же провинился уважаемый архимагистр?

– На чай пригласил, – отозвалась Лисандра, недобро сверкая глазами. Невольно пришло на ум сравнение с сумеречной пантерой – Шеан вот точно так же глядит, когда ему не удаётся урвать половину моего обеда и две трети моей постели. – С конфеткой. И для Лэндона тоже припас.

– Чист и невинен! – заявил белобрысый пройдоха с таким честным лицом, что сразу стало понятно – врёт как дышит. Но затем неохотно прибавил: – Ой, да он ничего не докажет.

– Лошадиный навоз возле общежития чародеев? – со смешком уточнил я.

– Фу, как грубо, лорд Блэквуд, – демонстративно сморщил нос белобрысый паршивец. – Перечные конфеты для мисс Холгер. Не одному же Ливингстоуну одаривать студентов сомнительными сладостями.

Лейф понимающе хмыкнул, но Лэндону пальцем погрозил.

– Заметь, Гилберт, ты только что сам в этом признался. И чем тебя твой отец учил только?

– Ни в чём я не признался, – возразил пройдоха. – А даже если и да – это меня два суровых взрослых мага заставили. Угрожали розгами и лишением сладкого.

Я накрыл лицо ладонью, а вот Лисандра весело хихикнула.

– Ты не любишь сладкое.

– Ненавижу. Лорд Блэквуд, господин архимагистр кормит студентов этой гадостью насильно или у меня есть шансы?

– Тебя лично буду держать, чтобы запихивать было удобнее, – отозвался я. – Но ты можешь сопротивляться. Идёмте, наш дедуля-сладкоежка не любит ждать.

– Подождёт, – отрезала Лисандра и, развернувшись, направилась в сторону Академии. Резво так. Только косы и мелькнули.

– Такая крошка – и такой темперамент, – восхищённо присвистнул Винтер. Всё бы ему веселиться, заразе. – Давай, Блэквуд, подгребай себе это добро, пока плохо лежит! А то я почти надумал расстаться с холостяцкой жизнью.

– Я так понимаю, в прошлый раз конфетки были не очень, – медленно протянул Лэндон.

– Премерзкие, – с чувством заверил я, припрятав вытащенный было телепорт. – Идём, что ли? Наша леди гулять изволит.

Далеко убежать наша леди не успела – видимо, решила остыть и теперь понуро брела по тропинке. Даже косички будто печально поникли.

– Извините, лорд Рэйнхарт, – кротко произнесла она, подняв на меня взгляд. – Я просто даже боюсь представить, что за сюрприз там поджидает на этот раз.

– Вряд ли что-то хорошее, – не стал обнадеживать я, предложив руку, за которую Лисандра уцепилась вежливо и бездумно. – Разберёмся.

Лэндон, поглядев на нас, ухмыльнулся как-то злорадно. Но потом снисходительно заметил:

– Да брось, Лили! Поди старый хрен уже прослышал о том, как ты чуть не отчекрыжила наследнику Лайтнингов всё самое драгоценное. Прочитает нотацию да отпустит с миром – может, даже на обед успеем.

Не факт, не факт. Путь от тренировочных площадок до башни дражайшего архимагистра занимал без малого десять минут. Об этом я знал не понаслышке – в своё время частенько совершал такие променады, правда, по другой причине. Уж очень не нравилось дорогому директору, что я всегда одерживаю верх над его светлым выводком. Однажды мне это даже надоело и я начал проигрывать, лишь бы не выслушивать в очередной раз лекцию о дружбе, равенстве,

братстве между факультетами... Это в период травли и откровенного истребления тёмных! В общем, хватило меня ненадолго: светлые нагтели с невиданной скоростью, начинали бросаться на моих менее способных в бою сокурсников, и пришлось спешно возвращать себе авторитет. Репутация заправской гадюки была важнее сомнительных прогулок и дурацких речей.

Через какое-то время я даже приноровился дремать вполглаза во время этих душеспасительных бесед. Камня, правда, из рук не выпускал. На всякий случай.

Обратный путь до столовых – его ректорство предпочитало чесать языком в обеденный перерыв, – занимал ещё десять минут, а учитывая редкостную словоохотливость Ливингстоуна, без обеда я оставался частенько. Аж ностальгия пробрала: мигом припомнилось, как я приучился таскать с собой еду во внушительных количествах. Видимо, придется обучить этому фокусу и нынешних перваков – вряд ли Ливингстоун упустит возможность проехаться по мозгам Лисандры, Лэндона и других ребят лишний раз. Это Тай умудрился за все четыре года отделаться лишь парой выговоров. Белобрысая же двойня особой покладистостью не отличается, а к Гилберту у Ливингстоуна и вовсе имеется особый счетец. К бесхозной девчонке Найтстар, впрочем, таковой тоже найдётся.

Нет, всё-таки вариант с башней не стоит отметить.

Сегодня играть в джентльмена при юной леди я не стал и вошёл в кабинет господина архимагистра первым.

– Даже не думайте, что вам удастся меня выставить, – оскалился я в ухмылке, едва Ливингстоун чинно отвернулся от окна.

– Ну что ты, мой мальчик! – он укоризненно всплеснул руками, а я внутренне порадовался – могу поклясться, я услышал, как он скрипнул зубами. Пустячок, а приятно. – Я очень рад, что ты так ревностно относишься к своим обязанностям декана факультета. Присаживайся.

– Всенепременно, – не стал отказываться я и уселся в уже знакомое кресло с весёленькой обивкой в мелкий белый цветочек. На зелёном фоне даже терпимо.

Лисандра и Лэндон топтались на пороге, видимо, не слишком проникшись гостеприимством Ливингстоуна.

– Проходите же. Не желаете ли чаю?

– Не желают, – отрезал я. – Ни к чему детям портить аппетит перед обедом. Чем вам обязаны мои студенты?

Ливингстоуну моё самовольство не понравилось, но он стерпел. Выхода у него всё равно не было. Расплылся в благостной улыбочке, укоризненно глянул на Лисандру и Лэндона и приступил к воспитанию нерадивых нас. Что я вхожу в число тех самых нерадивых, сомневаться не приходилось.

– Обязаны – немного не то слово, мой мальчик... – Я одарил его злым взглядом, и Уэйн даже сделал вид, что устыдился. На полуслове себя, по крайней мере, оборвал. – Боюсь, за эту неделю произошло немало досадных недоразумений... Студенты факультета чародеев были вынуждены обратиться ко мне за помощью в разрешении ситуации.

– Студенты? Мистер Ливингстоун, кто-то умер, покалечился, подвергался угрозам или получал непристойные предложения?

– Нет, но...

– Тогда я не понимаю, в чем смысл всего, – я красноречиво обвёл помещение рукой, – вот этого. С каких пор разборки между студентами, какими бы они ни были, занимают ум величайшего чародея королевства? Помнится, в моё время любые... недоразумения решались самым проверенным из способов – дуэлью или простым мордобоем. Теперь в Академии поощряются лживые доносы?

– Боюсь, донос вовсе не был лживым, лорд Блэквуд! – Ливингстоун повысил голос, очевидно разозлённый, а я довольно хмыкнул – он, кажется, даже не заметил, что наконец назвал меня подобающе. Интересно, изжога, едва он это поймёт, у него начнется? Или обойдётся легким нервным тиком?.. – Мисс Элиза Холгер была подвержена смертельной опасности! Кто-то, и я склонен думать, что это был мистер Гилберт, отправил девушке более чем сомнительный подарок.

Лэндон, сынок своего хитрого папы, даже бровью не повёл.

– До вас дошла ошибочная информация, сэр, – холодно отозвался он, состряпав каменную морду. – Я бы в жизни не позволил себе одаривать подарками безродную девицу. Могут не так понять, знаете ли. И уж тем более не стал бы делать подарков, как вы выразились, сомнительных – род Гилбертов богат и уважаем, мы делаем только дорогие и значимые подарки.

– И всё же, – с нажимом проговорил Ливингстоун, – подарок был. Перечные конфеты, невинная шалость, однако же у мисс Холгер обнаружилась ужасная аллергия на острое. Девочка чуть не умерла!

«Туда и дорога», – отстранённо подумал я, бросив короткий взгляд на Лисандру. Судя по лицу, её происходящее изрядно забавляло. Меня тоже, но привычка строить из себя хладнокровную тварь сделала своё дело.

– Не понимаю, какое отношение проблемы со здоровьем упомянутой мисс имеют к моим студентам, – отметил я. – Даже если допустить, что мистер Гилберт решил опозорить своего отца непристойными подарками сомнительным девицам, он не мог знать о её проблемах. И не должен был. О подобном справляются разве что у своих невест, а я сильно сомневаюсь, что подобный брак будет одобрен в обозримой вечности.

– Мистер Блэквуд, я бы попросил вас быть менее предвзятым к студентам светлого факультета, – пожурил меня Ливингстоун. Я лишь криво ухмыльнулся в ответ. – Мисс Холгер – приличная девушка из хорошей семьи. А вы своим отношением ничуть не помогаете в налаживании дружеских связей между факультетами.

– Не припоминаю, чтобы это входило в мои обязанности. Но устав вместе с вами внимательно просмотрю – вдруг я что-то запамятовал.

– Мистер Блэквуд, Академия Сумерек никогда не была и не будет местом для межфакультетских разборок. Не думаю, что её величество...

– ...будет интересоваться недоразумениями вроде того, ради которого вы вызвали в свой кабинет мистера Гилберта, – я чуть развернулся в кресле, одарил Лэндона недовольным взглядом. – Мистер Гилберт, вы усвоили информацию, что пытается донести до вас господин ректор?

– Вполне, сэр. Держаться от болезной подальше. Но спасибо за информацию – если что, смогу сэкономить на яде, – он почтительно поклонился Ливингстоуну, но тут же вздрогнул, будто опамятовался, и состроил на редкость виноватую морду. – Прошу прощения, сэр, вырвалось. Дар шалит, характер временно испортился. Могу я идти?

– Идите, мистер Гилберт.

Ушлого пацана из ректорской обители тут же как ветром выдуло, мы же с Лисандрой дружно проводили его завистливыми взглядами.

– Во имя Зари, этот малец втрое хуже, чем его скользкий папаша, – пробурчал Ливингстоун, потеряв переносье. Но тут же, вспомнив о нас, вернул на лицо сахарную улыбочку. – Теперь вы, мисс Найтстар. Не стойте моя дорогая, прошу, присядьте! Я человек старомодный, негоже мне сидеть в присутствии дамы...

...а Блэквуду, невоспитанной змеюке, самое то. Ах он, гад ползучий!

Я весело ухмыльнулся – Лисандра, судя по ироничному взгляду в мою сторону, подумала ровно то же самое. В тех же выражениях. Приятно, когда женщина понимает тебя без слов! Однако на свободное кресло, стоящее рядом с моим, послушно опустилась и чинно сложила руки перед собой.

– В чём дело, сэр? Звёздами клянусь, я мисс Холгер ничего не дарила. И даже не планирую.

– Нет-нет, моя дорогая! – отмахнулся Ливингстоун. – Речь не об этом. Меня, по правде сказать, весьма волнует ваша размолвка с юным Робертом. Чудесный молодой человек! Несколько, хм, напорист, но угрожать ему оружием... Вам не кажется, что вы реагируете очень уж чрезмерно?

На сей раз хотелось не проклясть старого мудака, а без всяких изысков вмазать по слащавой морде. Я не успел расспросить Лисандру о происшествии в фехтовальном зале, но услышал достаточно, чтобы понять главное – Лайтнинг тянул свои лапы куда не следует, а девушка была категорически против.

Ни одна женщина не должна подвергаться подобному обращению. И уж тем более я не потерплю, чтобы напыщенный светлый кретин лез со своей похотью к моей... студентке.

– Сожалею, сэр, но словами юный Роберт не понимает, – в нежном девичьем голоске отчётливо зазвучала сталь, и я даже посочувствовал бы старикану, будь я чуть менее зол на его своднические речи. – Как и кулаком по физиономии. Да и ножом тоже. Мне стоило его проклясть? В следующий раз непременно так и сделаю.

– Помилуйте, леди Лисандра! Откуда в вас столько злости? – подивился Ливингстоун. Как будто по прошлому разу было непонятно, что от сумеречной пантеры у девчонки не только прекрасные глаза, но также острые зубы и хищный нрав. – Понимаю, ваши... новые

обстоятельства повлияли на вас не лучшим образом, но любовь способна преодолеть любые преграды! Ведь прежде вам нравилось его внимание...

О да, внимание всем на зависть – пацан Лайтнингов, сам того ещё не подозревая, своими приставаниями к Лисандре заимел как минимум двух врагов. Меня и леди Ленору.

– Нравилось? Ничуть. Я его терпела, – поправила Лисандра. Воздух вокруг неё опасно заискрился. – И натерпелась на всю жизнь. Кроме того, я не назвала бы великой любовью бесконечные попытки залезть мне под юбку.

Ливингстоун состроил насквозь осуждающую физиономию.

– Уверяю, Роберт любит вас и по-прежнему желает...

– ...озадачить скромным содержанием и парочкой бастардов. На что ещё я ему сгожусь?

А на это ему, кажется, ответить нечего. В женитьбу Лайтнинга на девице Найтстар поверит разве что слепоглухонемой имбецил.

– Ваши с Робертом дети...

– Мои дети, архимагистр, родятся в законном браке, от любимого мужчины – или не родятся вообще, – отрезала Лисандра. – Я тоже, как вы выразились, человек старомодный. Мы закончили, сэр, или вам нужно больше грязных подробностей? Не очень понимаю, правда, каким образом вас касается моя личная жизнь. Это академия или публичный дом?

– Леди Лисандра!

– А что? Раз зовётесь ректором, так не ведите себя как бордельная мамаша!

– Мисс Найтстар, вы забываетесь!

– А вы переходите всякие границы!

Она порывалась вскочить с кресла, но я удержал её на месте, демонстративно уложив свою ладонь чуть выше её колена.

Право, леди Лисандра, цирк только начался! Я уверен, вам будет весело.

– Прошу прощения, сэр, – последнее слово я протянул на манер моих горе-студентов, – не вы ли буквально пару минут назад обвиняли меня в предвзятости и разжигании межфакультетской розни?

Ливингстоун уставился на меня странным взглядом – таким, который бывает, когда человек отчаянно не понимает, куда утёк

разговор. Кривляется, конечно. Я на эти ректорские морды посмотрелся ещё при своём студенчестве и старине Уэйну не верю с тех самых пор.

– Я поясню, – охотно продолжил я, – с позиции невоспитанного и нестаромодного человека. Юная студентка, по прихоти самой Царицы, а не по собственному желанию, оказалась на факультете чернокнижников. Вы этого желали, мисс Найтстар? – она задумалась ненадолго, но в итоге мотнула головой. – Но это случилось, девушка оказалась тёмной. Один этот факт лишает её всякой возможности поиметь законную связь с чародеем. Незаконная же связь, которой так жаждет мистер Лайтнинг, претит мисс Найтстар. Однако он продолжает настаивать, игнорируя всякие аргументы. Мисс Найтстар, вы пытались донести до мистера Лайтнинга, что не желаете более встреч с ним?

– Неоднократно, – припечатала Лисандра.

Я поерзал в кресле, устраиваясь поудобнее, закинул ногу на ногу, сцепил пальцы в замок.

– Но вместо того, чтобы проводить беседу с потенциальным насильником – не смотрите на меня так, архимагистр, подобные истории частенько заканчиваются скверно, – вы предпочли пристыдить подвергающуюся домогательствам девушку! Понятия не имею, какие порядки у благородных светлых чародеев, но у злых тёмных магов насильника непременно отрежут от рода, если не прикопают в лесочке. Впрочем, последнего мистер Лайтнинг и без того вполне может дождаться – леди Ленора скоро на расправу, вам ли не знать?

– С мистером Лайтнингом беседа обязательно будет проведена, – процедил Ливингстоун. Ленору он боялся и ненавидел, как, впрочем, и всякий здравомыслящий житель королевства. Связываться с грозной леди дураков найдётся ещё меньше, чем с Блэквудами. – Но это не значит, что я одобряю угрозы в адрес кого бы то ни было, – он укоризненно сверкнул глазами в мою сторону, но я только дёрнул бровью в ответ. – Горячность юности – не смертный грех, а всего лишь проявление чувств.

– Пусть проявляет их подальше от факультета чернокнижников. Беседу со мной этот наглый сопляк, вероятно, не переживёт, –

припечатал я и поднялся. – Надеюсь, мы закончили? Обед подходит к концу, а мисс Найтстар только с урока по боевой магии.

Ливингстоуну хватило ума напустить на себя покаянный вид.

– Ох, конечно, что это я! Можете быть свободны. Прошу меня простить, мисс Найтстар; вероятно, я и впрямь позволил себе лишнее. Но уверяю – это всё из самых лучших побуждений!

– Ну разумеется, сэр, всё прощено и забыто, – отчеканила Лисандра ледяным тоном. – Доброго дня.

Кланяться она ему не стала, ограничилась едва заметным кивком. Прогресс, однако.

Я же решил порадовать Ливингстоуна напоследок. Ну или позлить, это как посмотреть. Первым шагнул к двери и любезно распахнул её перед Лисандрой.

– Прошу вас, миледи.

– Благодарю, милорд.

Она спешно выскользнула из ректорского кабинета и даже будто выдохнула с облегчением.

– Я уж думала, придётся выбираться с боем, – проворчала она, оглядывая пустующий холл – видимо, в поисках Лэндона. – Тоже мне, двойняшка. Променял на еду!

– Спешил смыться подальше. Не скажу, что не понимаю этого желания. Боюсь, в столовой уже не осталось ничего толкового, так что предлагаю присоединиться ко мне. – Я достал из-за пазухи телепорт, приглашающе протянул ей руку. – Разумеется, если обед с одиноким мужчиной в его комнатах не противоречит вашим принципам.

Лисандра вздёрнула бровь, до жути напомнив свою грозную бабушку.

– В самом деле, милорд? После всего, что между нами было? Нет смысла вспоминать о принципах, когда от репутации ничего не осталось, – она невесело усмехнулась и вложила свою изящную ладонь в мою. – Если верить долбанутой Бекки, я уже переспала со всем факультетом и пошла на второй круг. Пора бы и декана одарить благосклонностью.

– Если что, я не против подобных сплетен, – сообщил я, когда вихрь телепорта перенёс нас в мою гостиную. Темно, тепло и тихо – самое оно для приличного обеда, не то что в общей столовой. – Будет меньше охотников до чужого добра.

– Полагаете меня своим... добром? – не без ехидства поинтересовалась Лисандра.

– Отчего нет? Предложение выйти за меня замуж всё ещё в силе.

– Лорд Рэйнхарт, эта шутка с каждым разом становится всё менее смешной. Вот соглашусь, и что тогда делать будете?

– Ремонт в хозяйском крыле, – невозмутимо ответил я. – Не приводить же молодую жену абы куда?

– Нет, ну с вами просто невозможно говорить серьёзно!

Лисандра негодуяще покачала головой, села на краешек дивана и принялась сердито дёргать пуговицы, расстегивая форменную куртку. Я же смотрел на неё, весело и вместе с тем чуть озадаченно – когда до неё дойдёт, что я до Пекла серьёзен? Хотя что уж врать, до меня самого дошло не сразу.

Обрадовать, что ли, будущую леди Блэквуд?..

Молчи уж, кретин. Шутка так шутка. Бедная девушка едва избавилась от «юного Роберта», только престарелых ловеласов ей сейчас и не хватает.

При мысли о Лайтнинге я снова воспылал жаждой убийства, а посему пришлось спешно переключиться на мысли о еде. Видят звёзды, плотный обед способен отвлечь от чего угодно – даже от острого желания выпустить кому-то кишки.

Быстро глянув сегодняшнее меню, я наспех нацарапал список блюд, которые желаю видеть на своём столе, добавил требование подать дополнительный комплект приборов и бросил записку в кухонный лифт. Удобная штука, когда не хочется спускаться в преподавательскую столовую и портить себе аппетит рожам некоторых особо умных.

Записка исчезла в зеленоватом всполохе, я же вернул своё внимание Лисандре, которая вовсю разглядывала мои покои. Ожидаемо, учитывая, что в прошлый раз она была тут не в самом лучшем состоянии.

Подумать только, всего-то две недели минуло с её поступления в Академию и путешествия через Горнило, а от светлой крови и следа не осталось. Я не был близко знаком с её матерью – в Пекло, на кой мне сдались светлые курицы, какими бы красотками они ни были? – однако ничуть не сомневался, что характером Лисандра пошла не в неё.

Леди Ленора – женщина суровая и властная, несговорчивая и жёсткая. Своему покойному мужу она приходилась троюродной сестрой, однако от Найтстаров получила немного. Что и немудрено: её мать была Стоунхарт, а бабка... ну да, Блэквуд. Сильная кровь. Сильная и дикая. Прелестную Лианну вот тоже не назвать кроткой овечкой. Алекс же, как и его батюшка, был кровь от крови Найтстаров – создатель, малахольный творец, махровый идеалист. Умный, талантливый, харизматичный и упрямый, но совершенно оторванный от реальности. Неженка и мечтатель. Оттого и помер, едва разменяв четвёртый десяток.

Лисандра напоминала сразу обоих – и отца, и бабу. Наверное, больше всё-таки отца, но... когда на тебя в короткие сроки сваливается такая гора испытаний, характер неизбежно закаляется. Я уверен, юная мисс не пропадет и в самом Пекле. Куда уж тут Академии, пусть даже и под руководством ушлого старикана Ливингстоуна? Дочь своего любимого рода Царица одарила изрядно – недюжинный ум и склонность к точным наукам, дурной глаз, боевые навыки и, вероятно, типичный для Найтстаров талант к созданию артефактов. Такой девице ничье хозяйское крыло не нужно – сама заработает, сама обустроит всем на зависть. Грустно даже...

Хотя нет, не грустно. Хозяйское крыло на то и хозяйское, чтоб хозяйка в нём была, а не только вышивала от рассвета до заката. Кому она нужна, вышивка эта? В Блэк-холле эдакого добра отродясь не водилось.

Что до внешности – скрывать не буду, трудно лишний раз не пялиться на юную красотку. Уж больно хорошая дочка вышла у старины Александра. Глаза сумеречной пантеры, косы что лунное золото, нежное тонкое личико и пухлые розовые губы, а уж как хорошо выглядит женственная фигурка в облегающей тренировочной форме...

Думать в таком донельзя фривольном тоне о непросватанной девице, может, и не стоило, но, даже несмотря на гордое звание лорда-гадюки, я всё-таки нормальный живой мужчина. Отнюдь не слепой. Да и ханжой никогда не был.

В Пекло ханжество! Красивыми девушками положено любоваться, отвешивать им сомнительные комплименты и получать за это по роже, а не расплытаться в глупых стишатах по надушенной

бумаге. Или что там нынче полагается? Не силён я в куртуазных ухаживаниях, врать не буду.

Кухонный лифт коротко звякнул, оповещая, что обед прибыл. Открыв дверцу и убедившись, что мой заказ исполнен точно, я отлевитировал поднос на небольшой обеденный стол.

– Приятного аппетита.

Опустившись на стул напротив, чинно расправил салфетку на коленях. Дурь, а не жест, но Лисандре понравилось – она усмехнулась, но повторять за мной не стала.

– Не переживайте, я не считаю вас невоспитанным грубияном.

– Это вы зря, – заверил я её. – Вина?

От вина Лисандра не отказалась, а вот в еде принялась ковыряться без особого усердия. И это после двух часов занятий по боевой магии! Нет, не пойдёт. Надо принять меры.

– Лили, ешьте как следует, иначе мне придётся лишить вас десерта.

– Это подло! – возмутилась она, однако я успел заметить мелькнувшую на её губах улыбку.

– Я подлый, – пожал плечами, – и горжусь этим. Ешьте.

– Подлый и несносный, – внесла уточнение Лисандра. И на сей раз улыбнулась уже без утайки.

Я же ощутил себя так, словно меня огрели по голове пыльным мешком. И, говоря по правде, я ощущал себя так всякий раз, стоило Лисандре Найтстар улыбнуться мне, или одарить сердитым взглядом, или сказать нечто эдакое... невероятно сомнительное.

«Мне в жизни никогда не было так приятно, как убивать его... с вами. Никогда...»

Будь эта прелестная девушка чуть менее юна и чуть более опытна, она бы ни за что не бросила подобное заявление в лицо тёмному магу. Потому что, видят звёзды, после такого она обязана выйти за меня замуж. А перед этим... ну да, скомпрометировать меня полностью. Всеми возможными и невозможными способами.

Мысленно отвесив себе тумака – разума в тебя вбить надо, а не скомпрометировать, долбак ты болотный! – я убедился, что моя подопечная (в первую очередь подопечная, Блэквуд!) достаточно мотивирована лишением сладкого, и лишь тогда сам принялся за еду.

И только убедившись, что та самая подопечная накормлена и превентивно задобрена десертом, задал мучающий меня вопрос:

– Могу я узнать, почему вы терпели приставания Роберта Лайтнинга без малого четыре года? – и чуть поспешно добавил: – Простите, что лезу не в своё дело, но ситуация мне искренне непонятна. Я не могу представить, чтобы моя сестра Фиона или ваша тётя Лианна терпели навязанного жениха дольше пяти минут. Потом женишок спасался бы бегством.

Лисандра нахмурилась, отставила чашку с недопитым чаем.

– Роберт очень нравился моим родителям, а я стремилась во всём им угодить. Мои желания не были важны. Долг дочери аристократа – выйти замуж с максимальной выгодой для семьи, так меня учили, – наконец изрекла она с задумчивым видом. – Кроме того, он казался очень... ну, удобным. Красивый, богатый, вроде бы влюблён, не порицает мою страсть к неженским занятиям и не настаивает на детях. Да, умом и манерами слегка горный тролль, ухаживает отвратительно, кольцо всучил уродское, но кто из нас идеален? Я – точно нет.

Лисандра закусила губу, но затем чуть натужно рассмеялась, застенчиво прикрыв рот ладонью.

– Наверное, дело кончилось бы жутким скандалом и моим бегством со свадьбы. Мы ведь совершенно не подходили друг другу! Честно говоря, когда я по-настоящему осознала, что Роберт на мне не женится, мне захотелось надраться в хлам и сплясать на столе, неприлично задирая юбку.

– Так за чем же дело стало? Готов всячески посодействовать! Шикарное, должно быть, выйдет зрелище.

– Лорд Рэйнхарт! – укоризненно вздохнула она. И снова рассмеялась. Кажется, бокал вина пошёл ей на пользу и помог немного расслабиться. – Ладно, полагаю, с вас довольно моих подростковых воспоминаний о тролльем женишке. Теперь ваша очередь объясняться – почему вы до сих пор не женаты?

– Ждал встречи с вами, – ответил я невозмутимо. – Смеётесь, Лили? Ладно уж, смейтесь. Вы очень красивая, когда улыбаетесь.

Правильно, боёвка тупая, вспомни придворную науку и сделай девушке хоть один пристойный комплимент. Не то так и помрёшь холостым.

Смущалась Лисандра премило: на бледных щеках разливался нежный румянец, пухлые губы взволнованно приоткрывались, а глаза изумлённо распахивались. Теперь, после нашего разговора, стало до печального очевидно – комплиментами она не избалована, равно как и мужским вниманием. Позор тролльему женишку Лайтнингу. Каким идиотом надо быть, чтобы, наложив лапы на такую драгоценность, обращаться с ней как с булыжником?

– Только когда улыбаюсь? – уточнила она не без кокетства.

– Всегда, – заверил я, вновь ощущая себя болваном – но почему-то болваном крайне довольным жизнью. – Всегда, Лили. Но, боюсь, за нашей беседой я преступно позабыл о своих обязанностях.

Она снова нахмурилась, на сей раз в замешательстве. Я же потянулся через стол и взял её за руку – за ту, на которой красовалось аляповатое кольцо-артефакт. Приглядевшись, заметил красную полосу под ним, и настал мой черёд хмуриться. Отлично, она и впрямь обожглась. Что ж ты, ухажёр хренов, к концу семестра не спохватился?

– Больно?

– Уже нет, – уклончиво пробормотала она. – Пока к ректору шли, я обезболила... Помните то заклятие, о механике которого мы с вами десять минут спорили?

– Разумеется, помню, – усмехнулся я. Наши околонучные перепалки определённо нравились нам обоим, а заодно развлекали других студентов. – Но кольцо вам не подходит, и я должен был понять это раньше.

Я поднялся, так и продолжая держать её за руку, она понятливо поднялась следом.

– Идёмте.

Я подвёл Лисандру к своему письменному столу, что притулился возле окна, после чего отпустил её – с сожалением, что уж там, – и полез в верхний ящик.

Кольцо выглядело простовато и даже грубо – крупный пурпурно-синий камень в массивной бледно-золотой оправе. Совершенно не подходит маленькой женской руке, однако Ленора без раздумий выбрала именно это украшение. Выпросил я его ещё на прошлых выходных – уже тогда предполагал, что Лисандре понадобится нечто помощнее школьной побрякушки. Мог бы порыться в собственных подвалах, благо чернокнижники – люди запасливые и хранят у себя

достаточно всякого добра. Однако вряд ли Лисандре подошли бы камни Блэквудов – ониксы, агаты и турмалины. Тут и артефактором быть не нужно. Найтстары же носят лунное золото и сумеречные алмазы – драгоценные минералы, что добываются в избытке, но лишь в Звездопадных горах.

– Попробуйте, – я достал кольцо из шкатулки и протянул его Лисандре. – Это фамильная драгоценность, должно вам подойти.

Лисандра с сомнением оглядела моё подношение, нерешительно надела тяжёлый и явно большой перстень на средний палец. А затем артефакт мягко засветился, растёкся, меняя форму, и обернулся парой тонких, изящных колец, украшенных мелкой россыпью алмазов.

– Месяц и звёзды, как на гербе Найтстаров, да? – выдохнула Лисандра, восторженно рассматривая кольцо – вернее, кольца, что блестели на среднем и безымянном пальцах. – Но каким же образом это реализовано? Как интересно! Несколько колец в одном? Но они совсем лёгкие... и... и разве не должна трансформация происходить с сохранением массы?..

Я так и знал. Так и знал! Не помешан на артефактах и их свойствах – не Найтстар.

– А говорите, я несносен, – ласково укорил я, вновь взяв её за руку и с интересом разглядывая артефакт. Значит, составной, сложный в исполнении, вместо одного камня – множество мелких. Для первокурсницы уж очень мощный, но... Леноре виднее. – Боюсь, это вопрос к магистру артефакторики. Вам хоть нравится? Как ощущения?

– Надо будет проверить под нагрузкой, но... ощущается как родное, – поделилась она, с восхищением глядя... нет, не на кольцо. На меня. – Спасибо большое, лорд Рэйнхарт, мне очень нравится! Оно чудесное!

– Оно под стать вам, – без изысков ответил я. Не до красноречия как-то: новообретённый внутренний болван прикидывал, как бы половчее уворовать половину сокровищницы Старфолла. Лишь бы на меня ещё разок посмотрели... вот так. – И я, увы, всего лишь поработал курьером. Это от вашей бабушки.

Радость Лисандры несколько подувяла. Снова покусав пухлую нижнюю губу, она неуверенно спросила:

– Как думаете, должна я?.. А вдруг я ей не понравлюсь?

– Разумеется, вы ей понравитесь, – заверил я, ласково погладил кончики её пальцев в своей руке. – Я вообще не представляю человека, которому вы могли бы не понравиться.

– Бекки Лайтнинг, – возразила Лисандра, – и её подружкам. То есть моим подружкам. Теперь уже бывшим.

– Не считается. На идиоток не распространяется нормальная человеческая логика.

Лисандра грустно улыбнулась, будто все ещё расстраивалась из-за ссоры со светлыми курицами. Я же, подчиняясь внезапному порыву протянул свободную руку и заправил за ухо выбившуюся прядку. Этого мало, катастрофически мало – я бы охотно расплел эти её косы, пропустил сверкающее богатство сквозь пальцы, ощутил бы их шёлковую нежность... Как тогда, когда она была расстроена и искала утешения в моих объятьях. Тогда это было необходимо ей, сейчас же от незатейливой ласки не отказался бы уже я.

Лисандра окинула меня странным, до обидного коротким взглядом, еле заметно вздрогнула и опустила глаза. Я отнял ладонь, неохотно выпустил тонкие девичьи пальцы, отступил на шаг назад.

Легче, Блэквуд. Торопиться некуда. Хоть раз в жизни наберись терпения и веди себя прилично, а не то прошляпишь самую завидную невесту Астрэ и будешь дурак дураком. Прямо как юный, м-мать его, Роберт.

Кстати говоря, надо бы расспросить племянничка обо всех подвигах чародейского выкормыша. И принять меры.

Ну да ладно, не будем о плохом.

– Надеюсь, вы не сильно разочаровались, проведя обед со мной, а не с пройдохой Лэндоном.

– Нисколько, – Лисандра вновь подняла на меня взгляд и улыбнулась. – Спасибо за обед и... за всё остальное. Даже и не знаю, как я могу отблагодарить вас.

– О, у меня на сей счёт имеются весьма корыстные планы, – заверил я. – Надеюсь, вы не думали пропустить бал Вечерней Зари? Потому что первый танец – мой. Отказа я не приму.

– Вы иногда такой странный, – изрекла она спустя пару секунд ошеломлённого молчания. – Как пожелаете, милорд. Первый танец ваш, но... по-вашему, о нас ходит мало сплетен?

– Непозволительно мало, миледи, – усмехнулся я, но поспешил успокоить Лисандру: – Не переживайте, обещаю вести себя пристойно.

– Вы и пристойно? – протянула она будто бы удивлённо, а на деле – весело. – Милорд, не разочаровывайте меня, пристойности я от вас не жду.

– Отлично. Значит, помимо танца, я смогу поцеловать вас на глазах у вашего женишка и старины Ливингстоуна? Уверен, они оба будут довольны.

Лисандра хихикнула, очевидно, не приняв мои слова всерьёз, но зато представив себе ту картину. Зрелище будет и впрямь занятное. Быть может, Уэйн даже скопытится от сердечного приступа? Заодно пусть прихватит с собой и Чейз.

– Милорд, ещё одно подобное... предложение, и я точно больше не соглашусь обедать с вами. И ужинать тоже.

– Тогда буду ждать вас к завтраку, – не растерялся я.

Она закатила глаза, но, кажется, не обиделась на моё весьма непристойное предложение. Ужины при свечах давно вошли в разряд знатных пошлостей. Завтраки, как по мне, намного интимнее.

– Думаю, мне пора, милорд, – согнав со своего лица прелестный румянец, наконец проговорила Лисандра. – Ещё раз спасибо. Не представляю, что делала бы без вас...

– Вероятно, умерли бы, – напомнил я.

И тут же проклял себя за поганый язык. Очнись, дурак, девушки не любят, когда им напоминают о попытках их же убийства!

– Вероятно, да, – тихо проговорила она, заставляя снова припомнить все возможные ругательства. Не сильны Блэквуды в ухаживаниях, никогда не были!

Только потом я понял, что Лисандра совсем не смутилась, не испугалась и даже не вздрогнула. Задумалась над чем-то, покусывая премилую пухлую губку. После чего бросила короткое «до свидания», вцепилась было в свою сумку и даже отвернулась к двери... И тут же передумала. Вернулась обратно, испытующе глянула на меня.

– Мэддокс чуть не убил меня из-за того, что я якобы истинный некромант. Лорд Блэквуд...

– Не якобы, – коротко отозвался я.

– Расскажите мне? Сейчас.

И, не дожидаясь, пока я разрешу, она вернулась в обеденное кресло. Смутилась правда, своей смелости, вновь покраснев, но вставать не стала.

Я, скорее для вида, глянул на часы – занятия должны начаться с минуты на минуту. И стоит бы отправить Лили на урок к Кейт – негоже преподавателю с первых же дней поощрять прогулы...

По крайней мере, именно в этом я пытался себя убедить все полторы секунды, пока усаживался в кресло напротив.

Она должна знать. Должна, и это не обсуждается.

– Разумеется. Вина?

– Разумеется, – эхом откликнулась Лисандра.

Глава 9

К концу недели похолодало – за окном барабанил дождь, то и дело переходящий в ливень, вдалеке слышалась гроза, не иначе как последняя в этом году. Мы с Мирой валялись на моей кровати, удивительно одновременно решив, что обе не хотим никуда тащиться. Ни в библиотеку, ни в дуэльный зал, ни тем более в круг, прямо сейчас поливаемый осенним дождем. Даже к Стефану, в очередной раз отлёживающемуся в медпункте, не пошли. Только передали с Дики пару плиток шоколада и велели непременно расцеловать с пожеланиями скорейшего выздоровления. Ну или входа в разум, если быть совсем точной.

Дик на это широко улыбнулся, под хохот прочих однокурсников клятвенно заверил, что выполнит всё в точности, и был таков.

В общем, мы с Мирой занимались праздным ничегонеделанием. Она молча перебирала мои волосы, то заплетая их в косы, то снова расплетая; я же валялась в обнимку с учебником по энергофизике и силилась понять написанное.

Мысли только совсем не об учебе.

На заслуженном первом месте в них царил Рэйнхарт Блэквуд, решивший стать моим личным проклятьем – из головы никак не шла его улыбка, насмешливый изгиб тонких губ, сильные руки и чуть мозолистые ладони. Не иначе как от меча – несколько раз я заставляла его в дуэльном зале, окружённого старшекурсниками, и всякий раз едва ли не падала в обморок от зрелища. Потому что лорд Блэквуд по-настоящему, по-мужски красив, а ещё отлично владеет почти любым оружием и двигается так... так...

И впрямь змея – гибкая, сильная, смертельно опасная.

Я была восхищена. Да что там – все были! Даже девчонки с факультета чародеев непременно приходили полюбоваться зрелищем. К изрядному раздражению чернокнижниц, да.

А ещё он умён и невероятно гадок на язык, особенно в отношении тех, кто ему не нравится... И это я, пожалуй, нахожу даже более привлекательным, чем его внешность и стать. Лорд-гадюка, воистину так.

Второй же вещью, не дающей мне покоя, был рассказ всё того же лорда-гадюки.

По всему выходило, что истинный некромант – малефик, трансмутатор, боевой маг и артефактор до кучи. Кто угодно, кроме некроманта в нынешнем понимании этого слова.

«Некромантия как наука деградировала давно и прочно, – вещал Рэйнхарт, картинно морща свой породистый нос. – В былые времена поднять и упокоить нежить мог любой дебил. Истинный некромант же властен над всякой материей. В основном, конечно, над неживой – вещи его любят».

«Но как сюда вписывается боевая магия? – недоумевала я. – Заклинание – не материя, а энергия!»

«Материя или энергия – ложная дихотомия, – снисходительно ответили мне. – Энергия – атрибут материи. А изначальная основа любой энергии...»

Эфир.

Именно сродство с пятой стихией делает истинного некроманта столь могущественным и опасным. Всем известно: чем лучше маг владеет эфиром, тем выше его потенциал и тем мощнее выходят заклинания. Но истинному некроманту не нужно ничем овладевать. Эфир – часть его сущности, эдакий врождённый талант к высшей магии. Там, где обычному некроманту нужно зазубрить множество формул, мне достаточно лишь захотеть и представить.

Уму непостижимо...

Что самое занятное – если верить Блэквуду, истинные некроманты появлялись не так уж часто, но всегда лишь от крови Найтстаров. Исключений история не знает.

А если верить полузабытым преданиям глубокой древности, Найтстары не только породили всех ныне существующих чернокнижников, но и держали в страхе весь материк Ирстан. Да, даже жителей Чащи. Великого королевства Астрэ тогда ещё и в помине не было, однако белобрысые некросы были королями Ирстана во всём кроме имени.

Недаром их так упорно пытались стереть с лица земли. И до сих пор пытаются.

От этой мысли, по-настоящему пугающей, я вздрогнула. Мира, похоже, это заметила и тут же послала волну своей магии, вмиг

возвращая мне подобие умиротворения. Ну, насколько вообще можно умиротвориться при назойливых мыслях о собственной скорой кончине.

Может, и впрямь стоит задуматься о башне, обзавестись которой мне так настойчиво предлагает лорд Рэйнхарт?

Или лучше сразу замуж?..

Мира захихикала, в который уже раз расплела мою косу и насмешливо проговорила:

– Слишком громко думаешь, принцесса.

– Громко? – тут же возмутилась я, впрочем, ничуть не серьёзно. – Прекрати лазить мне в голову.

– Да мне и лазить никуда не нужно, – усмехнулась она в ответ. – Уже прикидываешь, где устроить свадьбу с очаровашкой Блэквудом? Если что, я за выезд на природу... Ну а что? Говорят, леса и озёра близ Лэйкшира очень живописны!

– Мира!

– Что? Идеальный ведь жених, чего ты нос воротить?

– Того, что я и так успела наобещать ему всякого. Моей руки он дожждётся лишь в следующем столетии!

Мира снова захихикала – мол, кому ты врёшь?

И впрямь – кому? Будь лорд Рэйнхарт хоть вполовину серьёзен, когда делал эти свои дурацкие предложения, я бы вряд ли смогла ему отказать. Что там – вовсе не захотела бы

Я мотнула головой, прогоняя неуместные мысли, и вновь уткнулась в учебник. Стоит ли говорить, что дальше второго абзаца не продвинулась?..

– Он выпросил у меня первый танец, – не дожидаясь расспросов, пожаловалась я. – А я, дурочка, взяла и согласилась.

– Поломалась хоть для приличия? – насмешливо приподняв бровь, уточнила Мира.

Подняв голову, я заметила, как в глазах её пляшут смешинки в компании с полным одобрением.

Прекрасно. Меня пытается свести с Блэквудом весь мой факультет. Когда за дело примется ещё и Ливингстоун, я ничуть не удивлюсь.

А хотя нет, не примется. Он ведь болеет за юного Роберта.

– Немного, – буркнула я. – Надеюсь, ты не думаешь бросить меня на съедение этому болотному гаду и пойдёшь со мной? Ну пожалуйста-а!

Она помотала головой и заметно расстроилась. Я знала причину: Мира ведь сирота, и опекуны не спешили одаривать её всякими излишествами.

– Лили, мне просто не в чем пойти на бал... Прости, придётся тебе доверить свою честь проныре Гилли.

– Проныра Гилли спит и видит меня женой господина милорда! – вредно сообщила я и поднялась с кровати. – Мира, сферы небесные, мы подруги или нет? Ты ведь знаешь, у меня тут целый ворох одежды...

Ну да, мне как хорошей подруге тоже следовало бы об этом подумать – знаю ведь, что гордая Мира постеснялась бы обратиться за помощью. И про скудный гардероб знаю, и про насмешки от студентов побогаче – хотя, казалось бы, чем тут можно кичиться? Богаты их семьи, а сами они просто сидят на шее у родителей. Зазорного тут, конечно, ничего нет: отпрыски знатных фамилий получают хорошее образование, а также с малых лет учатся управлять семейным делом и вести хозяйство. Но и гордиться нечем. Имя мы все получаем при рождении, но не всякий своё имя может прославить. Или хотя бы не опозорить.

В общем, да. О проблемах Миры я знала и намеревалась предложить помощь, но...

Но никак не могла набраться духу и разгрести зачарованный на пространственное расширение саквояж, который мне прислали из поместья Сеймуров две недели назад. Экс-папенька сдержал-таки слово. Стоящий в углу за шкафом саквояж неизменно напоминал мне о доме и навевал жуткую тоску. Несмотря ни на что.

Ладно, сколько можно тянуть?

В чём-то долбанутая Бекки права: я и впрямь отличаюсь от других девушек. Например, имея три дюжины шикарных платьев, а также несметное количество юбок, блузок и прочего барахла, я почти не носила большую их часть. Даже не помнила, что у меня столько всего есть! Как уже говорилось, между новым платьем и новой книгой я без раздумья выберу второе.

Всё же три дюжины – не три сотни, да и смуглой брюнетке не всякий мой наряд к лицу будет. Деловито порывшись в пёстрой мешанине шёлка и атласа, бархата и батиста, тонкого кружева и нежной кисеи, я выбрала два платья понаряднее – роскошное золотое и яркое сочно-малиновое, – и ещё два поскромнее, синее и нежно-жёлтое. Подумав, отыскала ещё два платья из легчайшей саардской шерсти – пойдут на холодную погоду. На этом не остановилась, ведь у меня и кроме платьев много всего. Изрядная часть одежды была совсем новенькой, ни разу не надетой, а потому оказалось нетрудно собрать для Миры небольшой гардероб. Благо мы с ней одного роста. Правда, она постройнее, и моя обувь ей будет немного тесновата... Но всё это нетрудно решить при помощи магии: в общей гостиной старшекурсницы нередко обучали подобным премудростям девиц помладше.

– Ты сдурела? – слабым голосом выдала Мира, в ужасе оглядев кучу одежды с неё ростом, которую я, довольная собой, сложила на кровати. – Лили, это ж целое состояние! Я не могу это...

– Ну конечно, ты можешь и примешь! – отрезала я, скрестив руки под грудью. – По крайней мере, если не хочешь, чтобы всё это состояние отправилось прямиком на помойку.

– Лили!

– Ну что?! Верить нет, я эти тряпки видеть не могу. Не говоря уж о том, чтобы их носить.

Мира какое-то время хлопала ресницами, переводя повлажневшие глаза с меня на одежду и обратно. А затем бросилась ко мне и неуклюже обняла.

– Ради собственного же блага, Найтстар, ну не будь же ты такой доброй, – пробурчала она слезливым голосом. – Сожрут ведь.

– Не сожрут, я зубастая, – фыркнула я, тоже хлюпнув носом, и обняла её в ответ. – У меня ещё есть косметика и украшения. Знаю, что не возьмёшь, но можешь одалживать любые, какие понравятся.

Мира, конечно же, не смогла отказаться – да и кто бы её за это осудил? Я вот точно нет. Мне в радость видеть, как она восторженно пропускает меж пальцев дорогую ткань и с солнечной улыбкой прикладывает к груди платья, вертясь у зеркала так и эдак.

Мелькнула мысль предложить наряды и другим девушкам – среди чернокнижниц мало кто может себе позволить роскошное платье. Или

даже просто новое... Но, удручённо вздохнув, я эту мысль отбросила. Есть риск, что пошлют по не самому цензурному адресу. Оно мне надо?

Девчонки меня, кажется, невзлюбили – то ли за излишнее рвение в учёбе, то ли за популярность среди мужской половины факультета, то ли из-за нарочитого внимания лорда Рэйнхарта... Может быть, сразу за всё. Меня такое отношение изрядно расстраивало, но я, уж если почестному, тоже ещё та гордячка и со своей дружбой навязываться никому не пыталась. Не хотят со мной знаться, ну и ладно! Ну и пожалуйста! Ну и не очень-то хотелось!

Нет, на самом деле очень хотелось, конечно. Но гордость и страх оказаться отвергнутой пока держали верх.

И каково же было моё удивление, когда на пороге моей комнаты объявилась целая дюжина разновозрастных чернокожих! Возглавляла их староста и однокурсница Тая, некромантка Белла Хоторн – улыбчивая и румяная, с россыпью веснушек на аккуратном вздернутом носу и роскошной копной тёмно-медных волос. Иногда она провожала меня в столовую или на уроки и, отдав ей должное, неизменно была мила и вежлива... Впрочем, она со всеми такая.

– Мира Десмонд сказала, ты отдаёшь лишние платья, – проговорила Белла чуть заискивающе. – Мы были бы рады тебя от них... ну-у, типа... по-дружески избавиться.

Ах, мы теперь друзья? Был некоторый соблазн презрительно фыркнуть и хлопнуть дверью перед носом у вредных засранок, но... Но я ведь не чванливая дура вроде Лорел Саммерс. Это хорошая возможность исправить положение. Легко невзлюбить того, кто воротит нос от твоей компании, но совсем другое – когда человек к тебе отнёсся по-доброму и чем-то помог.

Кроме того, помочь им мне и впрямь хотелось. Мне ведь нетрудно, а им наверняка очень хочется выглядеть не хуже всяких светлых клуш. И мне тоже хочется, пусть я и люблю книжки пуще платьев.

Девчонки набились ко мне в комнату, принялись было охать и ахать, восторженно перебирая красивые наряды. Но, услышав, что я готова отдать вообще всё, вознегодовали и набросились на меня скопом. Мол, гордость – это, конечно, здорово, но таких жертв никому не надо, да и нет ничего благородного в бедности.

И впрямь – ничего благородного. Я с этим вполне согласна, а потому (не без помощи девушек) отложила для себя немного одежды: в основном ту, что уже носила, и ту, которая шла к моей новой бледной наружности. Остальной же гардероб с лёгкой душой отдала на растерзание чернокнижницам. Учитывая мою миниатюрность, девушкам мои платья были коротковаты, но, как мне объяснили, переделать их не так уж и трудно – благо нынешняя мода позволяет большое разнообразие фасонов, да и для всяческого... рукоделия имеется целый подраздел бытовой магии. Белла, если верить остальным, из любого тряпья могла справиться что-нибудь симпатичное.

«Мать научила, ей иная швея-то в подмётки не годится, – объясняла она, улыбаясь чуть натужно. – А её – моя бабушка. Овдовела она рано, осталась без мужа да с кучей детей. Жить захочешь, ещё не так раскорячишься».

Брать что-либо взамен решительно отказалась: нужды я определённно не испытывала, да и особой выгоды не искала. И уж точно не желала, чтобы дочери небогатых семей лишились всех своих карманных средств ради какого-то дурацкого куска ткани с вышивкой!

А вот счастливые лица принарядившихся девушек доставляли мне искреннее удовольствие. Наверное, я и впрямь простодушная дурочка...

Даже если они так и думали, то вслух ничего подобного не говорили. Только восхищались и без конца благодарили. Ну, ещё добродушно подкалывали, если выдавалась возможность. И злорадно хихикали, представляя лица светлых злюк и некоторых особо противных нейтралок. Я не стала корчить из себя мисс Благодравие и охотно позлорадствовала вместе с ними.

Почему бы и нет? Чародейки к ним – к *нам* – особо добры никогда не были. И вряд ли будут.

Отчаявшись взамен всучить мне деньги или артефакты, девчонки смирились и отстали. Якобы. Затем Белла, Мира и ещё две девушки с моего курса снова явились ко мне и преподнесли огромный пакет сладостей из «Вейлы» – лучшей кондитерской Веспераса. Само собой, были вынуждены меня успокаивать – ибо я, сентиментальная клуша, растрогалась до слёз. А затем тоном, не терпящим возражений, отказалась всю эту красоту есть одна.

– Там, где собираются две и более девицы, всегда есть риск возникновения спонтанных чаепитий, – заметил ехидный Тай, мимоходом заглянувший к нам в поисках Беллы. А затем ловко утащил пирожное и смылся, только мы его видели.

Одним словом, гадючий племянничек!

– Я гляжу, Тави его совсем не воспитывает, – усмехнулась Белла, разливая по чашкам чай, который сама же и приготовила в пузатом заварнике.

«Ну, второй дом всё-таки. К выпуску у вас не только посуда заведётся... у некоторых, вон, дети на подходе!» – снисходительно пояснила она изумлённым первокурсницам.

– Он же наполовину Блэквуд, а это диагноз, – протянула смешливая красотка Бренда Стоунхарт – моя дальняя родственница, как оказалось. Сходство между нами и впрямь заметное: она тоже блондинка, но скорее клубничная, чем платиновая, и ещё у неё точно такие же пухлые губы, как у меня. И похожий разрез глаз – синих-пресиних, цвета индиго. – Та-акой красивый! В смысле, Блэквуд. Ну и Тай тоже... Эх, что толку вздыхать, всё равно оба заняты!

– Кем это Блэквуд занят? – изумилась я.

А затем изумилась снова, поняв, что звучу не как ученица, но скорее как ревнивая любовница. И было бы с чего!

Ответом мне стало дружное хихиканье.

– Подумать только, – отсмеявшись, изрекла Молли, симпатичная темноволосая одноклассница Миры, – она ведь это вполне искренне спросила! Дурашка, кем может быть занят Блэквуд, если он ни на кого, кроме тебя, не смотрит?

– Да уж, жаль мужика, – усмехнулась Мира, – пока до нашей звёздочки допрёт, что да как, у него поди яйца посинеют.

– Мира! – ужаснулась я.

– Лили! – передразнила она. – Да брось, чего ты отнекиваешься? Гадюка горяч как Пекло! Не хочешь замуж, так можно с ним просто развлечься...

– Такое меня не интересует!

На самом деле... интересуется. Куда больше, чем следует.

Собственные мысли смущали и подчас даже пугали. Великие звёзды, Лисандра Найтстар, одумайся! Мало тебе, что ли, старшекурсников? Преподаватель – на редкость неудачный объект для

непристойных фантазий, знаешь ли! Хотя бы потому, что такие фантазии заведомо бесперспективны.

Никогда не была поклонницей любовных романов. А ведь только в них взрослые, состоявшиеся и уверенные в себе мужчины волочатся за крошечными первокурсницами. В реальности же они выбирают женщин себе под стать. Вот как леди Кейт, например! Я, конечно, хорошенькая, но ей и в подмётки не гожусь.

– А зря, – вздохнула Молли мечтательно, – меня бы ой как интересовало...

– Оставьте девчонку в покое, – вступилась за меня Белла, картинно погрозив им пальцем. – Она взрослая, без вас разберётся.

– Вот именно, – поддержала Бренда, ободряюще улыбнувшись. – Мы и без того отличились. Думали, ты с нами знаться не желаешь! Прости, но ты с виду кажешься такой... колючей, высокомерной, свирепой даже. Воистину, леди Ленора – твоя бабушка... А уж как ты этих светлых дур побрила! После такого каждая захотела с тобой дружить, но мало кто отваживался хотя бы подойти.

– Надо же, – рассмеялась я чуть нервно, – а я думала, будто вы все меня презираете.

– Презираем? После того, как ты в первый же день заткнула рот долбанутой Лайтнинг? Мы тебе завидуем, глупенькая! Вернее, тому, как ты себя держишь.

– Не всякий старшекурсник отважится вступить в открытый конфликт с чародеями, – серьёзно заметила Белла, обеими руками обхватив пузатую чашку. – С Рэем мы, конечно, как за каменной стеной, а вот на Мэддокса никогда нельзя было положиться. Об него чуть что вытирали ноги, ну и о весь факультет заодно. Мы привыкли.

– Я тогда многого не понимала, – ответила я, смущённо потупившись и передёрнув плечами под шквалом восхищённых взглядов. – Легко быть храбрым, когда не знаешь, что надо бояться. Мне просто... просто...

– Просто ты не терпишь несправедливости, – произнесла Мира уверенно, даже сердито. – Какое тебе было дело до того, что Стефа зовут смеском, а меня – черномазой нищевродкой? Ты нас ещё не знала, но это не помешало тебе прийти в ярость и ответить мерзавкам как следует. И хватит вечно оправдываться! Я горжусь тем, что мы с тобой друзья, ясно? И Стеф тоже.

– Спасибо...

– Да не за что уж, – фыркнула она, выразительно закатив глаза. – Ну, видите? Говорила же я вам, Лили совсем не такая! Подумать только, и вот это наивное дитя рассвета вы дружно посчитали заносчивой стервой!

Мы ещё немного посмеялись над нашим взаимным непониманием, а затем разговор перешёл на более лёгкие темы – уроки, наряды, предстоящий бал... Без мальчиков тоже не обошлось, но всё лучше, чем обсуждать прекрасные гадючьи стати и прочие, хм, части тела лорда Блэквуда. По крайней мере, несусветную красу главного факультетского ловеласа Рафаэля Макнайта я могу оценивать, не смущаясь и не краснея! К нему-то я абсолютно равнодушна.

В общем-то, было до ужаса приятно просто посидеть с другими девушками, поесть пирожных, похихикать над всякой ерундой и поболтать на лёгкие девичьи темы. Мне этого очень не хватало. Без сомнения, моим лучшим другом здесь стал Лэндон: я готова доверить ему любой секрет и положиться на него в чём угодно, но... Ну да, есть такие вещи, которые можно обсуждать только с девчонками. С парнем – неуместно и попросту неловко, даже если он понимает тебя с полуслова.

Когда наши посиделки закончились, я пребывала в таком хорошем настроении, что даже решила разобрать оставшийся багаж. Споро развесила и разложила одежду, затем так же бодренько расставила флакончики, коробочки и прочий косметический скарб... И сломалась на книгах.

Мои книги. Не те, что стоят в библиотеке Сеймур-холла, – мои личные. Те, что мне дарил отец... вернее, лорд Сеймур...

Отец, что всегда гордился не только моей красотой, но и моим умом. Сколько раз он ставил меня в пример братьям? Сколько раз похвалялся единственной дочерью, красавицей и умницей, самой завидной невестой, что окажет небывалую честь семье будущего мужа?

Да какая разница? Как бы он ни любил меня, как бы ни гордился мной, а предать меня ему ничто не помешало.

Ненавижу. Не-на-ви-жу.

Так остро и сильно ненавидеть можно лишь того, в ком прежде души не чаяла. Иначе никак.

Шеан вышел ко мне из тени, когда я сидела на кровати и горько рыдала в обнимку с коллекционным изданием «Асирского гербария». Приятно, но не особо неожиданно: своевольный фамильяр лорда Рэйнхарта частенько навещал меня по собственному хотению. Сейчас он был в излюбленной своей форме котёнка пантеры – маленький, тёплый, ласковый. Я тут же отложила книгу на чуть смятое покрывало, улыбнулась сквозь слёзы, прижав Шеана к груди.

– Опять втихую сбежал ко мне от хозяина? Ох и отругает он тебя, когда найдёт.

«Если найдёт», – явственно читалось на хитрой усатой мордочке.

Я невольно хихикнула, покачала головой и, жалко хлопнув носом, улеглась в обнимку с уютно мурчащим котёнком. Какое-то время бездумно пялилась в стену, слушала мерный шум дождя за окном. А затем неожиданно для себя уснула...

Когда проснулась, моего тархтящего успокоительного рядом уже не было. Ну ладно, и так хорошо. Тепло и...

Вот только я вроде засыпала на покрывале, а не под ним. И вряд ли Шеан мог меня укрыть. У него, в конце концов, лапки!

Сев на постели, по-детски потёрла кулаками чуть припухшие глаза. Затем неохотно вылезла из-под покрывала и, прикрыв ладонью зевок, неуклюже проковыляла к столу. Там обнаружился мой злосчастный «Гербарий», а ещё – коробочка, от которой восхитительно пахло шоколадом и кокосами. И сложенный вчетверо листок плотной бумаги.

Развернув его, я обнаружила одно-единственное слово, написанное уже знакомым почерком – летящим, резким, чуть угловатым.

«Улыбнитесь».

И я, конечно же, улыбнулась во весь рот. Почему? Да потому что... Ладно, пора признать очевидное. Мой преподаватель упорно оказывает мне не слишком уместные знаки внимания, а я – дура дурой! – невесть с чего этому радуюсь.

Ну и ещё – потому что сладостей из «Вейлы» много не бывает.

Да-да! Кто о чём, а я всегда о еде.

Ко дню Вечерней Зари у всех вокруг напрочь отшибло мозги.

Не то чтобы это было чем-то странным – всё же в Академии не так уж много развлечений. Фехтовальный зал, дуэльный круг, если погода позволяет – прогулки по примыкающей к замку территории, немалой и довольно живописной, надо заметить. Ещё, конечно, вечерние посиделки да традиционные пятничные попойки в факультетских гостиных... Я ещё приписала бы сюда библиотеку – первым пунктом, да! – но таких, как выразился Дики, зануд-извращенцев наберётся не слишком много.

В общем, бала все очень ждали. Для девчонок это повод выгулять наряды из тех, что не наденешь к обычному ужину; парни же всюду приглашали на бал понравившихся девушек. От меня, к счастью, довольно быстро отстали: Лэндон в обычном своём стиле доносил до каждого храбреца, что «мисс Найтстар оказала честь прекрасному мне, так что нечего разевать пасть на чужое добро». Мира тоже не рвалась принимать чьё-либо приглашение, а в итоге оказалось, что они со Стефом идут вместе.

«Так... тебе нравится Стеф?» – изумилась я, услышав эту новость.

«А тебе Лэндон? – фыркнула Мира в ответ, заставив меня в ужасе помотать головой. – Ну и вот. Я тоже предпочитаю провести вечер с парнем, который может поддержать разговор и не станет пялиться мне в вырез».

В общем, у нас с подругой всё вышло довольно скучно и тривиально. Равно как и у стоворённых девиц, идущих на бал в сопровождении женихов. Зато остальную часть Академии прямо-таки лихорадило: девчонки чуть что сбивались в кучки, шепчась и кокетливо поглядывая на парней; те, в свою очередь, напропалую выпендривались при любой возможности и всюду волочились за всякой мало-мальски смазливой студенткой. Порой доходило до потасовок. Как-то раз даже подрались девчонки, не поделившие рокового красавчика Раффи Макнайта. Держу пари, этот самовлюблённый засранец был на седьмом небе от счастья.

Дурдом, словом...

На занятиях тоже бывало весело – глупое хихиканье по поводу и без, зачарованные записочки, снующие туда-сюда, бестолковые ответы и колдовство невпопад. До горящих камней, впрочем, не доходило, да и преподамы это временное помешательство восприняли на удивление

миролюбиво. Даже злыдня Чейз особо не лютовала, а один раз вовсе жеманно улыбнулась и поведала, что всё понимает, ведь тоже когда-то была юна и беззаботна.

«Угу, лет двести назад», – тут же съехидничал Лэндон. Тихонько, правда, чтоб мисс злыдня не услышала.

В день бала у меня после обеда оказался только один урок – некромантия. И когда мы со Стефом и остальными одноклассниками явились в аудиторию, нас там, очевидно, не особо-то ждали.

– Опять вы? – ворчливо посетовал Блэквуд, оторвавшись от чьей-то тетради, которую уже успел расписать красным вдоль и поперек. О-о-ой... надеюсь, это не наши контрольные! – Что-то мне резко на пенсию захотелось.

– Не смеем задерживать, – усмехнулся Джефф Сильвертон, поравнявшись со мной.

– Вот ректор-то обрадуется, – подхватила его сестра Джемма, такая же темноволосая, глазастая и острая на язык.

– Ещё не хватало! Ладно, так и быть, остаюсь, – тут же одумался наш куратор. – Эссе по костям и скелетам, надеюсь, все написали? Прекрасно! Сложили аккуратной стопочкой и пошли вон с глаз моих, пока я не передумал.

Мы дружно переглянулись, не веря своему счастью.

– Ваше темнейшество, вы не заболели? – не на шутку встревожилась Джемма.

– Умираю, – лениво протянул Блэквуд, снова взявшись за ручку и с явным наслаждением выведя строчку. Небось очередной пассаж о непроходимой тупости автора. Нас, первокурсников, ядовитый гадючий лорд не сильно тиранил, но на старшекурсниках отрывался по полной программе. – Смертельно ранен всеобщим идиотизмом. Дурацкий бал... Я не понял, почему вы ещё здесь?

– Да всё, нету, нету нас!

Вот именно. Бежим, пока не поздно!

– Не так быстро, леди Лисандра, – донеслось мне в спину. – Вашим обществом я желаю насладиться подольше.

...а, нет, уже поздно. Ох, Пекло, надо было бежать быстрее!

Под нестройный хор смешков я закатила глаза и, развернувшись, прошествовала к преподавательскому столу. А едва мои одноклассники скрылись за дверью, чуть негодуя осведомилась:

– Вы ведь понимаете, что они все уже придумывают имена нашим детям?

– В самом деле? – крайне фальшиво изумился лорд Рэйнхарт, выводя под чьей-то контрольной очередное тонко завуалированное оскорбление. – А у вас какие варианты?

– П-простите?..

– Как назовём первенца? – он отложил ручку и с интересом воззрился на меня. – Не стесняйтесь, я открыт для обсуждений!

Вопрос, конечно, изрядно смутил, но я уже научена горьким опытом: дашь слабину, и вредный гадючий лорд изведёт сомнительными шуточками.

– Что насчёт Роберта, мой лорд? – предложила нежным голоском.

– Через мой труп, дорогая, – столь же нежно откликнулся лорд Рэйнхарт. И, поднявшись, предложил мне локоть. – Прогуляемся?

Едко улыбнулась в ответ, из чувства вредности отвесила издевательский книксен, но предложенную руку взяла. Ещё немного, и это войдёт у меня в привычку. Смущающую и очень приятную привычку, отказаться от которой уже кажется невозможным.

Я тряхнула волосами, сегодня распущенными, и искренне понадеялась, что моих порозовевших щек лорд Блэквуд не заметил.

– И в чем цель нашего променада? – поинтересовалась я, когда мы вышли из аудитории и степенным шагом направились вдоль галереи.

– Хочу побесить Чейз и Ливингстоуна, – ухмыльнулся Блэквуд. – Чтоб вы знали, миледи, не только ваши однокурсники мысленно уже справили нашу свадьбу. Правда, моя сторона скорее мечтает упрятать меня в тюрьму за соращение малолетней.

– Мне почти двадцать!

– А мне – почти сорок. Ну знаете, неравный брак, дурная репутация коварной гадюки...

– Вас это веселит? – я чуть замедлила шаг и глянула на него. В чёрных глазах будто огоньки мелькнули.

– Вне всяких сомнений. К тому же, – он чуть наклонился ко мне, что со стороны наверняка смотрелось двусмысленно... нет, более чем однозначно, – я действительно занялся ремонтом в хозяйском крыле. Ваш будущий свёкр уже ждёт встречи.

Нет, ну с ним просто невозможно разговаривать! Не сдержавшись, легонько пихнула его в плечо – нет, уже вовсе не задумываясь о том,

как это выглядит. А Блэквуд на это только рассмеялся. Интересно так, низко, но очень искренне, хотя прежде я сомневалась, что он вообще умеет смеяться.

– Только после благословения, – припечатала я. – Кто у меня там остался, бабушка? Ну и вот.

– А вы жестокая.

– Вне всяких сомнений, – ответила я его же словами и чуть ускорила шаг.

Прогулка вышла смущающей, но интересной. Лорд Блэквуд, казалось, знал об Академии всё и даже больше – например, я с удивлением поняла, что ещё не видела корпуса нейтралов, устроившегося в самой середине огромного замка. В их распоряжении имелся огромный внутренний двор, башня с собственной обсерваторией и, как рассказал Рэйнхарт, невероятных размеров подземелье, в которых располагались зельеварни, алхимические лаборатории и хранилища артефактов. Имелся и собственный загон для магических существ, и я искренне не понимала, как я могла не наведаться сюда раньше. Это же всё так интересно!

– Ещё успеете насмотреться, леди Лисандра, – проговорил лорд Рэйнхарт, когда заметил моё, пожалуй, слишком уж явное любопытство. – Но отрицать не стану – у нейтралов и впрямь очень интересно.

– Вы правда так считаете? – удивилась я. – В смысле... вы же тёмный, а чернокнижники все поголовно считают выдающимися магами только себя. Чародеи, впрочем, тоже.

– Звёзды, Лили, мне же не десять лет! – вновь засмеялся он. – Большая часть того, что нас окружает, создана практиками. Зелья от прыщей, магические светильники, сменившие вонючие восковые свечи. Даже эта Академия построена отнюдь не стараниями малефиков, некромантов или стражей. Впрочем, – он задумался ненадолго, прижав палец к губам, – тут я вам соврал – самое прямое отношение к Академии Сумерек имели некроманты. Истинные, разумеется.

Я непонимающе уставилась на него... а потом вдруг сообразила.

– Вы хотите сказать... – шокировано обвела рукой вокруг себя, – вот это всё дело рук... Найтстаров?

– Ходит такая сказочка, – кивнул Блэквуд. – Вы же бывали в каменном круге за общежитиями чернокнижников? – На сей раз кивнула я. – Это дело рук вашего отца. Господин ректор об этом факте старается молчать в тряпочку, но распространение сплетен в Академии никогда не было проблемой.

– О, – только и смогла вымолвить я.

Надо бы наведаться в библиотеку, узнать историю Академии получше. Воспитанная в светлой семье, где мне годами лили в уши, что самые лучшие и полезные маги могут быть только светлыми, я и представить не могла, что тёмный маг способен на что-то более... великое.

Великих злодеев, раз в пару столетий непременно начинающих убивать невинных людей направо-налево, в расчёт не берем: за ними тяги к созиданию замечено не было.

Мы свернули на дорожку, что вела уже к корпусу чернокнижников. Дорожка усыпана уже начавшими опадать листьями, жёлтыми и красными, лорд Рэйнхарт вновь принялся за рассказы об Академии, я же с интересом слушала... и искренне не понимала цели этой прогулки. Ну, кроме той, что Блэквуд этим публичным променадом лишил меня всякой возможности обзавестись ухажером. Не то чтобы я рвалась, конечно. И уж тем более не верится, что после нашей прогулочки от меня отстанет самый назойливый мой поклонник. Но выглядит всё равно подозрительно.

– Лорд Блэквуд, к какой жуткой тайне вы меня готовите? – поинтересовалась я, остановившись возле упомянутого круга. – Меня снова желает видеть дорогой ректор? Или мои, да простят звёзды, родители решили навестить неудавшуюся дочку?

– С чего вы взяли, что есть какая-то тайна? – Блэквуд с интересом склонил голову к плечу.

– С того, что желей мужчина вроде вас интересно провести время с первокурсницей вроде меня, стоило бы пригласить её на обед в свои комнаты.

– И вы бы согласились?

– Уже соглашалась.

– А если скажу, что решил побыть галантным кавалером и сперва выполнить все пункты в обязательном плане ухаживаний?

– Тогда вы забыли о букете, – парировала я. – Или за букет сошёл Шеан? Если что, я не против – котики мне нравятся куда больше мёртвых цветов.

– Я учту, – хмыкнул Рэйнхарт. И, вздохнув, признался: – Просто решил подготовить вас к сюрпризу. Их вы не любите тоже, я запомнил.

Я с подозрением глянула на него – сюрпризы мне и впрямь не нравятся. Особенно те, что выпали на мою долю с момента появления в Академии.

– Ваша бабушка жаждет вас видеть и, вероятно, уже заняла позицию в вашей комнате. Хотя, зная её, скорее уж она распекает весь факультет чернокнижников за форменное непотребство и придурь.

– Леди Ленора здесь?

– Должна была прибыть, – он щелкнул крышкой своих часов, – минут десять назад. Я решил сперва скормить ей вашего кузена.

Кошмар, а не сюрприз!

Уныло вздохнув, я без особой надежды предложила:

– А давайте типа вы меня не видели?

– Никогда бы не подумал, что вы такая... трусишка, – поддразнил лорд Рэйнхарт на удивление ласково. – И нет, моя леди, тут я вам не сообщник. Мне ещё у Леноры благословение вымалывать.

– Всё бы вам повеселиться за мой счёт, – отозвалась я сварливо. – Когда вам уже надоест?

– Никогда, – заявил этот... этот... несносный мужчина, продолжая откровенно забавляться. – Лили, вы ведь понимаете, что рано или поздно вам придётся встретиться с бабушкой?

– Да, но я бы предпочла «поздно»!

Ладно, к чему это ребячество? Блэквуд прав – однажды это должно было произойти. Не съест же меня почтенная леди? Я всё-таки её внучка. И единственный потомок по прямой линии. И...

И трусишка, да.

– Хорошо, – проворчала я, – тогда, полагаю, наша прогулка подходит к концу? Негоже заставлять леди ждать.

Лорд Рэйнхарт подозрительно легко со мной согласился и, приобняв меня за плечи, перенёс нас обоих прямо к порогу моей комнаты. И, не успела я даже рта открыть для положенных случаю благодарностей, осведомился с этой своей нахальной ухмылочкой:

– А как же поцеловать на прощание?

Вот же... Достал! В конце концов, в эту дурацкую игру можно играть и вдвоём!

С этой мыслью я шагнула к нему, решительно стиснув кулаки. Чтобы дотянуться, пришлось повиснуть на шее у оторопевшего лорда, прижавшись к нему совсем уж неприлично, но... я его и впрямь поцеловала. Не в губы – на такое мне смелости не хватило, – но в самый уголок уже ничуть не ухмыляющегося рта.

Отступила на шаг, чувствуя, как полыхают щёки, и принялась клясть саму себя.

Дурочка ты, Лили. Если это и впрямь игра, то почему твоё сердце колотится так, словно ты сюда не перенеслась, а бежала вприпрыжку? Ах, не знаешь? Или просто не хочешь признать?

Ладно, как бы то ни было, следует держать лицо. Посему я ележно улыбнулась и эдак невозмутимо уточнила:

– Ну, милорд, теперь-то вы довольны?

– Я... – долгую секунду спустя вымолвил Блэквуд, – сражён вашим подарком, миледи.

Голос его звучал хрипло, а чёрные глаза напротив больше не смеялись. Совсем. Могу поклясться, чувство в них было совсем иного толка.

Назвать это самое чувство я затруднялась. Потому что ни один мужчина никогда не смотрел на меня... так. Даже Роберт, от чьих похотливых взглядов я подчас не знала куда деться.

Так, должно быть, голодная змея смотрит на мышь, которую мечтает сожрать с костями.

И я – глупая, глупая мышка! – отчего-то совсем не возражаю, чтобы меня сожрали.

– Какой разврат! Да в общественном-то месте! – послышался сбоку чей-то насмешливый голос. – Дети, в двух шагах от вас находится комната. С кроватью. Ни к чему эпатировать публику.

Я смущённо отступила ещё на шаг, перевела взгляд на обладательницу мелодичного контральто. Бабушка... Да кто бы в здравом уме назвал бабушкой эту леди? Для этого она слишком молода и красива – той самой красотой, что всегда была предметом моей смутной зависти. Высокий рост, фигура стройная, но не слишком хрупкая; этой женщине скорее подошло бы слово «статная». С некоторым изумлением я отметила множество знакомых черт – острый

подбородок, тонкие скулы, высокий лоб, чуть раскосые глаза. Даже дурацкий мысочек на лбу – и тот совсем как у меня!

Наше сходство до жути очевидно, но имеются и различия. Золотисто-серебряные волосы женщины не такие вьющиеся и непослушные, а тёмные глаза цвета индиго явно достались ей от Стоунхартов. Тонкие, резко очерченные губы и длинноватый нос придавали бледному лицу несколько хищное выражение – что, впрочем, ничуть не портило грозную и прекрасную леди Ленору Найтстар.

– Д-добрый вечер, – чуть сбивчиво произнесла я, присев в почтительном поклоне. Лишь потом сообразила, как нелепо это должно было выглядеть, когда на мне школьная форма.

– Добрый, моя милая девочка, – ответила Ленора неожиданно тепло. А затем перевела взгляд на лорда Рэйнхарта и как-то сразу... заледенела.

– Рэй, несносный ты паршивец! Что это ещё за попытки обесчестить взглядом мою внучку? Не хочешь объясниться?!

– Не-а, не особо, – нагло заявил Блэквуд. – Дамы, боюсь, мне пора лишиться вашего прекрасного общества. Надо прихорошиться к балу и всё такое.

– С каких это пор ты полюбил балы?

– Ни с каких, – он наморщил нос, но затем поймал мой взгляд и сверкнул улыбочкой. – Но ради танца с самой прекрасной девушкой в Астрэ можно и потерпеть. До вечера, леди Лисандра. Не опаздывайте.

– Опоздаю просто назло, – буркнула я, да только без толку – лорд Рэйнхарт уже исчез в короткой вспышке телепорта, напоследок одарив меня ещё одним до странного смущающим взглядом.

– Ну что за негодный мальчишка, никакого сладу с ним нет, – проворчала Ленора, однако я успела заметить улыбку, промелькнувшую на ярко накрашенных губах. – Моя дорогая, неужели у тебя не нашлось поклонника поприличнее?

Я покраснела до корней волос, но попробовала возмутиться:

– Лорд Блэквуд – мой преподаватель! Я...

– Ты влюблена в него просто до омерзения, Лисандра Найтстар, – заявила леди, сложив на груди худощавые руки. – А он пялится на тебя так, словно ты зажгла луну, солнце и звёзды. Не пудри мне мозги, девочка, я слишком стара для этого дерьма. Идём.

Она бесцеремонно распахнула дверь моей комнаты и вошла внутрь; подол роскошного сапфирово-синего платья тихонько зашуршал по полу. Подавив негодование пополам с робостью, я зашла следом и прикрыла за собой дверь.

– Ну-ну, не сердись, – Ленора вновь улыбнулась, пугающее обличье снежной королевы вновь сменилось чем-то более тёплым, человеческим и даже... родным. – Дай-ка посмотреть на тебя, милая.

Длинные пальцы легли мне на плечи, глаза цвета индиго изучали мой облик медленно и тщательно. Не без изумления я заметила, что они затуманены слезами – а ведь эта леди явно не из тех, кто проявляет слабость.

– Какая ты красавица! Неудивительно, что даже у Рэйнхарта мозги отшибло. Засуетился, змей подколотный! Ох и разорю же я его на выкупе!

– Почему все так уверены, что я выйду замуж за Блэквуда? – пробурчала я, тоже сморгнув невесть отчего набежавшие слезинки. – Он жуткий тёмный лорд, грубиян и ядовитый гад, а ещё он мой преподаватель, вдвое меня старше и...

– Довольно, Лили. Мне не нужны оправдания: я здесь не для того, чтобы тебя осуждать, – ласково заверила Ленора, погладив меня по волосам и неспешно пропустив их сквозь пальцы. – Да и что тут плохого? Добровольные отношения между двумя взрослыми людьми не возбраняются, а двадцать лет – ничтожная разница, годам к тридцати ты сама это поймёшь. Остальное и вовсе мелочи. Что важнее – мы, тёмные, делаем выбор лишь однажды. Ты юна и невинна, моя девочка, и сомнения тебе простительны, но Рэй свой выбор сделал и всячески это демонстрирует. Теперь он вряд ли подпустит к тебе кого-то ещё.

Она присела на краешек моей постели и неодобрительно покачала головой.

– Блэквуд, подумать только! А я-то, старая дура, размечталась, как заполучу тебя в Старфолл, найду тебе скромного и воспитанного мужа, знающего своё место... Тот чудесный мальчик из младшей ветви Моргранов отлично подошёл бы! Разве вы с ним не ладите?

– Не так, как с Лэндоном, но да, мы со Стефаном хорошие друзья. Друзья, понимаете? Ничего больше, – ответила я, присев рядом. – Леди Ленора, мне однажды уже навязали жениха. Я не раз умоляла

мать, чтобы она упросила отца расторгнуть помолвку... Он бы не отказал. Он никогда ей ни в чём не отказывал! Но она лишь смеялась и заявляла, что я просто молодая и глупенькая, что обязательно научусь любить Роберта. Но я не научилась. – Помявшись, я нерешительно прибавила: – Я... я сама не знаю, что чувствую к лорду Рэйнхарту, но... ничего подобного я прежде не испытывала ни к кому. И... В любом случае, на сей раз мне бы хотелось выбрать мужа самой.

– И ты выберешь, – заверила Ленора, погладив меня по руке. – По правде говоря, я думаю, ты уже выбрала – как я выбрала твоего дедушку, моего троюродного брата; как Лианна выбрала этого беспутного проходимца Тони. И как твой отец, упокой Царица его блаженную душеньку, выбрал твою безмозглую мамашу.

– Он...

– Он любил эту светлую клушу и собирался на ней жениться. Меня чуть удар не хватил, но что тут поделаешь? Любовь зла. Особенно к тёмным, – поделилась она ворчливым тоном. – А Лита выскочила замуж за Сеймура, едва моего мальчика не стало. – Глаза-льдинки вновь подёрнулись слезами. – Я была убита горем, потеряв единственного сына, а посему и слышать больше не желала об этой вертихвостке. Зря, как оказалось. Стоило немного пошевелить мозгами, и я бы сразу поняла, чья ты дочь.

– Звучит так, словно вы её оправдываете. Я не желаю!..

– А я желаю. Не сердись на мать, Лили. Твоего отца коварно убили чародеи – и, к сожалению, я до сих пор не смогла вызнать, кто именно это был. Лита это знала и наверняка за тебя боялась. Очень боялась. Лисандре Сеймур ничего не угрожало, но Лисандра Найтстар тут же стала бы мишенью, – серьёзно проговорила Ленора. – Ей, конечно, следовало сразу прийти ко мне в Старфолл, не подвергать тебя риску в глупой надежде, что светлая кровь пересилит тёмную. Дурость, невероятная, несусветная дурость! Но понять и простить её можно...

– Даже если и так, я её прощать не собираюсь! – отрезала я. – Не сейчас. Простите, леди Ленора, но я бы не хотела... Можно мы не будем это обсуждать?

– Конечно, моя девочка, – ласково отозвалась Ленора. – Но ты прекратишь обращаться ко мне «леди», хорошо? Я же твоя бабушка!

– Простите, Ленора, – улыбнулась я чуть виновато, – но вы такая... молодая и красивая. Совсем не похожи на чью-то бабушку.

Ленора засмеялась, что лишь добавило ей молодости и красоты.

– О, спасибо тебе, милая! Увы, мне уже хорошо за восемьдесят. Не такая развалина, как Ливингстоун, но лучшие мои годы далеко в прошлом. Ладно, что-то мы с тобой заболтались. Во-первых, я очень надеюсь, что теперь ты примешь моё приглашение провести выходные в доме твоих предков...

– Конечно, буду очень рада! – искренне заверила я. Теперь собственный страх перед своей же бабушкой казался нелепым – она, похоже, мне рада, и может быть довольно милой женщиной, несмотря на всю её грозную статью. – А во-вторых?

Усмехнувшись, Ленора изящно поднялась и щёлкнула пальцами – буквально из ниоткуда появились разновеликие коробки, рядом легли на мою кровать.

– А во-вторых, моя дорогая, я бы ни за что не позволила своей внучке пойти абы в чём на её первый взрослый бал!

– О... большое спасибо, но у меня есть платье...

– Не сомневаюсь, оно прелестно, – протянула моя новообретённая бабушка, не особо трудясь скрыть сарказм, – но вряд ли достойно девушки по фамилии Найтстар. Столь редкой драгоценности нужна соответствующая оправка, и мастер Хилл, уж поверь, постарался на славу. Ну же, не томи, открывай!

Как будто теперь я могла бы отказаться. Закэри Хилл обшивает саму королеву! И ещё с полдюжины семей во всём королевстве – тех, кому он по карману, и тех, кого сам знаменитый портной-артефактор счёл достойными носить его шедевры. Матушка вечно обзывала Хилла эпатажным выскочкой, а его платья – вызывающими и непристойными, но сама втайне наверняка мечтала надеть нечто эдакое.

Да кто не мечтает одеваться как королева? Даже я в восторге от её нарядов, а ведь меня не назвать любительницей всяких модных тряпок.

То, что я вытащила из самой большой коробки, выглядело невероятно – струящаяся нежная ткань цвета полуночи, расшитая – сферы небесные! – лунным золотом и мелкими камешками. Вот только... только...

– Вы, должно быть, шутите, – выдохнула я слабым голосом, держа платье перед собой на вытянутых руках. – Оно же прозрачное! И... и... бельё-то как?..

Ленора расплылась в усмешке почище блэквудовской.

– Девочка, на кой демон тебе все эти лифчики, с такой-то шикарной грудью? Да что уж, в двадцать лет любые сиськи чудо как хороши... Ох, ладно, скромница, не паникуй! Есть и туфли, и украшения, и бельё такое, что не видно будет.

– Я не могу это надеть! Да, оно прекрасно, но это... это чересчур! Бекки Лайтнинг непременно заявит, что я вырядилась как шлюха.

– Она это заявит, даже если ты по самые глаза укутаешься в асирский хиджаб. Что нам за дело до болтовни всяких завистливых светлых сучонок? – фыркнула Ленора, но затем миролюбивым тоном предложила: – Примерь, и сама увидишь, что всё не так страшно.

Я вздохнула, но послушно обрядилась в телесного цвета бельё, тоже едва ощутимое и явно страдающее минимализмом. Сверху натянула платье – легчайшая ткань скользнула по коже, точно прохладный летний ветерок. Надела изящные тёмно-синие туфельки, на удивление удобные, учитывая почти пугающую высоту каблука. Затем позволила Леноре уложить мне волосы, нанести макияж и увешать меня украшениями – благо всё это, спасибо бытовой магии, умеючи можно проделать в считанные минуты. И только после этого меня подпустили к зеркалу.

Увидев себя, только и смогла, что некультурно разинуть рот.

Девушка в зеркале была не просто красива, но выглядела как сказочная принцесса, облачённая в ночь, звёзды и лунный свет. Тончайший мелантский шёлк лежал поверх плотной полупрозрачной ткани, которая позволяла платью одновременно струиться и держать форму, а ещё скрывала всё, что показывать не следовало. По крайней мере, на лифе и на бёдрах ткань не просвечивала... почти. Ноги, когда идёшь, всё равно что голые, но... по правде говоря, сейчас в моде куда более откровенные вечерние наряды. Фасон вполне в рамках приличий и очень мне идёт: юбка в пол, высокая талия, что визуально добавляет немного роста, узкий треугольный вырез выгодно подчёркивает пышную грудь, но при этом не выставляет всю её напоказ. Расшитый камнями и бледным золотом лиф сверкает, точно звёздное небо. На шее поблёскивает тоненькое кольцо, в ушах – серьги, в волосах –

несколько разновеликих заколок, и всё это... ну да, в виде причудливых звёзд. Идеально подходит к моим кольцам.

В общую картину, пожалуй, не вписывается лишь затейливая тёмная вязь татуировки. Действуя по наитию, я с нажимом провела ладонью от запястья до локтя, и узор послушно изменился.

Месяц и звёзды. Я ведь...

– Лисандра Найтстар, наш свет во тьме. Ох, разве ты не прекрасна? – явно растрогавшись, произнесла застывшая за моей спиной леди Ленора. – Ну, что мы говорим Бекки Лайтнинг? Завидуй молча, сучка!

Сказать, что мне нравится моя новая бабушка, – не сказать ровным счётом ничего!

Глава 10

По негласным правилам Академии, преподавателям полагается прибыть в парадный зал за пару часов до начала очередных дурацких танцулек. Но я-то ревнителем правил не был никогда – видят звёзды, мне даже на свод законов Астрэ по большей части наплевать. Вот и не торопился. Педантично проверял работы своих неучей, потом без лишней суеты приводил в порядок выбранный для бала костюм. К чему суета? Это всего лишь бал для вчерашних подростков, которым нужно изредка сбрасывать напряжение в танцах. Ну ещё в драках и в постели, и эти два пункта мне нравятся куда больше, чем первый...

Ладно, нравились до того, как я познакомился с юной мисс Найтстар, всё больше и больше занимающей мои мысли. Она делала это с самого первого дня, что мы были знакомы, не шла из снов, постыдных и не очень, постоянно была на виду, очаровывая взглядом невероятных глаз, острым умом и не менее острым языком. Прекрасная фея из Чащи не заслуживала дурных ухаживаний и грязных намеков. Увы, она достойна и танцев, и цветов подле своей постели (живых – спасибо, Лили, что предупредила), и приличных обоев в хозяйском крыле.

Впрочем, так и быть – против танцев я ничего не имею.

Против скромных, почти детских поцелуев, как выяснилось, тоже.

– Ты слишком громко думаешь, – услышал я насмешливый голос и отвернулся от зеркала.

Кейт появилась в моих покоях бесшумно, без стука и даже без приглашения – просто перенеслась с помощью телепорта.

– А ты слишком откровенно одета, – хмыкнул я, внимательно рассматривая подругу.

Кейт Гримвард определенно красива. Её волосы, когда-то спускавшиеся до талии, теперь коротко пострижены, что ей безумно шло; платье цвета золота подчеркивало роскошную фигуру, которой обзавидовалась бы всякая леди-воительница. Правда, ни одна из них не облачилась бы в платье с вырезом, который никто не осмелится назвать приличным. И уж точно не выглядела бы при этом так, словно подобные наряды – часть её обыденной жизни. Кейт Гримвард красива

– той самой красотой, которая неизменно привлекает мужчин, пусть и не всех. Не кого-то вроде Лайтнингов и Сеймуров, предпочитающих милых дурочек. Хотя самоубийца Роберт предпочитал мою Лили, а уж она дурочкой не была точно... И вообще оказалась ему не по зубам.

Чернокнижницы вообще мало кому по зубам, особенно чародеям. Пожалуй, только такой сумасшедший, как Лейф Винтер, решился бы полезть к одной из наших, не опасаясь при этом лишиться зубов, руки, ну или достоинства.

– Только не говори, что ревнуешь, – хмыкнула Кейт. Подошла ближе, принялась поправлять мой шейный платок с приколотой на нём агатовой брошью. – Отлично выглядишь, змей.

– Только не говори, что снова влюбилась в меня.

– Снова? – Её бровь насмешливо вздёрнулась. – Упаси меня Царица от таких любовничков. Хотя... – она задумчиво постучала пальцем по нижней губе, – было дело. Всего пару часов, пока ты спал, я действительно была влюблена в тебя. А потом ты проснулся, открыл рот... Как говорится, прошла любовь, завяли абрикосы.

Я ехидно покосился на неё.

– Ты смотрела, как я сплю? Гримвард, после таких слов я точно должен на тебе жениться! Но не буду...

– Конечно, не будешь. И нет, не льсти себе, это было на третьем курсе – ты уснул мордой на библиотечных книжках, когда мы готовились к экзамену по рунологии, помнишь? Думали, не сдадим: старая ведьма Чейз, чтоб её в Пекло, обещала нас завалить... Вот ты и пускал слюни на учебник, а я, так и быть, нашла это милым.

– А потом припёрся козел Макэлрой, и пришлось бить ему морду, – вспомнил я. – Интересные были времена, не отнять.

– Ну сейчас-то ещё интереснее, – хмыкнула Кейт. – Лорд-гадюка разоделся, собрался на бал... Добровольно, прошу заметить! Не иначе завтра пойдёт дождь из лягушек.

– Не пойдёт, – возразил я, демонстративно смахивая со своего плеча несуществующую пылинку. – Выставляешь меня неотёсанным мужланом. А я, между прочим, лорд.

По моему скромному мнению, такой роскошной, образованной и интеллигентной женщине, как Кейт, настолько громко ржать всё же неприлично. Она даже запрокинула голову и стукнула ладонью по столу.

– Ты? Лорд? Побойся Царицу, змеюка, ты прогуливал королевские балы до тех пор, пока её величество не пообещала урезать тебе жалованье.

– Она меня женить хочет пуще моего батюшки, – скривился я, припомнив совет «ну хоть в Академии отыскать себе девицу, раз уже придворные дамы тебе не милы».

Милы, отчего же нет? В качестве набора ингредиентов, забавной фауны и представителей животного мира под названием «королевский дворец» в естественной среде обитания. Примерно настолько же мне интересны болотные русалки, что водятся в озере подле моего замка. Как любопытный, но чуждый вид разумной жизни.

– Королева просто не чаёт сбить тебя с рук, пока ты не испортил всех её фрейлин, – хмыкнула Кейт.

– Не испортил ни одну. Ненавижу эти их придворные нарядцы, пока в юбках разберёшься...

– Ах да, ты ведь у нас предпочитаешь девушек в форме Академии. Кто бы мог подумать!

И вот проклясть бы её, но я только дёрнул бровью – ещё не хватало оправдываться, пусть даже и перед лучшей когда-то подругой. Ладно, и сейчас тоже лучшей, но...

Достаточно с меня собственных дурных мыслей, вроде тех, что я вдвое старше Лили, что ей непременно стоит подыскать себе мужа попроще – верю, что Ленора дала своей внучке именно такой совет.

Хороший совет. Да только я его принимать к сведению не собираюсь.

Убедившись, что костюм и впрямь сидит как надо, а на воротничке рубашки – сегодня против обычного белоснежной – ни одной подозрительной складки, я подхватил Кейт под руку и подтолкнул её к двери. На бал полагалось являться раньше, чтобы убедиться, что всё в порядке, столы расставлены, а украшения...

В общем, вот вся эта показушная ерунда, коей я наелся за шесть лет обучения, хоть и ходил на балы через раз, и то когда звала особо симпатичная девчонка. Чаще всего Кейт, которой порой тоже хотелось развлечься, а соваться на подобные мероприятия одной считалось жутко неприличным. Да и опасным тоже – светлым-то, в отличие от нас, всегда было дозволено куда больше.

– Если Лейф меня приревнует, виноват во всём будешь ты.

– Навалю ему в круге на потеху нашим студентам. Детки будут довольны, Лейф – не очень, но когда бы меня интересовало мнение чародея, пусть даже у него мозги не набекрень?

– Никогда, – заверила Кейт и снова рассмеялась.

На самом деле парадный зал выглядел прекрасно – Ливингстоун, этот жалкий фокусник, до отвращения хорош во всяческих финтифлюшках и показном пафосе. Погруженный в полумрак зал переливался золотыми и белыми огоньками, окна были задрапированы сверкающими тёмными шторами. Даже скатерти на столах будто бы сверкали, а под потолком кружила иллюзорная стайка белых ласточек – первых птиц, по осени улетающих в тёплые края.

Красиво, торжественно и невыносимо скучно. На преподавательском столе, разместившемся на небольшом возвышении, вместо пристойной выпивки стоит только шампанское. Я скривился и убедил себя остаться только тем, что первый танец мне пообещала самая красивая девушка в Академии... Ну и тем, что я, запасливый, умный и красивый, ловко запихнул во внутренний карман пиджака флягу с отменным виски.

– Тоска, – припечатал я и направился к столу. Понятия не имею, что я тут должен проверять и чем помогать дражайшему бородатому выдумщику, но делать ничего не собираюсь. За ярмарочными фокусами не ко мне. – Надо было прихватить с собой две стопки контрольных с шестого курса.

– Не знала, что ты такой трудоголик.

– А я и не он. Но когда тебе описывают способы умерщвления водяной живности с помощью Ледяного копья, не ржать не получается.

Кейт на это закатила глаза.

– Прекрати ныть.

– А я и не ною. Я страдаю от созерцания безвкусицы.

– Ты ноешь, потому что на самом деле тебе нравится. Не отрицай.

Ну ладно, разве что чуть-чуть. И то лишь из уважения к Академии, построенной когда-то с участием одного из Найтстаров.

Музыка пока играла довольно тихо, исключительно для атмосферы... и для того, очевидно, чтобы стереть кислые мины с наших с Кейт лиц. Она ждала Лейфа, который отчего-то запаздывал, а я прикидывал, как долго будет крыситься Чейз, когда приметит, что в

свой бокал с шампанским я давно уже плещу виски. Помнится, в студенческие годы она ненавидела меня за эту повадку пуще прочих, и не важно, что её обожаемые чародейчики занимались ровно тем же самым – кому вообще, кроме девиц, придет в голову хлестать шипучую кислятину? Бал, в конце концов, только повод приодеться по красивее, а потом утащить по углам кого нужно.

Я ошибся – с нотациями к нам поспешила вовсе не Чейз, а лично Уэйн Ливингстоун. Улыбнулся благодушно, склонил многомудрую (ни разу) голову к плечу и с таким доброжелательным укором пожурил:

– Мистер Блэквуд, я хотел бы напомнить, что вы тут находитесь, прежде всего, в роли преподавателя...

– Ага, и шпиона за малолетками, – хмыкнул я, убрав флягу обратно в карман. – Не стоит утруждаться, ректор, я о своих обязанностях помню. А вот вы... – я огляделся, демонстративно скривился при виде появившихся на столах фонтанчиках с золотистым пуншем, – вы что, устраиваете утренник? Не знал. Простите, что не захватил с собой мороженое и актёров детского театра.

Кейт рядом тихо захихикала, а ректор, к моему удивлению, вовсе не обиделся и всё тем же тоном доброго дедушки отметил прописную истину:

– Ну какой же вы змей, мистер Блэквуд, видит Царица...

– Лорд Блэквуд, – отозвался я. Тоже добродушно. Ну, насколько вообще понимал смысл этого слова. Вышло впечатляюще – при виде моего оскала Уэйн малость спал с лица. – Спасибо за комплимент. И нет, я не перестану подавать своим студентам пример, что пить в вашем присутствии стоит исключительно из своей посуды.

Ливингстоуна будто ветром сдуло – настолько быстро припустил он к трибуне с гербом Академии, что расположилась аккурат перед преподавательским столом. А жаль – лучше бы сразу к выходу из Академии. Впрочем, не с моим счастьем. Ещё и слушать теперь заунывные стариковские речи о благолепии, нравственности и чудных студенческих годах...

Надо же, столько лет прошло, а я всё ещё помню, из-за чего балы были признаны мной самыми унылыми событиями в жизни.

Ливингстоун картинно хлопнул в ладоши, и двери парадного зала отворились, впуская уже собравшихся подле неё студентов. Пёстрая толпа юношей и девушек, разодетых кто во что горазд... точнее, во

всё, на что хватило денег у их семей, ибо скромностью и вкусом мало кто мог похвастаться. Я, впрочем, особо ни на кого не смотрел, разве только отметил, что Октавия меня ничуть не удивила, вырядившись в кожаные брюки, сапоги, корсет с болтающейся позади половиной пышной юбки. Дражайшая воспитанница леди Леноры даже прической себя утруждать не стала, попросту распустила роскошные чёрные кудри да собрала сбоку заколкой. На оголённой руке двигалась и шипела её змея, во вторую по-хозяйски вцепился племянничек, напрочь потерявший от Октавии голову – на горе своим родителям.

Блэквуды и бабы, вечная драма и вечный же скандал. Даже если Блэквуд немножко Сангстер.

Глянув на разохотившегося до речей Ливингстоуна – не иначе как затянет эту свою муть на добрых полчаса, – я выпустил Шеана, который тут же исчез в пёстрой толпе. Отдавать ему приказы нет смысла – кроме меня в Академии он признаёт только Лисандру и Тая, возле них же и крутится всякую свободную от меня минуту. Кто-то тут же охнул, заметив грозного хищника, весьма отдалённо напоминающего доброго котёнка, Ливингстоун бросил на меня короткий недовольный взгляд, Чейз зашипела и принялась верещать о приличиях, я же... ну да, подпёр лицо кулаком и вознамерился знатно подремать.

Да так и выпрямился, будто успел где-то проглотить швабру – потому что как раз в этот момент в зале появилась Лисандра Найтстар. В сопровождении Лэндона, явно готового лопнуть от самодовольства, и с Шеаном по правую руку...

Она прекрасна что те звезды. Не эти искусственные, начарованные глупой магией Ливингстоуна. Как настоящие, сверкающие в вышине, прекрасные, таинственные, обманчиво близкие, но в то же время недоступные. Видит Царица, я не знаток женских нарядов и не разбираюсь в тканях – куда там болотной гадюке Блэк-холла до высокой моды? Однако даже я могу примерно представить, во что эта красота обошлась Леноре. В том, что столь... смелый наряд – её рук дело, я вовсе не сомневался.

Тончайший шёлк окутывал мою леди, точно тёмные воды. В неверном свете Парадного зала он казался почти чёрным, однако же упорно отдавал в синеву.

«Достойный наряд для будущей леди Блэквуд», – промелькнуло в голове. Вот только понять, чья была та мысль – моя или менталистки Кейт, я так и не смог.

Да и не до того, если уж начистоту. Всё моё внимание, все мои мысли заняла Лисандра, прекрасная в своём сверкающем наряде, не скрывающем почти ничего, а напротив, только подчеркивающим её неприличную, неестественную красоту феи из Чащи. И чем дольше я на всё это безобразие глядел, тем сильнее хотелось...

Много чего хотелось. Увести Лисандру прочь, спрятать от всего мира, укутать в асирский хиджаб, чтобы никто не смел пялиться – а на неё пялились, даже Ливингстоун, едва её завидев, запнулся в своей бесконечной речи. Утащить в Блэк-холл, запереть в самой неприступной башне, чтобы никто и никогда...

Да что там, я бы не раздумывая сделал это прямо сейчас. И только мысль о том, что так с женщинами поступают лишь заправские мудаки и неуверенные в себе неудачники, остановила меня, удержала на месте.

Лисандра прекрасна. Она достойна того, чтобы ею любовались и восхищались; чтобы влюблялись и боготворили. И даже если она решит пройтись обнажённой по всей Академии – да хоть по всему Астрэ! – я не стану возражать. Потому что она всё равно будет моей, а трогать моё я никому не позволю.

– О, мой друг, да ты попал, – послышался сбоку тихий и насмешливый голос Кейт. – Впрочем, признаюсь, даже я бы на ней женилась...

– Надеюсь, на ней хотя бы есть белье, – прочистив горло, проворчал я, силясь унять вмиг зачастившее сердце. – Оно же на ней есть? – с трудом заставив себя повернуться к Кейт, испытующе глянул на неё.

– Ты серьёзно думаешь, будто я тебе скажу? – рассмеялась она. Стерва. – Нет уж, страдай, змей. Ну или сам проверь.

Да уж не сомневайся, проверю. Всенепременно. Вот прямо сейчас и...

– Что ж, мои юные друзья, – продолжал разоряться Ливингстоун, не забывая сверкать этой своей сахарной улыбочкой на столь же слащавой морде, – я уверен, вы все с нетерпением ждали дня Вечерней Зари, первого бала в этом учебном году...

– ...и донельзя глупой рожи наконец-то втрескавшегося Блэквуда, – пробормотала Кейт, гадко ухмыльнувшись.

– ...сегодня тот самый день, когда осень вступает в свои права! Равноденствие – день, когда свет и тьма приходят к согласию...

– То-то Лайтнинг оживился! Решил прийти к согласию с одной прехорошенькой чернокнижницей. А уж какими занимательными способами...

– Бесишь, – раздражённо сообщил я, закатив глаза. – А гадёныша Лайтнинга отравлю за завтраком. Видит Царица, он давно напрашивается.

– На всех желающих даже твоего гадючьего яду не хватит, – заметила Кейт до омерзения радостно. – Кто бы мог подумать, что младшенький братец Дика Фарли такой ухарь? Уже мысленно утешает бедолажку Лили после того, как ты с ней наиграешься...

– В смысле наиграюсь? Что за бред? – возмутился я. – Я уже ремонт в хозяйских покоях делаю!

– ...а белобрысому пройдохе Лианна каждые выходные льёт в уши, какие славные детки могли бы получиться у него с кухней. Истинные Найтстары и всё такое. Теперь он раздумывает, не увести ли у тебя твою звёздочку... правда, не ради «славных деток», а исключительно из вредности. Ну и засранцы эти Гилберты, а?

Не удержавшись, смерил подозрительным взглядом белобрысую парочку: Лэндон, злорадно улыбаясь, склонился к Лили и что-то ей нашёптывал; Лили же посмеивалась, забавно прикрывшись ладошкой.

– Ну, полагаю, вам до смерти надоело слушать болтовню старого чудака! – эдак кокетливо произнёс Ливингстоун, точно и не подозревая, насколько он прав. Чудак на букву «м». – Развлекайтесь, дети, мы ведь за этим тут собрались!

– О, безудержное веселье...

– Ну уж я-то в жизни так не развлекалась, – заявила Кейт, всё ещё посмеиваясь. – Блэквуды и бабы... Звёзды, Рэй, видел бы ты свою физиономию.

Как будто это обязательно. Я сам хозяин своей физиономии и прекрасно знаю, что выгляжу как сущий идиот. Влюблённый идиот, потерявший голову от прекрасной девушки.

Воистину, Рэй, пора прекращать распускать сопли, а брать уже своё в руки. Не успеешь оглянуться, как ушлый Тони на пару со своей

женушкой обстряпает свадьбу Лили и худшей, то бишь белобрысой, версии Гилберта.

Музыка не успела заиграть громче, а я уже поднялся со своего стула (жутко неудобного, к слову) и направился в общий зал. За спиной хихикала Кейт, а уж острым взглядом Чейз – упаси нас всех Царица от старых дев! – можно резать камни.

Ну я-то не камень, а целая болотная гадина с непомерным самомнением, премерзким характером и опытом общения с королевским двором. Куда уж там старой гримзе и её бородатому кумиру.

– Леди Лисандра, – я чинно склонил перед ней голову, приглашающе протянул руку. – Первый танец мой, вы помните?

– Разумеется, милорд. – Лисандра изящно присела (а я мужественно постарался не пялиться ей в вырез), вложила свою ладонь в мою. И, одарив меня странно колючим взглядом, прибавила: – Я уж думала, *вы* не вспомните.

– Ка-акое вероло-омство! – протянул Лэндон – ну точь-в-точь его холерный папенька. – Видали, а? Мою даму уводят прямо у меня из-под носа. Хоть бы дождались, пока отвернусь!

– Учитывая, что в маменьку вы, мистер Гилберт, пошли только цветом волос, а всё остальное позаимствовали у дражайшего батюшки, глаза у вас должны иметься даже на тощей заднице, – оскалился я в ответ. – Благодарю за сопровождение моей будущей супруги в сию обитель юношеских радостей. Можете быть свободны.

– Я обещала вам только один танец, милорд, – напомнила Лили, очаровательно надувшись. Вот же наивная девушка, просто чудо какое-то!

– Это в таком-то наряде? Миледи, какой же из меня будет джентльмен, если я оставлю столь прекрасную девушку без должной... охраны.

– О, вы записались в моих охранники?

– Ради вас – хоть в личные слуги, – заверил я. – Но ладно, так и быть. Лэндон, верну тебе нашу принцессу на кадрили. Оттопчешь ей ноги – сгною на полигоне.

– А что, вы плохи в кадрили? – тут же отреагировала Лисандра, на её лице промелькнуло нечто, напоминающее ехидство. Что ж, и это ей тоже идёт, а мне, кажется, уже пора утащить её танцевать.

- Отвратителен. Зато хорош в остальном. Да я вообще хорош.
- А главное – скромны, – ехидно заметил пакостник Лэндон.
- Вот уж ни разу, – заверил я.

А потом, без капли стеснения или прочей чуши, которую положено приписывать всем без исключения, привлёк к себе Лисандру и повёл вглубь зала. Иначе этот бессмысленный треп никогда не кончится, Гилберты и их тяга к пустой болтовне – притча ничуть не менее известная, чем происхождение Блэквудов от змеюки из Чаши. А трепаться мне, по понятным причинам, вовсе не хочется. Не когда под руками тонкий девичий стан, перед глазами – сумасшедший вырез нескромного платья...

– Мои глаза выше, милорд, – заметила Лисандра чуть сварливо, но я заметил улыбку, притаившуюся в уголках губ. – И талия тоже. Ведите себя прилично, а не то, боюсь, мисс Чейз хватит удар, и праздник будет безнадёжно испорчен.

– Ничего, – возразил я, но ни рук с чужой... ну, не совсем талии, ни взгляда с её оголенной шеи и ключиц убирать не стал, – с вами я готов сплясать даже на её похоронах.

Смех Лили, уже знакомый мне, зазвенел что тот колокольчик. Она устроила руку на моём плече, вторую всё же заставила убрать со своей талии, и чинно вложила в неё свою.

– Думаю, я не стану отказываться.

– Всегда знал, что мы с вами, моя леди, найдём общий язык.

Я повёл её в танце, медленном, плавном, втянул носом воздух, отдающий запахом её духов – нежных, лёгких, очень приятных.

– Вы великолепно выглядите, Лили. Пожалуй, немного неприлично... но великолепно. Наденете нечто подобное на нашу свадьбу?

– А вы на редкость самонадеянный тип, – отчитала меня Лили, притворно нахмурившись. – Прежде чем планировать свадьбу, неплохо бы заручиться согласием невесты.

– Так вы не согласны? – изумился я столь же притворно.

– Нет, нисколько, – заявила она, на сей раз улыбнувшись с толикой злорадства. – Вам, милорд, придётся постараться, чтобы меня убедить.

– Готов на любые подвиги, – заверил я, чуть отворачивая её от ближайшей танцующей пары. Кажется, то были Октавия и Тай. –

Ужин при свечах, клык василиска в подарок, голова Ливингстоуна на воротах Блэк-холла?

– Почему не Старфолла? – непонимающе поинтересовалась она.

– Потому что, как я заверил леди Кейт, я уже начал ремонт в хозяйском крыле. Надеюсь, вам по нраву зелёные обои? Моя жена будет жить в моём доме. Уверяю, Приозерье – чудесный край.

– Звучит прекрасно, но, боюсь, моей бабушке это не понравится, – кротко заметила она, впрочем, тут же кокетливо стрельнув в меня взглядом из-под ресниц. – Мне было настоятельно рекомендовано найти себе... как же там... скромного и воспитанного мужа, знающего своё место.

– Так разве это всё не про меня?

– Ни в малейшей степени, милорд, – посетовала Лисандра. И тут же весело рассмеялась, покачав головой. – На ваше счастье, мне вы нравитесь таким, какой вы есть.

Эти слова отозвались теплом в сердце. Что там – будто солнце обожгло, выглянув вдруг, забыв о времени суток. Я крепче сжал её талию, привлек Лисандру ближе. Её губы так и манили, приглашали коснуться в поцелуе, которого она меня так коварно лишила утром, отделившись совершенно детским, но всё равно таким возбуждающим прикосновением. Я бы её непременно поцеловал, и плевать на Ливингстоуна, идиотку Чейз, которая наверняка сейчас силится поднять с пола свою челюсть, чтобы позже разразиться обличительной нотацией о непристойном поведении. Однако музыка вдруг закончилась, заставив меня всё же отстраниться и отвесить благодарный поклон своей леди.

Того требовали приличия, и не то чтобы мне на них не наплевать, но...

– Я безмерно счастлив, леди Лисандра, – заверил я. Руку её, впрочем, отпускать не спешил. – Благодарю за танец. Ещё один или предпочитаете присоединиться к вашему спутнику? Ненадолго, разумеется – я не готов отпустить вас совсем.

Лисандра очень хотела согласиться – это явственно читалось на её лице (и радовало меня куда сильнее, чем я готов был показать). Но она вздохнула и покачала головой.

– Боюсь, я вынуждена отказаться: мой спутник, если с ним не потанцевать, будет припоминать сие вероломство до конца семестра.

Просто из вредности.

– Из вредности он готов вас у меня увести, – припомнил я слова Кейт и недовольно оглянулся на Лэндона.

Никуда отпускать Лили мне, разумеется, не хотелось, но если подумать здраво (не то чтобы я сейчас способен на такое) белобрысый гадёныш – далеко не самый плохой вариант в качестве сопровождающего. Родственничек, в конце концов, и нет, против меня у него ни единого шанса. Как, собственно, и у кого-то ещё.

– Отпускаю с болью в сердце, – заверил я и отвёл её обратно к малолетнему пройдохе. – Обещание сгноить на полигоне всё ещё в силе, Гилберт.

Он хитро ухмыльнулся, открыл было рот, но я выслушивать все эти дурацкие комментарии не стал – поспешно вернулся обратно к преподавательскому столу. Там меня уже ждала Кейт с невыносимой ухмылочкой. И Чейз, с не менее невыносимым выражением унылой куриной жопы на лице.

– Начинайте, профессор Чейз, а то лопнете, – посоветовал я. Искренне, между прочим. – Вижу, вас так и распирает...

Разумеется, злыдня не разочаровала.

– Вы ведёте себя неподобающе, лорд Блэквуд! – заявила она.

А я, оказывается, успел соскучиться по её визгливому голосу заправской деревенской ханжи. Благо умница Кейт спешно накинула заглушку вокруг нашего стола.

Я послушно кивнул, нарочито медленно наливая в свой бокал виски из своей же фляжки.

– Вы должны подавать пример студентам! Вы преподаватель, в конце концов!

– И что же неподобающего я совершил, позвольте спросить? – лениво поинтересовался я, отпив из бокала. Кейт рядом не загоготала в голос только благодаря воспитанию. – Кстати, не желаете ли виски? Клянусь, не отравлено.

– Вы танцевали со студенткой! Это неприлично! – пуще прежнего взвилась Чейз.

– Прилично было бы с вами, профессор Чейз? Сожалею, вы не в моём вкусе. Я больше по молодым девушкам в красивых платьях, а не по послушницам Рыцаря. В следующий раз наденьте что-нибудь с вырезом.

– Да как вы!..

– Смею, профессор, смею, – я вновь благостно кивнул. Нет, серьёзно, как Гримвард удаётся не ржать? Я вот едва сдерживаюсь. – Я не делал ничего предосудительного.

– Ваш танец был чересчур... откровенным! Вы лапали бедную студентку! Вы едва не поцеловали её! На глазах у остальных!

– Бедная студентка вами же была окрещена злобной стервой не далее как три недели назад, – охотно напомнил я. – И я не совсем понимаю – вы осуждаете или завидуете?

– Лорд Блэквуд!

– Уже четыре десятка лет ношу это имя. Дальше?

Чейз покраснела, гневно глянула на демонстративно уткнувшегося в свою тарелку Ливингстоуна. Кажется, этому на сегодня хватило, и он решил далее не вмешиваться в разборки со мной.

Бородатая тля обучается, надо же.

– Господин ректор, скажите ему!

– Даниэлла, успокойся, – мирным тоном протянул Ливингстоун. – Мистеру Блэквуду, конечно, стоило бы вести себя несколько... аккуратнее. Ах, эта несдержанность молодости! Уверен, наш дорогой декан чернокнижников и не думал ни о чём непристойном в отношении мисс Найтстар.

– Ну разумеется, – заверил я. – Что вообще может быть непристойного в танце с красивой женщиной?

Чейз снова вспыхнула, но только и смогла, что вскочить со своего кресла и поспешно удалиться. Небось отправилась проверять собственную непорочность. Не то чтобы в наличии оной были какие-то сомнения.

Кейт рядом мерзко хихикала, присоединившийся к нам Лейф – тоже. Я же вернулся к своему прежнему занятию – возлиянию виски из своей фляги и наблюдениям за Лисандрой.

Танцевала она превосходно. И да, с Лэндоном и мелким Фарли, но прижиматься ни к первому, ни к второму так же близко, как ко мне, не спешила. Это радовало и удерживало мою склочную гадючью натуру от слишком уж яростных вспышек ревности. Я бы предпочёл, чтобы она вовсе с ними не танцевала, вообще ни с кем из присутствующих, кроме меня. Увы, и Ливингстоун, и Чейз, и Кейт самую малость, но

были правы – я всё ещё её преподаватель, а значит, свои неуместные порывы стоит оставить... до какого-нибудь укромного местечка.

Ну или до момента, когда к Лисандре подойдёт кто-нибудь вроде Роберта Лайтнинга. Да, с приглашением на танец, которое та с видимой неохотой, но приняла.

– Надо отдать парню должное, у него есть яйца. Я впечатлена, – хмыкнула рядом Кейт, изрядно довольная развернувшимся зрелищем.

То есть мной, едва не подскочившим со стула в тот же миг. Удержала меня крепкая ручища Лейфа, легшая на плечо.

– А ну цыц, змей. Ты преподаватель, на каникулах его убьёшь.

– Он лапает мою будущую жену!

– А ты весь вечер сидишь со мной и заставляешь бедную девочку ревновать, – поделилась Кейт. – Теперь вы квиты. Хотя Лисандра, конечно, мысленно не развешивала мой искусно разделанный труп по деревьям Академии.

– Он к тебе клеился?

– Она меня ревновала?

Эти вопросы мы с Лейфом задали одновременно, заставив Кейт рассмеяться куда громче. Я даже от Лисандры и Лайтнинга нехотя отвернулся.

– Нет, это я к нему клеилась и признавалась в давней школьной любви. Он не оценил, пришлось удариться в печаль. И, – Кейт перевела взгляд на меня, – да, Лисандра Найтстар не только горячая, но ещё и ревнивая штука, так что будь добр – не давай ей повода. Я ещё жить хочу.

– Я и не давал!

– Это ты так думаешь. У вас, мужиков, эмоциональный диапазон как у табуретки.

Тут уж пришла очередь нам с Лейфом переглядываться, причём весьма возмущенно. Вот уж никто не может сказать, что я не эмоционален! Лайтнинга, например, хочу убить весьма яростно, искренне и со всей любовью к этому не слишком законному действию.

– А ещё милашка Роберт прямо-таки спит и видит, как побеждает тебя на дуэли, – добила Кейт.

Ненавижу менталистов – воистину, магов мерзее в Астрэ не существует. Уж больно много знают и лезут в душу, даже когда не про...

Стоп.

Лайтнинг хочет вызвать меня на дуэль? Прозвучало настолько абсурдно, что я заржал, совершенно не стесняясь. Ну да, светлый недоросль против меня прекрасного, выбившего из Чащи столько нечисти, что впору давать за это отдельный орден. А хотя у меня уже есть. И повышенное жалование, и земли к Приозерью в подарок...

– Ты что, серьёзно?

– Вполне.

– Знатный был бы цирк, – хохотнул Лейф. – Лайтнинг, конечно, силён до жути, но где недоумок-пятикурсник, а где боевой некромант, направо-налево сношающий вампирш, русалок, зубастых фейри и демониц...

– Эй, не было такого!

– Свежо предание! – припечатал белобрысый увалень. – А потом у девиц Блэквуд в фамильярах появляются твари из Пекла, и фамилию они внезапно меняют, чтобы не палить дорогих родственничков. Признавайся, змей, дети милашки Кейн будут наследовать ей, да?

– Да хоть Крайту! – огрызнулся я и всё же поднялся со своего места. – Обещаю не убивать Лайтнинга. Пока что.

– Правильно, – одобрительно кивнул Лейф, – сожрёшь его в Чаше, когда потащим пятый курс на практику. И труп прятать удобнее.

Я отмахнулся и, не глядя больше на зубоскалов, коих ошибочно считал своими друзьями, спустился вниз с нашего насеста. В зал, да.

Туда, где Роберт Лайтнинг, уж слишком сильно не желающий продолжать род своего дражайшего папеньки, вовсю лапал Лисандру-будущую-леди-Блэквуд.

– Талия, мистер Лайтнинг, находится у девушек чуть выше, – сообщил я, останавливаясь возле них.

Музыка не торопилась заканчиваться, однако мне изрядно надоело наблюдать за этим спектаклем. Остальным, к слову, напротив – я кожей чувствовал, что на нас обратились все взгляды в зале. Но право слово, где Блэквуды, а где стеснение? Особенно когда дело касается женщин.

Да, Блэквуды и бабы.

А ещё – трупы и руины. Два вечных проклятья рода Блэквуд, вовеки веков не отличающихся кротким нравом.

– Спасибо за такую ценную информацию, милорд, – процедил Лайтнинг, явно мечтая если не обратить меня кучкой пепла, то хотя бы прожарить до полуготовности, – да только она малость не по адресу. Я и моя девушка...

– Твоя кто?.. – озадаченно переспросила Лисандра, явно не придя в восторг от таких заявлений.

– Вы и моя будущая жена, Лайтнинг, – уточнил я обманчиво нежным тоном. – Посему советую убрать от неё лапы, очень быстро, и ещё быстрее скрыться прочь с моих глаз, пока этот детский утренник плавно не перетёк в поминки.

– Вот как, значит? – Роберт, разумеется, не послушал здравого совета. И лапы от моей Лили убирать не спешил. – Блэквуд, не знаю, что вы там о себе воображаете, но я всяких тёмных мерзавцев не боюсь, ясно? Я требую...

– Нет, это я требую, чтобы ты прекратил молоть чушь и вести себя так, словно я твоя собственность! – выпалила Лисандра, отпихнув его подальше от себя и гневно оглядев нас обоих. Я, не будь дурак, тут же нацепил на физиономию самое невинное выражение... но, кажется, не сработало. – Слушай сюда, Роберт Лайтнинг: я не буду с тобой ни за что и никогда, даже если ты окажешься последним мужчиной на всём континенте. Ясно тебе? Не желаю тебя видеть, слышать, и уж тем более терпеть твои мерзкие приставания! Что до вас, лорд Блэквуд... боюсь, вы и эти ваши шутки уже переходят всякие границы. Прежде чем бросаться такими заявлениями, потрудитесь узнать у дамы, согласна ли она вообще стать вашей женой! Ох, видит Царица, мужчины впрямь хуже детей!

С этими словами она, возмущённо фыркнув, прошествовала мимо остолбеневшего от такой отповеди Лайтнинга и устремилась в дальний угол зала, где выхватила у изумлённого Лэндона бокал с шампанским и осушила залпом.

Ладно, она права. «Шутка» вправду немного затянулась, пора уже взяться за будущую леди Блэквуд всерьёз.

Я подошёл к ней спустя минуту – сразу после того, как стало понятно, что моя леди подуспокоилась и не собирается убить меня, едва завидев. Что ни говори, Лисандра – настоящая Найтстар. Прекрасная фея снаружи, но внутри неё полыхает свирепое тёмное пламя.

Походя набросил отводящие чары – паяться в нашу сторону не перестали, однако же теперь любопытным зевакам не удастся приметить ничего значимого, важного и ценного для сплетен в узких и не очень кругах. Как раз то, что мне нужно. Не спешил я делиться своим внутренним миром с окружающими. И планами дальнейших действий тоже.

План, впрочем, только один и оригинальностью не отличается – увести Лисандру подальше отсюда и поговорить как взрослым людям. У нас получалось прежде, я помню.

– Лисандра, – я вновь чинно поклонился, надеясь, что за извинение это хоть как-то, но сойдёт. – Пойдёмте.

– Куда? – взгляд её чудных глаз из недовольно стал удивленным.

– Прогуляемся. И не волнуйтесь, нашему побегу не придадут особого значения.

Она засомневалась было, но затем послушно взялась за протянутую руку.

Мудрствовать я не стал – в Академии укромных мест предостаточно, и нынешние студенты, похоже, не знакомы и с половиной. Дилетанты! Однако по-настоящему красиво из них лишь одно – башня с обсерваторией, что находилась в корпусе нейтралов. Обычно здесь бывали люди – студенты, преподаватели, объясняющие своим ученикам принципы небесные законов, однако сейчас все заняты балом. Мы с Лисандрой предоставлены самим себе. И друг другу.

Последнее, пожалуй, куда важнее.

– Здесь очень красиво, – проговорила она, отходя от меня к перилам, что отделяли балкон от тёмной пустоты под ногами. – Почему вы перенесли нас сюда?

– Почему вы думаете, что я несерьёзен в своих словах о нашем браке? – ответил я вопросом на вопрос.

Лисандра глянула изумлённо и даже как-то обиженно. А затем скрестила руки на груди и с нарочитым безразличием ответила:

– Это уже правда не смешно, лорд Блэквуд. Нужно быть круглой душой, чтобы поверить, будто мужчина вроде вас всерьёз захочет жениться на сопливой студентке. Да кто вообще в здравом уме посмотрит на меня, когда рядом есть такие женщины... такие, как леди Кейт?

– Я не считаю вас дурой, – заверил я, подходя ближе. Уперся руками в перила, но смотрел не вперёд и вниз, а на неё. – Я считаю вас девушкой, которая отчего-то не привыкла, чтобы её любили, восхищались, оказывали ей знаки внимания. Царица, за одно лишь это я бы без раздумий прикончил недоумка Лайтнинга!

Лисандра непонимающе посмотрела на меня, после чего тоже устроила руки на прохладном металле перил. Я накрыл её ладонь своей.

– Ни одна из женщин прежде не получала от меня и подобия предложения. Даже в шутку. Даже в мыслях. Что до леди Кейт – она мой друг почти столько же, сколько вы живёте на этом свете. А ещё до отвращения влюблена в Винтера и не собирается обзаводиться детьми. Ни один из этих трёх пунктов не подходит будущей леди Блэквуд, как вы понимаете.

– Меня можно смело вычеркнуть из списка невест – я тоже детьми обзаводиться не планирую! – заявила она. Но, подумав, неохотно прибавила: – Пока что. Мне ещё шесть лет учиться, и в мои планы никак не входят дети. Даже от вас.

– «Даже»? – весело переспросил я.

– Ну, у нас наверняка получатся очень красивые дети, – задумчиво пробормотала Лисандра. А затем со страдальческим стоном прикрыла глаза ладонью. – Звёзды, я ляпнула это вслух? Пятый бокал точно был лишний... И шестой тоже.

Я рассмеялся, а потом, повинувшись неведомому доселе чувству подался к ней. Лисандра прекрасна в свете луны и звезд, прекрасна сама по себе, а её розовые губы, чуть влажные, пухлые, так и манили.

Она глянула на меня непонимающе, удивленно, даже чуть пугливо, когда я коснулся пальцами её подбородка, чуть приподнимая. А потом – и да, это совершенно точно было согласием, – прикрыла свои чудные глаза, вконец лишая меня воли. Я поцеловал её. Коснулся её губ своими, чтобы ощутить их мягкость, привкус шампанского, ощутить её всю в своих руках.

Лисандра ответила – поначалу нерешительно, затем всё более пылко, даже требовательно, точно заявляя на меня права. Горячими пальцами огладила моё лицо, шею, зарылась в волосы, притягивая ближе, лишая бранных останков здравого смысла. Прижалась ко мне

всем телом – охотно, безо всякого стеснения, позволяя моим рукам бродить по её телу и ощущать каждый его волнующий изгиб...

Пекло, да она же всё равно что голая! Ленора ну очень хочет правнуков, раз вырядила её в эту... эту... проклятушую занавеску!

Тут Лисандра, к моему разочарованию, вдруг отстранилась и одарила меня крайне негодующим взглядом.

– Погодите-ка, – протянула она, нахмурившись и прелестно надув губы, – так все эти ваши неприличные намёки и... предложения позавтракать... всё это было всерьёз?!

– Дошло наконец, – проворчал я. – Надо было сразу начать с поцелуев.

– Ну, это бы многое объяснило!

Ну вот и что я могу на это ответить? Да ничего. Потому как в голове на удивление пусто и гулко, а ещё её слова меня немного рассердили. Не сама она, вовсе нет, только слова – как она вообще может сомневаться в моей искренности? Видит Царица, лжец из меня неплохой, спасибо дворцовой науке, но всё же женщинам, и уж тем более близким, я не врал никогда. Не та натура. Даже в моменты ссор с кем-либо я искренне считал, что нужно говорить правду – просто чтобы избежать недопонимания.

Но опять же, что отвечать на это, я не знал, ссориться даже и не думал, а потому сделал то, что казалось самым простым ответом на всё. Снова привлек её к себе, сжал в руках тонкую талию, скользнул ладонями по спине, едва прикрытой тонкой тканью, и поцеловал. Вдумчиво, успокаивающе, *любя*, демоны дери. Её губы приоткрылись навстречу, позволяя моему языку скользнуть вглубь её рта, такого сладкого, теплого, будто бы известного мне уже кучу лет, а оттого родного.

Она прекрасна, моя Лили. Прекрасна, желанна и дорога мне, и я буду полным дураком, если отпущу её.

А дураком я не был никогда. На это попросту не было времени.

– Такого намёка вам достаточно, надеюсь? – с неохотой отстранившись, поинтересовался я. Вгляделся в её лицо – щеки чуть порозовели, губы припухли, сама она расслаблена и будто бы довольна.

– Думаю, да, – наконец отозвалась Лили и сама ответила мне коротким поцелуем. Снова в уголок губ, да.

– Чудесно.

Кажется, я и впрямь могу полюбить это место – этот балкон, и обсерваторию, и всю Академию. Просто потому, что здесь есть самая прекрасная девушка в этом мире.

Глава 11

Всё же библиотека Академии – это нечто.

Нечто волшебное, невероятное, настоящая цитадель знаний и самых редких книг, в которой я бы непременно осталась жить. Ну, если бы тут имелся диван, душевая и мало-мальски приличный буфет. Еда и книги – видимо, за это меня однажды и купит какой разохотившийся женишок.

Впрочем, что значит «какой»? Уж мне ли не знать, какого женишка мне подкинули звезды, Царица и Пекло знает какие ещё божественные сущности. Правда, лорд Блэквуд впечатления сильного книгочея вовсе не производил – боевой некромант, чтоб его. Нахал, злоязыкая гадина, его темнейшество и прочие так подходящие ему эпитеты.

А ещё – самый красивый, умный, и интересный мужчина из всех, что встречались мне прежде. Не так чтобы выбор среди моих знакомцев сильно богат, однако я уверена: даже обойди я весь Ирстан вместе с Наэрасом, в жизни не отыщу кого-нибудь вроде Рэя Блэквуда.

Мысли эти, поспешные, неуместные, сопливые и больше подходящие влюблённой девчонке лет четырнадцати, я старательно гнала от себя всю последнюю неделю. Однако же так и не смогла забыть ни блеска черных точно ночное небо глаз, ни твёрдых губ, ни крепких объятий. Впрочем, не то чтобы я сильно старалась – Рэйнхарт Блэквуд нравится мне. Что там – я влюблена в него до омерзения, а сам он вовсе не помогал мне обрести душевное спокойствие.

Куда там – каждая наша встреча в аудитории непременно заканчивалась совершенно неприличным флиртом, пусть и под видом обсуждения темы урока. Он пытался засыпать меня на каждом занятии, я ему отвечала, а когда не могла – он непременно предлагал мне задержаться. Не для чего-то неприличного, вовсе нет, однако и легких прикосновений к моей руке, и невесомого, будто случайного поцелуя было достаточно, чтобы я с нетерпением ждала следующей нашей встречи.

Что ж, Лили, признайся хотя бы себе – лорд-гадюка ни разу не паук, но в сети его ты попала прочно.

– Эй, принцесса, – услышала я над головой низкий голос Дика, – всё, хватит зрение портить, отбой скоро.

Надо же, а я и не заметила, как он пришёл.

– Дики, ещё минуточку! Эту книгу нельзя выносить из читального зала, а я...

– А ты торчишь тут уже второй час и явно не о науке думаешь, – насмешливо хмыкнул он и бесцеремонно ухватил меня за воротник форменного пиджака. Ну точно ученицу начальной школы, а не одну из лучших, между прочим, студенток Академии Сумерек!

– Эй! – возмутилась я и попыталась выбраться из цепких пальцев. – И откуда ты знаешь, о чём я думаю? Ты даже не менталист.

– Вот ещё. Это пусть Мира развлекается с чужими мозгами! Я тут, знаешь, пообщался с нашим Стефом о его чудной семейке – на фиг, на фиг этих менталистов! Жуткие люди же.

– Ну да, а некроманты прямо-таки невинные овечки!

– Зато в мозгах не копошатся. Все, пошли, красотуля, там Тай с Тави поди без меня уже всю заначку выпотрошили. Сладкая, блин, парочка...

– Заначку? – нахмурилась я. – Что за праздник?

– Пятница, красотуля!

– Но сегодня четверг...

– Репетируем, – не растерялся Дик. – Так, мисс заучка, или идёшь сама, или я закидываю тебя на плечо и уношу. И даже не думай сказать, будто нажалуешься Рэю – он тебя отсюда унести и велел!

– Прямо-таки и унести? – сердито нахмурилась я, но тетрадь и ручку принялась запихивать в сумку. На плечо к Дикю не слишком хотелось. Не из страха с него свалиться – просто мне вполне хватает слухов о моих неуставных отношениях с Рэем.

– Ага, и по заду ещё вытянуть, если будешь сопротивляться!

Я негодуяще фыркнула и первой направилась в сторону выхода. На всякий случай даже шаг ускорила и губы капризно надула – для пущей драмы. Дик ожидаемо расхохотался, догнал меня в полтора шага и закинул тяжеленную руку мне на плечи. Ну ладно, с этим, пожалуй, я вполне могу смириться... учитывая выражение лица завидевшего нас Роберта.

Подждал меня небось. Вот ведь настырный!

Слава Царице, с бала он мне своим обществом не досаждал. Уж не знаю, что тому причиной – то ли мой публичный отказ, то ли мой же побег с Блэквудом под ручку... То ли недавняя прогулочка старшекурсников в Чашу с ним же. Полной версии той истории я не слышала, однако унижений, если верить старшим, всему чародейскому факультету хватило сполна. Чернокнижному – тоже, но над собой ржать не так приятно, как над вечными противниками.

Дверь в общежитие я дёрнула первой. Да так и опешила – гостиная была погружена в неестественную темень. Половина светильников потушена, вторая же половина приобрела зловещий зеленый свет. Из глубины этой тьмы слышался чей-то голос, очень жуткий и вкрадчивый, будто бы знакомый. А ещё – редкие девчоночьи вскрики.

– Что за...

Ладно, ругательство, так и просящееся на язык, я всё же проглотила. В отличие от Дики, тут же выхватившего кулон из-за пазухи и разразившегося такой многословной матерной речью, что впору записывать.

– Не ори, Фарли, – тихо заметил Тай, не примеченный нами обоими раньше. Он лениво подпирал косяк, скрестив руки на груди, и абсолютно равнодушно пялился куда-то вглубь повисшей темнотищи. – Дай Гилли языком почесать вдосталь.

– О чём чешет? – поинтересовалась я удивленно.

– Сказочки рассказывает, девиц охмуряет. Всё же Гилберты и трёп родились в один день.

– Это точно, – согласился Дик и потянул меня в ближайший тёмный уголок – туда, где на небольшом угловом диванчике уже сидел Стеф и что-то прихлёбывал из пузатой кружки. Сдаётся мне, это не чай.

– Явились? Я уж думал, тебя с боем вызволять придётся... Я про Дики, конечно. Проще завалить сумеречного виверна, чем выманить Лисандру из библиотеки.

Я укоризненно покачала головой и села с другого краю дивана, Дик же весело фыркнул и, мазнув ладонью по вихрастой светлой макушке моего приятеля, втиснулся между нами. Машинально устроила голову на крепком плече; краем глаза заметила, как Стеф с другой стороны проделал то же самое.

– Мальчик мой, да ты ужрался в драбадан, – ласково заметил Дик, отняв у него кружку и залпом допив оставшееся. – Фу, ну и дрянь. А ещё есть?

Стефан, явно вознамерившийся задремать на его плече, неопределённо махнул рукой куда-то за диван. Я вот не поняла, зато до Дики дошло сразу: он изогнулся в какую-то немыслимую позу, отчего мне пришлось выпрямиться, а Стеф и вовсе рухнул головой ему на колени. Зато спустя мгновение в ручищах Дика обнаружилась стеклянная бутылка с подозрительным на вид пойлом, которое тот отхлебнул, едва открыв. Поморщился, утёр рот рукавом пиджака и протянул бутылку мне.

– Пей, красотуля, забористая дрянь!

Забористой дряни не хотелось, но я всё же приняла бутылку и послушно сделала глоток. По внутренностям как огнем прошлись – и близко не тот виски, которым меня пару раз угощал Рэй. Я закашлялась, всучила бутылку обратно Дику под его же тихий хохот, пихнула его в плечо и помолилась Царице, чтобы не пришлось потом лечить печень. И не только её.

– Фу!

– Какие мы нежные!

– Зато фея из Чащи, тоже мне, – хмыкнули сбоку знакомым голосом, – чуть повернувшись, я заметила Октавию, усевшуюся прямо на пол.

– Нашла фею, – проворчала я.

– Это не я, это Лэндон нашёл, – заявила она и махнула рукой в сторону Гилберта, сидящего в центре импровизированного круга. – Эй, Гилли, принцесса пришла, давай заводи свою песенку про фей. Про тебя мы всё уже поняли – гадёныш ты редкий.

– А проклятем в глаз, Кейн? – тут же ошетинился тот.

– Ты догони сначала! Рассказывай давай. И про будущего лорда Найтстара тоже, интересно же про красивых мужиков послушать.

– У тебя уже есть красивый мужик, – напомнила я ехидно. – И что за лорд Найтстар?

– Не-не, то не мое добро, я отказываюсь! – замахала руками она, отняла бутылку у Дики и сделала большой глоток. Не поморщилась даже. – Ну как какой? Рэйнхарт Блэквуд, вестимо. Возьмет твою фамилию, волосы выбелит, чем не Найтстар?..

– Фу, Октавия! – а это уже Лэндон, сию картинку явно представивший. – В Астрэ блондинами можем быть только мы с двойняшкой.

– А остальные так, подделки? – поинтересовался светловолосый Стеф – с колен Дики он так и не слез, только устроился поудобнее, втащил его руку себе под голову и упёрся пятками в подлокотник дивана.

– Ой, да заткнитесь вы уже с вашими патлами, – зашипел кто-то. – Лэндон, ты не треплись почём зря. Давай про фей и гадюк, хорошо ж сидели!

Уговаривать двойняшку долго не пришлось – он и впрямь тот ещё любитель почесать языком, может не затыкаться часами и не сбиться ни разу, рассказывая очередную историю. Фантазия у Лэндона что надо, а помимо неё – ещё и прорва знаний обо всём, о чём только можно.

В данном случае – о происхождении двух самых приметных и скандальных родов в Астрэ.

– Ни для кого из вас не секрет, что раньше Чаща была всюду, – начал Лэндон эдаким зловецким тоном. Девчонки взволнованно заахали, я же тихонько фыркнула – то ли у меня выработался иммунитет к ужимкам и кривляниям двойняшки, то ли после Блэквуда, замогильным голосом зачитывающего перлы из наших эссе, иммунитет вырабатывается ко всему. – На всём Ирстане не сыскалось бы твари страшнее, чем фейри. Нынешнее могучее королевство Астрэ было лишь жалким клочком земли далеко на юге, и этот клочок терзали бесконечные войны.

– Против фейри, да? – наивным голоском осведомилась Бренда Стоунхарт.

Наглец Лэндон ей очень нравился – жаль только, мой противный недобратец ничуть не интересовался этой милой девушкой. Да и вообще всем девицам предпочитал себя любимого. Ну, ещё ему поначалу вроде глянулась наша Мира, но та, в свою очередь, осталась равнодушна к белобрысой красе Гилберта-младшего.

– Выключи дуру, Стоунхарт, тебе не к лицу, – фыркнул он. – Между собой воевали! А фейри поклонялись, точно богам. Ну, до тех пор, пока истинные боги не спустились с небес и не даровали людям

магию... Хотя это тоже фигня какая-то. Думаю, ответ гораздо проще: первые маги родились от союза человека и фейри.

– Брехня! – возмутился кто-то.

– Научный факт! – столь же возмущённо возразила я. – У людей магии нет, а браки между людьми и магами уничтожают родовой дар всего за два-три колена. Одарённое дитя от двух чистокровных людей – сказочка для особо романтических болванов: все о нём говорят, но никто никогда не видел.

– Вот именно, – веско прибавил Лэндон. – В эпоху войн ближе всего к нам были светлые двory – Летний, Весенний, Рассветный, – отсюда и преобладание светлых магов. Только потом власть захватил Полночный двор, и весело стало на всём континенте. Тёмные фейри – это... это... Короче, возьмите мою бабулю Найтстар, прибавьте туда нашего гремучего декана, заполируйте злюкой Тави и помножьте получившуюся дрянь ещё на десять.

– Редкая, должно быть, образина! – восхитилась злюка Тави, ничуть не обидевшись. – Складно чешешь, белобрысый. Дальше давай!

– Дальше было Первое южное восстание – террор Полночного двора быстро отучил людишек поклоняться всякой пакости, а наличие собственных магов поубавило веры в божественность остроухих гадов. Фейри были очень сильны, изобретательны и безжалостны, но людей было в разы больше – они ж плодятся как тараканы. На какое-то время установилась патовая ситуация – до тех пор, пока не подросли первые потомки фейри и магов. – Лэндон сделал паузу, со значением оглядел всех вокруг. – Найтстар, Блэквуд, Уайтхилл, Голденхарт – всё это не фамилии, тогда и понятия-то такого не существовало. Это имена чародеев столь могущественных и свирепых, что даже фейри утрастились их мощи и отступили прочь, в Чашу! А на отвоёванных землях люди основали первую столицу – Астерион. В ней, разумеется, воцарился первый из лучших – Найтстар, Солнце Ночи. Ибо дар его был самым могущественным, подвиги – самыми выдающимися, клан – самым многочисленным...

– Ну началось! Так и знал, что всё скатится в восхваление себя любимых, – фыркнул Тай неподалёку. – Гилберт, мать твою распрекрасную, ты такой Найтстар! Хотя про многочисленных – это да, это я верю, вы плодитесь что те людишки. Помяните моё слово, лет

через десяток-другой по Приозерью будет бегать целый выводок белокрысых Блэквудов.

– И пара-тройка красноголовых Кейнов, – огрызнулась я, снова хлебнув адского пойла и даже почти не сморщившись. – Будем дружить семьями.

– Вот это вряд ли, – услышала я знакомый низкий голос.

Из темноты, ну прямо словно из тени соткавшись, возник не кто иной как Рэйнхарт Блэквуд собственной персоной. В весьма непривычном – и неприличном, как по мне – виде. Сейчас на нём не было излюбленного чёрного сюртука, рукава белой рубашки были закатаны, обнажая сильные предплечья с татуировками на них, верхняя пуговица рубашки была расстегнута, а жилет подчеркивал прекрасную фигуру.

Ладно, внешний вид Блэквуда более чем приличен, но мне от этого совсем не легче – я так и замерла, рассматривая его, и даже ничуть не удивилась тому, что он решил посетить наше общежитие.

Кресло позади него тоже будто возникло из воздуха, хотя и не совсем уж бесшумно – кто-то из студентов явно с него слетел ещё до того, как наш дражайший декан решил усесться подле нас. Подле меня, если быть уж совсем точной. Хоть и не настолько непозволительно близко, как мне того бы хотелось.

– Что празднуем, господа студенты?

– Так четверг же, – ничуть не испугавшись столь внезапного визита, хмыкнул Фарли. – Почти пятница, да и ты на завтра все занятия отменил. Чего б не отпраздновать?

– И то верно, – хмыкнул Рэй. Требовательно протянул руку, повёл пальцами. Дики сопротивляться не стал, бутылка с адским пойлом отдал если не охотно, то без лишней возни. – Самопал из подвалов Сангстеров? Тибериус?..

– Решил сэкономить папенькины деньги, – отозвался Тай из своего угла. – Он уверял, что свалит даже тролля, но Фарли пока живой.

– Ну так это ж не просто какой-то тролль, это целый Фарли, – хмыкнул Рэй, щёлкнул пальцами, отчего в гостиной стало чуть светлее. – Ладно, перейдём к делу. Как вы уже заметили, мои занятия у всего факультета и впрямь отменены. Я должен отлучиться по делам. Что из этого следует? Кейн?

– Мы ведём себя прилично, не сильно страдаем с похмелья, присматриваем за мелкотой и прикидываемся мёртвыми, если старому таракану вздумается пригласить нас на чай.

– В точку. А ты ещё и прячешь трупы, если таковые вдруг появятся. – Октавия на это вполне серьёзно кивнула. – Гилберт, твой скользкий папенька хочет забрать тебя домой завтра вечером. Собираешь манатки и валишь счастливый. Кейн, Найтстар – вас заберёт леди Ленора в субботу утром. Возражения не принимаются, претензии и жалобы – в письменном виде, но я бы не советовал. Остальные... в общем, сами свяжетесь со своей роднёй, вас слишком много, а я один такой прекрасный.

– И слава звёздам, – охотно съязвил Лэндон, которому явно не понравилось, что коварный декан перетянул внимание на себя. – Двух таких ядовитых гадов континент не выдержал бы. Недаром про вас, Блэквудов, болтают, что вы все родились от настоящей змеюки!

– Во, растолкуй-ка про ту змеюку, сказочник, – подхватил Дик, – я до сих пор не понял, как из неё получился человек, да ещё такой мерзопакостный!

– Никак не получился, – снова ударилась я в занудство, – нельзя превратить змею в человека, это бредятина почище гомункулов и красной тинктуры!

– Всё, этой больше не наливай, – фыркнул Лэндон. – И Морграну тоже. Дики, да ты, гляжу, собираешь себе гарем из долбанутых блондинок?

– Эй!

– Сам такой!

– Третьим будешь? – не растерялся Фарли.

– Так чародеи, выходит, не врут про оргии у нас в гостиной? – шутливо изумился Блэквуд. И, хлебнув из бутылки, выразительно скривился. – Ох, мать... вот так дерьмище!

– Тише, Рэй, здесь же дамы!

– Вот именно! Совсем сдурели, девчонок такой дрянью поить?!

– Притуши, лорд-гадюка, мы не фарфоровые лялечки, – Тави ловко выхватила у него бутылку, сделала хороший глоток и сунула мне. Я тоже отхлебнула адского пойла, уже почти машинально. – Во, видал? Даже твоя красотуля пьёт и не морщится.

– Не виноватая я, меня заставили, – пожала плечами, передала бутылку невесте чему радующемуся Дику. – А закусить нету?

– Ну конечно, кто о чём, а Лили о жратве!

– Еда – величайшая радость в жизни любого человека, – вступился за меня Рэй. – Особенно если тот человек – маг.

Я благодарно улыбнулась ему, припомнила подаренные им конфеты – очень вкусные, кстати! Словно в ответ на мои мысли, ко мне подлетел поднос с пирожными.

– Ни в чём себе не отказывайте, мисс Найтстар.

Со всех сторон раздались эдакие понимающе охи и вздохи, но Рэй их решительно пресёк взмахом руки. И к бутылке с пойлом, кстати, приложился снова.

– Когда-нибудь вы, детки, обязательно выучите, что хорошая закуска – прямой путь к хорошим посиделкам. А еду с кухни можно своровать, если пробраться туда через подвал из зверинца нейтралов. Кстати о зверинце! Мистер Гилберт, так что там с моим родством с гадюками?

– Да у вас это родство на лбу написано, – нагло заявил Лэндон, рассевшись на журнальном столике. – Ламии это были, очевидно же! Фейри всякие разные бывают, змеи-оборотни в том числе. Если верить трудам монстрологов, таких как Эрон Хопкинс и Дженна Якобсен, твари темнейшие, жутко ядовитые и настолько склочные, что даже в родном Полуночном дворе их терпеть не могли. В обеих ипостасях. Гигантская змеища весом под двести фунтов ещё и придушить может, мало не покажется!

Чернокнижники принялись тревожно коситься на нашего гремучего декана – а ну как обернётся змеюкой да поползёт душить особо отличившихся на последней контрольной?! В полумраке плохо видно, но я готова поспорить – Рэйнхарт искренне забавляется.

– Я гляжу, за минувшие сотни лет мало что изменилось, – фыркнул Тай. – От таких родственничков попробуй отовришь, да, Рэй?

– Вообще без вариантов, – весело согласился Лэндон. – Уже в те дремучие времена все знали, что не сыскать мага подлее, хитрее и кровожаднее, чем Чёрный Змей. Он присягнул Найтстару, чтобы с помощью его ковена перебить тогдашних хозяев Приозерья – которое, кстати, в ту пору называли Змеиными топиями, – а затем вероломно

украл его любимую дочь, уже обещанную в жёны кому-то из влиятельных светлых...

– А, так это у нашего милорда типа родовая память проснулась? – заржал кто-то. – Блэквуды и бабы. Годы идут, ухватки те же!

– Погоди-ка, Найтстар был светлым? – изумилась Тави.

– Найтстар был бастардом кого-то из принцев Рассветного двора, оттого и равных ему было не сыскать, – поведал Лэндон с почти нелепым апломбом. – В ту пору уровень силы был важнее, чем окрас магии. Первая его жена также была из светлых, а вот вторую он взял из тёмных – и если верить самым авторитетным источникам того времени, то сам Полуночный двор предложил ему в жёны одну из своих тёмных леди!

– Опять двадцать пять? Да сами Найтстары небось эту байку и сочинили – вам только дай потрындеть о своей исключительности. Ах-ах-ах, дивная кровь такая дивная, древняя магия такая древняя...

– Ой, Кейн, завидуй молча!

– Чему, белобрысости? Тоже мне, подвиг на века.

К дальнейшему спору я уже не прислушивалась – на то, чтобы разобраться в сложных взаимоотношениях тёмных домов и их предков, у меня впереди ещё шесть лет. И вся последующая жизнь вообще-то. Никаких сомнений, что подобных сказочек я ещё наслушаюсь вдоволь, благо Лэндон всерьёз вознамерился обосноваться в моих ближайших родственниках. Как и леди Ленора, и Октавия, хотя из присутствующих Кейны приходились Найтстарам самой дальней роднёй – последний раз брак объединил наши семьи аж четыре столетия назад. Лэндон уверял, что потомство вышло жутковатым – впрочем, как и любое, какое могли дать потомственные демонологи с прямыми договорами с Пеклом.

Кажется, я задремала, а когда открыла глаза – обнаружила, что гостиная наполовину опустела, и в нашем углу осталась только наша уже подружившаяся компания из Тая, Октавии, Дики, Стефа и Лэндона. Не хватало только Миры – то ли она решила побыть ответственной ученицей и выспаться перед утренними занятиями, то ли нашла себе компанию поинтереснее. Надо завтра спросить...

Зато вместо Миры имеется Рэйнхарт Блэквуд, всё так же сидящий в своём кресле, мерно попивающий жуткое пойло из подвалов Сангстеров и рассказывающий что-то о своей семье. Я было

завозилась, устраиваясь поудобнее, прислушалась – о семье моего... ладно, просто лорда Блэквуда... хотелось узнать больше. И расстроилась, когда он, едва глянув на меня, вдруг замолчал и поднялся.

– Думаю, хватит на сегодня сказочек, – проговорил он. – Завтра всё ещё пятница и учебный день, а я, увы, всё ещё ваш декан. Все по комнатам, живо. Леди Лисандра, могу я проводить вас?

На губах его блуждала привычная уже хитрая усмешка, на которую стоило бы ответить отказом, однако я согласилась и ухватила за предложенную руку.

Смешков со стороны друзей я не услышала – видимо, они уже привыкли к нашим с Рэем... отношениям. Только Октавия красноречиво закатила глаза и зачем-то пихнула Тая под ребра.

До дверей моей комнаты мы дошли в молчании, даже почти не прикасаясь друг к другу. Рэю только пришлось поддержать меня, когда я опасно покачнулась на лестнице, не справившись с ногами. Ну или вестибулярным аппаратом и опьянением.

– Зайдёте? – невесть зачем предложила я, едва устроив руку на дверной ручке.

– Пожалуй.

Внутри всё сжалось от странного нетерпения, страха, ожидания, от стыда даже – я сама пригласила мужчину в свою комнату. Пьяная, поздним вечером...

О, Царица, мне определенно стоит подумать о своём воспитании.

– Удивительно, – разрушил тишину голос Рэя, который замер возле двери. Я глянула на него вопросительно: – Удивительно чисто как для комнаты чернокнижника.

– Я же девушка, – зачем-то напомнила я.

– О, я заметил, – усмехнулся он и наконец-то оказался совсем рядом.

Я ощутила его дыхание на своей шее, настолько низко он наклонился, настолько близко был. Рука легла на плечо, мягко сжала, и я невольно подалась вперёд, желая коснуться его губ, повторить то, что мы с ним уже делали. И продолжить, возможно, тоже.

– Нет, – покачал он головой, хотя моих губ в коротком – преступно коротком – поцелуе всё же коснулся. – Не стоит, Лили. Не хочу, чтобы вы потом жалели о своих... поступках.

– Вы не настолько благородны, лорд Блэквуд.

– Я совсем не благороден, леди Лисандра. Но в нашем с вами случае с глупостями стоит подождать хотя бы до... более трезвого состояния нас обоих.

– Я не пьяна, – буркнула я. – Я же некромантка, истинная, вы сами сказали. Что нам какой-то самогон от Сангстеров?

– Про троллей Гидеон не шутил, – со смешком заявил Рэй. Снова коротко коснулся моих губ, снова же отстранился. – Я не пользуюсь невинными девушками, когда они пьяны.

Этот его ответ мне не понравился. Разозлил даже – что значит «не пользуюсь»? Я ведь хочу, хочу его так сильно, что не могу думать ни о чём прочем. Все мои мысли занял Рэй Блэквуд, лорд-гадюка, самый злобный препод Академии и просто великолепный мужчина, который не даёт мне покоя ни во снах, ни в жизни.

Я подалась вперёд, обвила его шею руками, прижалась ближе – в его груди гулко билось сердце, наверняка такое же холодное, как у настоящих змей. Или нет. Все ведь знают, что Блэквуды хоть и прячутся за маской холоднокровных гадюк, однако в своих поступках частенько бывают горячи. «Трупы и руины», кажется, таков негласный девиз этого дома.

– Разве вы не хотите меня? – спросила я тихо, хотя шептать не было никакой нужды – мы в моей комнате, вдали от всего прочего мира, чужих ушей и взглядов. Разве что у озабоченного старикана Ливингстоуна есть какой артефакт, позволяющий следить за происходящим в комнатах студентов. – Или, быть может, передумали брать меня в жёны?

– Ни за что, – отозвался Рэй, Его ладони скользнули по моей спине, вызывая волну мурашек по телу. – Надеюсь, что и вы не передумали выходить за меня.

– Я не могу передумать, если ни на что не соглашалась, – возразила я вредным тоном. – И с чего вы взяли, что соглашусь? Может быть, я... я вообще не хочу замуж! Ни за вас, ни за кого-то ещё.

Ну вот я и озвучила то, что тревожило меня в последнее время. В конце концов, разве я не имею права голоса в таком важном вопросе? Что бы я ни чувствовала к этому человеку, сама мысль о том, чтобы распрощаться с едва обрётённой свободой и стать чьей-то женой, внушает едва ли не панический ужас.

Не просто чьей-то... Женой настоящего лорда с титулом, статусом и обширными владениями. Матерью его наследника.

Да, озвученная мимоходом фраза о детях крепко засела в голове, пугая пуще всякого замужества. Какие ещё дети?! Я сама не так давно с детством распрощалась!

Лорду Блэквуду моё заявление не понравилось. Очень. Понятия не имею, когда я выучилась читать по его лицу, но откуда-то знала – мои слова его рассердили. Ещё бы! Разве привык такой мужчина получать отказы, да ещё от девчонки вроде меня?

Однако он лишь улыбнулся эдак недобро, а затем совершенно греховным тоном уточнил:

– Так вы желаете коварно и без всяких обязательств обесчестить бедного несчастного меня? Звучит весьма заманчиво, леди Лисандра! Да только, боюсь, мне это не подходит.

– Вот как?

– Увы.

Рэй нежно коснулся моей щеки, большим пальцем провёл вдоль нижней губы. Но в его вкрадчивом шёпоте ничего ласкового не было:

– Не обольщайся, Лили. Желай я просто затащить тебя в свою постель, ты бы в ней очутилась давным-давно. Крайне быстро и очень, *очень* охотно.

Я поперхнулась от возмущения. С возражениями, правда, не нашлась, но... но...

– Вы невыносимо самоуверенны!

– А вы прискорбно пьяны, моя леди, – протянул он, откровенно забавляясь. – Что ж, полагаю, мне пора. Я чувствую, что моя честь находится под угрозой!

– Убирайтесь прочь, несносный вы ползучий гад, – проворчала я, упершись ладонями ему в грудь. Без особого, правда, энтузиазма. – Если я и выйду за вас, то только чтобы развестись!

– Ни за что, – повторил он – всё так же мягко, но будто бы с едва различимой угрозой. – Отдыхайте, Лили. О нашем браке мы непременно поговорим, но чуть позже и на трезвую голову.

Лорд Блэквуд исчез, не забыв, впрочем, поцеловать меня на прощание. Я же бессильно опустила на краешек постели, чувствуя себя не то счастливой, не то несчастной... или же попросту растерянной.

Кто бы мог подумать, что влюблённость может быть такой сложной?

Сложно. Слишком сложно, чтобы думать об этом сейчас. Лучше отложить все размышления до завтра... Ох и стыдно мне, должно быть, станет поутру! Напилась, домогалась Блэквуда, а затем ещё и едва с ним не поссорилась!

Ладно, Лили. Завтра и помрёшь со стыда, ну или с похмелья. А пока – спать.

В том, чтобы быть некромантом, определенно есть свои плюсы – проснувшись со звоном будильных чар, я поняла, что похмелье меня почти не мучает. Провалы в памяти, увы, тоже. А вот стыд за своё поведение – очень даже.

Я села на кровати и со стоном схватилась за голову. Подумать только! Я привела в свою комнату своего же преподавателя и... О, все звёзды небесные – привела с весьма определенной целью!

То есть я, конечно же, вряд ли решилась бы на то, что так настойчиво предлагала Рэю. Но предлагала же! И целоваться с ним хотела, и ощутить на себе его сильные руки, и объятья, куда более откровенные, чем те, к которым я уже успела привыкнуть.

Так, успокойся, Лили. И скажи спасибо гадюке Рэю Блэквуду за то, что о благородстве он не позабыл. Хотя мог. Должен был, что уж там. Он же гадюка, а вовсе не прекрасный рыцарь в сияющих доспехах.

«Желай я просто затащить тебя в свою постель, ты бы в ней очутилась давным-давно. Крайне быстро и...»

...очень охотно. Вы даже не представляете, насколько, милорд.

С некоторым смущением я вдруг осознала, что меня бы такой исход вполне устроил. Очутиться в его постели, стать его любовницей... Когда-то в прошлом я бы посчитала это позором, но жизнь среди чернокнижников быстро избавляет от глупых предрассудков и учит по-другому смотреть на вещи. И впрямь, что плохого в том, чтобы лечь с привлекательным мужчиной, который тебе ну очень нравится? Сама мысль об этом будоражит, интригует и лишь самую малость пугает.

Что уж там – перспектива оказаться женой Рэйнхарта Блэквуда пугает в сто раз сильнее. Может, я, как леди Кейт, создана для науки и

совершенно не гожусь для семейной жизни? Мне слишком нравится учиться. Просто не представляю, как можно променять магию и книги на возню с хозяйством и детишками. Тоска зелёная! Да лучше смерть!

И всё же... всё же была часть меня – и, увы, отнюдь не крошечная! – которой, несмотря на все тревоги и опасения, жутко понравилась мысль о том, чтобы заполучить Рэя Блэквуда в безраздельное пользование. Насовсем. Принадлежать ему настолько же, насколько он принадлежит мне. Называть его своим мужем, быть матерью его детей и...

Великие звёзды! Вот как-то так раздвоение личности и зарабатывают, да?

Так и не определившись, что мне от бедного Блэквуда вообще надо, я в раздражении отшвырнула одеяло и заметалась по комнате, силясь собрать себя в кучу и худо-бедно привести в порядок. С непристойными фантазиями стоит обождать до вечера, а то так и на уроки опоздать можно.

Первым уроком была боевая и защитная магия, что оказалось весьма кстати: шквал атакующих заклятий, из раза в раз становящихся всё более мощными, крайне действенно выбивает из головы все лишние мысли. На втором уроке у Гримвард тоже было чем заняться... А уж после обеда я, получив вместо некромантии сдвоенную артефакторику, и вовсе позабыла обо всяких глупостях!

Не зря лорд Блэквуд прохаживался насчёт Найтстаров и их страсти к артефактам: предмет Шэйна Дерринджера покорила меня с первого же занятия, а сам лорд Шэйн мигом стал любимым преподавателем. И нет, вовсе не из-за красоты... Забавно, кстати, что преподы у нас один краше другого – по этому признаку их, что ли, отбирал наш драгоценный архимагистр? Чтоб в учительскую как на праздник? Даже злыдня Чейз, прихорошившись по случаю бала, выглядела весьма впечатляюще. Ну, с поправкой на кислую мину.

Но лорд Шэйн, пожалуй, самый красивый мужчина из всех, кого я видела. Да что там, он и многих женщин посрамил! Не человек – статуэтка из слоновой кости. Роскошные длинные волосы цвета красного золота, пронзительные глаза, настолько зелёные, что кроме избитого сравнения с изумрудами ничего на ум не приходит. Судя по слухам, тут тоже не обошлось без крови фейри – и, глядя на лорда Шэйна, в это охотно верится.

Однако самое удивительное – то, что о его внешности мигом забываешь, едва он начинает говорить о своём предмете. Шэйн Дерринджер, может, и не Найтстар, но тоже настоящий фанат артефактного дела. А ещё – отличный преподаватель, умеющий заинтересовать самого нерадивого ученика. Ну и просто приятный человек, остроумный, добрый и...

«...счастливо женатый отец двоих детей», – помнится, едко заметил Рэй, когда я впервые посетила урок артефакторики и никак не могла удержать при себе восторженные дифирамбы.

Хотя врать не буду, ещё больший восторг у меня вызвал ревнивый тон лорда-гадюки. До сих пор не вполне верится, что мужчина вроде него – крайне привлекательный и столь же самоуверенный – может кого-либо ревновать. А уж тем более – меня...

Видят звёзды, милорд, до чего же трудно выкинуть вас из головы!

Ладно, не так уж трудно. Артефакторика – это просто нечто! Хотя к собственно артефактам мы едва-едва приступили: первые недели занятий были посвящены основам ювелирного дела. Литьё, филигрань, гравировка, гальванотехника, огранка камней... и всё это при помощи магии! Весьма энергоёмкий, кропотливый, но жутко увлекательный процесс и совершенно невероятный результат. Какие там мужчины?! Я абсолютно и бесповоротно влюблена в артефакторику!

А предмет этот, прежде мне совсем не дававшийся, после перехода на тёмную сторону внезапно решил ответить взаимностью. Первое время, конечно, было трудно – я единственная из чернокнижников, кто попал на продвинутый курс, и одна из тех немногих, кому пришлось спешно нагонять теорию. Однако теперь я справляюсь немногим хуже отличников-нейтралов (и горжусь этим – не зря столько всего вызубрила и проделала!). Те по-прежнему задирают носы, но с ребятами попроще мы довольно быстро сдружились.

– Найтстар, скажи честно – ты продала душу демонам из Пекла? – выдохнула Сильвия, моя напарница по лабораторным. – Почему у меня такая фигня выходит?

Я оглядела её заготовку. Как по мне, очень симпатичная розочка.

– Деталей не хватает, – наконец сообразила я. И, открыв пространственный ларчик с моей фамилией над замком, достала

оттуда первую попавшуюся поделку – веточку остролиста. – Смотри, я сделала один листок и парочку ягод, взяв за образец настоящий остролист. Два вечера убила на эту мелочёвку, зато потом по уже готовой модели легко скопировать и подправить, чтобы те же листья не выглядели одинаково.

– Два вечера на дурацкий лист?! Так долго!

– В том и весь секрет! – фыркнула я. – Чем больше времени, сил и занудства, тем лучше выходит. Да и рука набивается...

– Хорош хвастать, Лили, – пробурчала сидящая перед нами Морин – острая на язык девица, внешне и характером напоминающая нашу Тави. – Знаешь ведь, не всем тут звёзды отвалили столько сил...

– Да брось, она-то здесь при чём? – вступился за меня её ухажёр и напарник, смешливый темноволосый Роджер. – Наравне со всеми впахивает. У тебя просто терпения не хватает, вот ты и бесишься.

– Не спорю, – усмехнулась она. – Два вечера на листик! Лисандра, ты страшная женщина.

– Я знаю.

Вернув ей усмешку, повертела в руках затейливую мельхиоровую подвеску в виде ключа. Первая моя серьёзная работа! Красиво вышло. Осталось только в причудливую растительную оправу вставить камешек – и вполне сгодится в подарок на день рождения. Мире точно понравится... А вот на свадьбу надо будет подарить что-то посерьёзнее.

– А что, они уже дату назначили? – изумилась Морин.

Кажется, про Миру я вслух ляпнула. Ладно, всё равно уже все в курсе, что за ней всю ухлёстывает Киан Моргран, двоюродный братец нашего Стефа.

– Нет, но всё к тому идёт, – поделилась я чуть ворчливо. – Всего неделю встречаются, а он её уже поволок к родителям на все выходные. Можете себе это представить?

Мои приятели-нейтралы дружно пожали плечами.

– У тёмных всегда так. Это вы с Блэквудом ждёте непонятно чего.

– Да ничего мы не ждём! Больно надо!

Я возмущённо фыркнула и демонстративно сосредоточилась на ключике, стараясь не обращать внимания на злорадное хихиканье вокруг. Мало мне наших тёмных, ещё и эти сватают! И впрямь не школа, а бардак какой-то.

Мысль о бардаке оказалась весьма кстати: под конец урока нашим взорам предстал не кто-нибудь, а сама бордельная мамаша! То бишь архимагистр Ливингстоун, встречающий меня на выходе из кабинета. Проклятье! Что ему на этот раз понадобилось?

В том, что архисводник явился именно по мою душу, я не усомнилась ни на секунду. И ведь оказалась права!

– Доброго дня, студенты, – произнёс он, натянув на физиономию самое радушное выражение из всех возможных. – Как ваши успехи в прихотливом искусстве артефакторики? О, прекрасно, прекрасно, продолжайте в том же духе! Мисс Найтстар, не уделите мне пару минут?

Как будто у меня есть выбор! Я кивнула и, обернувшись к обеспокоенно хмурающимся нейтралам, поспешила их успокоить:

– Идите, я догоню.

А если и не догоню, то охотно верю: мои однокурсники мигом отыщут в столовой Тая с Диком и предупредят, куда я запропастилась. Это обнадеживает.

Дождавшись, пока все скроются за поворотом, я отошла к окну и замерла на месте, всем видом показывая, что затащить меня в кабинет на чашечку чая – затея гиблая. Ливингстоун, впрочем, и не пытался. Сообразительный дедок, ничего не скажешь.

– Чем могу помочь, сэр?

– Просто хочу узнать, как у вас дела, моя дорогая, – промолвил он с толикой озабоченности на красивом и добродушном лице. – Боюсь, я снова могу... перейти рамки дозволенного, но уверяю: это лишь по причине моей искренней обеспокоенности!

...обеспокоенности моими постельными делами? Звёзды, нет, только не снова!

Устраивать очередную истерику я не буду. Дурная силища устаканилась, вернув мне изрядную долю прежней расчетливой рассудительности. К чему идти на конфликт с ректором, когда можно просто говорить то, что ему хочется слышать? В разумных пределах, конечно. Не то ещё решит, будто мной легко манипулировать.

– Понимаю, сэр. Что конкретно вас беспокоит?

– Меня беспокоят ваши... отношения с лордом Блэквудом. – Ливингстоун чуть поморщился, всем видом показывая, как неприятно ему затрагивать эту тему. – Поймите меня правильно, леди Лисандра...

я всего лишь хочу убедиться, что он не злоупотребляет своим положением. Что бы там ни было между вами, я желаю быть уверенным в добровольности и осознанности ваших действий.

Что ж, рассудительность не слишком помогает: резкую отповедь удалось проглотить с трудом. Как он смеет? Рэйнхарт Блэквуд может быть редким грубияном и ядовитой злоязыкой сволочью, но представить его домогающимся женщины? Немыслимо! Он слишком порядочен для такой мерзости, как бы ни пытался строить из себя подлеца и негодяя. И слишком самолюбив, пожалуй. Чтобы Рэй – и навязывал своё внимание женщине, которой это не нравится? Абсурд.

Хотя мне крайне сложно представить женщину, которой не понравится внимание мужчины, потрясающего во всех смыслах... Ну да ладно, речь не о том.

– Благодарю за участие, сэра, – начала я как могла почтительно, – но не стоит переживать. Наши с милордом отношения изрядно преувеличены в досужих сплетнях. Что уж там, половина родного факультета нас поженила.

– На этот счёт я тоже изрядно волнуюсь, – с чувством заверили меня. – Видите ли, моя дорогая... Рэйнхарт, он... хм-м... он не из тех, кто женится. Откровенно говоря, у него даже любовницы не задерживаются надолго – женщин вокруг него целая уйма, и, похоже, они ему очень быстро приедаются. Простите, что лезу не в своё дело, но меня тревожит мысль о том, что подобный человек, пресыщенный и безнравственный, может воспользоваться вами, вашей юностью и неопытностью!

– Понимаю, – сдержанно отозвалась я, хотя, признаться, меня едва не пробило на смех.

Это кто ещё кем хотел воспользоваться вчера вечером, а? Да пресыщенный и безнравственный лорд-гадюка от меня насилу вырвался! Всё зубоскалил, что его честь под угрозой, но ведь так оно, в общем-то, и было! А если и не было, то непременно будет.

Видит Царица, ждате невесты чего до нашей мифической свадьбы я не собираюсь. И нет, мне ничуть не стыдно. И да, с этой секунды честь Блэквуда действительно под угрозой!

– Вы хорошая девушка, Лисандра, – продолжал ездить мне по ушам архимагистр, кажется, чересчур вжившийся в роль доброго дедули, – и я хочу быть твёрдо уверенным, что вы не падёте жертвой...

вопиющего злоупотребления со стороны взрослого мужчины, вашего преподавателя. Прошу вас, моя дорогая: если вам хотя бы покажется, что лорд Блэквуд вас к чему-то принуждает, что он использует своё положение, – не стесняйтесь обратиться ко мне!

– Конечно, сэр, – почтительно произнесла я, склонив голову. – В прошлый раз мы с вами расстались не в лучших чувствах, но теперь я понимаю, что вами двигало. Должна сказать, меня восхищает то, насколько серьёзно вы подходите к своим обязанностям! Не каждый мужчина решится вести подобную беседу со студенткой, и я крайне признательна за ваше беспокойство обо мне.

– Ну что вы, что вы, моя дорогая! Я прежде всего педагог и наставник, а мужчина – лишь в самую последнюю очередь. – Ливингстоун весь расцвёл от моей похвалы. Пекло, он и впрямь купился?! Ладно, значит, у меня очень неплохо вышло отыграть юную дурочку, восторженно внимающую речам мудрого старца. – Посему ни в коем случае не нужно меня стесняться: я готов выслушать любые ваши проблемы и решить их незамедлительно! Ну, надеюсь, мы поняли друг друга?

– Да, сэр, – скромно потупилась я. – Благодарю. Вы дали мне много пищи для размышлений, в том числе и насчёт лорда Блэквуда.

О да, это точно. А о том, насколько непристойны те самые размышления, почтенному ректору лучше бы не знать. Боюсь, его удар хватит. Всё же не мальчик уже.

– Словами не выразить, как я рад, что мы с вами разрешили наше недопонимание! – едва ли не пропел он. – Что ж, я отнял достаточно вашего времени. Проводить вас на ужин?

– Нет-нет, не стоит, сэр, здесь недалеко. Хорошего вам вечера!

– И вам, моя дорогая.

Это донеслось уже мне в спину: от архимагистра я удирала едва ли не бегом. Ну его на фиг! Пока до столовой доберёмся, он ещё столько всякой чуши успеет наговорить! Да и идти здесь всего ничего, и Тай уже наверняка отправил мне навстречу Джинни, а то и вовсе кого из старшекурсников. Как по мне, он уж слишком меня опекает... Разве может мне что-то угрожать, пока лорд Блэквуд здесь?

Некстати вспомнилось, что как раз сегодня лорда Блэквуда здесь и нет. Невольно нахмурившись, прибавила шагу и... нос к носу столкнулась с долбанутой Бекки.

Ну вот, считай, вечер насмарку!

– Сегодня без оравы поклонников, да, Лисандра? – злорадно ухмыльнулась Бекки, смерив меня странно довольным взглядом. – Ой, как неосмотрительно.

– Тебе я наваляю и без всяких поклонников, – огрызнулась я, пытаюсь обогнуть её. Не вышло – она снова заступила мне путь. – Отвали, Лайтнинг, я не в настроении с тобой болтать.

– Зато я в настроении.

Не успела я опомниться, Бекки ухватила меня за запястье и, протащив чуть дальше по коридору, грубо впихнула в один из пустующих кабинетов.

– Жить надоело, долбанутая?! – рявкнула я, в бешенстве стиснув кулаки. – С этим я могу помочь!

– Не так быстро, красатуля, – протянули у меня за спиной. Обернувшись, я смерила презрительным взглядом мерзко улыбающуюся Лорел. – Решила, что все твои выходки так просто сойдут тебе с рук? О, очень зря!

Элиза была тут же, странно хмурая и будто даже напуганная. Но что мне впрямь не понравилось, так это лицезреть троих старшекурсников-чародеев, один из которых – Джеймс, кажется, с целительской кафедры – прошёл мимо и демонстративно прислонился к двери. Двое других же замерли в опасной близости от меня. Клерик и страж. Йен и Лоуренс. Первого я едва знаю, но второй мне хорошо знаком – он ведь старший братец стервы Лорел. Такой же рыжеволосый, красивый и поганый на язык. Прежде я слышала от него лишь комплименты, но... но сейчас он вряд ли скажет мне что-то доброе.

И сделает тоже вряд ли.

– Шестеро на одну девчонку? – скучающе изумилась я, хотя по спине прошлась волна озноба. – Благородство, отвага и честь. Во плоти. Хотя чему удивляться: такие идиоты, как вы, даже одним мозгом на двоих похвастать не могут.

Пощёчина вышла болезненной: рука у долбанутой Бекки оказалась на удивление тяжёлой. Я даже рот приоткрыла от изумления – да как она посмела меня ударить?! Зло стиснула зубы, позволила силе устремиться наружу, сплела проклятье и...

И ничего.

Попробовала снова... Ничего.

Вот теперь мне стало страшно.

Я тяжело сглотнула и уставилась на девчонок, лучащихся самодовольством. Что это за мерзкая светлая магия? Не знаю, но она сулит мне большие проблемы. Пекло, без своей силы я не справлюсь со всеми. Может быть, с девчонками разберусь, но не с тремя крепкими парнями.

– Работает, – хмыкнул клерик Йен. – Ты был прав, Лоу! Славная штуковина, не зря полсотни золотом отвалили...

Ах, так они подготовились – видимо, прикупили какую-то побрякушку, и очень недешёвую. Отрадно слышать, что меня посчитали настолько опасной.

– Вы же понимаете, что меня уже хватились? – произнесла я как могла холодно.

– Понима-аем. Не такие уж мы идиоты, а, красотуля? – издевательски протянул Лоуренс. – Твои тёмные дружки тебя не найдут. Нейтралы – тоже. Светлые могут, но... не станут, конечно же. Ладно, дамы, как насчёт поразвлечься?

– Только лицо портить не надо, – лениво бросил целитель, всё так же стоящий у двери, – оно мне нравится.

– Нет уж, я слишком давно мечтала набить ей морду, – прошипела Лорел, вмиг оказавшись рядом. И от души вмазала мне кулаком. Но почему-то не подумала, что я сама могу отвесить хорошего пинка и как следует дать ей по зубам. – Ах ты, сучка!

– Бьёшь как пятилетка, – фыркнула я, сплюнув кровь – губу мне едва-едва, но поранили. – Попросила бы братца, ему не впервой делать за тебя грязную...

Не стоило, не стоило подавать им идей! Братец и впрямь меня ударил – да так сильно, что искры из глаз посыпались. Я сдавленно охнула и непременно рухнула бы мешком, но мне не дали: Лоуренс ухватил меня за грудки и больно приложил спиной о каменную стену. А затем его дружок-клерик подошёл и со всей дури ударил меня в живот, заставив задохнуться.

Больно, как же больно... Но унижение – вот что ранит по-настоящему. Я же сильная, очень сильная! Я могу убить их всех! Но... не могу.

Что они со мной сделали? Нет, не со мной. С собой.

– Парни, хорош, – внезапно услышала я голос Бекки. – Ей с лихвой хватит. Мы ведь не хотим её покалечить...

– Заткнись, – бросил Йен, замерший за плечом рыжего ублюдка – тот глазел на меня с очень недобрым весельем и знай себе скалился. – Но ты впрямь перестарался. Зачем лицо разбил? Такой ротик для другого нужен.

– Джимми подлечит, не впервой, – протянул Лоуренс, склонившись ко мне ближе. И вкрадчиво прибавил: – Ротик у тебя и впрямь славный, лапуля. Да и всё остальное тоже...

Чужая рука скользнула по животу и выше, больно стиснула грудь. Меня затошнило. Разум отчаянно сопротивлялся, но интуиция подсказывала: эти трое вовсе не крови моей жаждут.

Я не отобьюсь от троих. Никак. У меня есть нож, и я с ним хороша... но не настолько, чтобы уложить всех.

Думай, Лили, думай... Думай, твою мать. Включи голову, если не хочешь, чтобы тебя пустили по кругу и бросили помирать в луже собственной крови. Звёзды, не могут же они и впрямь?..

– Вы... вы с ума сошли? – проговорила дрожащим голосом, чувствуя, как кровь течёт из расхристанного рта по подбородку. Перед глазами всё плывёт, и в том, что у меня сотрясение мозга, я уверена на все сто. – Думаете, я стану молчать?

Йен издевательски заржал, ему радостно вторила Лорел. Бекки, к моему удивлению, молчала, а неженка Элиза и вовсе хлюпала носом, сдавленно рыдая.

– Вы и впрямь идиоты, а? Эта стерва – внучка Леноры Найтстар! – раздражённо бросила Бекки. – Разговор был о парочке оплеух, не об избиении! Представляете, как нам влетит, если кто-то из преподав узнает?!

– Никто не узнает, Бекки, – проворковал Лоуренс, издевательски нежно приобняв меня за бёдра. – Мы с ней такое сделаем, что она просто постесняется сказать...

– Она – и постесняется?! Как же!

– Да кто поверит чернокнижнице? – фыркнул Йен, больно ухватив меня за волосы и заставив поднять голову. – Они же шлюхи, все это знают...

– Ну, вот эта пока ещё девственница, – равнодушно заметил целитель. – Ох, не люблю девственниц. Но так и знал, что Роберту не

обломилось. Вот трепло! И Блэквуд, выходит, её тоже не трогал.

– Во имя Зари, он что, импотент?!

– Ха, это многое объясняет! Например, паршивый характер этого мудака, – рассмеялся Лоуренс и больно ухватил меня за подбородок, заставив смотреть на него. – Не сопротивляйся, милая Лили. Зачем? Это бессмысленно. Ты лучше расслабься! Кто знает, возможно, в таком случае тебе даже понравится?..

– Мы на такое не подписывались! – выкрикнула Бекки, а Элиза зарыдала уже в голос. – Вы же не заставите нас на это смотреть?..

– А меня и заставлять не придётся, – заявила Лорел едва ли не восторженно. – Я даже готова поучаствовать. Бутылку там запихнуть, или ещё чего.

– Сферы небесные, Лорел!

– Что? Из-за этой бледной поганки Роберт меня отверг!

– Повторяй это себе почаще, и тогда, может, поверишь, – пробормотала я под довольный гогот чародеев – им явно пришлось по вкусу горячее стремление Лорел засунуть в меня что-то эдакое. – Ты такая мерзкая, жалкая и непроходимо тупая сука, что даже Роберт не польстился...

Новая оплеуха пришлась на правую щёку, и на сей раз я не смогла сдержать болезненного стога. И слёз тоже.

– Не оскорбляй мою сестрёнку, Лили. Я этого не потерплю.

– Да пош-шёл ты!

Очередного удара не последовало: Лоуренс просто толкнул меня к ближайшей парте и с нарочитой неспешностью принялся расстёгивать пуговицы на моей рубашке. Его намерения стали очевидными, как и намерения его дружков – те замерли неподалёку, алчно следя за тем, как оголяется моя кожа. Точно хищники, привлечённые запахом крови. Бекки с Элизой теперь хнычут в два голоса, и это почти забавно. Думали, будет весело? В изнасиловании нет ничего весёлого. Кто знает, может, истерзав меня, эти твари возьмутся за них? Им явно не впервой.

Было донельзя страшно и противно, однако я не сопротивлялась. Больше нет. Смысл? Всё происходящее казалось совсем нереальным, словно самый жуткий из ночных кошмаров. Но... нет, нет. Нельзя, нельзя сдаваться! Надо что-то делать, но что? Моя сила всё ещё при мне, я это чувствую, да только вокруг чародеев – просто вокруг, по

периметру кабинета – клубится нечто, похожее на мощнейший светлый щит. Он словно поглощает все мои проклятья, изничтожает на подлёте...

И всё же это щит. А щит...

Ну конечно. Щит... щит – это...

– Щит – это купол.

– Чего? Что ты там бормочешь?

– Щит – это купол, рыжая мразь, – процедила я сквозь плотно сжатые зубы. И, одним движением выхватив нож, воткнула его Саммерсу в живот. Провернула в ране, откровенно наслаждаясь громким скулежом мерзавца, а затем резко потянула вправо.

Сила рванула вперёд, хлестнула наружу, потекла сквозь лезвие ножа. Сумеречная сталь – отличный проводник. А щит... щит – это купол. Непрошибаемый снаружи, но пустой изнутри. И он схлопнулся, стоило мне прорваться внутрь.

Нахальный клерик Йен Андерсон тоненько завизжал и принялся обдирать с себя вспыхнувшую рубашку. По его груди сверкающими ртутными слезами текли ручейки расплавленного металла.

Ох, даже представить не могу, как же это больно.

Лоуренс Саммерс извивался у меня под ногами, прижимая ладони к распоротому животу. Кровь толчками покидала его тело, а моя чёрная магия текла по его жилам, вздувалась чёрными венами, плыла на поверхности кожи паутиной лопнувших капилляров.

Выглядит ужасно... восхитительно.

– Что ты творишь?! Хватит! – выкрикнул Джеймс, растерявший всю свою вальяжную неспешность. Рухнув рядом со своим дружкой, он тщетно пытался сдержать распространение проклятья. – Он умирает! Лисандра, прошу, пожалуйста, остановись! Пожалуйста! По...

– Ни за что, – негромко ответила я. И, напоследок отвесив хорошего пинка умирающему бедолажке, неуклюже протащила к дальнему углу кабинета. А там осторожно сползла по стенке и в бессилии прикрыла глаза. Каждый вздох отдавался хрипом и болью в груди, а как меня до сих пор не вывернуло – самой интересно.

Великие звёзды, ну и здорово же меня отделали. Никогда в жизни мне не было так плохо и больно.

Но, как выяснилось, месть – отличное лекарство.

Бекки и Элизы больше не слышно – brave чародейки слиняли, едва выпала возможность. Лорел всё ещё здесь, надрывается над братцем, доживающим последние секунды, и обещает мне все кары небесные. Йен рыдает как сопливый ребёнок – громко и горестно, весь в слезах и соплях. Джеймс сыплет ругательствами, плещет во все стороны своей целительной силой, но уже и сам понимает – без толку.

Лоуренс умрёт? Нет. Лоуренс *мёртв*. И одни лишь звёзды знают, насколько я счастлива этому.

Не без труда приоткрыв глаза, я оглядела кучку чародеев, жалких и зарёванных. Нашла взглядом окровавленный труп Саммерса, тарасившего в пустоту глаза – блёклые, мутные, как у дохлой рыбы. И радостно улыбнулась.

– Мёртв, – прошептала я, смеясь как полоумная и крепко стискивая в ладони рукоять ножа – на случай, если ещё один из этих уродов хотя бы шагнёт в мою сторону. – Мёртв. Мёртв. Мёртв...

Глава 12

Первое, что я сделал, едва войдя в гостиную, это рухнул в кресло. Хотя нет, первым делом я спихнул Руфуса и Гидеона на Лианну, чтобы подлатала остолопов. А потом рухнул, да. И брошенный Фионой шмат мороженого в камень мяса приложил к морде, чтобы распухла медленнее. Лечебных зелий-то в доме, как выяснилось, кот наплакал.

– Знатно вас, обалдуев, потрепало, – хмыкнул дражайший батюшка, разумеется, не возжелавший оставить нас без своих ценных комментариев. – Вот так и знал. Только помереть решишь, даже костюмчик к похоронам подберёшь и позу натренируешь, как наследничек что-нибудь да выкинет. Сгинут, сгинут Блэквуды, с такими-то детишками!

– Три мантикоры, – бросил я недовольно.

Нет, папенька прав – обалдуи и есть. Сангстера чуть не сожрали; я, лорд-гадюка, чтоб меня, едва не стал одноглазым милашкой, а Руфус, троллье семя... А, нет, с Руфусом как раз всё хорошо. Подумаешь, трёхсотлетний дуб чуть башкой не проломил! То проблемы дуба.

– Да хоть двадцать! – громыхнул отец, гневно стукнул тростью о пол. – Я тебе что говорил – сначала ловушки ставишь, потом ловишь образину!

– А мы не ставили, по-твоему?! – огрызнулся я. – Три мантикоры было, три, слышишь ты меня, старый пень? Об одной-то мы знали, что рядом вторая ошивается – ну, положим, догадались и щиты вовремя выставили. А третья тварь как рванёт на нас из лесу! Сангстер сразу лапками кверху, я уж решил, жалом ему прилетело. Слава Царице, оклемался. Думали, не вывезем ни хрена, этим тварям твоя некромантия что мёртвому девица. Говорил, надо Тони ждать, так нет – сожрут, сожрут полдеревни!.. Ну сожрали. Только нас!

– Что-то не похож ты на мантикоров обед, – хмыкнула Фиона, деловито расправив подол платья, прежде чем сесть напротив. И даже ручки на коленях сложила – ну прямо леди при вышивке, а не урождённая Блэквуд.

Впрочем, какая уж там вышивка – вместо неё в длинных пальцах с жутковатого вида чёрными ногтями в полдьюма длиной появился стакан с виски. Второй она протянула мне. Папенька аперитивом уже обзавёлся и вовсю веселился, глядя, как я, морщась от боли в разбитой губе, пытаюсь прочистить глотку алкоголем.

– Успел вовремя. Схватил обоих обалдуев да перенесся под соседние кусты. Потом муженёк твой в себя пришел, Руфус выставил осадные, и мы всех трёх тварей тёмным пламенем окружили. Дрянь, конечно, а не заклинание – думал, прямо там и кончимся.

– Не кончились, – резюмировал отец. На мгновение мне показалось, что в его голосе появилось нечто сродни одобрению. Но только на мгновение.

– Не кончились, – подтвердил я. – Шашлык из мантикор вышел знатный. Но чтобы я ещё раз на этих тварей без Гилберта пошёл!

Вот ведь помяни ублюдка – только я закончил живописание своих подвигов, как из вспышки телепорта вышел Тони Гилберт собственной персоной. Как всегда при параде, чистенький, красивый. И да, без разбитой морды, что тут же захотелось исправить.

– Ничего себе, – присвистнул он, прежде чем поцеловать руку моей сестре – как и полагалось, если в комнате присутствует женщина. Фиона, разумеется, благосклонно улыбнулась в ответ и кивнула на графин с виски – присоединяйся, мол. – А где остальные? Неужто отмучались?

– Мечтай, – хмыкнул я, отбросил от себя уже изрядно подтаявший кусок мяса, а потом опомнился и снова накинул на него заморозку. – Лианне сдал на руки, она сказала, у неё с собой пара зелий есть. Кстати об этом... Батюшка, соизвольте-ка отчитаться, почему в доме ни одного лечебного зелья?

– Это ты меня спрашиваешь? Напоминаю, лорд у нас нынче ты, тебе и шевелить задом! – чёрные глаза в лучиках морщин откровенно насмехались. – Или ты думал, титул себе наныл, и на том всё? Нет, сынулька, твоё хозяйство теперь, тебе и колотиться.

– Я в том хозяйстве живу от силы пару месяцев в году! – возмутился я. – А теперь ещё и в Академии бардак разгребаю!

– Так сам взялся, вот и колотись. И это я ещё молчу про ремонт! Я старый человек, недосуг мне за твоими косорукими идиотами присматривать!

– А не присматривай, – развеселился я в ответ. – Тогда не видать тебе внуков как своих ушей.

– Да мне их и так не видать! То мантикорам кишки портить чуть не пошёл, то бабу нормальную найти не можешь. Не видать, не видать мне наследников, видит Царица!

– Ну почему же не могу...

Более того, я её уже нашёл. Только не «бабу», как выражается дражайший батюшка, чтоб его мантикоры три дня вокруг крепости гоняли, а великолепную девушку. Самое оно как для чернокнижника с дурным характером вроде моего. Сильная, смелая... и скромница разве что на первый взгляд – уж мне ли не знать, после того, как я чуть не оказался в её постели? Не в своих покоях, как должно было быть, а в её комнатке в общежитии чернокнижников, из которой выходить мне ой как не хотелось. Что там – с трудом удалось справиться с собой, своими далеко не невинными желаниями, раз пятнадцать напомнив себе, что позволять тащить себя в постель невинным девушкам в подпитии – это ой как плохо.

Особенно если они после этого упорно отказываются выходить за тебя замуж. Не то чтобы я рвался жениться на каждой девице, что побывала со мной, однако же есть тот тип женщин, очень редкий, на которых жениться можно даже вместо постели. Лишь бы были рядом, да и просто... были.

– Может, может, – подтвердила Фиона, премерзко ухмыляясь – уж ей ли не знать о моих сложных отношениях с Лили? Племянничек небось загонял беднягу Джинни и перевёл немало бумаги, описывая мои хлопоты. Мой бурный романчик, точнее, если выразиться лексиконом Октавии Кейн. – Вы тут совсем одичали, папенька – наш юный лорд Блэквуд уже нашёл себе невесту и всю её сватает. Как ты наверняка слышал, Ленора намеренно обзавелась прелестной внучкой...

Папенька бы непременно поперхнулся, будь он хоть немного более эмоциональным человеком, а не жутковатым лордом-гадюкой-старшим и просто вредным старым хрычом с премерзким характером.

– А, так вот ради кого шум! А я-то думаю, чего Ленора надо мной глумится третье письмишко кряду? Разорю, мол, на выкупе. Испугаться успел – а ну как после коньячка предложил старой ведьме за меня замуж пойти?

– Так уж и старая? – ухмыльнулась Фиона.

– Так уж и ведьма, – одновременно с ней проговорил я.

– А то как же! Ведьма и есть! До сих пор, как с ней за одним столом посижу, несварение с утра лечить приходится.

– Травит по старой любви? – невинным тоном поинтересовался Тони.

– Чтобы я, да был влюблён в эту стерву? Ха! И кстати, я твой выбор не одобряю. Найтстар, дряблая моя задница! У нас нет столько денег!

– И ремонт в хозяйском крыле не закончен, – хмыкнул я. – Ничего, найду. Ну, это если Лисандра вообще согласится пойти за меня замуж. Проклятье, эти Найтстары...

От жгучего взгляда Фионы мигом захотелось скрыться куда подальше – это только для широкой публики лорд-гадюка тут я, на деле же моя сестрица легко даст фору половине тёмных лордов королевства. Вторую половину возьмёт на себя прелестная фея Лианна. Не женщины – демоны во плоти.

– Сдаётся мне, не в фамилии дело. Признавайся, змеюка, запугал бедную девочку своим напором? И даже колечка поди завалившего не подарил!

Вот как она это делает? Вроде и не менталистка, а с одного взгляда пронзила, где именно я накосячил. Сестрица, чтоб её в пекло.

– Ну, не подарил, – неохотно признался я. – Только от Леноры подарочек передал и конфеты пару раз отправил. А ещё Шеан крутится рядом с ней всякую свободную минуту. Он ей нравится.

– Котики всем нравятся, – фыркнула Фиона, чьим фамильяром, кстати, была серебряная анаконда. – Но ты, братец, вроде и умный мужик, а лопух лопухом. А ещё над моим Гидеоном насмехаешься!

– Да я до сих пор не пойму, как вы вообще умудрились пожениться. Нет, папа, не начинай эти свои сказки про то, как ты беременную сестрицу запихивал в окно Сангстер-мэнора.

– Ну как сказки...

– Ой, всё.

На самом деле та история вполне имела место. Возможно, изрядно приукрашенная как отцом, тем ещё выдумщиком, так и Фионой. Но всё же она была: моя сестрица упиралась до последнего, не желая выходить замуж за бедолагу Гидеона. И ведь казалось бы, влюблённая парочка – мне было лет восемь, когда Фиона коварно

совратила Сангстера на первом курсе Академии, да так и пробегала на свидания с ним все последующие шесть лет. Вот только стоило Гидеону лишь заикнуться о свадьбе – приличный человек, как-никак, – сестрица подняла жуткий скандал и наотрез отказалась менять «благородную фамилию Блэквудов на это вампирье нечто». Страшно вспомнить, сколько жутковатых серенад под окнами Блэк-холла мне пришлось выслушать (делать невесте подарки нищему, как и мы, Сангстеру было особо не с чего), а уж дурацкие веники, собранные поутру в ближайшем поле, до сих пор сняты мне в кошмарах.

Проблему со строптивой невестой решил отец, когда её стремительно растущий живот стало трудно выдавать за лёгкое переедание. Ну как решил – распил коньячку с тогда ещё живым Сангстером-старшим, договорился о скорой церемонии в посадском храме Царицы да запихнул Фиону в карету, предварительно связав.

И что-то мне упорно подсказывает: повторять сей подвиг ему придётся вновь, вот только в качестве жертвы будет выступать Лисандра Найтстар. Я-то её связывать и тащить под венец отказываюсь – не из джентльменских побуждений, просто к чему так рисковать жизнью и физиономией? Жениху положено быть красивым на своей свадьбе. И ещё развлекать гостей, в числе которых непременно заявится её величество королева Мария – она клялась, что нипочём не пропустит такое событие, как женитьба её главной головной боли. Стоит ли упоминать, что помимо этого с меня ещё и взяли обещание занять пятерых детишек?..

– И об этом ты бедняжке Лили, я так понимаю, заявил в лоб? – премерзко улыбнулся Тони, а я осознал, что последнее ляпнул вслух. Папенька ржал кентавром, Фиона не отставала – весело им, мантикоровым детям.

– Почти, – неохотно кивнул я. – Всего-то намекнул пару раз, – пару десятков раз, Рэй, хоть себе не ври! – что хочу видеть её хозяйкой в этом доме хоть прямо сейчас.

– Нет, серьёзно, и ты ещё спрашиваешь, почему бедная девочка не бежит под венец? Я бы за тебя точно не побежала!

– Да ты и за Гидеона не побежала, начнём с этого!

– И мне было двадцать шесть! – Фиона сердито топнула ногой в остроносой туфле. – А Лили сколько, двадцать? Ты хоть объяснил ей,

престарелый ты ловелас, что дети и свадьбка – это не завтра и даже не через год? Да что там, до помолвки бы дожить!

– А чего не дожить? Это я хоть завтра! Отец, есть у нас в сундуках колечко попримечнее? Вернусь – сразу о помолвке и попрошу.

– Ага, и сбежит от тебя девчонка на другой конец страны, – усмехнулся Тони. – И будет права. Аккуратнее надо, Рэй, нежнее! Женщины это любят.

– Моя женщина при первом нашем разговоре заявила, что ей понравилось со мной убивать. Какие уж тут нежности, Гилли?

– А вот такие, – припечатала Фиона. – Серенады петь не вздумай, конечно – до сих пор жуть берёт, как вспомню. В ресторацию своди, зверушку миленькую подари в фамильяры. Всему вас, мужиков, учить надо!

– Что-то твой муженёк за четверть века так ничему и не научился...

– И слава Царице! Сангстеры и ухаживания – это как Ливингстоун и мозги! Абсурд! И ты, Антониус, туда же. Ты зачем, скажи мне, Лианне на годовщину свадьбы букет солнечных лилий притащил? Она же терпеть не может веники!

– О, так это наследственное! – припомнил я слова Лили о нелюбви к мёртвым цветам.

– У нас у всех всё наследственное, – проговорил отец, отпив из своего бокала. – У тебя вот только отсутствие мозгов непонятно от кого. Я-то умный был в твоём возрасте!..

– И красивый, ага.

– Нет, тут ты меня переплюнул, мать твоя хорошо постаралась. Но мозгов как не было, так и нет. Девочка, Рэйнхарт! Двадцатилетняя! Нет, не дождусь я внуков, видят звезды, помру раньше!

– Да уж скорее бы!

– Ах вот ты как!..

Что именно «как», он договорить не успел – в гостиную спустилась Лианна в компании Руфуса и Гидеона, на чьём плече восседала Джинни.

И вот как-то ни одного варианта, что новости, принесённые фамильяром Тая, будут хорошими. Потому как с такими лицами, бледными, встревоженными, а в случае Гидеона ещё и злыми, просто так не спускаются.

Сердце пропустило удар.

– Что случилось? – поднявшись с кресла, спросил я.

– Рэй, ты только... – начал было Руфус, видимо, как самый спокойный член внезапной делегации. Но передумал. – А впрочем, нет, я лучше помогу.

– С чем это?

– Разнести грёбаную Академию по камешку, вот с чем!

– И я должен сделать это, потому что?...

– Потому что наши сыновья не добились светлых поганцев, – буркнул Фарли, чуть не до хруста стиснув пудовые кулаки. Да что там за хрень в той записочке?.. – Хотя один труп уже имеется.

Я, признаться, даже не поверил услышанному. Какой, в Пекло, труп? И, тяжело вздохнув, требовательно протянул руку.

– Просто дайте уже мне прочесть...

– Не советую, – тихо и зло произнесла Лианна. – Уж если я, прочитав эту дрянь, захотела пойти и убить пару-тройку чародеев...

Меня даже обеспокоил её вид – в пурпурных глазах полыхает недобрый ведьминский огонь, лицо белое как кипень, лишь на тонких скулах горят два ярких пятна гневного румянца.

– Да в чём дело? – раздражённо выпалил я, уже не на шутку встревоженный и готовый мчаться на выручку своим змеёнышам. Дохлый чародей явно не убил себя сам. – Лианна? Что-то с Лэндоном?

– Нет, – помедлив, она качнула головой. – Нет, не с ним.

Ладно, всё, с меня достаточно.

Первым порывом было сжечь измятую бумажку: то, что я в ней прочитал, не укладывалось в голове и походило на чью-то дурную насмешку. Ну, из тех, что призваны выбить недруга из душевного равновесия. Вот только я недругом Таю точно не был, да и на шутника он никак не похож.

Чародейские выкормыши напали на мою Лили. Избили её, чуть не изнасиловали. А она в отместку вспорола брюхо одному из мерзавцев.

Чудесная девочка. Бедовая, изрядно чем-то мешающая Ливингстоуну – если верить предположениям Тая, без него снова не обошлось. И потенциальная кандидатка в вечные узницы Блэк-холла, потому что я просто обязан её забрать оттуда. Забрать, сдать на руки Фионе и Лианне, которые позаботятся о ней лучше кого бы то ни было.

Просто не подпустят к стенам крепости того, в ком усомнятся хотя бы на мгновение. Даже меня, если понадобится.

Забрать. А после – разнести всю грёбаную Академию, измазаться кровью врагов и сплясать на руинах.

Только вот вместе с ней придётся забирать ещё и Лэндона с Таем и Дики, потому что после Лили они – первые кандидаты на безвременную кончину и не доживут до выпуска.

Впрочем, о каком выпуске речь? Его попросту не с кем и негде будет проводить – от Академии-то всё равно ничего не останется. Или я не Рэйнхарт Блэквуд.

– Эй, Рэй, – позвал меня Гилберт, которому не представилось счастья ознакомиться с писулькой племянника. – Ты же не...

Что я там якобы «не», я слушать не стал. Просто сунул бумажку Тони, чтобы сам прочитал и проникся. Благо есть чем. Я вот впечатлился до глубины, мать его так, души.

Тони прочитал, и очень быстро – у Гилбертов с грязными делишками, своими или чужими, долгих прокрастинаций не предусмотрено.

– Чудненько, не правда ли? – скривился я в кровожадной усмешке. – Всё, я пошёл. Подготовьте тут всё.

– Один не пойдёшь, – заявил Тони, стоило мне схватиться за свой камень телепорта. Бросил быстрый взгляд на молчащую Лианну. Она еле заметно кивнула. – Мой сын того гляди станет обедом Ливингстоуна. Я с тобой.

– Я справлюсь и без охраны.

– Я в курсе, как ты справишься – трупы и руины! Блэквуд, давай без нервов.

– Без нервов? – Я аж удивился. Да этих тварей нужно стереть с лица земли, посыпать их прахом бороду Ливингстоуна, после чего сжечь уже его! – Да ты, должно быть, шутишь?!

– Не шучу. – Он мотнул головой и заметил даже будто весело: – Пощади, я ещё не накопил на войну с чародеями. Давай через пару годиков сразу всех и грохнем?

Здоровое предложение – денег на войну и впрямь надо много. Да и крепости бы окружить щитами помощнее, связать их между собой сетью телепортов, запастись всем необходимым на случай осады...

– Ладно, – неохотно согласился я. – Но если Ливингстоун сам доболтается до смертного приговора, я не виноват.

Тони согласно кивнул и вцепился в мою руку; я активировал телепорт, пока всё моё семейство не увязалось следом. А они непременно захотят себе парной кусочек Ливингстоуна, как только узнают, в чём дело.

– Ах, родная академия, сто лет не виделась, – когда вихрь вынес нас напрямиком к воротам, протянул Тони с фирменной своей физиономией – как будто вляпался в кучу грифоньего дерьма. – И ещё бы век не видал. Ну что, куда теперь? К ректору?

– В учительскую, – возразил я, мотнув головой. – Там места больше, да и гадких тёмных магов сподручнее отчитывать при свидетелях. А что их отчитывают, я даже не сомневаюсь.

Как это за мной водится, я оказался прав: отголоски отнюдь не мирной беседы донеслись до нас, стоило лишь свернуть в нужный коридор. Громче всех, разумеется, орала Чейз.

Прислушиваться я не стал – толкнул дверь учительской, окинул взглядом присутствующих. Компания оказалась внушительной, как я и предполагал. Мрачная Кейт; Лейф, сурово поджавший губы и скрестивший руки на груди; Эбби, в точности копирующая его позу и выражение лица; дражайший ректор с этим его тошнотворно благостным выражением лица, как будто это не у него под носом чуть не совершилось групповое, чтоб всех светлых в Чашу, изнасилование! Ну и Чейз с мордой подтухшей курицы, на момент моего появления распекавшая беднягу Лэндона.

За то, что посмел защитить Лисандру, да.

Стоит ли говорить, что сдерживать свою магию я даже и не думал? Зелёная некромантская аура, в моем случае отдающая в болотный из-за моего отнюдь не чистокровного происхождения, разлилась по всему кабинету, будто так и надо.

Тай и Дик, замершие чуть поодаль, едва заметно ухмыльнулись, глянув на всю эту иллюминацию, но быстро вернули на лица прежние выражения – настороженные и злые.

– Мистер Блэквуд... – промямлил Ливингстоун, изрядно спав с лица, стоило мне приветливо улыбнуться.

Ну как приветливо... с этим у меня вечно были проблемы, а сейчас и вовсе настроение не располагает.

– И вам не хворать, – огрызнулся я. И выпустил Шеана, который так и рвался на свободу, точно зная, что дела обстоят хуже некуда. Особенно у полюбившейся ему девушки с глазами пантеры. – Где леди Лисандра?

– В медпункте, – отозвалась Эбби. – Я напоила её зельями и наложила чары. Леди Кейн присматривает за ней.

– Чудесно. Шеан, к Лисандре, живо.

Мой кот склонил голову, будто отвечая, и исчез, фиолетовым туманом пройдя через успевшую закрыться за моей спиной дверь.

Тони последовал моему примеру – от льдисто-синей ауры малефика отделился большой чёрный пес. Тенью скользнул к Лэндону, встал впереди него, широко расставив лапы. Не рычал, но оскалился так, что впору бы Даниэлле искать дерево повыше, чтобы на него забраться. Впрочем, вряд ли её это спасёт.

– Мистер Гилберт, чем обязаны такой честью? – протянул архимагистр, даже попытался улыбнуться. Вышло жалко.

– Для вас я лорд Гилберт, – ледяным тоном оборвал его Тони. – А он – лорд Блэквуд. Запомните наконец, будьте так любезны.

– Без толку разоряешься, – бросил я лениво. Видят звёзды, меньше всего меня сейчас интересует то, как меня называют всякие престарелые мудаки. – Почему здесь мои студенты?

– *Ваши* студенты, лорд Блэквуд, – начала злыдня Чейз, едва не захлёбываясь ядом, – чуть не забили до смерти моих студентов!..

– Ваших ур-родов, – прорычал добряк Дики не хуже своих тролльих родичей. – Жаль, не добились.

– Это ещё не поздно исправить, – заметил Лэндон, злобно скалясь. – Чур, рыжая – моя.

– Я буду настаивать на вашем отчислении, Гилберт! – заверещала Чейз. От бешенства она аж заискрилась, точно неисправный артефакт. – Вы ударили девушку! По лицу! Дважды!

– И до Пекла жаль, что только дважды! – огрызнулся Лэндон на повышенных тонах. На очень повышенных. Да что там, просто заорал. – Чем угодно поклянусь, эта сука – зачинщица, она во всём виновата! И я не успокоюсь, пока не выбью из неё либо признание, либо последние мозги!

Пес Гилбертов зарычал тут же, поддерживая сына своего хозяина. Я бы вот тоже зарычал. Но пришлось махнуть рукой, веля Лэндону

заткнуться – деткам, хоть тысячу раз ответственным, отважным и по-геройски безрассудным, в разборках взрослых делать нечего.

– На отчислении мисс Лорел, как я понимаю, вы настаивать не станете? – невольно копируя манеру Тони тянуть слова, поинтересовался я. И пальцами хрустнул – захотелось сильно. – Уберите это выражение со своего лица, мисс Чейз, я в курсе почти всей истории. Как только узнаю детали, речь будет вестись не об отчислении, а о похоронах, это я вам обещаю.

– Да как вы смеете угрожать мне? – взвилась Чейз, срываясь на визг. – Вы?.. Да я!..

– Что, будете жаловаться? Я задал вопрос. Что здесь делают мои студенты и о чём именно отчислении идёт речь?

– Господа, господа... я думаю, нам всем стоит немного остыть, – промямлил Ливингстоун этим своим тоном пресветлого миротворца.

Естественно, его никто не послушал.

– Между прочим, Лайтнинг первый их лупить прибежал – сестрица пожаловалась, – буркнул Тай, явно раздражённый всеми этими воплями. Подобно своему папеньке, он предпочитал затаиться в тёмном уголке и знатно напакостить исподтишка. Но, судя по сбитым кулакам и живописным пятнам крови, расцветившим белую рубашку, в драку полез без раздумий и вполне охотно. – Потом разнимать нас полез, выхватил по башке и проспал всё веселье. Кретин. А, ну да, он-то у вас, конечно, отважный спаситель, зато мы...

– Нелюди! Садисты! Жестокие монстры! – продолжала визжать Чейз. Её явно понесло по всем кочкам, и плевать дуре, что тут целая толпа «монстров», жаждущих искупаться в светлой кровушке. – Что бы ни сделали мои студенты, именно они – те, кто стали жертвами!..

– Ты, мать твою, серьёзно, Даниэлла? – рявкнула вдруг Эбби, грозно надвигаясь на неё. – Как насчёт Лисандры Найтстар? На девчонке живого места нет! Ей едва не сломали челюсть, у неё сотрясение мозга и жуткие синяки по всему телу – на руках, на животе, на груди... Твои бедные мальчишки – просто звери, и я бы ни за что не стала их лечить, будь у меня возможность отказаться!

– Я знаю, что они сделали, и это не должно остаться безнаказанным, – процедила Чейз, немного сбавив тон. – Но ещё я знаю Лисандру Найтстар. Все знают. Её... вызывающее поведение

могло навести молодых людей на некие мысли, да и её моральный облик вызывает большие сомнения!

– Моральный облик? Ты сдурела, старая карга?! – поперхнулась целительница. – Раз уж тебя это так волнует – девушка невинна, ни один мужчина её не касался. Но даже переспи она со всей академией, и это не дало бы никому права!..

– Ах, невинна? – Чейз откинула голову и расхохоталась почище любой злой ведьмы. – Лисандра Найтстар – чудовище, жутчайшее порождение тьмы! Кто угодно, только не жертва! Ты видела, что она сотворила с бедным Лоуренсом?! Вскрыла его, точно свинью, наградила кошмарным проклятием... Она сидела и смеялась, пока несчастный мальчик умирал в страшных мучениях! Наследник лорда Саммерса, отличник и всеобщий любимец, жестоко и цинично убит малолетней потаскушкой, которая наверняка сама спровоцировала!..

Что сказать, боевые некроманты, наитемнейшие маги во плоти, все как один живущие в трех шагах от Чащи, передвигаться умеют крайне быстро. А уж некроманты, пребывающие в такой ярости, что их аура расплзается по всей внушительной учительской, прежде наверняка задуманной как малый зал для приемов, так и ещё быстрее.

Подле Чейз я оказался в пару длинных шагов и полсекунды спустя. И сделал то, что стоило сделать, едва войдя – наотмашь ударил лживую идиотку по лицу, с удовольствием лоя и хриплый вскрик, и капли крови, брызнувшей из разбитой губы. Лэндон восхищённо выдохнул, глядя на эту сцену, в своём углу наверняка ухмыльнулись Тай и Дик.

Что характерно, вызвавшийся миротворцем Тони даже не пошевелился.

– Лорд Блэквуд! – завопил Ливингстоун, дёргаясь со своего насеста. Да так и замер, когда я махнул рукой, а вокруг его шеи зеленоватой нитью оплелось удушающее проклятие.

– Молчать, – отрезал я и снова вернул своё внимание откашливающейся Чейз. – Уже почувствовали себя потаскухой и чудовищем, Даниэлла? Ещё нет? Так я могу повторить.

– Лорд Блэквуд, – тягуче позвал Тони, – бросьте гадость, старая дура – не та, ради кого стоит устраивать бойню в королевстве. И этот клоун, – он кивнул на тщетно пытающегося освободиться ректора, – тоже.

– Пожалуй, вы правы, лорд Гилберт, – неохотно согласился я. Отпустил Ливингстоуна, достал из кармана платок и швырнул Чейз. Та отбросила его от себя, точно ядовитую змею. Её право. – Утритеесь, не добавляйте работы уборщицам.

Я обвёл взглядом присутствующих, вцепился в плечо Лэндона и подтолкнул его к Таю.

– Вам есть что добавить к этой охренительной истории, господа?

Парни с ответом не нашлись, зато вездесущий Ливингстоун мигом подал голос:

– Лорд Блэквуд, прошу, будьте благоразумны! Поднимать руку на женщину – недопустимо, какой пример вы подаёте мальчикам?

– Отличный пример я подаю! Пример того, что ни пол, ни возраст, ни даже регалии не являются оправданием мерзкому характеру, злобе и дурным поступкам! За смерть положена смерть, слышали такую фразочку?

– Поймите, мисс Чейз просто не в себе... что ни говори, Лоуренс и впрямь умер страшной смертью. Само собой разумеется, мисс Найтстар защищалась как могла! Защищалась, слышишь, Даниэлла? – с нажимом прибавил он, смерив свою драгоценную питомицу на удивление строгим взглядом. – Мне жаль мистера Саммерса, но, увы, он сам навлёк на себя такую участь, и гнев юных чернокожников вполне оправдан. Насилие неприемлемо. Его, хм, сообщники...

– Трупы, – прошипел я не хуже всамделишной гадюки. – Эти светлые твари не доживут до рассвета, Ливингстоун. Я пришёл их убивать, и я убью.

– Милорд, я не допущу!..

– Вы сервируете мерзавцев на тарелочке с голубой каёмочкой и пожелаете мне приятного аппетита! – рявкнул я. – А иначе, видят все грёбаные небесные сферы, я разнесу вашу сраную академию и буду любоваться руинами!

– Рэй, – позвал меня Лейф, до того молчавший. – Не то чтобы я не поддерживаю тебя в этом начинании, учитывая обстоятельства, но...

Я снова окинул взглядом пышущую праведным негодованием Чейз, дёрганого Ливингстоуна, скривился в брезгливой усмешке. Лейф прав, чтоб его в Пекло. И Тони прав – можно сколько угодно мечтать о развешанных по деревьям чужих кишках, но пороть горячку нужно тоже с умом. И после основательной подготовки.

– Но мы ещё не накопили денег на войну, – припомнил я слова Тони. Тот величественно кивнул. – Быть посему. Пока что... точнее, пока я лично не повстречаюсь с ублюдками. Вы, – я глянул на своих студентов, – свободны. В медпункт, все трое. Лорд Гилберт, присоединитесь к сыну?

– Пожалуй, нет, – отозвался Тони. Жестом подозвал к себе ближайший стул, уселся с таким видом, будто посетил королевский прием. – Здесь интереснее.

– Пожалуй, – согласился я.

Садиться не стал – стоя будет сподручнее умерщвлять охреневших светлых в лице ректора и декана чародеев.

Тай, Дик и Лэндон за компанию с гилбертовским псом исчезли за дверью – к вящему неудовольствию Ливингстоуна. И Чейз, но та была занята, приводя лицо в порядок, – как я надеялся, времени у нее на это уйдёт порядочно. Сил я не щадил. И ничуть не жалел о своём поступке.

На дверь полетела моя заглушка, а следом, судя по короткому синему отблеску, – гилбертовская.

– Чудненько. Теперь можно и поговорить. Начнём с мисс Эбби. – Она, поймав мой взгляд, серьёзно кивнула. – То, что вы озвучили относительно... повреждений мисс Найтстар, вы можете подтвердить документально?

– Разумеется, лорд Блэквуд. Предварительные заключения уже готовы. Сделать вам копию?

– Будьте так любезны. Леди Кейт, как у вас обстоят дела с занятостью на следующей неделе?

– Для вас, лорд Блэквуд, я абсолютно свободна, – холодно сообщила она, бросив едкий взгляд в сторону замершей Чейз. И деловито поинтересовалась: – Желаете устроить допрос факультету чародеев?

– Ну почему же только чародеев? – отмахнулся я небрежно. – Не знаю, как тут обстоят дела у остальных, но я всегда выступал за равенство факультетов и их студентов. А не за поощрение редкостного мудачизма у чародеев и отчисление чернокнижников за оказание помощи.

Стоило ожидать, что Ливингстоун, пребывающий в шоке от внезапного визита моей персоны в компании Гилберта, от звуков моего

волшебного голоса, а также от выплеска моей магии, рано или поздно очухается. Лучше бы поздно, но так уж и быть, потерплю старика немного. Надо же потешить его самолюбие дозволением сказать очередную нравоучительную хрень?

– Мистер Блэквуд, вы забываетесь, – удивительно, но тон его сейчас мало напоминал привычный благостный лепет умудренного опытом дедули. – Мало того, что вы позволили себе насилие и угрозы, теперь вы ещё пытаетесь отдавать приказы? Я напоминаю, ректор здесь всё ещё я, и я не позволю...

А нет, показалось.

– Это я вам не позволю, – припечатал я. – Мистер Ливингстоун, из нас двоих это вы, кажется, забыли, кто я такой и что здесь делаю. Так вот, напоминаю – я нахожусь здесь с полного дозволения её величества. Бумаги же всё ещё у вас, или с ними тоже случилось – как вы там сказали? Досадное недоразумение?

– Так вы хотите поговорить о недоразумениях, Блэквуд? – выдал архимагистр с несвойственной ему резкостью. Старый хрен что-то больно расхрабрился. – Не объясните, почему магистр Мэддокс и студент Саммерс были убиты одним и тем же оружием? Вернее, даже не так: почему Лестер Мэддокс был убит ножом, принадлежащим Лисандре Найтстар? Меня, признаться, сие недоразумение очень заинтриговало. Вам есть что сказать по этому поводу?

Признаться, на миг я ощутил вспышку восхищения – старик решил использовать против меня мои же методы. В присутствии Гилберта, который, будучи в курсе всей истории, наверняка сейчас изрядно потешается.

Не выйдет, Ливингстоун. Я обвёл вокруг пальца и грохнул короля Бенедикта, неужели ты думаешь, будто я не доберусь до тебя?..

– О, разумеется! – оскалился я. – Это подарок. Иные девушки любят цветы и конфеты, но моя леди предпочитает вещи более... интересные.

– Лестер...

– ...помер вовсе не от ножа, мы оба это знаем. Неужели хотите в подробностях обсудить ту славную историю?

Не хочет, ясное дело. Ведь тогда настанет его черёд отвечать на крайне неудобные вопросы.

– И с чего бы вам дарить Лисандре Найтстар такие подарки? – подала голос, очевидно, пришедшая в себя Чейз.

Наивная! Разве я говорил, что подарок от меня? Нет, нет. Я не настолько глуп, чтобы дать Ливингстоуну повод обвинить меня во вранье. А он, судя по кислой роже, именно это провернуть и собирался. Неужели расспросил Лисандру о ноже и вызнал его чудное происхождение, воспользовавшись её плачевным состоянием? Вот и ещё один счётчик к этому ублюдку.

– Видите ли, господа и дамы... – я сложил руки за спиной, прошёлся по кабинету и остановился возле окна – высокого, с широким подоконником и устроенными на нем горшками с цветами. – Я дарил, дарю и буду дарить леди Лисандре Найтстар подарки, когда захочу и какие захочу. А ещё я собираюсь на ней жениться в ближайшем будущем – о чём вы, мистер Ливингстоун, наверняка уже наслышаны. После чего планирую жить с ней долго и счастливо. А это значит...

Я отвернулся от окна, одарил доброжелательным взглядом всю собравшуюся компанию и рявкнул:

– Это значит, я утоплю этот мир в крови, слезах и дерьме, уничтожу всех, кто попадётся на моем пути, и помочусь на руины каждого замка, крепости и даже Академии, если с головы Лисандры Найтстар ещё хоть раз упадет хотя бы один волос! Проверять серьёзность моих намерений я не советую.

– Вы хоть понимаете, лорд Блэквуд, – о, надо же, вспомнил, кто я, – где и кому вы предъявляете подобные угрозы? Я не потерплю...

– Вы будете терпеть всё, что я вам скажу. Потому что в противном случае, я клянусь, эта история дойдет до её величества в таких тошнотворных подробностях, что я сильно удивлюсь, если вы не окажетесь на виселице.

Уж я-то знаю, о чём говорю: Мария, будь она хоть тысячу раз совсем молодой и вынужденной прислушиваться к светлому лобби, в первую очередь тёмная. И к тому же женщина. Которую однажды чуть не убили её же подданные. Подобного скандала она не потерпит, а учитывая, что на репутации дорогого ректора уже имеется одно пятно в лице безвременно покинувшего этот мир Мэддокса... В общем, может, не за жизнь, но за должность Ливингстоуна при Академии я не дам и медяка.

Ливингстоун это тоже прекрасно понимает. А потому снова переменялся в лице, вмиг передумал отчитывать меня, точно мальчишку, и натянул на лощёную бородатую морду подобие улыбочки.

– Я не думаю, лорд Блэквуд, что стоит выносить... подобную грязь на всеобщее обсуждение. Не подумайте, я не собираюсь заметить случившееся под ковёр или оправдывать действия студентов Даниэллы! Но репутация Академии может сильно пострадать, а это, как вы понимаете, недопустимо.

– Мы понимаем, – вместо меня ответил Гилберт, эту перемену в речах ректора тоже явно заметивший. – Как представитель тёмных семейств я могу сделать вид, что вероломное нападение на мою племянницу является пусть и чудовищным, но всё же недоразумением. До первого намёка на повторение подобной истории. И при паре небольших условий...

Первым условием, которые выставил Гилберт – сообразительная сволочь, боевка-Лэндон всё же пошёл не в папеньку, – стало совершенно устраивающее меня требование о включении лордов Сангстера, Фарли и самого Тони в число попечителей Академии. Учитывая, что до сих пор в совет входили только светлые и изредка нейтралы, подобное прошение выглядело просто невероятной наглостью. Чейз вот впечатлилась и с добрую минуту открывала и закрывала рот, силясь подобрать слова. И даже о том, как словила от меня по морде, будто мигом позабыла.

Условием вторым стало требование об исключении всех отличившихся чародеев. Разумеется, торг ещё впереди: за выходные Ливингстоун наверняка придумает, как добиться сохранения мест за некоторыми из высокородных наследничков. Лично я пока согласен только на Лайтнинггов – я же не зверь какой, в конце концов, дура Бекки хотя бы сподобилась охренеть с происходящего и притащить братца. Надо бы поменьше третировать идиота на тренировках, хоть он и заслужил.

Ну и, естественно, об исключении Лэндона, Тая, Дики и Тави, которая, как выяснилось, чуть не скормила Крайту труп мрази Саммерса, не шло и речи. Об этом бы не шло речи и без Гилберта, но, признаться, его велеречивый тон, тягучий голос и елейная улыбочка

заставили Чейз и Ливингстоуна кривиться даже сильнее, чем если бы подобное озвучивал я.

Что ж, интриги и впрямь не моя сильная сторона, стоит это признать. Что там – меня от них тошнит, как и от всяких договоренностей с Ливингстоуном.

– Вот и чудесно, – в очередной раз за день вспомнил я это нехитрое слово. – И раз уж мы со всем разобрались, я, пожалуй, займусь наконец своими прямыми обязанностями. Пойду успокою своих студентов. А то они ещё не в курсе, что с убийством чародейских ублюдков можно и подождать.

Мы с Тони наконец выбрались из учительской, а вместе с нами оттуда поспешила сбежать и Кейт.

– Грёбаная карга, – коротко, но ёмко выразилась она. – Думала, сама ей автограф на морде пропечатаю. С обеих сторон. Как ты её не проклял?

– С превеликим трудом, – негромко ответил я, силясь обуздать так и рвущуюся изнутри ярость. Теперь, без лишних свидетелей, сдерживаться куда сложнее – ведь я и впрямь пришёл убивать, а не договариваться со светлым интриганом. – Прибил бы к херам, да одного трупа больше чем достаточно. Не денёк, а сплошное веселье.

– Уже соскучился по мантикорам? – фыркнул Тони. – Немудрено, эта сушёная вобла Чейз гаже любой твари из Чащи.

– Ой, мальчики, подержите-ка моё винишко, – мрачно усмехнулась Кейт, запустив ладонь в густые светлые волосы. – Вам хотя бы не пришлось читать мысли неудавшихся насильников и их жертвы. Нет, Блэквуд, не светись зеленью как гигантская гнилушка, я тебя не боюсь.

– Так тебе и не нужно, – заметил я сквозь зубы. – Пекло! Задолбался играть в цивила! Можно я хоть кого-нибудь из них грохну?!

Тони радостно заржал, предатель, а Кейт насмешливо выдала:

– Блэквуды и бабы! Так и знала.

– Что именно, Гримвард?

– Что влюблённый ты будешь ещё вдвое гаже прежнего.

– Осторожно, дорогая, гадюки в брачный период крайне агрессивны, – манерно протянул Гилберт. И эта парочка засранцев снова принялась потешаться надо мной.

– Смешно вам? Мне вот ни капельки.

– Мне тоже, – посерьёзнела Кейт, стиснув ладонь на моём плече, – но я постаралась сгладить последствия для Лисандры. Ну, знаешь, подчистила всё лишнее, оставила самый минимум. А чтобы неприятное воспоминание побыстрее сгладились, нужно сместить фокус на более... волнующие мысли. Хочешь знать, что волнует твою леди, а, Рэй?

– Как сбежать из-под венца и вместе с Шеаном разбить палатку в библиотеке? – предположил я сварливо. – Книжки и коты ей явно нравятся больше, чем я.

– Ну, замуж она и впрямь не рвётся, – согласилась Кейт, стрельнув в меня весёлым взглядом. – Её волнуешь ты. Неудивительно на самом деле. И хорошо для неё – всё лучше мечтать о тебе в постели, чем забивать голову дурными воспоминаниями.

– Великолепная юная леди, – восхитился Тони, – вся в свою тётушку.

– Проклятье, я ненавижу менталистов! – заявил я и демонстративно прибавил шагу. Следом тут же понеслись издевательские смешки.

Нет, люблю на самом деле. Точнее, только одну менталистку, с которой мне посчастливилось сдружиться много лет назад. Полезные они маги – и поправят что нужно, и в чужие мозги запросто залезут, снабжая полезными сведениями. Как, например, о том, что бояться соращения юной первокурсницей мне предстоит едва ли не пуще прежнего. Нет, вовсе не из страха потерять свою давно утраченную невинность снова. Просто...

Ой да ладно, кому я вру? Пусть совращает. Меня-то уж все эти глупости с «всё должно быть правильно» никогда особо не терзали. Разве что для порядка, но, как по мне, выдержки я проявил достаточно.

До медпункта мы дошли в рекордно короткие сроки, в основном благодаря моему более чем стремительному шагу. У дверей дежурила Октавия, вокруг неё вился Крайт, а вот перед ней... Ну да, Роберт Лайтнинг, которому, очевидно, крайне не терпелось навестить Лисандру.

– Леди Кейн, – первым делом поприветствовал я главную демоницу моего факультета. Не демонолога, именно демоницу – разъярённой Октавии разве что рогов не хватает, чтобы сходство с

тварями из Пекла стало абсолютным. – Мистер Лайтнинг, какого такого хрена вы здесь забыли?

Лайтнинг, чья смазливая физиономия была облагорожена на редкость красочным фингалом, смерил меня негодующим взглядом.

– Я просто хотел убедиться, что с Лили всё в порядке! Почему меня к ней не пускают? Я ей ничего плохого не делал!

– А мне пофиг, женишок, – огрызнулась Октавия, скрестив руки на груди. – Мы теперь ни одну светлую мразь к ней на милню не подпустим, ясно?

– Я ж не думал, что так выйдет!..

– Вот и не думай дальше, тебе вредно. Всё, достал, шуруй к своим дружкам-уродцам!

– Сама катись в Пекло к родичам, страшила! Ты мне не указ!

Дальнейшую перепалку я слушать не стал – просто ухватил горластого светляка за грудки и с чувством приложил об стену. Лайтнинг здоровый как тролль, выше меня и шире в плечах. Но, видимо, рожа у меня была настолько красочная, что он аж съёжился, как-то резко уменьшаясь в размерах.

– Что именно ты не думал своей пустой от рождения башкой, Лайтнинг? – тихо уточнил я. – Ты знал о случившемся, верно?

– Не совсем, ну... то есть да, но...

Дальше уже не слушал. Видят звёзды, я и так сегодня проявил чудеса выдержки. Не считая Чейз – в её случае не выдержал бы и святой рыцарь Олмс, а я им ни разу не был.

А потому Лайтнингу я не пощечину отвесил – с размаху врезал по лицу, с удовольствием поймал звук хрустнувшей кости. Не слишком педагогично, но будем справедливы – мой моральный облик меня сейчас не слишком волнует.

Роберт со стоном ухватился за челюсть. Сломал, что ли? Вроде нет. А жаль, давненько мечтал об этом.

– А дослушать было слабо, темнейшество? – кое-как выдавил он, болезненно морщась. – Можно руки от меня убрать? Вы не в моём вкусе, я блондинок люблю.

– Нельзя, – возразил я. – Поверь, лучше грубая физическая сила, чем моя магия.

– Спокойно, Рэй, – велела подошедшая Кейт, – он ни при чём. И знал не так уж много.

– Да полфакультета знало, – буркнул Роберт и, осмелев, отпихнул-таки меня подальше. Будто его это спасёт, если вдруг его ответ мне не понравится. – В смысле, что девчонки хотят с Лили расквитаться. Кто-то одобрял, кто-то посмеивался, но воспринимать всерьёз эту болтовню о праведном возмездии никому и в голову не пришло. Что эти дуры могли Лили сделать? Она с Гилбертом их на каждой тренировке делает как щенят. Думал, навалает всем троим, и на том дело кончится...

– Очевидно, они тоже это понимали.

– Похоже, что да, мисс Кейт. Лорел так точно. Она та ещё стерва, но я и подумать не мог, что она своего братца потащит на разборки с девчонкой! Какой мужик вообще в бабьи войны лезет?

– Тот, который осознаёт свою безнаказанность, – припечатал я. – У вас-то, чародеев, с этим никогда не было проблем, верно?

Роберт одарил меня колючим взглядом, но возражать поостерёгся. И сам понимает, чародейская сволочь, что если бы к светлым относились хотя бы вполовину так же строго, как к чернокнижникам, до подобной грязи бы попросту не дошло. Среди тёмных тоже водится немало сволочей, если отринуть предвзятость, однако никому из моих змеек не пришло бы в голову напасть на одинокую первокурсницу. Хотя бы потому, что я бы первым выпотрошил ублюдков прямо в факультетской гостиной, и был бы в своём праве.

– В общем так, Лайтнинг. Будь любезен, уясни сам и донеси до своей светлой братии – ещё хоть один шаг в сторону леди Найтстар, и трупов будет больше, чем один. Это я обещаю. А если кто-то всё же успеет меня удержать, я сделаю так, что ни один из нынешних выпускников не поступит на королевскую службу. В конце концов, кабаки в Змеином переулке тоже кому-то нужно охранять.

– Воспользуетесь своим... положением? – скривился Роберт, очевидно, угрозу эту восприняв более чем всерьёз. – А как же честь и непредвзятость?

– Какая в Пекло честь, Лайтнинг? – зло рассмеялся я. – У меня совершенно нет совести и очень мало принципов. На страдания высокородных светлых папаш за судьбу их отпрысков мне плевать, а вот на своих змеёнышей – нет. Я за них убью. Просто потому, что они – мои. Лили – моя.

Кажется, он что-то хотел сказать в ответ, но я не стал слушать. Отвернулся, толкнул дверь в медпункт и вошёл, надеясь, что меня тут ждут. И не будут сильно сопротивляться, когда я буду тех самых ждущих утаскивать в свою крепость.

Лисандра мирно спала, устроив Шеана на своей груди, точно плюшевую игрушку, и придерживая его обеими руками. Серебристые волосы рассыпались по подушке, а нежное девичье лицо выглядело до ужаса милым. Наверное, куда лучше смотрелась бы она на простынях из тёмного шелка, или хотя бы в освещении поинтимнее. Но даже так она красива настолько, что впору задержать дыхание, чтобы не разбудить ненароком, и любоваться долгими часами.

И очень хорошо, что ни Кейт, ни Тони не пошли за мной – они бы разрушили всю магию, которую я почувствовал сейчас. Не ту, что про заклинания, зелья и прочую науку. Другую, у которой куда как более личное назначение.

Присев на краешек кровати, протянул руку, чтобы заправить за ухо прядь серебристых волос. Кончиками пальцев погладил чуть прохладную щеку, на которой всё ещё виднеются следы синяков. Нахмурился, стиснул зубы едва не до скрежета.

Ты пришёл убивать, Блэквуд, так отчего ублюдки ещё живы? Они посмели тронуть твою женщину и должны немедля сдохнуть, иначе какой с тебя вообще жених?

Препаршивый, прямо скажем. Всё равно что не тёмный – уж мой-то папенька наверняка разнёс бы Академию в ту же минуту, как услышал, что с его возлюбленной что-то случилось. Тёмные – горячая кровь, прорва силищи и полнейшая дурь в башке. Потому-то из нас, в отличие от ушедших светлых, не выходит дипломатов. Мы можем быть хитрыми, умными и талантливыми, но в случае угрозы близким немедля разбираемся. Кроваво и без затей. Просто потому, что иначе не можем.

Что ж, Рэйнхарт Блэквуд, ты знал, на что шёл, когда соглашался с доводами приятелей, чьи имена не стоит вспоминать даже вслух, – король Бенедикт должен умереть, иначе всем чернокнижникам рано или поздно придёт конец. Ты знал, на что шёл, когда предлагал свой меч и свою магию принцессе Марии. Когда предлагал ей не только свою силу, но и свою дружбу, и просил доверия. Она и так доверяла, и была бы благодарна в любом случае... Но не согласись я на участие в

придворных играх разного толка, не видать бы тёмным семьям мест при дворе. Их, этих мест, и сейчас-то маловато. Но зато Тони Гилберт теперь запросто может просить места в Палате Лордов. А Гидеон Сангстер не расширил бы свои владения до самых Черных башен, за которыми начиналась не просто Чаща, дикая и кровожадная, всё же королевство фейри. Вроде бы и так себе приобретеньице, однако земли – всегда власть и сила. И зависть всяких светлых недоумков, вроде Лайтнингов и Сеймуров, не к ночи они будут помянуты.

Если бы не твое согласие, Рэйнхарт Блэквуд, побыть хорошим мальчиком и не рвать светлым глотки только потому, что они косо на тебя смотрят, уже к утру от Академии не осталось бы и камня, а потроха светлых ублюдков были бы развешаны на руинах. Таков негласный девиз Блэквудов, в конце концов.

Пекло, и почему я просто не забрал Лили с собой? А, ну да. Решил, что и так слишком на неё давлю; что ей полезно будет провести несколько дней без моего присмотра. Да и Старфолл давненько ждёт свою наследницу...

Подождёт ещё немного – потому что будь я проклят, если отпущу её куда бы то ни было. По крайней мере, сейчас.

– Лорд Рэйнхарт? – сонно пробормотала Лисандра, приподняв голову. Да чтоб меня, всё-таки разбудил. – Что... что с вашим лицом?

Я невольно коснулся царяпин на своей щеке, что оставила на мне одна из проклятых мантикор. Усмехнулся – надо же, это было всего-то утром, а ощущение такое, будто с того момента прошла целая вечность. Никогда не отличался склонностью ко всяческой лирике, однако сейчас охота не то что говорить, а даже думать высокопарными фразами. Вроде как похождения героя среди врагов и полей боя, и героическое спасение девиц по пути. Не в моем случае, впрочем – девица спасла себя сама. Уже во второй раз.

От вмиг вспыхнувшей злости я сжал руки в кулаки, пожалуй, чересчур сильно сдавив в пальцах тонкие казённые простыни – они жалобно затрещали, за что Эбби меня наверняка по голове не погладит. Ну или просто сделает вид, что ничего не заметила, и воспользуется какой магией, чтобы восстановить все как было. Жаль, нельзя таким способом отмотать время... Хотя я слышал, что обитатели Чащи, из тех, у кого клыки поменьше, а мозги – побольше, имеют в своем распоряжении и подобную магию.

Она села, ссадила на колени недовольного таким поворотом Шеана и подвинулась ближе, обеспокоенно глядя на меня. Я же давно забыл про собственную помятую мантикорами рожу, а когда вспомнил – лишь нервно рассмеялся.

– Эта ерунда меня сейчас волнует меньше всего. Как ты себя чувствуешь?

– Это не может быть ерундой, – возразила Лили, недовольно сморщив носик. – Лорд...

– Лили, – отрезал я, пожалуй, чересчур резко, потому что лиловые глаза сверкнули малость обиженно. Мол, чего это ты тут меня воспитываешь? Воистину, дочь своего рода – Леноре вот перечить смелых не нашлось за всю её жизнь.

Даже Бенедикт поостерёгся и обошёл Старфолл стороной, благодаря чему и спаслось так много тёмных во времена его священного похода против нас, нечестивцев.

– Голова кружится, – помедлив, призналась Лисандра. Её голос со сна звучал чуть хрипло и как-то растерянно. – Неплохо, наверное. Думала, будет хуже.

Не в силах больше держать руки при себе, потянулся обнять её. Её руки, сейчас казавшиеся совсем тонкими и болезненно хрупкими, обвились вокруг моей шеи. Она уронила голову на моё плечо, потёрлась об него лбом и как-то подозрительно выдохнула в шею. Точно пыталась убедиться, что я и впрямь здесь, с ней. Ну или это всё виновата моя больная фантазия, и видеть меня возле себя Лисандра сейчас хочет меньше всего.

Убедившись, что мои действия не вызвали дискомфорта, а мои самоуничижительные фантазии – тоже не моя фишка, но сейчас более чем уместные, – не более чем бред воображения, и вовсе перетащил её к себе на колени. Нервную дрожь удалось сдержать с трудом: кажется, до меня только сейчас по-настоящему дошло, что именно едва не случилось с моей Лили. С девушкой, которую я назвал своей, но не смог уберечь от беды.

Умом я понимаю, что моей вины в произошедшем нет. Вот только это ничуть не помогает умерить жуткую, отчаянную злость на себя и собственную глупость. Как я, никчёмный идиот, мог допустить такое? Как мне вообще взбрело в голову оставить Лили одну, доверить её кучке школьников?

И не важно, что среди тех школьников – истинные дети своих семейств, сильные, умные, талантливые и привыкшие защищать друг друга во что бы то ни стало. На сей раз они не смогли, не справились, и за это стоило бы хорошенько отделать всех тех, кому я доверил Лили. Стоило бы, да не стану – нет никаких сомнений (вот с этой минуты их точно не осталось), что тот, кто устроил эту западню для Лисандры, придумал бы план в любом случае. И дай звёзды, чтобы при этом не пострадали остальные ребята.

Странное дело – как порядочный ухажер я должен думать исключительно о своей девушке, однако же есть во мне и что-то кроме этого. Быть может, преподаватель из меня и впрямь вышел неплохой – от одной мысли, что с Октавией, Таем или даже надоедой Лэндоном могло что-то случиться, мне стало не по себе ничуть не меньше, чем в момент, когда я получил ту дрянную записочку.

Никто не пострадает больше. Не под моим руководством. А кое-кому всё же придётся распрощаться со своим местом, или я не Рэйнхарт Блэквуд.

– Мне было так страшно, – прошептала Лили, её голос чуть дрожал от сдерживаемых эмоций. Я знал, что ей нелегко далось это признание, равно как знал и то, что она не станет лить слёз и жаловаться. Это просто не в её духе. – В какой-то миг я подумала, что нет смысла сопротивляться... Он сказал... сказал, что мне всё равно никто не поверит...

– Они всегда так говорят, – глухо ответил я. Внутри всё полыхало от бешенства и жажды крови, но я твёрдо решил держать всё это дерьмо при себе. Ни к чему пугать девчонку ещё сильнее. – Не надо, Лили. Не важно, что этот ублюдок сказал или сделал. Всё обошлось, ты справилась с ним – это главное.

– Щит – это купол, – пробормотала она. – Мне стоило взяться за нож раньше. Сама виновата, что так долго соображала.

– Лисандра Найтстар, – твердо, стараясь не повышать голос, начал я, – вы не будете распинаться при мне про то, что виноваты сами. И не при мне тоже. Нет. Виноват всегда тот, кто напал. Тот, кто причинил боль и угрожал жизни и здоровью. Это не обсуждается, ясно? Если хотите, можете винить меня – за то, что оставил вас вместо того, чтобы забрать с собой, как и следовало.

Она глянула меня снова с той самой, очевидно, семейной найтстаровской укоризной. Не сейчас, моя девочка, не работает.

– Но вы не можете быть моим личным охранником.

– О, ещё как могу, – заверил я. Снова прижал к своему плечу, чтобы даже не думала вырваться или делать ещё какие-нибудь глупости. Заклинание безмолвия тоже бы не помешало, жаль, что случай не совсем подходящий. – Более того, именно это я и буду делать. А если вы хотите подтверждения моих слов, могу похвалиться – одной из ваших врагинь я уже засветил по морде.

– Вы ударили Лорел? – голову от моего плеча она всё же оторвала и теперь глядела на меня недоверчиво. Уже лучше, чем вот этот немой укор в стиле «все вы мужчины одинаковые». Я не одинаковый, а очень даже особенный.

Особенная сволочь, но тут уж просто не свезло.

– Побойся Царицу, Лили, – снова перешёл я на более фривольное обращение. – Не то чтобы мне не хотелось, и таки есть за что. Но тут я собираюсь пойти по пути куда менее приятному для её семейки.

– Что может быть неприятнее удара по лицу?

– Моя магия, например, – я пожал плечами и вновь погладил её по волосам. – Если правильно рассчитать формулу, такой дурочке, как Лорел Саммерс, можно устроить немало весёлых минут. Я бы даже сказал, немало весёлых дней, в течение которых её внутренности будут медленно разлагаться, она сама – кашлять кровью, а её родственнички всё это время только и смогут беспомощно плясать вокруг своей драгоценной, но тупой девочки, понятия не имея, как это снять. Потому что снять такую дрянь могу только я. Но я, во-первых, не стану, а во-вторых, не спалюсь.

– Да вы во всех отношениях завидный жених, – тихо рассмеялась Лисандра. – Но, надеюсь, вы ничего такого не сделали?

– Нет, говорю же. Подобные штуки требуют некоторой подготовки и небольшой паузы. Чтобы точно никто не заподозрил. Но... мы не о моих кровожадных планах, а уже о случившемся. Могу похвалиться – я отвесил пощечину суке Чейз прямо на глазах у ректора. Всю жизнь мечтал, если честно.

На этот раз смех Лисандры был ещё звонче, хоть и чуть хрипловатый – видимо, ей все ещё больно. А я-то, дурак, устроил тут фестиваль самовосхваления.

– Так, вы точно в порядке или мне стоит позвать Эбби?

– Нет, – она покачала головой. – Просто устала немного. Ну и...

Ну и да, тебя чуть не убили, чуть не изнасиловали, оставили на твоём прекрасном теле кучу синяков. Спасибо, Лисандра Найтстар, я всё понял и так.

– Сможете выдержать пару перемещений?

Она удивленно глянула на меня, будто не ожидала такой перемены разговора.

– К-куда?

– Не куда, а откуда, – отозвался я и дернул из-за пазухи камень телепорта. – Отсюда, Лили. Не думайте, будто я оставлю вас здесь хоть еще на минуту. В Блэк-холле всё уже должно быть готово к вашему прибытию, или моя сестра не Фиона Блэквуд. Ну, точнее, она уже давненько Сангстер, но кого волнуют такие мелочи, верно?

– Нет-нет-нет, – Лисандра в моих руках дернулась, завозилась, будто вмиг захотела исчезнуть не только с моих колен, но и из этой комнаты. – Лорд Блэквуд, посмотрите на меня, я же не готова! Я...

– Ой, только давайте без сказочек про знакомство с родителями – хотя, заверяю, оно будет фееричным, ведь мой отец тоже Блэквуд. И про неприличный внешний вид мы не будем тоже – вы прекрасны в любом виде, состоянии и настроении, а ваша тетушка выдаст вам платье на любой вкус. Вы с ней похожи, так что, думаю, вам подойдёт любой из её нарядов. Всё равно ей надо на что-то просить денег у своего беспутного муженька.

– Но, лорд Блэквуд...

– Побуду тираном и деспотом – это не обсуждается, – всё же смягчился и обхватил её ладони своими. – Клянусь, даже будь вы даже в тысячу раз некрасивее, чем сейчас, ранены и одеты лишь в рыбацкую сеть, мои родственники были бы вам рады в любом случае. Мы все семья, понимаете? В конце концов, терпим же мы в этой семье Гилбертов?..

– Вы невыносимы, – заверила она и даже умудрилась вредно ущипнуть меня за руку, заставив рассмеяться. Что ж, видимо, ей действительно лучше. А мне стоит поторопиться, пока она не передумала и не начала задаваться вопросами, с чего вдруг вся семья в сборе и нетерпеливо ждет её прибытия. Я-то тот ответ прекрасно знаю, и дело далеко не только в происшествии в Академии.

Просто моя дражайшая семейка силится обженить меня целую уйму лет, а папенька так и вовсе клятвенно пообещал, что помрет только после того, как я предоставлю ему наследников. Во множественном числе.

– Совершенно верно, – не стал отрицать я. – Но за то я вам и нравлюсь, не так ли?

И, не дожидаясь какой-либо реакции, я покрепче обхватил тонкую девичью талию, зажал камень между ладонями.

Первый прыжок ожидаемо выбросил к воротам Академии, но я не дал никому из тех, кто в это время прогуливался по двору, взглянуть на нас. Тут же увлёк Лили туда, где она будет в безопасности.

В Блэк-холл. Гадючье гнездо, в котором подвалы очень даже тёплые, а библиотека такая, что Лили точно останется там жить. Неплохо, в общем. И никаких светлых тварей на много миль вокруг. А с мантикорами я уж как-нибудь разберусь. С ними хотя бы не нужно играть в политические игры.

Глава 13

Признаться честно, мне начинают надоедать все эти пробуждения в незнакомых местах... Я по-прежнему не люблю сюрпризы. А именно таковым для меня и стало нахождение в чьей-то спальне. Почему? Ну, очевидно, потому что один негодяй (бессовестно очаровательный негодяй, но тем не менее!) банально усыпил меня перед тем, как перенести... ну да, в Блэк-холл.

Но, возможно, оно и к лучшему. Не хотелось бы знакомиться с вероятной будущей родней в настолько неподобающем виде. Растрёпанной, изрядно помятой и, ко всему прочему, одетой в ужасную больничную рубашку. В том, что быть мне их родней, я почти не сомневалась: Рэйнхарт Блэквуд – человек на редкость настойчивый, упорный, а о том, что тёмные зачастую однолюбы, разве что в учебниках ещё не написали.

Странно это, конечно – считать, что Рэй может быть в меня влюблён, после тех нескольких недель знакомства. Однако сомнений у меня отчего-то не было, и это невероятно грело душу. Его взгляды, его забота, его прикосновения и яростное желание меня защитить. Быть может, даже устроить ради меня войну, против чего, конечно же, я буду выступать настойчиво – ни к чему нашему королевству ввязываться в новый внутренний конфликт.

А ещё его поцелуи. Уж в их искренности у меня сомнений нет и быть не может, настолько страстными и нежными одновременно они были. Будто он всерьёз решил, что я принадлежу ему, и это, наверное, должно пугать, но не пугает вовсе, а только вызывает некоторые... опасения. А ну как меня и впрямь запрут в Блэк-холле, особенно после случившегося, а я даже не смогу воспротивиться? Не потому, что я такая уж рохля и тряпка, но сумею ли я переспорить главную гадюку королевства? Попробую, разумеется, потому что сидеть взаперти я уж точно не намереваюсь – то удел скорее всяких светлых клуш, по которым так любит проходиться Лэндон.

Хотя я, наверное, тоже та еще клуша... Разлеглась тут в чужом доме, в чужой спальне, с чужим же фамильяром в обнимку и даже понятия не имею, где тут выход. Есть ли он вообще.

Я села на постели, но толком не успела оглядеться – неугомонный Шеан тут же полез с горячими меховыми объятиями, заставив меня рассмеяться.

– А кто опять сбежал от хозяина? Какой непослушный мальчик, – ласково пожурила я, обвив руками мощную шею пантеры. Шеан, довольно мурлыкая, ткнулся мокрым носом мне в щеку. – Неужели так соскучился? Ладно, ладно, я тоже!

Вдоволь наобнимавшись со своим пушистым сторожем, всё же осмотрела очередное своё пристанище – просторную спальню, с виду вроде бы мужскую и не слишком обжитую. В камине потрескивали поленья, и было тепло, но я всё равно отчего-то поёжилась. А затем и вовсе вздрогнула, когда массивная дверь вдруг отворилась.

– О-о-о, нашла, нашла! Так и знала, что он её тут прячет!

– Это было уж слишком очевидно.

Дверь зловеще захлопнулась, я же завозилась на постели, натягивая одеяло повыше. Уж больно неуютно сделалось под парой плотоядных взглядов, принадлежащих двум красивым женщинам. Помимо захватывающей дух красоты в них не было ничего общего: первая – изящная блондинка в воздушном наряде цвета пепельной розы, вторая – брюнетка в кроваво-красном платье, яркая и статная. И обе смотрят на меня как на традиционный полный завтрак.

Шеан грозно фыркнул и демонстративно растянулся во всю немалую длину поперёк кровати, тоже впечатляющих размеров. Это немного взбодрило: кажется, мной всё-таки не позавтракают. А если повезёт, то даже со мной позавтракают. Я бы не отказалась, всё-таки со вчерашнего утра ничего не ела.

– Ох, да брось, дорогая, неужто мы такие страшные? – изумилась, по-видимому, моя тётя Лианна. И, не щадя прекрасного платья, плюхнулась в изножье кровати, потеснив заворчавшего Шеана. Ну один в один как Лэндон, стоит ему бесцеремонно завалиться ко мне в комнату. Он впрямь ужасно похож на свою матушку, и, судя по всему, не только внешне.

– Вполне вероятно, – фыркнула леди Фиона, аккуратно присев на краешек постели с другой стороны. Она и впрямь казалась немного пугающей, эдакая вампирша из страшных сказочек, но ко мне обратилась вполне ласково: – Доброе утро, Лили. Как себя чувствуешь?

– Х... хорошо, спасибо, – робко ответила я, комкая в руке краешек одеяла.

– Приятно знать, что эти школьные целителишки всё же на что-то годятся, – проворчала Лианна. – Да не жмись ты, красотуля, у нас тут не изысканное, мать его, чаепитие. В Пекло приличия, все свои.

Я невольно рассмеялась и даже немного расслабилась – боги, да она и впрямь Лэндон в юбке. Весёлая, немного вздорная и да, очень красивая. С виду совсем юная, гибкая и по-девичьи стройная... мне на зависть, да.

– Лорд Блэквуд и впрямь решил, будто я влезу в ваше платье? – выпалила первое, что пришло в голову. – Кажется, он мне ужасно польстил.

Лианна звонко рассмеялась, Фиона же выразительно завела глаза к потолку.

– Да что бы он в этом понимал? Мужчины такие идиоты, и мой братец в особенности.

– Ну, ему-то в платьях щеголять не доводилось. Даже на спор по пьяни, – резонно заметила моя тётя. И, явно рисуясь, щёлкнула пальцами, отчего буквально из ниоткуда возник увесистый саквояж... и грохнулся на пол с жутким шумом. – Ой, не рассчитала маленько. Ну и светлые с ним! Не волнуйся, моя маменька позаботилась, чтобы тебе было что надеть. Пыталась выцарапать тебя к себе в Старфолл, но змеища Рэй упёрся наглухо, и она сдалась. Хотя потом ещё минут десять разорялась, мол, этих мерзавцев Блэквудов хлебом не корми, а дай своровать девицу Найтстар...

– Ну так родовая память же. И вообще, не своровал девицу – не Блэквуд, – усмехнулась Фиона. – На счастье братца, леди Ленора уж очень торопилась в Академию – там Ливингстоун жив и не доеден. Пекло, мне почти жаль старого козла.

Тут я склонна согласиться – ректор у нас тот ещё фрукт, но мне даже представить трудно, какова моя грозная бабушка в гневе. Съест и не подавится!

– Возможно, мне и впрямь стоило бы отправиться в Старфолл... – нерешительно начала я, как-то запоздало осознав, сколь неприличным выглядит пребывание незамужней девушки в доме постороннего, в общем-то, мужчины.

– О, удачи с этим, милая! – ехидно пропела Лиана, вновь страшно напомнив моего личного белобрысого вредину. – Но, боюсь, ты загремела в настоящее змеиное гнездо...

– Ну хватит, Лиа, не запугивай бедную девочку, – велела Фиона, смерив мою тётушку поистине блэквудовским взглядом. – Видит Тьма, мой брат и без тебя прекрасно справился. Помрёт ведь неженатым, неслух!

– Разве тебе не полагается быть на его стороне? Расхвалить товар и всё такое...

– Нет, – фыркнула Фиона, потрянув роскошной копной иссиня-чёрных кудрей. – Мужчины всё ещё идиоты, а девочки должны держаться вместе. – Она заботливо улыбнулась, коснувшись моего плеча, а затем будто бы неохотно прибавила: – Рэйнхарт рос без матери и совершенно ничего не смыслит в женщинах, а уж после встречи с тобой и вовсе поглупел на глазах. Не обижайся на него, ладно? И не молчи, если он где-то перегибает палку: при всех его недостатках, мой братец умеет слушать и слышать. Здоровые и крепкие отношения строятся на доверии и открытости...

– Складно чешешь, милочка, – влезла вездесущая Лианна, озорно сверкая пурпурно-синими глазищами. – Ну, если забыть, что ты вышла замуж на седьмом месяце беременности, а о своём отцовстве Сангстер узнал примерно тогда же – от твоего батюшки. Пекло, Лили, ты точно хочешь войти в эту сумасбродную семейку?

– Эй, это было давно и неправда! Лили, не слушай белобрысую интриганку, она просто мечтает под шумок сосватать тебе своего сыночка.

– Ой, и что? Они с Лэндоном были бы прекрасной парой!

– Да упаси Царица от этой занозы в женихах, – пробормотала я негодуяще, заставив Фиону весело расхохотаться, а Лианну – удручённо покачать головой.

– Твоя правда, милая, – моего сыночка сбить с рук будет ничуть не легче, чем Рэя, – ворчливо посетовала она. – Ладно, почему бы тебе не принять ванну, пока есть возможность? Я вот всегда терпеть не могла эти школьные душевые! А мы с Фионой пока подберём тебе наряд посимпатичнее.

Я кивнула и послушно зашагала в указанном направлении, чуть ёжась – каменный пол под босыми ногами был ощутимо прохладным.

Надеюсь, обувь мне тоже выделят... Обе словоохотливые леди тем временем принялись потрошить саквояж.

– Ой, смотри, какая прелесть!

– О да, то что надо! Но тебе совсем не жаль братца?

– Не-а, пусть страдает.

Я уже и забыла, какое это удовольствие – просто неспешно принять ванну, а не торопливо полоскаться в общих душевых. А уж если ванна необъятных размеров, да полная душистой пены... В общем, вылезать ну очень не хотелось, но когда всё-таки пришлось, меня поджидал сюрприз в виде пушистого полотенца, тёплого халата и домашней обуви. И всё моего размера... Остаётся лишь подивиться предусмотрительности Леноры Найтстар. А ещё заподозрить неладное – это она позже подсуетилась или изначально вовсе не надеялась выволить меня из змеиного гнезда к себе в Старфолл? Ладно, какая, в общем-то, разница? Я ведь здесь. И не буду врать, что мне так уж охота оказаться где-нибудь ещё. По одному незнакомому месту за раз!

Когда я вернулась в спальню, ни одной из моих новых знакомых там не оказалось. Зато нашёлся завтрак на небольшом столике возле камина и новое платье, аккуратно разложенное на постели. Ну да, именно в такой последовательности. Завтрак-то с десертом! Недаром же «Лили и еда» – одна из любимых тем для шуточек в нашей гостиной? Каюсь, виновна.

Платье, впрочем, оказалось чудесным – простым, но элегантным, из плотного лазурного шёлка, на свету отливающего зеленью, с высокой талией, вырезом в форме сердца и длинными узкими рукавами из причудливого кружева. Одевалась и обувалась я в некотором нетерпении, стремясь скорее поглядеть на себя в большом зеркале, что нашлось в углу небольшой гардеробной.

Поглядела. И от смущения мигом запылали щёки. Да, вырез глубок лишь настолько, насколько допускается модой, однако глубок. Я не привыкла носить подобные вещи. Незамужние светлые девушки одеваются скромнее, а это платье – слишком смелое, чтобы его можно было назвать девичьим хоть с натяжкой. Но...

Но мне нравится то, что я вижу. Очень нравится. А мысль о том, насколько мой вид понравится лорду Рэйнхарту, и вовсе взбудоражила воображение. Пекло, мне ведь и в самом деле хочется, чтобы ему понравилось!

– Почему бы и нет? – тихонько пробормотала я себе под нос и снова оглядела себя, на сей раз не без тщеславного удовольствия. К чему скромность, если я и впрямь выгляжу прекрасно? Пусть даже это во многом заслуга портного, который на удивление точно знал, как подчеркнуть достоинства и скрыть недостатки моей миниатюрной фигуры.

Но к такому вырезу, конечно, полагаются украшения... И они нашлись – на постели была не примеченная ранее коробочка с выбитым на крышке гербом Найтстаров, а в ней – красивейший гарнитур из сумеречных алмазов и зелёных сапфиров. Я даже рот приоткрыла от восхищения, а ещё несколько ужаснулась перспективе натянуть на себя целое состояние. Опять же, незамужним девушкам такое не...

А, ну да. Я, похоже, почти замужняя. Даже в представлении бабушки.

Изрядно раздражённая этой мыслью, я всё же вернулась к зеркалу и надела сказочные украшения – изящное кольцо, серьги, а ещё две заколки, которые оказались очень кстати, чтобы непослушные светлые кудри не лезли в глаза. Со сложной причёской я бы вряд ли справилась без посторонней помощи, да и особо не хотелось – я порой заплетаю нехитрые косы, но обычно предпочитаю носить волосы распущенными, как и подобает незамужней девице. И вряд ли изменю этому предпочтению, даже когда выйду замуж.

– *Если* выйду замуж, – поправила сама себя из одной лишь вредности.

Замуж по-прежнему не очень хочется, кто бы что ни говорил. Хотя... леди Фиона и тётя Лианна вроде не выглядят несчастными. Да что там – они сами кому угодно нанесут радость и причинят счастье! Может, иметь мужа не так и ужасно? Особенно если он не Роберт Лайтнинг.

Ладно, Лили, хватит забивать голову всякой ерундой. Не выдают же тебя ни за кого прямо сейчас?..

Ну, по крайней мере, очень на это надеюсь!

Тряхнув волосами, решительно толкнула тяжёлую дубовую дверь – без всякой резьбы, не то что в Сеймур-холле или даже в Академии...

... да так и обмерла, вдруг осознав, что нахожусь я вовсе не в загородном доме, а в самой настоящей крепости, ничуть не хуже тех, о

которых я читала в исторических хрониках. Вокруг нет ни изящных колонн, ни резьбы по окнам, ни гобеленов. Царица, здесь даже нет бархатных портьер, которые бы красиво обрамляли небольшие, точно бойницы, окна.

Только камень, дуб, широкий коридор – без доспехов в качестве устрашающих декораций и даже без чьих-нибудь голов, развешанных по стенам. Не дом, но неприступная крепость, на осаду которой может уйти целая вечность. Это я поняла, едва глянув в окно – вдалеке простиралась бескрайняя Чаща. А прямо внизу – сверкающая в лучах рассветного солнца гладь озера, что окружало замок, по-видимому, стоящий на скалистом острове.

Осадные щиты, едва заметно мерцающие в воздухе, я тоже оценила – в защиту вложена просто прорва магических сил, изрядную часть магических плетений я попросту не смогла распознать, а отчётливый дух смерти подсказывал – лорд Блэквуд, восстанавливая защиту своего дома, не побрезговал жертвоприношениями.

Воистину, гадючье гнездо, из которого случайному путнику ни за что не выбраться.

Вместе с этим я осознала и то, что понятия не имею, куда идти. Искать Рэя? Фиону и Лианну? Или мне просто дали время, чтобы осмотреться? Понятия не имею. Но когда ещё доведётся побывать в самом настоящем доме чернокнижников, слухами о которых меня пугали в детстве?..

Ситуацию спас Шеан – он вдруг соткался из тени, потёрся широким лбом о моё колено и кивнул головой в сторону виднеющейся в конце коридора лестницы. Судя по всему – меня где-то ждут. Где именно – поди пойми.

Я преодолела коридор и несколько лестничных пролетов, прежде чем Шеан снова свернул куда-то – эта часть замка кажется ещё менее обжитой. Оно и немудрено, если припомнить, что от всех Блэквудов остались только Рэй и его отец, а замок явно может вместить не просто большую семью, но и целую армию. Из окна, возле которого я ненадолго замерла, виднеется широкий внутренний двор, который вполне может сойти за плац, например. И нет, никаких фонтанов и прочих красот – сплошь камень, убийца всяких девичьих каблуков, да колодец посередине, видимо, оставшийся ещё с тех времен, когда люди о водопроводах и не слышали.

Суровое местечко, если честно. Но отчего-то впечатляющее и явно просящее, чтобы к нему приложили женскую руку.

Едва подумав об этом, я вздрогнула – под женской рукой я имела в виду свою собственную, и мысль эта ни разу не напугала, не удивила. Просто... пришла в голову и осталась там, будто я для себя всё уже решила и даже план обустройства составила.

Ужас.

Наконец мы остановились у очередной двустворчатой двери эдак в полтора моих роста. Шеан чуть приоткрыл лапой одну створку, но затем остановился, точно озадачившись, и потешно склонил голову набок – как если бы не знал, стоит ли вообще идти дальше. Я, само собой, тоже засомневалась. Чего мне в комнате не сиделось-то?..

– ...и видят боги, Блэквуд, мы с тобой мало пороли его в детстве! – Я сразу узнала леди Ленору, и заходить в неведомую комнату вовсе расхотелось – уж очень гневно прозвучал этот возглас. – Уволок мою внучку в эту вашу сырую дырищу, как будто так и надо! Сорок лет, а мозгов ни на грош! Решил ославить девчонку шлюхой? Сам-то думаешь, что люди скажут?!

– Мы его вообще не пороли, – ответил ей мужчина, чей голос – низкий, насмешливый, чуть хриплый – казался незнакомым и знакомым одновременно. – Зря, конечно, но с каких это пор тебя волнуют кулуарные сплетни? Небось цену набиваешь, а, старая ведьма?

– На кой оно мне? Ты, пень трухлявый, и без того по миру пойдёшь. Разорю вас, гадючье семя, видит Царица!

Мужчина чуть издевательски рассмеялся, живо напомнив мне Рэйнхарта.

– Пусть у моего сыночка за убытки голова болит, он у нас теперь лорд Блэквуд. И не носи чушь, Ленора, я тебя умоляю! Все всё правильно поняли и сплетничают сугубо о предстоящей свадьбе. Мой сын, может, иногда ведёт себя как болван, но воровать невесту откуда придётся – наша славная семейная традиция...

– Лили не его невеста, – желчно заметила Ленора. – И не стала бы ею, если бы только это зависело от меня. Её место в Старфолле!

– Полагаю, у моего сына иное мнение на этот счёт.

Сына?.. Ну конечно. Могла бы и раньше догадаться. Подлый котик привёл меня на съедение к самой большой и страшной гадюке

Блэк-холла!

– А давай ты меня не видел? – прошептала я заискивающе, глянув на Шеана. Увы, тот лишь насмешливо фыркнул и, отвернувшись, просунул морду между створками двери. Предатель!

Ну что же, пришлось идти следом.

И первым делом взгляд мой упёрся вовсе не в бабушку или лорда-гадюку-старшего, а в... книги. Огромное множество книг, стоящих на полках, что уходят под самый потолок, лежащих стопками прямо на полу, на столе, креслах, и даже на небольшом диванчике в углу.

– Я остаюсь здесь жить, – ошалело пробормотала я.

– О, да без проблем, милая! – тут же донесся до меня насмешливый голос бабушки. – Тебя, стараниями некоторых идиотов, – она ткнула пальцем в стоящего рядом с ней мужчину, – уже всюю считают леди Блэквуд.

– Я-то здесь при чём? – ухмыльнулся отец Рэя и развел руками. – Видит Царица, зная характер своего оболтуса, я ждал в качестве невестки какую-нибудь ламию, – в меня стрельнули весёлым взглядом. – А тут такая красавица! Вот можешь же ты, Ленора, делать что-нибудь полезное! Я про красоту, что появилась в этом мире благодаря тебе...

– Не подмазывайся, Фредерик! – одернула его Ленора. – Эту красоту ваша гадючья кровь быстро разбавит. Чернявые Найтстары, где это видано вообще!

– А, то есть тебя только масть беспокоит? – лукаво ухмыльнулся лорд Фредерик. В пару длинных шагов он пересёк разделяющее нас расстояние и коснулся моей руки в приветственном поцелуе. – Прошу прощения, дорогая, за эту безобразную сцену. Ваша бабушка – прелестная женщина, однако же её характеру любая тварь из Чащи позавидует. А уж жадности так и тем паче.

– Хам, грубиян и абсолютно бессовестный тип! – не осталась в долгу Ленора. – Одним словом, Блэквуд. Трижды подумай, за кого выходишь замуж, моя дорогая.

Хам не хам, а красавец редкостный, даже несмотря на возраст. Я засмотрелась, примерно так же, как на бабушку, когда впервые её увидела. Воистину, Рэй самый настоящий сын своего отца – те же угольно-черные волосы, в которых, казалось, даже солнечный свет способен потеряться, и те же черные глаза, внимательные,

насмешливые, колкие. Вроде бы и смотрят на тебя с этакой ласковой укоризной, как и подобает взрослому мужчине смотреть на юную девчонку, внезапно оказавшуюся в его доме, но вместе с тем изучающе, даже выжидающе. Правда, Рэй не носит бороды и не пользуется тростью, в отличие от лорда Фредерика, да и черты его лица несколько изящнее – Октавия как-то говорила, что леди Блэквуд была женщиной редкой красоты. И аура у Рэя, пожалуй, помощнее, но в том, думаю, заслуга ещё и его характера: лорд Фредерик пока кажется человеком более мягким, чем его наследник.

Что ж, надо признать – нашим с Рэем детям с внешностью точно повезет. Как и с магией. По крайней мере, это стоит уяснить и запомнить, невзирая на то, что замуж мне всё ещё не хочется.

– Да ни за кого я не выхожу! – возмутилась я, не выдержав – уж больно надоело чувствовать себя игрушкой, которую никак не могут поделить два вредных карапуза. – Хотя тут и впрямь бы жить осталась... Ох, простите! – спохватилась я, покраснев от смущения, и сделала приличествующий случаю книксен. – Рада наконец встретиться с вами, лорд Блэквуд...

– Ещё не хватало, – возмутился лорд Фредерик невесть чему. – Лорд Блэквуд – это мой беспутный сынок. Просто Фредерик, дорогая! Если вы, конечно, не хотите звать меня папой...

– Не хочет, – желчно заверила Ленора. – И замуж за твоего охламона тоже не рвётся, если ты не заметил. Хотя с библиотекой хорошая была попытка, отдаю должное... Вот ведь ещё горе на мою голову – вся в своего отца, мир его праху. Яблоко от яблоньки!

Ленора вмиг очутилась рядом, решительно притянула меня к себе, и на пару мгновений я расслабилась, ощутив уже почти забытое тепло родственных объятий и материнской заботы.

– Всё хорошо, моя девочка? – Я отстранилась и кивнула чуть поспешно. – Вот и славно. Прости, что вчера не была рядом: один ползучий гад, что имеет наглость претендовать на твою руку, сообщил мне о случившемся только сегодня утром! Прокляла бы паршивца, да всё равно ж без толку! – Из-под маски заботливой бабули тут же проглянула злая чёрная ведьма, и я невольно поёжилась. – А мерзкий старый интриган Ливингстоун вовсе не подумал со мной связаться. Но уверяю тебя, он очень сильно об этом пожалел!

– Охотно верю, – пробормотала я чуть заторможенно – мой алчный взгляд так и норовил сползти с грозной леди на очередную стопку книг, даже с виду жутко интересных. – Он хотя бы ещё жив?

– Пока что, – недобро усмехнулась Ленора, но затем, точно опомнившись, вернула лицу благостное выражение. – Ох, моя дорогая девочка... Твой отец, увлекшись очередной книгой, напрочь забывал про еду и сон. Сдаётся мне, ты немногим лучше, – она вздохнула чуть укоризненно, устроив руки на моих плечах. – Уверяю тебя, от библиотеки Старфолла ты будешь просто без ума! Куда уж там всяким гадюшникам! Кстати говоря, а почему бы нам не?..

– Потому бы, – отрубил лорд Фредерик, смерив предприимчивую леди ядовитым гадючьим взглядом. – Серьёзно, Ленора? Это Блэквуды невест воруют, а на наше добро покушаться нечего!

– «Ваше» добро пока ещё принадлежит дому Найтстар, – Ленора сурово поджала губы и скрестила руки на груди. – Так что прекращай очаровывать мою внучку, все знают, что Блэквуды есть гадюки из гадюк! Я забираю Лисандру в Старфолл!

– Никто никого никуда не забирает, леди Ленора, – услышала я знакомый вкрадчивый голос. Уже даже не вздрогнула – заметила краем глаза след чужой телепортации. Но обернулась, пожалуй, чересчур резко и тут же столкнулась со взглядом таких знакомых тёмных глаз. – Лили остаётся здесь. Разумеется, если вы не собираетесь брать Блэк-холл штурмом. Кстати, не советую – эти стены выдержали не одну осаду.

– Наглый мальчишка!

– И горжусь этим, – оскалился Рэй в той самой своей улыбке, от которой приходят в ужас все знакомые мне студенты Академии. Оскал кобры, не иначе. Впрочем, это выражение с его лица тут же слетело, стоило ему перевести взгляд на меня. – Лили, как себя чувствуешь?

– Спасибо, ло... – попыталась я обратиться к нему так, как подобает, но вдруг осеклась, – Рэй. Со мной всё хорошо. И у тебя чудесный дом.

– Дыра дырой, – отмахнулся Рэй небрежно, однако улыбнулся тепло, будто его порадовала моя похвала. – Но я работаю над этим. Вижу, ты уже познакомилась с моим отцом. Сочувствую.

– Лорд Фредерик был весьма учтив...

– Не верь ему. По сравнению с дражайшим батюшкой я – подарок Царицы.

– Да уж, подарочек... – хмыкнул лорд Фредерик.

– Вот, я как раз об этом! – красноречиво закатил глаза Рэй. – Предлагаю перенести торжественные семейные посиделки на вечер. Леди Ленора, вы присоединитесь?

– Как только доем Ливингстоуна – обязательно.

– Оставьте мне печень. Ну или легкие, на ваш выбор, а то мой ужин господином ректором был несколько скудноват. Лили, – он вновь повернулся ко мне, на плечо легла рука, вроде бы едва касаясь, но её тепло я почувствовала даже сквозь ткань платья, – прогуляемся?

– Конечно.

Глава 14

Старфолл – воистину неприступная крепость. Не такая, как у гадюк Блэквудов, а по-настоящему. Блэк-холл, конечно, можно осаждать до бесконечности, а потом, все же проломив многовековые стены, никого там не найти, потому что ушлые хозяева уж несколько месяцев как свалили из своего гнезда в Чашу, а незваных гостей кормили иллюзиями. До Старфолла же попросту никому не суждено дойти. Не зря это место строили Найтстары – кровь фейри, истинные некроманты, у которых мозгов явно побольше, чем у всяких болотных сидельцев. Строили основательно, на века, с умом – в неприступной расселине, всего с одной ведущей в замок тропой, удерживать которую можно хоть в одиночку. Сам же замок – высоко на скале, откуда уже полетало порядком недоброжелателей, которых гостеприимные и вежливые, в отличие от некоторых, Найтстары всё же пускали в свой дом.

Что, впрочем, не мешало некоторым гостям являться безо всякого приглашения.

Чужие каблуки застучали по каменному полу, мерно отстукивая шаг за шагом – так, как учила когда-то Ленора.

«Ты же лорд, мальчик», – говаривала она, проезжаясь палкой по излишне сутулой спине – мальчишка тогда был выше сверстников и жутко этого стеснялся. Ну, это если предположить, что Блэквудам вообще ведомо стеснение.

– Рэйнхарт, какими судьбами да без предупреждения? – Она обернулась на чужие шаги, окинула взглядом визитёра.

Уже давно не мальчишку, но высокого красивого мужчину, в которого, кажется, безвозвратно влюблена её внучка, кровь от крови Найтстаров. Нет, Ленора могла её понять – будь она сама лет на двадцать моложе (и не знай этого паршивца ещё с тех времен, когда он портил пелёнки), она бы и сама непременно в него влюбилась. Не зря Блэквуды – первые красавцы королевства...

– А оно мне нужно? – Чёрная бровь насмешливо взметнулась в ответ.

...и первые наглецы тоже.

– Всем нужно. Не думай, что если ты жрал с моего стола, то имеешь право являться сюда, когда тебе вздумается.

– Что, боитесь, увижу вас в дезабилье, миледи?

– О да, я же такая любительница дефилировать по Старфоллу в пеньюаре!..

Ленора махнула рукой в сторону кресел, приглашая присесть. Не обязательно было – ходить правильно Рэй, может, и научился, а вот с остальными манерами, достойными настоящего лорда, которым тот подвизается, были проблемы. Наглец, хам и сущий бесстыдник. В общем, самое оно, чтобы покорить пару-тройку тысяч женских сердец.

– Никогда не разбирался в повадках Найтстаров, – отозвался он. Садиться не стал, да и лицом был не слишком-то весел.

– Что случилось? – мигом нахмурилась Ленора – она знала этого мальчишку слишком хорошо и давно успела понять, что за маской злоязыкой сволочи нередко скрывается беспокойство, тщательно запрятанный страх... и гнев.

Блэквуды, мать их. Трупы и руины.

– Ливингстоун случился. С Академией, королевством... и с Лисандрой.

Начало уже было не слишком обнадеживающим, а вот продолжение... Перво-наперво, конечно, стоило изумиться – насколько же безмозглое потомство плодят чародеи? Напасть на девицу по фамилии Найтстар и думать, будто это сойдёт им с рук! Равно как и использовать против неё амулет, который явно входит в реестр запрещённых артефактов – тут уж даже Найтстаром быть не нужно, чтобы это понять.

По правде говоря, судьба светлых ублюдков Ленору не слишком взволновала – и без того понятно, что до конца года они вряд ли доживут, или фамилия Рэйнхарта не Блэквуд. Куда интереснее то, что из этой гадкой истории буквально торчат уши одной пресветлой сволочи.

Ушлый мерзавец Ливингстоун, место которому на дне самой глубокой пропасти Звездопадных гор, подверг опасности её внучку. Дочь Александра, законную наследницу Старфолла. Единственную наследницу, если уж начистоту – прощельга Тони Гилберт ясно дал понять, что умницу Лэндона под крыло Леноры не отдаст даже за

деньги. Не то чтобы она рвалась ему платить за внука, да и внучок тот, прямо сказать, хоть и достойный, но всё же слишком Гилберт...

В общем, стараниями бородатого таракана Уэйна и его светлых ручных крысок, дом Найтстар едва не лишился своей главной драгоценности, и одна только эта мысль довела Ленору до бешенства. Не говоря уже обо всём прочем.

– Итак, – нарочито спокойно выдохнула она, сложив руки на груди, – я узнаю обо всём этом только сейчас, потому что?.. Ну же, Рэйнхарт, я вся внимание! Потрудись, мать твою так, дать мне достойную причину не надрать тебе задницу, и нет, ты никогда не станешь слишком взрослым для этого!

– Помилуйте, миледи, вы годитесь мне в бабушки, – нет, каков нахал! – какие могут быть претензии? А если серьёзно...

Он прошёлся по кабинету, небрежно стёр несуществующую пыль с секретера, а потом вдруг резко стиснул кулак и смахнул-таки чернильницу со стола. Сине-черное пятно растеклось по камню в причудливом узоре, но почти тут же исчезло по щелчку пальцев.

– Бородатая тварь заслуживает смерти! – зашипел он так, что Ленора, будь она чуть более впечатлительной, непременно устрасилась бы. Но она лишь недовольно поджала губы и стиснула пальцы на подлокотниках кресла. – Жестокой и кровавой. А траханая Академия уже должна лежать в руинах – вместе со всеми светлыми сучатами, которые осмелились тронуть Лили! И не говори, что не хочешь сейчас того же!

– Хочу, – не стала отрицать она. Взмахнула рукой, призвала к себе графин с виски и два бокала, кивнула Рэю. Тот отказываться не стал, и плеснул себе и ей сразу на три пальца. Умный мальчик. – Но это всё ещё не объясняет, почему, во-первых, ты не удосужился мне сообщить, а во-вторых, почему Уэйн ещё коптит воздух. Он же коптит?

– Ещё как, – огрызнулся Рэй. – Потому и не сказал. Мне ли не знать, миледи, как эффектно вы умеете обстрипывать чужие безвременные кончины? А я не хочу, чтобы эта мразь подохла так быстро и бесславно. К тому же, – он снова потянулся к секретеру, но так и не нашёл, что бы ещё расколотить, – сначала в Пекло должны отправиться его светлые пособнички, все до единого. А вот потом, когда в его окружении не останется никого, тогда я выпотрошу

мерзавца голыми руками, и умирать он – я вам клянусь, миледи, – будет бесконечно долго.

Экспрессивно. И вполне в духе мерзавцев Блэквудов – Ленора и сама Блэквуд на четверть, так что вот это всё вполне могла понять. И бурлящую в жилах кровь и жажду кровавой мести. Ну и некоторую продуманность, несмотря на весь праведный гнев – убирая сначала сторонников, причиняешь своему недругу немало интересных минут.

– Миленько. С кого планируешь начать?

– Вы удивитесь, миледи, но с Палаты Лордов. Пройдоха Тони выторговал тёмным несколько местечек. Ливингстоун, трясущийся за свою жопу в кресле ректора, согласился крайне быстро.

Ленора в восхищении приподняла брови – зятёк, поначалу признанный бестолковым павлином с безмерной любовью к деньгам, начал подавать надежды. К пятому десятку лет, но что поделать – не все такие умные, как она. Или Блэквуд, скользкой змеей пробравшийся в королевский дворец.

– А что с Саммерсами?

Рэй неприятно скривился, сверкнул зловеще-зелёной аурой, но быстро взял себя в руки.

– У меня есть два варианта. Первый – сжить со свету Саммерсов-старших, а их сучью дочурку через годик-другой отправить на корм рыбам. Разумеется, вышибив из Академии с позором. Второй... – Он криво ухмыльнулся, отчего Ленора не передернула плечами только потому, что эту ухмылочку видела с самого детства Рэя. Когда так ухмыляется пятилетний малыш, впечатление ещё то. – С другой, я очень хочу посмотреть, как милашку Лорел затравят свои же. Светлые в бешенстве – такой позор на чародейские головы!..

Ленора хмыкнула, представляя – среди светлых ублюдков всегда было предостаточно, но большинство из них было ублюдками умными. Как Ливингстоун, при всем ее неуважении к нему. А потому не палились на всяких мерзостях.

Что ж, теперь спалились и этим проиграли на своем же поле милых безобидных лапушек, угнетаемых коварными темными.

– Но, – тем временем продолжал Рэй, – если вас это успокоит, я отыгрался на Чейз. И я буду не я, если к концу следующей недели старая стерва не вылетит из Академии, как пробка из бутылки игристого вина.

«Сразу в могилу», – мысленно добавила Ленора, припомнив чудесный пересказ речей Даниэллы. Право, пожалуй, хорошо, что Рэй не поставил её в известность сразу же – тогда Чейз, светлая правильная дура, которую Ленора ненавидела ещё со времен их совместного обучения, отошла бы в мир иной прямоком в учительской. Оправдание насилие заслуживает наказания не меньшего, чем само насилие.

Что ж, стоит признать, лорд из Рэя вышел и впрямь порядочный. Истинный Блэквуд, это да, но хотя бы в руках себя держать научился. И думать прежде чем делать – в отличие от его папеньки, горячего на всю голову.

– Ладно, признаю, ты не так уж и плох в интригах.

– Я в них отвратителен – возразил Рэй, снова наполнил бокалы виски и отпил. – Но у меня были хорошие учителя и неплохая компания.

– Это не значит, что я одобряю твою идею утащить Лисандру к себе в болото, – мстительно прибавила Ленора. На красивом лице всё же проступило лёгкое смущение. Впрочем, оно быстро исчезло, спрятавшись за гадючьей маской.

– Вполне себе значит – вы только что признали меня небезнадёжным, миледи. К тому же, уж простите, Блэквуды не возвращают украденное.

– А Лили в курсе, что её украли? Нет? Замечательно! Глядишь, девчонка одумается и найдёт себе приличного мужа. Например, Стефан Моргран – чудесный юноша!..

– Стефан Моргран предпочитает девицам тролльего сына Ричарда Фарли и не особо пытается это скрыть, – желчно поведал Рэй. – Кроме того, не припомню за ним склонности к самоубийству.

– Вот как? Ох, жаль. Ну да ладно, мало ли женихов на факультете? – в тон ему отозвалась Ленора, старательно сдерживая веселье. – Всех не распугаешь!

– Уверены в этом, миледи? – премерзенько откликнулся Рэй, вновь оскалившись. – Я, в какой-то степени распугал даже вас... И ничуть не жалею. А вы, уж будьте добры, сочтите за комплимент, пострашнее всяких малолеток.

– Не думай, что твоя лесть убедит меня дать благословение. Потому что нет – я не хочу черноволосых Найтстаров. У меня уже есть

неправильные внуки от поганца Тони, дай хоть правнуками правильными обзавестись!

– Ха, вот уж нет!

– Ты в этом так уверен? Зря, зря. У нас уже есть выводок белобрысых Гилбертов, и, признаюсь, было бы весело поглядеть на физиономию твоего папаша, когда в Блэк-холле заведутся белобрысые Блэквуды, – усмехнулась Ленора. А затем уже вполне серьёзно прибавила: – Лисандра – наследница Старфолла, единственное дитя моего Алекса, и ты должен понимать моё отношение к вашему возможному браку. Да, Рэй, возможному. Мне нечего будет сказать, если Лили согласится, но в противном случае я не подпущу тебя к ней на пушечный выстрел. Надеюсь, ты меня услышал? Так, ладно, с тобой разобралась, теперь на очереди бородатая скотина...

Лицо Рэя вмиг посерьезнело и приняло то самое выражение, из-за которого королевский дворец в своё время покинуло много светлых семеек. Гадюка и есть – ядовитая по жизни и невыносимо опасная в брачный период.

– Я никогда не стал бы принуждать женщину – девушку – быть со мной. Ни в постельном смысле, ни уж тем более в матримониальном. Лисандра в моём доме только потому, что она дала на то свое согласие. И станет моей женой она лишь в том случае, если согласится сама. Всё остальное – торг за будущих детей и мою вам выплату за неё – мы станем обсуждать только после этого, леди Найтстар. И да, разумеется мой дом открыт для вас в любой момент. Но Лисандру вы оттуда заберете только с её согласия.

Честно сказать, Ленора даже пришла в восхищение от этих слов. Блэквуд, конечно, та еще болотная гадюка – любой Блэквуд, не только Рэй. Но вот чего у этой семейки не отнять, так это поразительной чести, удивительным образом переплетающейся с на редкость сволочной натурой. До смерти опасные. До безумия преданные своим хоть трижды сомнительным, но идеалам.

Ответить на это было нечего. Разве что приласкать паршивца каким заклинанием попротивнее... Так сбросит же, ядовитый гад! Он, конечно, не истинный, но всё же некромант, с кровью разве что чуть более слабой, чем кровь Найтстаров. Тем и опасен.

Вместо проклятия Ленора только закатила глаза и потянулась к камню телепорта, что висел на шее. На мгновение перед глазами встал

Блэк-холл – место, где сейчас Лили, которая в ней наверняка нуждается, но она быстро воссоздала в памяти Академию. Не время бросаться страдать по внучке. Тёмные на то и тёмные, что сперва разбираются с врагами, а уж потом пускаются в трогательные рефлексии.

Вихрь телепорта вынес её прямиком к воротам Академии. Дурное правило, с которым она боролась вот уже который год, потихоньку наседая на совет попечителей. Благо у Найтстаров в должниках испокон веков ходило достаточно народу. Среди светлых в том числе – темные-то в их глазах, может, и погань, однако погань богатая и родовитая. Хочешь не хочешь, а споешься и раскланяешься лишний раз, чтобы не покупать втридорога камни из Сумеречных шахт да артефакты из кузниц Найтстаров. Дражайшие компаньоны, как называла их Ленора, её визитам, разумеется, рады не были, но несколько раз созывали совет вне очереди и пытались вразумить Ливингстоуна. Тот ныл и плакал себе в бороду, но телепортационный щит снимать отказывался. Мол, так будет лучше для безопасности.

Ну да, отличная безопасность, когда тяжелая артиллерия вроде Блэквуда, Леноры или условного Сангстера не может сходу попасть внутрь, а вынуждена торчать перед хлипкими воротцами.

– Не Академия, а цирк, – заключила Ленора, входя в упомянутые ворота.

Даже не думая осматривать местный пейзаж (чего она там не видела, за столько-то лет после своих бедовых детей и нескольких воспитанников), она перенеслась в ректорский кабинет. Можно было, конечно, сначала убедиться, на месте ли старина Уэйн, однако же Леноре было недосуг – в конце концов, она может подождать в его же расчудесном кабинете. Наверняка там отыщется что-нибудь интересное...

Увы, со шпионскими планами не свезло – Уэйн оказался на месте. Он сидел за своим столом и что-то лихорадочно напisyвал на желтоватом листе бумаги. Кусал губы, явно нервничал и даже на неё внимание обратил не сразу. Аж глазу приятно.

– Господин ректор, вы по мне скучали? – едко пропела она и сделал первый шаг, теперь уже с наслаждением слушая, как звенит каблук на каменной плитке. Потому что Ливингстоун от этого звука

вздрагнул как-то уж совсем неприлично, чуть не сбросил на пол лампу и несколько побледнел лицом.

– Леди Найтстар, как вы здесь?..

– Магией и молитвами Царице, – отозвалась Ленора, в несколько шагов – звонких, четких – преодолела расстояние между дверью и столом, по-хозяйски устроилась в светлом кресле. – Ну что, будем играть в леди и не-лорда или сразу приступим к выяснению, почему тебя, мудака, нужно сбросить в одну из моих шахт и заколотить все ходы?

– Леди Ленора, при всем уважении...

– О, так я леди? – притворно изумилась она. Скривила губы в ухмылке, провела пальцами по гладкой столешнице темного дерева. – Что-то к моему дражайшему... ладно, пусть будет троюродному племяннику, ты такого уважения не испытываешь. Впрочем...

Она махнула рукой, призвала к себе бокал и примеченный в углу графин с каким-то янтарным пойлом. Повела над ним пальцами и, убедившись, что никаких сюрпризов в напитке не имеется, под взглядом явно шокированного такой наглостью Ливингстоуна отлила себе на два пальца. Пригубила – шерри, сладкая гадость, но сейчас удивительно попало в настроение. И графин потом можно кинуть в чью-то башку.

– ...впрочем, я и не милашка Рэй, который тут с тобой разводит получасовые изящные беседы. – Ливингстоун на это даже смог хмыкнуть – зная Рэя, беседы те наверняка были крайне занимательные. – Так что давай начистоту и без экивоков: выполняешь несколько моих условий – и остаешься жить. Нет – не спасут тебя ни стены Академии, ни даже твои жалобы хоть самому Рыцарю. Понял меня?

Ливингстоун одарил её гневным взглядом, однако зря сотрясать воздух и толкать тирады в духе «что вы себе позволяете» не стал. Вместо этого он напустил на себя трагичный вид раненного в круп оленя и нарочито усталым тоном поинтересовался:

– Что конкретно вы от меня хотите?

– Заявление об увольнении от Даниэллы Чейз. Немедленно. Пинка под её тощий зад тоже, но так и быть, сделаю вид, что жалею болезную... – она задумалась, лениво отпила шерри. – Хотя нет, не жалею. Отвешу сама при первом же удобном случае.

– Что-то ещё? – скрипнул зубами Ливингстоун, но сопротивляться не стал – видимо, понял, что Чейз выпнут в любом случае, и лучше бы ему прекрасному хоть как-то к этому примазаться.

– Конечно, – Ленора благосклонно кивнула, допила остатки сладкой гадости, осевшей на языке, поднялась и уперлась руками в стол, наклоняясь вперед. – Ещё – это твоя отличная память, старая ты сволочь. Слушай и запоминай: я прекрасно знаю, что тот амулет, с помощью которого малолетним ублюдкам удалось обезвредить мою внучку, не мог попасть к ним просто так. Не без чьего-то участия со стороны...

– Амулет? О каком...

– Ты знаешь о каком амулете речь, – оборвала его она, с удовольствием проследив, как бледнеет еще сильнее лицо Уэйна. – А я знаю, кто может быть к этому причастен. Повторяюсь, я не Рэй. Старфолл неприступен, а я – кровь от крови Найтстар, а не какая-то там малахольная девица в беде. Так что единственная причина, по которой ты ещё жив – это твоё удобство. Которое, чтоб ты знал, уже почти исчерпано. И если с головы моей внучки упадет хотя бы ещё один волос – я лично вырву твой язык через твою задницу, после чего скормлю тело своим собакам. Понял меня?

– Прекрасно понял. Однако я не тот человек, которому стоит угрожать, Ленора, – хмуро произнёс Уэйн, смерив её на удивление расчётливым взглядом. – Я всеми силами желаю избежать конфликта, но не стоит принимать это моё желание за слабость и малодушие. Вынужден напомнить, моя леди, что за мной стоит немало влиятельных чародеев, которые охотно согласятся с тем, что вы, тёмные, определённо стали забывать своё место. Без сомнения, я ужасно виноват перед вашей внучкой и достойно накажу её обидчиков, но, во имя Зари, не испытывайте моё терпение! Видят звёзды, ползучий гадёныш Блэквуд уже потоптался на нём всласть, и я сыт по горло злобными, наглými, бессовестными чернокнижниками, пытающимися помыкать мной, точно вчерашним выпускником!

Ленора на минуточку даже восхитилась им. Seriously восхитилась, без всякого едкого сарказма – уж ей ли не знать, что до Старфолла ему и впрямь не добратся, а сжить со свету женщину Найтстар... Оно всегда так было: мужчины их семьи частенько умирали рано, как случилось это с её мужем, как случилось с

Александром. Женщины же самого сильного семейства Астрэ не зря считались завидными невестами. Не только из-за потрясающей плодовитости, но ещё и из-за магии. Фейри из Чащи – кажется, так их величают до сих пор.

Впрочем, минута прошла, и усмешка наползла на лицо сама собой.

– Как я уже сказала, я не Блэквуд, – припечатала она. И вдруг повела пальцами едва заметно, сжала в кулаке воздух... Ливингстоун тут же схватился за горло и живот, будто его душило сразу несколько веревок; попытался защититься и ответить, но в итоге оказался скован Каменной цепью. – Я не угрожаю, Уэйн. Я ставлю перед фактом. Ещё одна выходка, и Академия будет искать нового ректора. У меня всё.

Она сняла заклинания, с удовольствием посмотрела на то, как старый дурак пытается отдышаться.

– Захочешь сдать того, кто поставляет на рынок подобные амулеты – присылай свою птичку. Встречу как родную, угощу печеньем.

Она развернулась и направилась к двери. Но улыбнуться (ну или оскалиться, это как посмотреть) напоследок не забыла:

– Приятного вечерочка, мистер Ливингстоун.

Судя по всему, Блэк-холл понравился Лили. По крайней мере, я надеялся на это, пока вёл её по длинным коридорам, давно уже опустевшим, лишённым картин и прочего богатого убранства.

Разумеется, Старфолл понравился бы ей куда больше, в этом я уверен. Однако же нет никаких сомнений – едва она окажется там, вряд ли ей захочется вернуться. А я отпускать её в то соколиное гнездо на краю королевства знатно опасуюсь. Нет, не потому, что боюсь за безопасность Лили – не с Ленорой и не в Старфолле, осадить который не решился даже окончательно свихнувшийся Бенедикт. Просто опасуюсь, что её эксцентричная бабушка знатно промоет ей мозги и ни за что не позволит вернуться. А мне бы этого ой как не хотелось – в конце концов, ремонт я уже затеял, и хоть пока и сплю среди опилок, потому что собственную комнату отдал Лили, но к Середине Зимы все точно будет готово...

Так, соберись, Рэй. Ты обещал не давить, и ты не будешь этого делать. Ей всего лишь двадцать лет, а это точно не тот возраст, в

котором стоит заставлять девушку выходить замуж. Да, собственно, в любом возрасте не стоит это делать.

– Милое местечко, не правда ли? – поинтересовался я, когда мы вышли на балкон, с которого отлично просматривались окрестности, и особенно озеро, окружающее Блэк-холл. – Если вам интересно, миледи, моей предполагаемой родни в округе не водится.

– Зато водятся мантикоры? – с легкой полуулыбкой ответила она, вдруг протянув руку и коснувшись моей все ещё не зажившей щеки.

– Не здесь. Это Сангстеры развели у себя фейский заповедник. Всегда говорил Фионе, что её муж – исключительно неприспособленный к жизни тип. Впрочем, старине Тони я говорю то же самое.

– Не то что ты? – улыбнулась она, и от этой улыбки у меня внутри снова что-то затрепетало.

Я бы сказал, что бабочки, но увы, к подобной романтической чуши я склонен никогда не был. Возможно, пора подучиться?..

– В точку.

Ну а что, я и впрямь приспособлен к жизни получше прочих. Отвратительнее меня в этом плане разве что Тони – Гилберты выживут где угодно и кого угодно же сосватают, если понадобится. Полезные таланты.

Я, впрочем, куда лучше убиваю. Тоже отличный жизненный навык в нашем чудном мире.

– Скажи, Рэй, – вдруг позвала Лили, коснувшись моей руки. Она закусила губу, и я понял, что вопрос, который она хочет задать, мне совсем не понравится. – Почему мы здесь? Разумеется, я помню угрозы о башне...

– О подвалах, – поправил я. – В Блэк-холле я обещал вам подвалы и библиотеку. Одно обещание уже выполнил.

Она улыбнулась и будто бы расслабилась. Не люблю, когда девушки смущаются или озадачиваются – разводить всю эту трогательную чепуху я никогда не умел.

– Ты понял, о чём я.

– Прекрасно понял. Но не уверен, что ты... захочешь это слушать. А меня, знаешь ли, уже просветили, что я кругом неправ и начал не с того края. Так что... как насчёт прогуляться по окрестностям? Говорят,

в приличном обществе именно с этого положено начинать общение с прекрасной девушкой.

– С прогулок по болотам с мантикорами? Сэр, у вас странные представления о свиданиях.

– О, а у нас свидание? – хмыкнул я и вновь подставил ей локоть. – И нет, в этих болотах живут русалки. Жуткие твари, но поют превосходно. Подумываю отловить одну и поселить в аквариуме в своих академских покоях. Что думаешь об этом?

– Русалки тут, надеюсь, плотоядные? – деловито уточнила Лили. – Тогда лучше подарить диковинную зверушку господину ректору. И проследить, чтобы он совершенно случайно грохнулся в аквариум.

Я искренне позабавился – настолько изобретательный способ убийства, признаться, прежде не приходил мне в голову.

– Что, настолько надоела его болтовня?

– Безмерно, – откликнулась она чуть ворчливо. – Не успел за тобой схлопнуться портал, а мне уже пришлось выслушивать пространные причитания о том, как коварный и безнравственный лорд Блэквуд желает злоупотребить своим положением и воспользоваться моей... как же там... а, юностью и неопытностью! – Лили возмущённо фыркнула и тряхнула волосами. – До чего же двуличный, скользкий, напыщенный старикашка! За дуру он меня держит, что ли?

Нет, Лили, за дураков он держит всех нас. Однако помнит, что дураки мы не до конца набитые, а потому играет в эти свои игры. Сочувствую старикашке – даже юная невинная девица уже не проникается речами, что уж говорить о ком-то вроде меня, Тони или Леноры?

– Ну разумеется, я желаю, – решил закрыть тему о Ливингстоуне. Надоел безмерно, стоит запомнить план Лили с плотоядным подарочком. – Вопрос только в том, желаешь ли этого ты. Возвращаясь к тому, как качественно мне выносили мозги мои родственнички: я, по их мнению, кругом идиот и излишне давлю на тебя. Это так?

Лили нахмурилась, чуть поджала губы, точно и «да» не хочет говорить, и «нет» с чистой совестью сказать не может.

– Что, если дело не в тебе, а во мне? В какой-то момент до меня дошло, что ты серьёзен, и... меня это напугало. Не ты, конечно. Замужество. Всю жизнь мне твердили, что я стану женой лорда и матерью его детей, но когда я была помолвлена с Робертом, это всегда

было где-то в далёком будущем. А теперь... теперь я поняла, что не готова быть чьей-то леди-женой, и меня приводит в ужас мысль о том, чтобы стать матерью. Великие звёзды, мне всего лишь девятнадцать, а в мире столько всего интересного! Куда интереснее, чем киснуть над вышивкой в дурацком замке, вести хозяйство и рожать детей своему господину! – Она осеклась, взглянула на меня виновато и, потупившись, удручённо прибавила: – Прости, Рэй. Я и впрямь дура. Нормальная девушка была бы на седьмом небе от счастья, что ты хочешь оказать ей такую честь, а я тут ною, жалуясь и ворочу нос. Права была долбанутая Бекки: со мной и впрямь что-то не так.

Так вот, значит, какое у неё представление о нашей семейной жизни? Проклятье... Желание накрыть лицо ладонью я всё же подавил. И ругать себя в очередной раз не стал – прочих советчиков с нотациями хватило. Молча подхватил её под локоть, провёл дальше по балкону.

– Посмотри, Лили. Посмотри внимательно и ответь мне честно – это место хоть немного похоже на то, в котором девица будет занята вышивкой? Вон там, – я махнул ладонью в сторону утопающего в неестественно темном для такого солнечного дня тумане леса, – начинаются земли темных фейри. Тех самых, от которых пошел мой род. Дальше, за ним – врата в Пекло. То самое, из которого выродились родственнички твоей подруги Октавии. За тем милым лугом начинаются владения Сангстеров. С мантикорами, вампирами и прочей интересной живностью. Клянусь, Лили, тебе не грозит вышивка в браке ни с одним из нас. Скорее уж убийства, кровь и смерть. Но если тебе этого мало, вспомни Фиону или свою тётушку – похожи они на благообразных примерных дочек?

Лили на столь многословную речь только мотнула головой после недолгого промедления. Даже засмушалась – на светлой коже мигом расцвёл прелестный румянец.

– Эта твоя Бекки – дура, каких поискать. И слишком светленькая, чтобы знать, что есть такое брак между тёмными. Но, – я все же выпустил её руку из своей, оперся на перила, всмотрелся вдаль, – в этом всё есть моя вина. В том, что ты так думаешь. Я настойчив, нетерпелив и яростен... словом, Блэквуд. Для меня будет честью брак с тобой, но детей, вышивок и прочих радостей совместного проживания, если ты того сама не захочешь, я от тебя требовать не

стану. Ни сейчас, ни через десять лет. Но обещать, что не буду настаивать на помолвке, не стану тоже. Потому что да, я настаиваю, и снова да, я определённо влюблён в тебя, Лисандра Найтстар.

А влюбленный Блэквуд – тварь опасная и крайне ядовитая. Этого я, правда, озвучивать не стал – данную прописную истину без того знают все вокруг.

– Пойми, это просто идёт вразрез со всем, чему меня учили! – выпалила Лили чуть сердито, а я невольно улыбнулся – уж очень потешно она злится всякий раз, как не может понять чего-то. – Ты же не какой-то там младший сын среднего брата – ты целый распроклятый лорд Блэквуд! Твоему дому нужна хозяйка, а тебе – наследник!

– Нет уж, моя дорогая, – протянул я, откровенно забавляясь, – мне нужна жена, и нужна она мне лишь по одной, ужасно непрактичной причине – по любви. Дом до сих пор как-то не рухнул и, вероятно, всех нас переживёт, а наследник... Пекло, Лили, я женюсь на красивой девушке не для того, чтобы у меня её тут же похитили мои же гипотетические дети!

– Но если с тобой что-то случится...

– ...значит, лордом Блэквудом станет мой племянник, а я буду редкостным болваном, который бездарно убился об какую-то фигню, оставив вдовой самую красивую девушку во всём королевстве.

– Ой, всё, ладно, я сдаюсь. Ты просто невозможен! – заявила она. – Сама себе не завидую.

– Это ещё почему?

– Потому что меня угораздило полюбить самого несносного мужчину во всём королевстве, – Лили сокрушённо покачала головой, а затем подарила мне ту самую улыбку, нежную и сияющую, от которой у меня напрочь отшибало мозги, точно я не «целый распроклятый лорд Блэквуд», а какой-то дурной старшекурсник. – И я, очевидно, настолько от него без ума, что согласна терпеть его премилый гадючий нрав всю оставшуюся жизнь.

Ну вот и как можно ответить на подобное признание? Разумеется, только поцелуем. Из тех, что приличными не назвать совсем, и из тех, с которыми, наверное, не лезут к непросватанным девушкам. Не прижимают их к себе, силясь сделать так, чтобы и дюйма свободного пространства не осталось; не запускают руку в роскошные волосы

цвета лунного золота, которые на ощупь точно такие же, как и на вид – мягкие и шелковистые, будто и не человеческие вовсе. Не ловят с удовлетворением тихие стоны, срывающиеся с полных губ.

Лисандра Найтстар – прекрасна. А теперь ещё и абсолютно точно, с полного своего согласия принадлежит мне. Ну, почти. Но я, как это водится у чернокнижников, тот ещё врун.

В сфере своей непрактичности, не в чем-то ещё.

Потому что страдания страданиями, однако же накануне душещипательных разговоров с девушками всегда стоит иметь запасные варианты. Кружевной платочек, противоядие от наколдованных фурункулов, ну или в моём случае – кольцо. Без бархатной коробки и ленточек, зато с искренними намерениями надеть его на Лили как можно быстрее.

– Вы всегда можете свести меня в могилу, моя леди, если я вам опостылю, – улыбнулся я, с трудом заставив себя отстраниться от неё.

За тем самым кольцом потянулся в карман, в последний момент передумал вставить на одно колено, точно куртуазный рыцарь – не моя тема. Но за руку её взял и легонько коснулся губами тыльной стороны ладони.

– После такого? – она улыбнулась в ответ, легонько скользнула пальцами по моей щеке. – Нет уж, не дождетесь, мой лорд. Мы ещё даже не женаты, а вы уже мыслите меня вдовой!

– Я просто стараюсь быть рациональным. Но если уж вы и в самом деле не имеете ничего против моего сомнительного общества, тогда, быть может, на сей раз не станете отказываться выйти за меня?

– Да разве ж вам откажешь, – проворчала она, но теплота и искренняя радость в голосе были настолько неподдельными, что я без всякий больше сомнений схватил её за запястье и потянул на себя.

Надел ей на палец кольцо, которое тут же приняло нужный размер – спасибо магии за это; снова коснулся её ладони губами.

– Я бы всё равно тебя похитил. Старфолл, конечно, местечко поинтереснее моих владений, но ради тебя я бы постарался.

– И что теперь? – поинтересовалась она, вдосталь налюбовавшись кольцом – не семейная реликвия, новое. Лили не заслужила всякого старья.

– А теперь, – я протянул ей руку, предложил локоть, – я положу мир к твоим ногам, Лисандра Найтстар.

– Прямо-таки весь? Милорд, да в вас умер завоеватель.

– Весь, да ещё Чашу и Пекло на закуску, – пообещал я. – Начнем с Веспераса. Вы не против?

– С вами – куда угодно, Рэйнхарт Блэквуд.

Спустя мгновение нас поглотил тёмный вихрь моего телепорта. Пришла пора познакомить мир с самой прекрасной женщиной, которую он только мог увидеть.